

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 6 том - «Анжелика в любви». Перевод также публиковался под заголовком «Анжелика и Рескатор». Перевод с англ. Н. Л. Неизвестного
Изд-во Рост. гос. ун-та (Ростов н/Д), 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
 - [Глава 1. Анжелика у ложа раненого Берне](#)
 - [Глава 2. Спор Рескатора с Анжеликой](#)
 - [Глава 3. Берне делает предложение Анжелике](#)
 - [Глава 4. Анжелика проводит ночь у Рескатора](#)
 - [Глава 5. «Я заклеямена королевской лилией!»](#)
 - [Глава 6. Человек-загадка](#)
 - [Глава 7. Рескатор снимает маску](#)
 - [Глава 8. Улыбка Рескатора](#)
 - [Глава 9. Обманчивые надежды](#)
 - [Глава 10. Жоффрей де Пейрак в раздумьях](#)
 - [Глава 11. Соперники](#)
 - [Глава 12. Страдания Анжелики](#)
 - [Глава 13. Онорина бросается в море](#)
 - [Глава 14. Перед картой будущей Америки](#)
 - [Глава 15. Чудесное спасение графа де Пейрака](#)
 - [Глава 16. Наваждение любви](#)
 - [Глава 17. Анжелика извиняется](#)
 - [Глава 18. Исцеление опального графа](#)
 - [Глава 19. Граф де Пейрак на Средиземном море](#)
 - [Глава 20. Исчезновение Бертиль](#)
 - [Глава 21. Покушение Абдуллы](#)
 - [Глава 22. Казнь на борту «Голдсборо»](#)
 - [Глава 23. Возрождение любви](#)
 - [Глава 24. Подозрительное оружие](#)
 - [Глава 25. Великодушная женщина](#)
 - [Глава 26. Кантор](#)
 - [Глава 27. Бойня в Менкесе](#)
 - [Глава 28. Ночь любви после бури](#)
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1. Рескатор в руках протестантов](#)
 - [Глава 2. Убийство старого доктора](#)
 - [Глава 3. Флоридское течение](#)
 - [Глава 4. Посредничество Анжелики](#)
 - [Глава 5. Рескатор посылает лоцмана](#)
 - [Глава 6. Триумф Рескатора](#)
 - [Глава 7. Анжелика спасает мятежников](#)
 - [Глава 8. Волшебные острова](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 1. Судьба рошельцев](#)
 - [Глава 2. Лагерь Шамплена](#)
 - [Глава 3. Нападение «койотов»](#)
 - [Глава 4. Великий самагор Массавы](#)
 - [Глава 5. Жоффрей де Пейрак влюблен](#)
 - [Глава 6. Ночь откровений](#)
 - [Глава 7. «Познакомьтесь с моей женой!»](#)
 - [Глава 8. Берне мучают угрызения совести](#)
 - [Глава 9. Счастье](#)
 - [Глава 10. Последний сюрприз](#)
 - [Глава 11. «Ты принадлежишь нам»](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПУТЕШЕСТВИЕ**

Глава 1. Анжелика у ложа раненого Берне

Как и все грузовые корабли, «Голдсборо» не был приспособлен для перевозки пассажиров. Помещение под полубаком, хотя и было достаточно просторным, предназначалось для экипажа. Поэтому эмигрантов разместили на нижней палубе прямо на закамуфлированной батарее. На верхней палубе было еще светло, но здесь, внизу, только розовые блики из открытого бортового люка чуть рассеивали кромешную тьму.

Едва Анжелика вошла, дети и друзья в горячем порыве окружили ее.

— Госпожа Анжелика! Вас уже считали погибшей, утонувшей...

И тут же посыпались жалобы:

— Мы тут ничего не видим... Нас держат под замком, как пленников...

Дети хотят спать и есть...

В темноте Анжелика узнавала их только по голосам. Абигаиль перекрикивала всех:

— Мэтр Берне требует ухода: он опасно ранен!

— А где же он? — спросила Анжелика, упрекая себя за невнимательность.

Ее проводили к месту под открытым люком, где лежал Берне.

— Мы думали, что свежий воздух ему поможет, но он не приходит в себя.

Анжелика опустилась на колени перед раненым. Она с трудом смогла рассмотреть его лицо, поразившее своей бледностью и застывшим выражением страдания, которое сохранилось даже в бессознательном состоянии. Он медленно и тяжело дышал.

«Его ранили, когда он защищал меня!» — подумала Анжелика.

Нельзя было без волнения смотреть на него, богатейшего купца Ла-Рошели, лишенного сил, с обнаженной мощной, заросшей, как у простого грузчика, грудью, — страдания уравнивают всех.

Товарищи Берне помогли ему, как могли: разрезали черный, пропитанный кровью редингот и сделали из рубашки повязки на раны.

Анжелика с трудом узнавала его. Различие между уважаемым негодичником-гугенотом, сидящим за письменным столом над торговыми книгами в прекрасно обставленном магазине, и этим человеком, растерзанным и беспомощным, было потрясающим. Странно, но у нее промелькнула шальная мысль, совсем уж неуместная в такой обстановке: «А ведь он мог стать моим любовником...»

Вдруг Анжелике показалось, что Берне ей очень близок и дорог, и с возрастающим волнением она нежно коснулась его рукой.

— После того, как его принесли сюда, он разговаривал или хотя бы шевелился?

— Нет, но его раны не показались нам опасными. Удар палаша задел плечо и грудь справа. Кровотечение было небольшим.

— Необходимо срочно что-нибудь предпринять!

— Но что?! — раздался пронзительный голос Альберта Перри. — У меня нет ни слабительного, ни клизмы... Где аптекарь поблизости, чтобы послать к нему за травами?

— Вы могли бы, по крайней мере, прихватить с собой перевязочную сумку, мэтр Перри, — сказала Абигаиль с несвойственной ей горячностью. — Неужели это трудно было сделать!

— Как... как вы можете обвинять меня в том, что я бросил инструменты, когда без всяких объяснений меня подняли с постели и притащили на этот корабль чуть ли не в одной рубашке и ночном колпаке, не дав даже как следует раскрыть глаза. И вообще, в случае с Берне я немного стою — я же не хирург!

Лорье, умоляюще посмотрев на Анжелику, в отчаянии произнес:

— Неужели мой отец должен умереть?

Со всех сторон к ней тянулись чьи-то руки, может быть, Онорины, Северины, Мартьяля или матерей, обеспокоенных будущим своих детей.

Мадам Каррер непрерывно повторяла:

— Дети хотят пить!

К счастью, ребята не были очень голодны, так как булочник великодушно роздал свои припасы — хлеб и булки, которые он, в отличие от доктора, хладнокровно прихватил с собой на корабль, так что его бегство не заставило краснеть.

— Если эти разбойники не принесут нам свет, я вышибу дверь! — завопил вдруг Маниголь из темноты.

Словно в ответ на этот громовой голос в дверях появились матросы, освещенные светом трех больших фонарей, которые они повесили по углам и в центре батареи. Затем они вернулись к порогу, втащили огромный чан, испускавший аппетитный запах, и ведро с молоком.

Это были два мальтийца, которые уже однажды сопровождали Анжелику. Несмотря на их несколько свирепый вид из-за смуглых лиц и черных блестящих глаз, она поняла, что это хорошие люди, если только так можно назвать членов пиратского экипажа. Приглашающим жестом они показали на чан.

— А как нам прикажете есть? — возмущенно закричала мадам Маниголь. — Вы думаете, что мы будем лакать это, как свиньи, из одного корыта? У нас нет ни одной тарелки.

Вспомнив о своем фаянсе, разбитом в песчаных дюнах, она истерически зарыдала.

— Ах, все это не важно, — сказала добрейшая мадам Каррер, — как-нибудь обойдемся.

Но и сама она была в затруднительном положении, так как могла предложить только одну чашку, чудом попавшую в ее тощий узелок.

Анжелика попыталась объяснить матросам создавшуюся ситуацию, подбирая запомнившиеся слова из их жаргона. Матросы в замешательстве почесали затылки. Дело в том, что миски и вообще посуда были для экипажа большим вопросом. Но все же, уходя, они пообещали уладить это дело.

Сгрудившись вокруг чана, пассажиры строили догадки о его содержимом.

— Рагу из овощей...

— Во всяком случае, еда свежая.

— Здесь не видно ни сухарей, ни солонины — обычной морской еды.

— Все это они, конечно, награбили на берегу. Я слышал, как в трюме под нами хрюкают свиньи и блеют козы.

— Нет, они их у нас купили и заплатили звонкой монетой. С ними можно иметь дело.

— А кто это говорит? — спросил Маниголь, когда до него долетели последние слова.

На свет выступили два длинноволосых худых крестьянина и их жены, за которых цеплялось с полдюжины оборванных ребятишек.

— А откуда вы здесь взялись?

— Мы гугеноты из деревни Сен-Морис.

— Что вы тут делаете?

— Добрый господин, когда все побежали к берегу, и мы побежали. Все садились на корабль, и мы тоже. Думаете, нам хотелось попасть в лапы королевских драгун? Они бы нас приняли за вас. Мы же торговали с пиратами.

— Нас стало еще больше! — вскричал разгневанно Маниголь. — Еще бесполезные рты, требующие пищи.

— Но, мой милейший, — сказала Анжелика, — я должна заметить, что пока эти хлопоты не возлагаются на вас. Благодаря же этим крестьянам у вас есть ужин, приготовленный из свинины.

— Но, когда мы будем на островах...

Вмешался пастор:

— Крестьяне, которые умеют обрабатывать землю и ухаживать за животными, никогда не будут в тягость колонии эмигрантов. Братья мои, добро пожаловать к нам!

Люди расступились, чтобы дать место беднякам.

Для каждого в этом первом вечере на незнакомом судне, увозившем их навстречу новой жизни, было что-то нереальное. Еще вчера они с тревогой засыпали в своих жилищах, а сегодня обрели покой, ибо путешествие избавило беглецов от опасности.

Пожертвовав всем, люди надеялись на дело, которое принесет им новые богатства. Монотонное укачивание ночного океана заставило их забыть о мирской суете, превратив бесплотные души на ладье Харона. Женщины поочередно начали поить детей из единственной чашки мадам Каррер. Это было нелегко, так как с наступлением ночи качка усилилась.

Анжелика снова опустилась на колени перед мэтром Берне. Взгляд, брошенный в сторону Онорины, успокоил ее: девочка одна из первых получила молоко, а сейчас тайком подцепила несколько кусочков мяса из супа. Да, Онорина нигде не пропадет...

Состояние купца стало главной заботой Анжелики. К ее беспокойству прибавились угрызения совести и чувство благодарности к этому мужественному человеку, который принял на себя удар сабли, нацеленной на нее и Онорину.

Сейчас при свете фонарей Анжелика ясно видела восковую бледность его лица. Эта бледность и глубокий обморок беспокоили ее.

Когда двое матросов принесли дюжину мисок и роздали их пассажирам, Анжелика подвела одного из них к Берне и попросила помочь раненому. Матрос безучастно пожал плечами:

— Мадонна! Среди нас тоже есть раненые, но их лечат двумя испытанными «лекарствами»: ромом и порохом, чтобы промыть и прижечь раны. А в остальном полагайтесь на деву Марию.

Анжелика тяжело вздохнула. Что же делать? Она перебрала в памяти все, чему, будучи хозяйкой дома и матерью, обучалась у знахаря, и чем потом лечила раненых во время мятежа в Пуату. Но под рукой ничего не оказалось. Маленькие свертки с лекарственными травами лежали на дне ее сундука в Ла-Рошели, и не о них она думала в момент бегства.

Анжелике показалось, что неуловимая дрожь пробежала по лицу Габриэля Берне, и она склонилась к нему, внимательно всматриваясь в изменившиеся от страданий черты. Раненый шевельнулся, плотно сжатые

губы приоткрылись, жадно хватая воздух.

«Неужели он умирает?» — подумала Анжелика.

Ледяная дрожь пробежала по ее телу. Значит, их путешествие началось под недоброй звездой? Не останутся ли горячо любимые дети без защиты из-за ее ошибки? А она сама? Ведь она уже привыкла считать Габриэля своей опорой. В момент, когда рвались все оковы, мысль об утрате его была невыносимой. Только не он! Это был верный друг, и он любил ее.

Анжелика приложила руку к покрытой холодным потом груди Берне. Ее охватило страстное желание вернуть его к жизни, влить в него силу, вновь обретенную вместе со свободой.

Раненый вздрогнул. Трогательная нежность этой женской руки пронзила его тело и вернула из небытия. Он шевельнулся, слегка разомкнув веки. Анжелика жадно ловила его взгляд. Будет это взгляд умирающего или человека, возвращающегося к жизни?

Все волнения, казалось, были уже позади, когда мэтр Берне открыл глаза, силы медленно возвращались к нему. Несмотря на глубокий обморок, его взгляд был глубоким и пронизательным. Несколько мгновений он был обращен к слабо освещенному своду, затем упал на бледное лицо Анжелики.

В то же время она заметила, что раненый еще не совсем владел собой, ибо никогда, даже в тот трагический день, когда они были зажаты во вражеском кольце и он нес ее на руках, его взгляд, обращенный на нее, не был таким пламенным. В одно мгновение Анжелика поняла то, в чем он, может быть, так и не решился бы признаться, — всепоглощающую любовь к ней!

Заклученный в твердый панцирь морали, неудержимый источник любви мог пробиться только сейчас, когда Берне находился между жизнью и смертью.

— Госпожа Анжелика, — тихо позвал он.

— Я здесь, — прошептала она.

«Слава Богу, — подумала она, — что никто ничего не видел, может быть, кроме Абигаиль»...

Девушка, стоя на коленях, молилась.

Габриэль Берне потянулся к Анжелике, но тотчас же застонал и веки его снова сомкнулись.

— Он шевелился, — пробормотала Абигаиль.

— И даже открыл глаза.

— Да, я видела.

Губы раненого снова слегка дрогнули.

— Госпожа Анжелика... где мы?

— В море... Вы ранены...

Берне опять закрыл глаза, но это уже не вызвало беспокойства у Анжелики. Как и тогда в Ла-Рошели, когда вечерами Габриэль засиживался над книгами и она приносила ему то чашку бульона, то бокал теплого вина, укоряя за то, что он подрывает свое здоровье постоянным недосыпанием, Анжелика чувствовала ответственность за него.

Она ласково погладила его широкий лоб. Желание сделать это возникало у нее еще в Ла-Рошели, когда она ощущала за его показным спокойствием тревогу и озабоченность. Теперь это можно было себе позволить.

— Я здесь, мой дорогой друг... Не двигайтесь.

Она прикоснулась к слипшимся волосам и, отдернув Руку, увидела на ней кровь. Значит, Берне был ранен еще и в голову. По всей вероятности, это и было причиной такого долгого беспмятства. Но при хорошем уходе и должном внимании больной сумеет быстро выкарабкаться.

Анжелика выпрямилась, и тут же ее поразила странная тишина, царившая в помещении. Разговоры вокруг чана с супом были прерваны, и даже дети молчали.

Оглянувшись, она почувствовала, как волна крови ударила в голову: в ногах раненого стоял Рескатор. Как долго он здесь? Повсюду, где появлялся Рескатор, возникала гнетущая тишина враждебности или недоверия, которую невольно вызывала черная маска, прятавшая его лицо.

И снова Анжелику волновал вопрос, кем он может быть в действительности? Она не могла объяснить ту тревогу, тот страх, которые охватывали ее при его приближении.

Анжелика не заметила, когда Рескатор вошел, а другие тем более, судя по их оцепеневшим изумленным лицам. Гугеноты, видно, считали хозяина корабля чуть ли не наместником дьявола.

Рескатора сопровождала диковинная персона — высокий худой мужчина в белом платье, украшенном вышивкой. Казалось, лицо его было высеченным из камня и затем обтянуто старой темной кожей. Завершал картину устрашающий нос, на котором сверкали стекла громадных очков в черепаховой оправе. В конце дня, столь насыщенного событиями, эта фигура казалась порождением кошмара. И сам Рескатор в неверном свете ламп усиливал всеобщее беспокойство.

— Я привел вам своего арабского врача, — произнес он приглушенным голосом. Казалось, он обращался к выступившему вперед

Маниголю, но Анжелика почувствовала, что он говорит это только ей.

— Я так вам благодарна!

Альберт Перри заворчал:

— Арабский врач! Не хватало еще, чтобы...

— Вы можете довериться ему, — запротестовала Анжелика. — Арабская медицина — древнейшая и самая совершенная в мире.

— Благодарю вас, мадам, — ответил старик, взглянув с еле уловимой иронией на своего рошельского коллегу. Говорил он по-французски очень чисто.

Врач наклонился и проворными руками ощупал раны пациента. Тот зашевелился. Внезапно, когда этого меньше всего ожидали, мэтр Берне приподнялся и сказал раздраженным голосом:

— Пусть меня оставят в покое! Я никогда не болел, не собираюсь этого делать и сегодня.

— Вы не больны, а ранены, — сказала Анжелика, нежно обняв его за плечи, чтобы поддержать.

Доктор обратился к Рескатору по-арабски. Раны, сказал он, хотя и глубокие, — не опасны. Только рана на голове требует более длительного лечения. Но, очевидно, последствием сабельного удара будет только слабость, которая вскоре пройдет.

Анжелика наклонилась к Габриэлю, чтобы перевести ему обнадеживающую новость.

— Он говорит, что через несколько дней вы будете на ногах.

Берне недоверчиво посмотрел на нее.

— Вы понимаете арабский?

— Разумеется, госпожа Анжелика знает арабский, — ответил Рескатор. — Неужели вы не слышали о том, что она в свое время была одной из самых знаменитых невольниц Средиземного моря?

Это развязное замечание было для Анжелики подобно удару в спину. Но она сдержала себя, потому что не совсем была уверена, что правильно расслышала слова Рескатора, показавшиеся ей столь отвратительными.

Не имея ничего другого под рукой, она укрыла мэтра Берне своим плащом.

— Сейчас доктор принесет лекарства, которые успокоят боль. И тогда вы уснете.

В ее спокойном голосе проскользнула дрожь затаенного гнева.

Высокая фигура Рескатора возвышалась над людьми, застывшими в напряженной тишине. Когда он повернул к ним лицо, закрытое черной кожаной маской, протестанты невольно отпрянули. Рескатор, устремив

взор на белые чепчики женщин, снял украшенную перьями шляпу и приветствовал представительниц прекрасного пола с изысканной галантностью.

— Сударыни, я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам: добро пожаловать на мой корабль! Я очень сожалею, что не в состоянии предоставить вам большего комфорта. Увы, мы вас не ждали. Надеюсь, что это путешествие не будет для вас слишком тяжким испытанием. А теперь, сударыни, позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Даже Сара Маниголь — хозяйка салона, в котором собиралась вся рошельская знать, не смогла выдать ни слова в ответ на это светское обращение.

Необычный облик говорившего, повелительный тон, придававший словам оттенок не то угрозы, не то насмешки, ошеломил женщин. Они испуганно смотрели на него. А когда Рескатор, еще раз поклонившись, направился в сопровождении доктора к выходу, какой-то мальчик закричал от страха, спрятавшись в юбках матери.

Но тут Абигайль, осмелев, заговорила сдавленным голосом, обращаясь к хозяину корабля:

— Мы благодарны вам, монсеньор, за добрые пожелания и еще более за наше спасение. Отныне в этот день мы будем благословлять своих спасителей.

Рескатор обернулся. Его таинственная фигура вновь показалась из полумрака. Подойдя к побледневшей Абигайль, он дотронулся рукой до щеки девушки и слегка повернул ее голову к свету.

Улыбаясь, Рескатор изучал нежное лицо Абигайль, всматриваясь в ее светлые, умные глаза, расширенные от волнения. Наконец сказал:

— Жители Антильских островов с большой радостью воспримут появление таких красавиц. Но сможет ли по достоинству оценить Новый Свет то богатство чувств, которое вы ему принесете, душенька? Я надеюсь, что да! А в ожидании этого спите спокойно и перестаньте беспокоиться о судьбе этого раненого.

Небрежным жестом он указал на мэтра Берне.

— Я могу гарантировать, что он уже вне опасности.

Произнеся последние слова, он повернулся и вышел.

Когда дверь, ведущая на нижнюю палубу, захлопнулась под напором морского бриза, свидетели этой сцены все еще не могли прийти в себя.

— Мне кажется, — сказал наконец часовщик мрачным голосом, — что этот пират — сатана собственной персоной.

— Как вы, Абигайль, набрались мужества, чтобы заговорить с ним? —

послышался взволнованный голос пастора. — Привлекать внимание подобного человека очень опасно, дочь моя!

— А этот намек, который он сделал о жителях островов, готовых воспользоваться... тьфу, какая непристойность! — сказал бумажный фабрикант Марсело, поглядывая на свою дочь Бертиль в надежде что она не поняла, о чем идет речь.

Абигайль от смущения закрыла ладонями горящие щеки. Еще никогда с ней, благоданной девушкой, не мнившей себя красавицей, ни один мужчина не позволял подобной вольности.

— Мне... мне кажется, что мы должны быть благодарны ему, — сказала она, запинаясь. — Кто бы он ни был, он рисковал из-за нас и своим кораблем, и своими матросами, и даже своей жизнью!

Взгляд ее скользнул по тому месту, где стоял Рескатор, и остановился на мэтре Берне.

— Но почему он сказал это?! — вдруг вскричала она. — Почему он это сказал?

Абигайль закрыла лицо руками и разразилась рыданиями. Пошатываясь от волнения, она прошла сквозь обступивших ее людей и бросилась в угол у пушечного лафета в надежде остаться одной.

Слезы всегда безмятежной Абигайль послужили сигналом для остальных женщин. Их долго сдерживаемое напряжение вылилось в поток рыданий, которые помогли смыть воспоминания о страхе, пережитом во время бегства и погрузки на корабль. Молодая беременная женщина в истерике билась головой о перегородку, повторяя:

— Я хочу вернуться в Ла-Рошель... Мой ребенок умрет...

Муж безуспешно пытался ее успокоить. Тут решительно вмешался Маниголь, привлекая всеобщее внимание:

— А ну, женщины, немного потише! Дьявол он или нет, но он прав: мы измучены и нам надо спать! Перестаньте кричать! Предупреждаю, кто не перестанет кричать, получит ведро холодной воды за пазуху, — добавил он добродушно.

Воцарилась полная тишина.

— А теперь помолимся, — сказал пастор, — ибо, смертельно усталые, мы до сих пор только жаловались, но не подумали возблагодарить Всевышнего за спасение!

Глава 2. Спор Рескатора с Анжеликой

Анжелика воспользовалась общим замешательством, чтобы выскользнуть на верхнюю палубу. Поднявшись по небольшой лестнице, она остановилась у ближайших перил борта корабля. Дул пронизывающий, насыщенный соленой влагой ветер, но она, охваченная возмущением и гневом, не чувствовала холода.

Раскачивающиеся на мачтах фонари плохо рассеивали тьму, однако Анжелике удалось разглядеть препятствие, оказавшееся основанием грот-мачты, а позади — красные витражи каюты Рескатора. Она направилась туда уверенным шагом: уроки хождения по зыбкой палубе, полученные на Средиземном море, не пропали даром.

По дороге она столкнулась с кем-то, едва не вскрикнув от ужаса, когда сильная мужская рука, подобно капкану, сжала ее запястье. Яростно сопротивляясь, она попыталась вырваться, но только поцарапалась о бриллианты перстня.

— Куда вы торопитесь, госпожа Анжелика? — раздался из темноты голос Рескатора. — И почему вы так решительно отбиваетесь?

Это было просто невыносимо — общаться с человеком, чье лицо всегда скрыто под маской. Во мраке Анжелике казалось, что с ней говорит сама ночь.

— Так куда вы направляетесь? Для меня будет неслыханной удачей узнать, что вы шли на полуют в надежде найти меня.

— Вот именно! — взорвалась Анжелика. — Потому что хотела предупредить вас, что не допущу впредь намеков на мое прошлое... Я запрещаю рассказывать моим друзьям о том, что я была рабыней на Средиземном море, как вы купили меня на Крите, и о том, что я была наложницей в гареме Мухаммеда-Измаила... Как вы посмели заикнуться об этом? Это же отсутствие элементарной учтивости по отношению к женщине.

— Одни женщины вдохновляют на учтивость, другие — нет.

— Ах, так вы продолжаете меня оскорблять! Вы грубиян!.. Пират! — все свое презрение вложила она в эти слова.

Попытка освободиться не привела ни к чему, так как теперь он держал ее за обе руки. Руки у Рескатора были горячие и их тепло растекалось по ее дрожащему в ознобе телу. Анжелика не хотела признаться себе в том, что после вспышки возмущения это было даже приятно. По-прежнему Рескатор был ей отвратителен, и она жаждала его смерти.

— Вы не допустите... вы не позволите, — повторил он зло. — Слово чести, вы потеряли голову, маленькая мегера! Вы забыли, что я — единственный хозяин на борту, и что в моей власти приказать вас повесить или выбросить в море, или отдать на забаву моим головорезам, если я посчитаю ваши прелести достойными их. Без сомнения, вы хотели разговаривать таким же тоном с моим добрым другом де Скренвилем. Неужели та дрессировка, которой он вас подвергал, так и не излечила вас от гордыни?

Воспоминание о де Скренвиле воскресило в ее памяти картины прошлого. Душа Анжелики витала среди пережитых приключений. Именно на «Голдсборо» в присутствии Рескатора она почувствовала неукротимую жажду жизни и любви...

«О, хотя бы он меня отпустил, — молилась она про себя, — иначе я буду его рабой: его вещь. Он лишает меня сил сопротивляться... Почему?»

— Вы, наверное, все еще считаете, что находитесь при дворе короля-солнце, мадам дю Плесси де Бельер, и потому держитесь так независимо. Будьте осторожней, ваш царственный возлюбленный тут не поможет.

Внезапно смягчившись, она уступила, проявив искренность, сдобренную изрядной долей кокетства.

— Монсеньор Рескатор, простите мои опрометчивые слова. Я сошла с ума. Но уважение моих спутников — это действительно, моя единственная поддержка. Что вы выиграете, поссорив меня с моими друзьями?

— Вы считаете свое прошлое настолько позорным, что вас приводит в дрожь одна мысль о том, что они могут узнать о нем?

Анжелика ответила, но смысл слов, слетевших с ее губ, не доходил до ее сознания:

— Когда половина жизни пройдена и много пережито, любое существо, достойное имени человека, находит в своей памяти какие-нибудь постыдные мелочи и, естественно, желает их скрыть.

«Ну вот, — подумала она, — и снова я чувствую удивительную привязанность к этому человеку. Почему?»

— Вам не понять, — продолжала она, словно говоря с другом, — что мышление этих гугенотов очень далеко от нашего. Они так отличаются от людей, подобных вам или членам вашего экипажа! Вы страшно шокировали бедную Абигайль, разговаривая с ней так фамильярно!..

И вдруг произошло то, чего Анжелика бессознательно желала: он привлек ее к себе и сжал в железных объятиях. При этом он заставил ее сделать несколько шагов назад к борту. Набежавшая волна щедро оросила

ее лицо брызгами.

— Действительно? Так уж отличаемся мы и гугеноты? О каких различиях может идти речь, моя дорогая? Оглянитесь вокруг!

Новый сноп брызг из-под корпуса корабля окатил Анжелику, и испуганная темной бездной, над которой он вынудил ее наклониться, она судорожно ухватилась за его бархатный камзол.

— Нет, — продолжал он, — мы ничем не отличаемся друг от друга. Мы — только горстка людей на одном корабле в лоне океана.

Губы, произносившие эти слова, показались ей опасна близкими от ее губ. Пока Рескатор не прикасался к ней, она еще могла владеть собой. Но теперь, теряя самообладание, Анжелика чувствовала себя во власти этого человека. Мысль о том, что он использовал магическую силу, чтобы покорить ее, вызывала в ней протест.

«Если мы проведем эту ночь вместе, подумала Анжелика, — то совсем сойдем с ума и сгорим, так и не увидев конца путешествия».

И она вывернулась так ловко, что губы пирата лишь слегка дотронулись ее виска. Она почувствовала прикосновение жесткой кожаной маски и, вырвавшись из гнетущих объятий, бросилась прочь.

Вслед ей раздался иронический голос Рескатора:

— Почему вы убегаете? Я как раз хотел пригласить вас отужинать со мной. Вас ждет изысканный стол, повар у меня превосходный.

— Как вы смеете предлагать мне подобное? Слушая вас, можно подумать, что находишься где-то в Пале-Рояле. Я должна разделить участь моих друзей. Кроме того, мэтр Берне...

— Мэтр Берне. Это тот раненый, над которым вы склонялись с такой нежной заботой?

— Это мой лучший друг. То, что он сделал для меня и моего ребенка...

— Ну, ладно, будь по-вашему, я согласен, что долги надо платить. Но вы делаете ошибку, предпочитая сырой трюм теплой каюте, потому что совсем продрогли. Кстати, что вы сделали с плащом, который позаимствовали у меня прошлой ночью?

— Не знаю... — сказала Анжелика, чувствуя себя пойманной с поличным. Она провела рукой по лбу, стараясь вспомнить. Очевидно, она о нем забыла, накидывая другой плащ, поданный Абигайль. — Я... я, кажется, оставила его дома.

Внезапно ей представился рошельский дом с потухшим камином. Она ясно увидела красивую мебель, покрытые ковром лестницы, пристально смотревших с портретов корсаров и купцов. Тоску по этому приюту, где она была только служанкой, — вот и все, что Анжелика увозила из Старого

Света.

Перед домашним уютom потускнели лампы Версаля, жестокость битв, свидетельницей и участницей которых она была. Ранее ее покинули видения, связанные с Монтелу...

Давно уже Анжелика не принадлежала ни Монтелу, ни Пуату. По пути на нижнюю палубу ее сопровождало воспоминание о мэтре Габриэле, гасившем последние головни в камине своего дома перед тем, как взять Лорье за руку и уйти.

В тот вечер перед глазами изгнанников вставали их уютные дома в Ла-Рошели, теперь такие пустынные, с черными глазницами закрытых окон. Только мягкий лунный свет, струящийся на покинутые жилища, трепет пальмовых листьев по дворах и сирень у стен напоминали о жизни.

В трюме было мрачно и холодно. Две лампы погасили, чтобы уставшие дети могли спокойно уснуть. Отовсюду доносились приглушенный шепот и чье-то бормотание во сне.

Анжелика подошла к кругу света, где около раненого Берне дежурили Маниголь и пастор. Тот выглядел отдохнувшим и умиротворенным. Он спал. Мужчины вкратце рассказали ей о том, что арабский врач снова приходил, на этот раз с помощником. Они сделали мэтру Берне перевязку и дали выпить какую-то микстуру, благотворно подействовавшую на него.

Анжелика не настаивала на своем участии в дежурстве, ей необходимо было отдохнуть.

«Завтра будет день, завтра и разберусь, — подумала она, — но сначала найду Онорину».

Ее остановила Северина и показала на спящих братьев.

— Я сама их укачала, — гордо сказала она.

Она укутала обоих плащами, а под ноги постелила неизвестно где раздобытую солому Северина действовала как взрослая женщина. Легко уязвимая в повседневной жизни, она не побоялась в тяжелую годину взять на себя бремя всех дел. Анжелика обняла ее как настоящую подругу.

— Дорогая, мы так и не смогли побыть вместе с тех пор, как я искала тебя в Сен-Мартен-де-Ре.

— Ах, у всех важных особ голова пошла кругом, — вздохнула девушка. — Но теперь, госпожа Анжелика, мы можем, наконец, успокоиться. Во всяком случае, я так думаю, да и Мартьяль тоже. Мы навсегда избавились и от монастырей, и от иезуитов.

Она добавила живо, как бы укоряя себя за легкомыслие:

— Конечно, отец был прав, но это путешествие кажется мне менее опасным по сравнению с тем, если бы он попал в тюрьму и мы навсегда

разлучились с ним... Этот доктор в длинном платье сказал, что с завтрашнего дня отец начнет выздоравливать. Госпожа Анжелика, я пыталась уложить Онорину, но она говорит, что не будет спать, пока не найдется ее шкатулка с драгоценностями.

В сознании женщины многое преломляется весьма своеобразно. Из всех бедствий, обрушившихся на них в последнее время, утрата ларца с драгоценностями Онорины показалась Анжелике непоправимым горем.

Она была совершенно подавлена. Онорина стояла, спрятавшись за пушкой, насторожившись, как испуганный котенок.

— Я хочу свою шкатулку с драгоценностями.

Анжелика не знала, как ей поступить, когда вдруг заметила рядом с дочерью поникшую фигуру девушки.

— Абигайль?.. Это вы?

Подавленность Абигайль, всегда такой решительной и строгой, смутила ее.

— Что с вами случилось? Вы страдаете?

— О, мне так стыдно, — тихо ответила девушка.

— Отчего?

Абигайль нельзя было назвать ни маменькиной дочкой, ни недотрогой. Почему же она так мучилась из-за того, что Рескатор слегка коснулся ее щеки?

Анжелика заставила девушку выпрямиться и посмотреть ей в глаза.

— Так в чем дело?

— Но сказанные им слова — это же ужасно!

— Какие слова? — Анжелика пыталась вспомнить подробности той сцены. Если манера обращения Рескатора с Абигайль показалась ей дерзкой и неуместной (но это было так присуще ему!), то сказанные слова ее не поразили.

— Вы ничего не поняли? — прошептала Абигайль. Ее взволнованное личико с разгоряченными щеками и блестящими глазами было прекрасным.

И надо же этому проклятому Рескатору с первого взгляда увидеть, как хороша Абигайль! Анжелика подумала, как только что сама была в его объятиях и ничуть не испугалась этого. Рескатор обращался вольно со всеми, особенно с женщинами, как будто был их владыкой.

Мятежный дух Анжелики протестовал.

— Абигайль, не придавайте столь большого значения поступкам хозяина нашего судна, вам не знакомы повадки людей такого сорта, а среди всех авантюристов, которых я знала, он более... более...

Она не могла найти подходящего слова.

— Нет, это невозможно. Но при той неизбежной опасности, которой мы подвергаемся, только человек вне закона способен помочь нам. Надо принимать Рескатора и его людей такими, какими они есть, и не стараться вызывать у них враждебность. Когда я путешествовала по Средиземному морю, — зачем это отрицать, коль он так неучтиво уже сообщил об этом? — я встретила с ним только раз, хотя знала о его широкой известности. Это пират без стыда и совести, но я не верю, что и без чести.

— О! Он уже не внушает мне страха, — сказала Абигаиль, покачивая головой. Ее волнение улеглось, и она, спокойно взглянув на Анжелику, задумчиво продолжала. — Подумать только, сколько тайн скрывают люди, с которыми сталкиваешься каждый день! Приоткрыв вуаль, что вы ревниво набросили на свое прошлое, вы стали мне одновременно я дальше, и ближе... Сможем ли мы еще понимать друг друга, Анжелика?

— Я верю в это, моя дорогая Абигаиль. Если хотите, мы навсегда останемся друзьями.

— Я хочу этого всей душой. Там, куда мы плывем, нас будут преследовать лишения и невзгоды. Сможем ли мы выжить, если злоба и мелочность будут сильнее высоких чувств?

Она неожиданно выразила почти ту же мысль, что и Рескатор:

«Мы только люди, попавшие на один корабль... со своими странностями, ошибками... надеждами...»

— Это так удивительно, Анжелика, — рассуждала Абигаиль, — вдруг увидеть жизнь совсем иной. Я буду вспоминать этот день до самой смерти. Не только из-за опасности, которой нам удалось избежать. Сегодня я познала то, что стало для меня подлинным откровением. Я должна была подготовиться к существованию, которое ждет нас за океаном, и глубоко верю, что, попав на этот корабль, мы получили благословение свыше...

Глаза девушки блеснули, и Анжелика уже не узнавала в ней неприметную безропотную провинциалочку.

— Потому, что я убеждена, что тот, кого вы называете человеком вне закона, может читать в душе тайны, скрытые в самых глубинах сердца... Он обладает магической силой.

— На Средиземном море его называли чародеем, — прошептала Анжелика.

Признание Абигаиль доставило ей какое-то необъяснимое удовольствие. Покачивание корабля слегка опьяняло Анжелику, и она охотно продолжала бы беседовать с Абигаиль о своем прошлом и о Рескаторе, но материнские заботы отвлекли ее.

— Что мне делать с Онориной? Она не хочет ложиться спать без своей драгоценной шкатулки, — вздохнула Анжелика, кивнув на надутую малышку, недовольно поглядывающую на мать.

— О, это непростительно с моей стороны! — воскликнула Абигайль, уже полностью овладевшая собой.

Порывшись в своем багаже, она повернулась к ним, держа в руках маленький ларец, вырезанный Марти для Онорины.

— О, Боже, Абигайль! — всплеснула руками Анжелика, — Вы подумали и об этом! Вы — ангел! Онорина, твои ракушки!

Покой, вернувшийся в сердце Онорины, передался и матери. Она развернула кое-что из захваченной с собой одежды, чтобы соорудить постель для маленькой девочки. Анжелика примостилась на лафете возле спящей дочери, но было холодно, и сон не приходил. Тогда она попыталась привести в порядок собственные мысли.

Что принесет завтрашний день? Ее руки еще ощущали железную хватку Рескатора. Подумав об этом, она почувствовала слабость. Воспоминание о тех мгновениях, когда он прижимал ее к себе, были восхитительны и одновременно мучительны. Под бархатным камзолом, в который вцепилась ее рука, был надет стальной нагрудник. Его сердце заковано в железо! Впрочем, есть ли оно вообще у такого человека? И не уготовлено ли ей судьбой стать его любовницей? Нет! Отныне она не будет ничьей любовницей.

Так что же? Он обольстил и загипнотизировал ее волшебными чарами, как... Кто же, однако, когда-то внушал ей подобные чувства, где смешивались влечение и недоверие? И тогда тоже говорили, что он обладает магической силой и заманивает женщин в...

Ударивший в лицо свет фонаря заставил Анжелику зажмуриться.

— Ага, вот и вы!

Чья-то большая лохматая голова наклонилась к ней. Это был Никола Перро, человек в меховой шапке.

— Хозяин велел отнести это для вас и гамак для ребенка.

«Этим» оказалась теплая ткань, тяжелая, но мягкая, похожая на те, что ткнут погонщики верблюдов в Аравийской пустыне. Умелыми руками Никола закрепил гамак и перенес в него спящую Онорину. Девочка не шевельнулась.

— Теперь будет не так сыро. Но всем не поможешь... Не предусмотрено перевозить такой груз...

— Поблагодарите монсеньора Рескатора от моего имени.

Он подмигнул с понимающим видом и, покачиваясь, удалился.

Со всех сторон доносилось мирное похрапывание. Единственный фонарь освещал то место, где лежал раненый Берне. Но и там все, казалось, спокойно. Анжелика закуталась в уютное покрывало.

Утром женщины не преминули заметить Анжелике, что она стала объектом исключительного внимания. Неужели Рескатор не мог послать покрывало поскромнее?

Нет, он сделал это нарочно. Его забавляла возможность ставить людей в неловкое положение, возбуждая в окружающих любопытство, зависть, низменные инстинкты.

При общей неустроенности это покрывало было оскорблением для всех остальных беглецов. Но, может быть, у него не было другого? Рескатор окружал себя дорогими вещами и не смог бы сделать простой подарок, недостойный его. В его жилах течет благородная кровь...

Он — дворянин, хотя носит саблю вместо шпаги. Когда недавно он раскланивался перед дамами, это не выглядело ни комедией, ни притворством. Анжелика подумала, что даже в том, как он здоровается, чувствуется благородство. «Я никогда не встречала человека, который носил бы плащ так, как...» — она пыталась найти подходящее сравнение. В ее памяти был человек, подобный Рескатору.

«Он похож на кого-то, и я узнала его. Возможно, поэтому он мне кажется иногда таким близким. Я оказываю ему знаки внимания так, как будто он один из моих друзей. Эта непринужденность, естественная манера показывать свое превосходство над другими и насмехаться над ними... Это мне так знакомо... И к тому же... тот тоже носил маску...»

Сердце Анжелики лихорадочно забилося. Внезапно ее стало бросать то в жар, то в холод. Она села и поднесла руку к горлу, словно желая отогнать душивший ее необъяснимый ужас.

«Он носил маску... Но иногда снимал ее и тогда...»

Анжелика едва не закричала. Неожиданно сработал какой-то таинственный механизм памяти. Ее осенила догадка.

«Ну, вот, наконец-то. Теперь я знаю, на кого он похож.. Он похож... на Жоффрея де Пейрака, моего первого мужа Вот что держит в напряжении мою память».

Анжелика была охвачена волнением. Яркие вспышки воспоминаний проносились в ее мозгу, подобно выстрелам в ту страшную ночь на Крите.

«Он похож на него! Он прячет лицо под маской... и он царствовал на Средиземном море. А что, если его... он!»

Приступ удушья сдавил ей грудь. Казалось, сердце не выдержит и разорвется от безмолвного крика муки и радости.

«Он... И я его не узнала!»

Внезапно она вновь обрела дыхание. Надежда и разочарование смешались в ее душе. Она попыталась представить себе того, кто среди волшебного убранства тулузского дворца вызывал трепет у молодой супруги. Давно забытое прошлое... Черты его лица почти стерлись в памяти, зато она хорошо видела его густые черные волосы. Когда-то она была приятно удивлена, узнав, что это не парик. И как испугали ее тогда тяжелые шаги Великого Хромого...

«Какая я дура! Как могла хоть на мгновение поверить в это?»

Она признала, что некоторое внешнее сходство привело ее в заблуждение и воспламенило воображение. Особенно черты характера, язвительного и непринужденного. Но у Рескатора голова напоминала хищную птицу и казалась совсем маленькой под пышным испанским воротником, и походка у него была своеобразная, и плечи мощные...

«Жоффрей был хромым. Но он так свыкся с этим недостатком, что и другие его просто не замечали. Его блестящий ум покорял каждого, и в нем не было злости, как в этом авантюристе...»

Анжелика почувствовала, что она вся в поту, как после приступа лихорадки. Натягивая на себя покрывало, она ласково провела по нему рукой.

«Но как я смею их сравнивать!? Жоффрей де Пейрак был самым знатным из тулузцев, великим сеньором, почти королем. Рескатор же, хотя самодовольно разрешает именовать себя монсеньором, по сути дела, просто авантюрист, живущий грабежом и незаконной торговлей. Сегодня он утопает в роскоши, завтра — беднее нищего, преследуемый как преступник. Эти пираты воображают, что никогда не расстанутся со своими сокровищами. Но удача так же быстро уходит, как и приходит...»

Ей вспомнился маркиз де Скренвиль.

«Игроки, попадающие по собственной глупости в опасные ситуации, не считаются при этом с человеческой жизнью. Жоффрей де Пейрак был, напротив, эпикурейцем. Он презирал насилие. Существование же подобного Рескатора покоится на трупах. Его руки запятнаны кровью».

Анжелика думала о Канторе, о галерах, тонувших под пушками пиратов. На ее глазах транспортное судно королевской эскадры исчезло в водовороте вместе с несчастными, находившимися на его борту, а корабль Рескатора носился вокруг, подобно грифу.

«И все же неведомая сила влечет меня к этому человеку и не дает мне покоя».

Анжелика попыталась удобнее устроиться на своем жестком ложе,

Сон не приходил. Хорошо, что она попросила помощи у этого человека, полностью доверяясь ему. Хотя, может быть, это и лишено благоразумия.

Что хотел сказать ей Рескатор, заметив, что «долги надо платить»? Не рассчитывает ли он на благодарность за оказанную теперь услугу и за ту злую шутку, которую она сыграла с ним тогда на Крите?

«Вот чем он резко отличается от моего первого мужа. Он не знает безвозмездной помощи — признака истинного благородства. А Жоффрей де Пейрак был настоящим рыцарем».

Она с трудом заставила себя произнести это имя, навеки поселившееся в ее сердце.

Жоффрей де Пейрак! Как долго она запрещала себе воскрешать его образ! Как давно потеряла надежду на встречу с ним в этом мире!

После исчезновения Жоффрея она безропотно переносила выпавшие на ее долю тяготы и невзгоды, но сейчас поняла, что ее мечты все еще живы.

Жизнь не смогла стереть в памяти те времена, когда она познала сказочное счастье. Но много ли сейчас в ней общего с той, маленькой графиней де Пейрак?

«Тогда я находила вполне естественным, что он любит меня».

Навеянная воспоминаниями картина из их супружеской жизни заставила ее улыбнуться. Теперь она воспринимала свое прошлое без особой грусти, словно это касалось двух незнакомых ей людей. Блеск их богатства, изысканное общество, высокое положение, занимаемое в королевстве владыкой Аквитании, — как все это было далеко от таинственного пиратского корабля, уносящего беглецов к неведомым берегам!

Пятнадцать лет пролетело с тех пор!

Франция теперь далеко, и король никогда уже не встретит Анжелику дю Плесси де Бельер, экс-графиню де Пейрак. А он, король, по-прежнему крепко стоит на ногах, окруженный своими марионетками, в самом сердце блестящего Версаля.

Да, это она была той разодетой в золото фавориткой правителя страны-завоевательницы, заставившей трепетать пароды мира.

Но с каждым ударом волн, уносивших корабль в океан, версальский мираж терял свою силу. Он расплывался в ее воображении, и в искаженном облике двора появилась мишура театральной декорации.

«Только теперь я живу настоящей жизнью, — подумала она, — только теперь я стала собой... или, по крайней мере, стою на пороге этого... Я всегда страдала от того, что шла неправильной дорогой».

Она встала, чтобы посмотреть через едва освещенный пролет на спящих людей, измученных горем и усталостью.

«Неужели я столько пережила лишь для того, чтобы однажды оказаться среди неизвестных людей на неизвестном корабле, плывущем к неизвестной цели? Не надо ли забыть и Жоффрея де Пейрака? Оставить его в прошлом!»

Боль сожаления о том, что могла бы принести им любовь, пронзила ее, как удар кинжала. Но не погубили бы они ее, подобно многим супружеским парам? Благополучно ли прошли сквозь все водовороты жизни? Трудно сказать, Анжелика так мало его знала!

Впервые она призналась себе, что Жоффрей де Пейрак, хотя она и была его женой, не был с ней до конца откровенен. Те немногие годы совместной жизни с человеком, который был на двенадцать лет старше, значили гораздо больше, чем поиски достижения их полного взаимопонимания. У нее просто не хватало времени попытаться соотнести свои душевные силы с непредсказуемым, полным безудержной фантазии характером мужа.

Анжелика смогла познать самое себя только в жестоких битвах, уготовленных ей судьбой. Одиночество отныне стало ее уделом. Хотя она была дважды замужем и матерью четверых детей, никогда рядом не было крепкого мужского плеча, к которому можно было бы прижаться с закрытыми глазами и сказать: «Веди меня. Ведь я твоя жена, и то, чего хочешь ты, хочу и я!»

Одиночество толкало на поступки, отнимавшие все физические и духовные силы. Она чувствовала, как слабела, идя наперекор своей женской природе...

Но что это нынче ей стало жаль себя? Ни один из ее поступков до сих пор не говорил о том, что она создана для покорности.

Согласится ли Анжелика теперь на роль опекаемой? В конце концов, она хорошо знала, что ей нужно делать. Сама мысль о брачных узах вызывала раздражение. Мэтр Берне не замедлит просить ее руки. Правда, он ранен, а это позволит ей выиграть время. Но если он любит ее и предложит стать его женой, что она ответит?

И «да», и «нет» казались ей одинаково невозможными. С одной стороны, ее пугали брачные обязательства, но с другой, — этот человек был ей слишком дорог.

«Вот, — подумала она, — приятные узы, которые тяготят. Такова любовь. Может ли она существовать без оков?»

При последней мысли она вздрогнула.

«Но ведь это ложь! Я ненавижу любовь! Я не хочу любви!»

Дальнейший путь тоскующей вдовы, верной до последнего часа прошлой любви, казался ей ясным. Жизнь ее не будет омрачена ненужными волнениями и страстями. У нее есть дорогое дитя — Онорина, и ей некогда будет скучать на островах, устраивая их новую жизнь. Она будет заботиться обо всех, особенно детях, и никогда не изменит своей роли женщины, несущей добро.

Что касается Рескатора... Она не может считаться с ним. На какое-то время ей удалось избавиться от его образа, но он вновь возвращался. Этот человек был слишком близок ей. Его теперешнее присутствие излучало такую жизненную силу, что как бы ни пыталась Анжелика бороться с расставленными им ловушками, самые опасные, возможно, были в ней самой.

К счастью, теперь она знала, что беспокоило ее сердце. Неуловимое сходство с тем, кого она так любила, постепенно увлекло ее, как обманчивый мираж. Но она была уверена, что не позволит хозяину «Голдсборо» сделать ее своей игрушкой.

Постепенно он овладел Анжеликой. «Никакого сходства, — шептала она, засыпая, — кроме... пожалуй!» Она все-таки не могла не чувствовать, что немного влюблена в Рескатора.

Глава 3. Берне делает предложение Анжелике

На следующий день Габриэль Берне предложил Анжелике свою руку и сердце.

Он полностью пришел в себя и уже казался выздоравливающим. Его перевязанная рука покоилась на подушке из соломы, которую добыли Абигаиль и Северина в соседнем трюме, где находился скот. Мэтр Берне принял свой обычный вид и не скрывал, что умирает с голоду.

Когда пришло время завтрака, мавр, камердинер Рескатора, принес раненому маленький котелок с превосходным рагу, сдобренным тонкими пряностями, а также флягу старого вина и два кунжутных хлебца.

Появление великана-араба произвело в трюме переполох. Он выглядел добрым малым и все время улыбался, показывая крепкие белые зубы.

Анжелика расставила перед Берне принесенную еду:

— Вам оказывают знаки внимания, как важной персоне.

Негоциант проворчал что-то и, когда Анжелика приготовилась его кормить, возмутился:

— За кого вы меня принимаете? Я ведь не младенец!

— Вы еще очень слабы.

— Слаб? — он пожал плечами, тут же резкая боль исказила его лицо.

Анжелика рассмеялась. Ей всегда нравилась его уверенность в собственных силах. Она вызывала у окружающих ощущение покоя и безопасности. Даже дородность гармонировала с его добродушным характером.

Совсем молодым Габриэль начал полнеть, но не в ущерб здоровью. Выглядел он старше своих лет, и благодаря этому быстро завоевывал доверие клиентов. Отсюда и искреннее уважение, которое питали к мэтру Берне все, кто его знал.

Анжелика снисходительно посматривала, как он жадно поглощал рагу.

— Если бы вы не были гугенотом, мэтр Берне, из вас вышел бы тонкий гурман.

— Я бы мог и еще кем-нибудь стать, — возразил он, бросив на нее загадочный взгляд. — У человека, кроме лица, есть еще и душа.

И добавил, не решаясь поднести ложку ко рту:

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но должен признаться, у меня сегодня волчий аппетит.

— Ну и кушайте на здоровье! Я просто вас подразнила, — ласково

сказала она. — В память о тех днях, когда вы ворчали на меня за слишком изысканный стол, думая, что я ввергну ваших детей в грех чревоугодия.

— Вот это честно, — ответил он с улыбкой. — Отныне мы, увы, далеки от всего этого.

Пастор Боккар собирал свою немногочисленную паству, когда пришел боцман с приятным известием: пассажиры могут выйти на палубу для кратковременной прогулки. Погода стоит хорошая, они не помешают маневрам корабля.

Анжелика осталась наедине с мэтром Берне, воспользовавшись моментом для того, чтобы выразить ему свою признательность.

— Я до сих пор не смогла поблагодарить вас, мэтр Берне, а ведь я многим вам обязана. Спасая мою жизнь, вы были ранены...

Анжелика опустила глаза и покраснела под пристальным взглядом. Обычно бесстрастный и холодный, сейчас он был так же красноречив, как и накануне вечером, когда, наконец, очнувшись, Габриэль видел только свою возлюбленную.

— Как же я мог не спасти вас? Ведь в вас — вся моя жизнь... — и, не замечая ее протестующего жеста, продолжал: — Госпожа Анжелика, согласны ли вы стать моей женой?

Анжелика окончательно была смущена. Итак, этот трудный момент наступил, но он не поверг ее в панику, а даже, наоборот, принес какое-то удовлетворение. Любовь Габриэля была столь возвышенна, что он желал сделать ее своей верной спутницей перед Богом, несмотря на все, что он знал (или догадывался) о ее прошлом. Для человека с его прочными моральными устоями это было свидетельством искреннего чувства.

Но Анжелика не чувствовала себя способной дать откровенный ответ. Она растерянно сжимала пальцы.

Испытывая мучительное волнение, Габриэль Берне не отрывал глаз от возлюбленной. Эта женщина стояла перед ним на коленях и казалась такой слабой. Ее грудь судорожно вздымалась. Он чувствовал, как учащенно бьется ее сердце. Наконец, Анжелика произнесла:

— Вы оказали мне большую честь своим предложением, мэтр Берне, но... такая женщина, как я, недостойна вас.

Он нахмурил брови, едва сдерживаясь, чтобы не вспылить. Габриэлю потребовалось некоторое время, чтобы овладеть собой, и когда удивленная его молчанием Анжелика посмела взглянуть на него, то увидела, как он побелел от ярости.

— Мне неприятно слышать ваши слова! Это я недостойн вас. Я убежден, что вы принадлежите совсем к другому обществу. Да, сударыня,

я знаю, что для вас я только простой торговец.

Берне увидел в ее глазах страх оттого, что разгадал ее мысли. Он не выдержал и взял ее за руку.

— Анжелика, я ваш верный друг. Я не знаю, что могло разлучить вас с близкими и какая драма довела вас до той нищеты, в которой я вас нашел. Но уверен, что они отреклись от вас и изгнали, как волки изгоняют из стаи нарушителей их законов. Найдя, у нас пристанище, вы были счастливы.

— Конечно, у вас я была счастлива, — промолвила она тихо.

Он продолжал удерживать ее руку. Пытаясь освободиться, Анжелика наклонилась к нему так, что щеки их слегка соприкоснулись, заставив, его вздрогнуть.

— В Ла-Рошели я не осмеливался поговорить с вами, — продолжал мэтр Берне приглушенным голосом, — из-за той пропасти, которую я ощущал между нами. Но теперь лишения нас уравнили... Мы направляемся в Новый Свет. И вы будете нуждаться в покровительстве, не правда ли?

Она несколько раз утвердительно кивнула. Так прости было ответить: «Да, я согласна!» и смириться со своей участью.

— Я люблю ваших детей и рада служить вам, мэтр Берне, но...

— Но?..

— Роль супруги предполагает определенные обязанности.

Он испытующе посмотрел на нее. Анжелика ощутила дрожь в его пальцах, по-прежнему сжимавших ее руку.

— Неужели вы их страшитесь? — неуверенно спросил он. — Возможно, мое лицо вызывает у вас антипатию?

— Ах, дело вовсе не в этом, — искренне возразила она.

Охваченная внезапным порывом, Анжелика вдруг начала сбивчиво рассказывать о трагических событиях, о которых еще никогда никому не говорила: пылающий замок, пронзенные пиками люди, грязная брань драгунов, насилевавших ее в то время, когда убивали ее сына.

Она почувствовала на душе облегчение, выплеснув весь этот кошмар. Ужасные картины потеряли свою остроту и больше не вызвали у нее содрогания. Единственной незаживающей раной оставалось воспоминание о Шарле-Анри, навеки уснувшим на ее руках. По щекам Анжелики катились слезы...

Мэтр Берне слушал ее с напряженным лицом, затем задумался. Он отгонял прочь жестокие картины надругательства над ее прекрасным телом, ибо твердо решил навсегда забыть о ее прошлом. Он хотел знать только ту, которая была перед ним и которую он так любил.

— Мне кажется, — решительно произнес Габриэль, — что вы в какой-

то мере внушили себе, что из-за прежней драмы не можете начать новую жизнь, жизнь разумной женщины в объятиях любящего супруга, который будет делить с вами горе и радость. Если бы вы были тогда невинной девушкой, то смириться с этим тяжким преступлением было бы невозможно. Но вы — женщина, и времени с тех пор прошло немало. Давным-давно ваше сердце и тело забыли перенесенные страдания. Женщины обладают такой же способностью к возрождению, как луна, как времена года. Теперь вы совсем другая. Зачем же, замыкаясь в своем прошлом, вы отравляете себе жизнь? Вы, чья красота безупречна.

Анжелика с удивлением слушала Берне. Грубый, но не лишенный пронизательности смысл его слов ободрил ее. Почему и в самом деле не использовать те жизненные силы, прилив которых она ощущала в своем возродившемся теле? Почему бы не смыть горечь тяжелых воспоминаний? И снова пройти через загадочные испытания любви...

— Вы, без сомнения, правы, я должна была вымести из своей памяти те ужасные события и, возможно, сделала бы это, если бы не смерть моего сына. Этого я забыть не могу.

— Никто не говорит вам об этом. Вы начинаете новую жизнь, и я сделаю все, чтобы рассеять ваши опасения. Смею утверждать, что только любовь принесет вашей душе полное выздоровление. Я не хочу обвинять вас в кокетстве, но вы обладаете какой-то притягательной силой, способной вызывать любовь. Не любить вас невозможно...

— Неужели вы хотите обвинить меня в том, что я пыталась соблазнить вас? — возмутилась Анжелика.

— Нет, но вы доставили мне много неприятных минут, — грустно ответил мэтр Берне.

Не выдержав его внимательного взгляда, она опустила глаза. Как бы Анжелика ни пыталась себя уверять в обратном, он не был ей неприятен, несмотря на все недостатки истинного пуританина.

— В Ла-Рошели, под сенью моей кровли, я уже думал, что вы принадлежите мне. Здесь же, по-моему, все мужчины с вождением следят за вами.

— Не приписывайте мне слишком большую власть.

— Эту власть я почувствовал на себе достаточно, чтобы оценить ее могущество. Кем же все-таки был для вас Рескатор? Любовником? Это бросается в глаза...

Внезапно он грубо сжал ее руку, и Анжелике пришлось приложить немало усилий, чтобы вырваться. Она воскликнула:

— Не был он им!

— Вы лжете! Когда вы находитесь рядом, даже неискушенный человек не может не заметить связывающих вас невидимых уз...

— Клянусь, что он никогда не был моим любовником!

— Кем же он тогда был?

— Может быть, хуже, чем любовником! Хозяином, купившим меня за большие деньги, из рук которого я ускользнула прежде, чем он смог мною воспользоваться. Теперь, когда я узнала его, мое положение кажется мне довольно двусмысленным. Должна признаться, я немного побаиваюсь Рескатора.

— Тем не менее, он пытался вас обольстить. Это очевидно!

— Знаете, мэтр Берне, я думаю, что мы нечаянно обнаружили новое препятствие для нашей свадьбы, — улыбка осветила лицо Анжелики.

— Какое же?

— Наши характеры. У нас было время, чтобы хорошо узнать друг друга. Вы, Берне, человек властный. Я подчинялась вам, будучи служанкой, но не уверена, смогу ли быть столь же безропотной, став вашей женой. Я привыкла сама распоряжаться своей жизнью.

— Откровенность за откровенность. Вам тоже палец в рот не клади, но в вас я вижу смысл моей жизни. Я это понял после долгих размышлений, когда мне удалось перебороть боязнь стать вашим рабом. Вы смотрите на жизнь с вольностью, непривычной для гугенотов. Мы погрязли в грехах. Мы чувствуем, как они преследуют нас на каждом шагу. Женщина пугает нас. Я открылся в своих сомнениях пастору Боккару.

— И что он ответил?

— Он сказал: «Покоритесь самому себе. Не отвергайте своих желаний, к тому же естественных, и освятите их таинством брака. И тогда они возвысят вас, а не развратят». Я решил последовать его совету. В вашей власти позволить мне воспользоваться им.

Он привстал и, обнимая ее за талию, привлек к себе.

— Но, мэтр Берне, вы же ранены!

— Вы прекрасно знаете, что ваша красота способна воскресить и мертвого.

Вчера вечером другая рука обнимала ее с такой же жаждой обладания. Может быть, Габриэль прав, что она только и ждет мужской ласки, чтобы вновь почувствовать себя женщиной? Но когда он попытался ее поцеловать, она остановила его.

— Нет, — прошептала Анжелика, — прошу вас, дайте мне еще подумать.

Берне с трудом овладел собой. Лицо его стало мертвенно бледным.

Обессиленный, он рухнул на соломенное ложе. Его взгляд остановился на маленьком котелке, который принес мавр Рескатора. Неожиданно Берне схватил его и яростно швырнул в стену.

Глава 4. Анжелика проводит ночь у Рескатора

Восемь дней прошло с тех пор, как «Голдсборо» покинул Ла-Рошель и взял курс на запад.

Анжелика считала эти дни по пальцам. Она все еще не дала ответа мэтру Берне.

Хотя на корабле все оставалось по-прежнему, Анжелику не покидало предчувствие чего-то важного. Разве не достаточно было того, что беглецы довольно сносно устроились? Условия не из лучших, но ведь они пошли на лишение по доброй воле. Даже мадам Маниголь прекратила свои жалобы, поняв, наконец, что они производят впечатление не больше, чем «молитвы папистов», говоря словами мэтра Марсело.

Детям нравилась морская жизнь, и отсутствие комфорта их нисколько не беспокоило. Пасторы проводили религиозные чтения. Если была возможность, вечерние чтения Библии устраивали на палубе, на глазах у матросов.

— Мы должны показать этим людям без стыда и совести идеал, который живет в нас и который мы должны сохранить в себе неприкосновенным, — говорил пастор Боккар.

Почтенный старец чувствовал, что над его маленькой общиной нависла опасность.

Во время последних молитв Анжелика с Онориной на руках сидела несколько в стороне от других. На память ей пришли слова священного Писания: «Есть время для всего сущего под небесами... время убивать и время исцелять, время ненавидеть и время любить...»

Но когда же оно вернется — время любить?

Итак, ничего не произошло. Анжелика больше не встречала Рескатора. Убедившись, что она не может доверять ни ему, ни себе, она должна была бы только радоваться его отсутствию. На самом же деле это вызывало у нее странную тревогу.

От пассажиров, выходявших в назначенное время прогуляться по палубе, Анжелика узнала, что однажды в кормовой рубке был виден силуэт хозяина в развевающемся на ветру плаще. Но он по-прежнему не вмешивался в их дела и, как казалось, в управление кораблем тоже.

Этим полностью занимался капитан Янсон, отдававший с высоты полюта приказы через медный рупор. Превосходный моряк, молчаливый и замкнутый, он вовсе не интересовался гугенотами, но Анжелика

вынуждена была по поручению своих компаньонов ежедневно общаться с ним по всяким житейским мелочам: где можно постирать? какой водой? в какое время выходить на палубу, чтобы не метать маневрам?

Зато Никола Перро в своей неизменной меховой шапке производил гораздо более приятное впечатление. Похоже, он не имел определенного занятия на корабле. Его часто видели слоняющимся от безделья с неизменной трубкой в зубах. Иногда Никола надолго уединялся в каюте с Рескатором.

На пятый день плавания, когда повара принесли в дополнение к кускам солонины какую-то кислую, вызывающую тошноту бурду и стали требовать, чтобы все ее ели, в трюме раздались дружные вопли пассажиров. Маниголь наотрез отказался от пицци, которая показалась ему сомнительной.

Продолжением этой истории было появление боцмана, кричавшего, что они должны «сожрать зуэкраут», иначе их свяжут по рукам и ногам и он силой «загонит ее в глотку».

Боцман, с виду настоящий гном, разговаривал на невероятной смеси английского, французского и голландского языков, поэтому понять его было почти невозможно.

Анжелика не раз делилась своими огорчениями с бравым Никола Перро. Он ободрял ее и советовал следовать указаниям боцмана, которые были, впрочем, повторением распоряжений самого Рескатора.

— Нас слишком много для взятых запасов продовольствия. Остается совсем немного мяса: две свиньи, корова и коза. Их приберегают на случай эпидемий. Надо было бы установить жесткий рацион. Капитан решил вскрыть бочку с капустой, которую мы всегда возим с собой. Он утверждает, что с ее помощью можно избавиться от болезней. Надо объяснить вашим людям, что они должны есть капусту понемногу каждый день. Это уже относится к морским правилам, а тех, кто им не подчинится, посадят за решетку. И тогда они рискуют, что их будут потчевать капустой, как гусей.

Когда на другой день пришел боцман с лицом цвета вареной ветчины и стал своим единственным голубым глазом наблюдать за поглощавшими обед пассажирами, они встретили его мирно.

Сидя на лафете, Анжелика уговаривала Онорину и других малышей, собравшихся возле нее, съесть хоть капельку капусты.

— Ну-ка, птички, раскройте ваши клювики, — просила она их.

Анжелика всегда чувствовала себя немного виноватой, когда раздавались голоса, осуждавшие «Голдсборо», его хозяина и команду. Бог

свидетель, что ей не из чего было выбирать.

Она не могла не ответить:

— Ба! Уж не думаете ли вы, что архиепископ из Ноэ устроил бы менее забавный спектакль, чем этот корабль? Скажите спасибо Богу и за это.

— В самом деле, это повод для размышлений, — взявшись за подбородок, сокрушенно сказал пастор Боккар. — Если мы погрязнем во взаимных упреках, сможем ли мы сохранить добрые чувства? Не лучше ли объединиться нам в один союз?

— С висельниками мне кажется это невозможным, — забрюзжал Маниголь. — У них на ногах можно легко заметить следы оков.

Анжелика не решалась вмешиваться, хотя в глубине души разделяла его мнение. Вполне вероятно, что бывший пират Средиземного моря набрал свою команду из числа беглых каторжников.

— Скажите, горбун, — спросил Легаль, — зачем вы досаждаете еще нам этой немецкой капустой? Мы должны сейчас находиться на широте Азоров, где в это время года вдоволь апельсинов и всякой живности.

Тот глянул на него искоса и пожал плечами.

— Он не понял, — заметил Маниголь.

— Он прекрасно понял, но не хочет отвечать, — процедил Легаль, провожая глазами коренастую фигуру боцмана, выходявшего из трюма вслед за матросом, который нес пустую посуду.

На следующий день, прогуливаясь по палубе, Анжелика заметила Легалья, занятого таинственными вычислениями, для чего он использовал часы и буссоль. При приближении женщины он вздрогнул и спрятал эти предметы под промасленную холщовую куртку.

— Вы мне не доверяете? — спросила Анжелика. — Но ведь я совершенно не разбираюсь в том, что вы, как заговорщик, делаете с часами и буссолью.

— Нет, госпожа Анжелика, я просто подумал, что это подошел кто-то из матросов. Вы двигаетесь так же бесшумно, как и они, — он понизил голос. — Там вон один молодец сторожит на марсе и посматривает на меня, но с высоты грот-мачты это не страшно. Он не сможет разобрать мои маневры. А все остальные, кроме рулевого, обедают. Море сегодня спокойное, корабль идет, как по маслу. И я решил воспользоваться этим, чтобы попытаться, наконец, определить, где мы находимся.

— Мы находимся недалеко от Азорских островов.

Он бросил на нее насмешливый взгляд.

— Как бы не так!.. Не знаю, заметили ли вы, как прошлым вечером горбун не захотел ответить, когда я спросил его об Азорах. Они

расположены точно на пути, если плыть к островам Америки. Но двигаться, как это делаем мы, прямо на запад, — это довольно странный путь, чтобы попасть на Антилы или другие острова тропической зоны.

Анжелика спросила, как он смог установить это без таблиц долготы и таких точных приборов, как секстант и хронометр.

— Я просто проследил, как бьют склянки в полдень. У хозяина, действительно, хорошие инструменты! Я уверен, что они звонят правильно. Я сверяю их время по своим часам, которые показывают еще рошельское время. С помощью моей буссоли и положения солнца, когда оно в зените и на закате, я пришел к убеждению, что мы следуем северной дорогой, — дорогой ловцов трески и китобоев. Присмотритесь, море сейчас выглядит совсем иначе...

Безусловно, это было уже не Средиземное море, а суровый океан, о котором Анжелика слышала много рассказов бывалых моряков, не раз попадавших в страшный шторм недалеко от Гасконского залива.

— Обратите внимание на этот молочный цвет, — настаивал бретонец. — А вы не заметили, какое перламутровое небо утром? Это небо Севера! К тому же этот туман! Он густой, как снег. Мы идем опасным путем, к краю бурь. Рыбаки никогда не плавают здесь в эту пору. Вот где мы очутились! Помилуй нас, Бог!

Легаль перешел на многозначительный шепот. Анжелика с недоумением оглянулась: никакого тумана не было видно, только белое небо, окаймленное тонкой красноватой полоской горизонта, сливалось на северо-востоке с морем.

— Стало быть, туман и буря будут завтра... или ночью, — утрумо продолжал Легаль.

Для бывалого моряка он слишком поддавался чувству одиночества в этом пустынном море, где они не встретили ни одного судна. Хотя бы парус мелькнул в его безбрежных просторах!

Людей утомляло это однообразие, а Анжелике доставляло радость. Горький опыт научил ее бояться неосторожных встреч в море. Она совершенно не страдала морской болезнью, как большинство ее спутников.

Теперь они не покидали своего укрытия из-за холода. Уже два дня, как матросы приносили в трюм наполненные раскаленными углями горшки с отверстиями по бокам.

Этих «печек» хватало, чтобы поддерживать тепло. Со свойственным рошельцам любопытством пассажиры заинтересовались этой необычной системой отопления на борту корабля.

— В суцности, это намного безопаснее, чем открытая жаровня.

Интересно, где они могут брать эти забавные горшки?

Анжелика вдруг вспомнила слова Никола Перро: «Когда мы будем в зоне льдов, вам принесут огонь».

— Но разве могут быть льды на широте Азорских островов? — воскликнула Анжелика.

Чей-то голос насмешливо спросил:

— А где вы видите льды, госпожа Анжелика?

К ней подошел Маниголь в сопровождении мэтра Берне и торговца бумагой Марсело. Их легко было перепутать: все были закутаны в плащи, в надвинутых на глаза широкополых шляпах.

— Я с вами согласен — холодновато, но ведь и зима не за горами, а бури несут холод в эти места...

— Однако «эти места» имеют довольно странный вид, — пробурчал Легаль.

— Ты что, боишься шторма?

— Я всего боюсь! — и он добавил с ужасом. — Смотрите... Да смотрите же! Ведь это конец света!

Сильное волнение неожиданно утихло. Но под этим внешним спокойствием океан казался покрытым пятнами, как в кипящем котле.

Вдруг багрово-красное солнце пробилось сквозь белую пелену, пронзая воду лучами цвета расплавленной меди. Внезапно огромный огненный шар исчез за горизонтом, и почти тотчас же все на мгновение было залито зеленым светом. Потом стало темно.

— Море Мрака, — вздохнул Легаль, — море древних викингов.

— Мы просто присутствуем при чудесном закате солнца, — сказал Марсело, — что в этом особенного?

Анжелика поняла, что сама начинает постигать суть происходящего. Тьма, в которой они не могли различить друг друга, постепенно рассеялась, уступая место сумеречной полутьме. Корабль плыл в безжизненном море, лишенном красок и тепла.

— Это то, что называют полярной ночью, — сказал Легаль.

— Полярной? Что за глупость? — засмеялся Маниголь.

В напряженной тишине его смех звучал кощунственно. Маниголь сам это почувствовал и сконфуженно умолк, принявшись рассматривать обвисшие паруса.

— Что они делают... — он запнулся. — Как привидения на корабле-призраке.

Несколько матросов появились неожиданно, словно только и ждали этого восклицания. Марсовые взобрались по винтам и начали перемещать

реи. Бесшумно выполняя привычную работу, они были похожи на движущиеся тени, которые придавали таинственность и без того напряженной атмосфере.

«Именно в этот вечер или в эту ночь что-то должно произойти», — мелькнуло у Анжелики. В смятении она прижала руку к груди, как будто ей не хватало воздуха.

С полуяота доносился голос капитана Янсона, отдававшего распоряжения на английском языке. Маниголь с облегчением вздохнул.

— Кстати, мы только что говорили об Азорах. Легаль, вы разбираетесь в навигационных делах больше, чем я. Можете ли вы сказать, когда мы зайдем в ближайший порт? Я горю желанием узнать, получили ли там мои португальские корреспонденты переводы из фондов Берега Пряностей.

Он многозначительно похлопал по карманам своей просторной куртки.

— Когда у меня снова появятся деньги, я смогу, наконец, смотреть прямо в лицо этому заносчивому предводителю пиратов. Пока что он обращается с нами, как с бедняками. Мы должны ему чуть ли не руки целовать! Ничего, подождем до Карибов. Там посмотрим, кто сильнее!

— В Карибах хозяйничают флибустьеры, — сказал Берне, чуть шевеля губами.

— Да нет же, дорогой. Работоторговцы! Поверьте, я там буду на своем месте. И когда открою собственное дело, то рассчитываю добиться монополии на торговлю рабами. Какой доход дает судно, которое перевозит только табак и сахар в Европу, а на обратном пути не набирает в Африке полный трюм негров? Но этот корабль, на котором мы находимся, — не невольничье судно. Он иначе снаряжен, а кроме того, пробираясь по трюмам в поисках дороги, я нашел вот это.

Он раскрыл руку, чтобы показать две золотые монеты с изображением солнца.

— Это следы сокровищ инков! Такие же привозят иногда испанцы! Я обратил внимание, что в других трюмах полным-полно любопытных приспособлений для глубоких погружений: специальных «кошек», лестниц и еще черт знает чего. А места для товарного груза, наоборот, слишком мало для порядочного торгового судна.

— Итак, что вы предлагаете?

— Ничего... Могу только утверждать, что этот пират живет разбоем. Каким образом — это его дело. Я предпочитаю оказаться впереди возможного конкурента! Эти люди действительно храбрецы, но почти не разбираются в торговых делах. Им не суждено господствовать на морях.

Мы, профессиональные торговцы, постепенно вытесняем их. Вот почему мне было довольно побеседовать с ним с глазу на глаз. Он мог бы пригласить меня к ужину...

— Говорят, что его апартаменты на корме поражают роскошью и забиты драгоценностями, — заметил торговец бумагой.

Они ждали, что скажет Анжелика, но она, как и всякий раз, когда речь заходила о Рескаторе, ощущала волнение и не могла произнести ни слова. Мэтр Берне напрасно пытался поймать ее взгляд.

Странно, но тьма почти рассеялась. Можно было подумать, что занималась новая заря. Цвет воды вновь изменился: чернильно-черная, она издали казалась разрезанной пополам полосой зеленовато-белого цвета.

Когда «Голдсборо» попал в эту зону, его корпус задрожал, как бока лошади, почуявшей опасность. С полуюта донеслись слова команды. Берне еле разобрал, что сверху горланит по-английски матрос-наблюдатель на марсели:

— Плавающий лед по правому борту!

Все одновременно повернулись в ту сторону. Гигантская прозрачная масса вздымалась около корабля. Вооруженные баграми и связками такелажа, матросы немедленно установили ограждение с правого борта, чтобы попытаться избежать губительного столкновения с ледяной горой.

К счастью, корабль под уверенной рукой капитана вышел на простор, не коснувшись опасного препятствия. Онемевшие от изумления и страха пассажиры, не веря своим глазам, четко различили на поверхности айсберга три черные точки. С трудом отделившись от него, они начали увеличиваться в размерах и превратились, приблизившись к кораблю, в диковинных созданий, покрытых белыми пятнами.

— Ангелы! — закричал Легаль, задыхаясь. — Это смерть!

Габриэлю Берне хладнокровие не изменило. Он обнял Анжелику за плечи, но она даже не заметила этого. При этом спокойно добавил:

— Альбатросы, Легаль... просто полярные альбатросы.

Три гигантские птицы продолжали следовать за кораблем, то описывая широкие круги, то опускаясь на темную воду.

— Предвестники несчастья, — сказал Легаль. — Нас настигнет буря, и мы погибнем.

Внезапно Маниголь разразился проклятьями:

— Неужели я сплю или сошел с ума?! Разве сейчас день? А может быть, ночь? Какой осел утверждает, что мы находимся на широте Азоров? Мы же следуем совсем другим путем...

— Именно об этом я и говорил, господин Маниголь!

— Но ты слишком поздно сказал это, болван! Легаль разозлился:

— А что бы это изменило? Ведь хозяин на борту не вы, господин Маниголь!

— Ну, это еще будет видно!

Вновь опустилась ночь, и все умолкли.

Необычная заря погасла. Тотчас же на корабле зажглись фонари. Анжелика и окружающие ее четверо мужчин стояли на полубаке возле одного из них. В свете фонаря показалось лицо арабского доктора Абд-эль-Мехрата, побелевшее от холода, хотя он и был закутан почти до очков. Он несколько раз низко поклонился Анжелике.

— Хозяин просит вас пожаловать к нему. Он желает, чтобы вы провели ночь в его каюте.

Смысл этой фразы, сказанной вежливым тоном французской скороговоркой, был предельно ясен. Кровь бросилась Анжелике в голову, щеки запылали. Она сделала попытку отклонить оскорбительное предложение, но ее опередил Берне.

— Грязная дрянь! — воскликнул он дрожащим от ярости голосом. — Уж не воображаешь ли ты, передавая подобную гнусность, что находишься на... на базаре в Алжире, черт возьми!

Он занес руку. Это движение разбередило рану и ему пришлось остановиться, с трудом сдерживая крик от боли. Анжелика была вынуждена вмешаться.

— Вы с ума сошли! Таким тоном не разговаривают с эфенди!

— Эфенди или нет, а он вас оскорбил. Вы не можете не признать, госпожа Анжелика, что вас принимают за женщину... женщину, которая...

— Не думают ли эти люди, что они имеют право посягать на наших жен и дочерей? — вмешался торговец бумагой.

— Успокойтесь, — умоляла Анжелика. — Прежде всего, дело не стоит и выеденного яйца. Это касается только меня. Доктор Абд-эль-Мехрат всего только передал мне приглашение, которое под другими небесами, на Средиземном море, например, сочли бы за высокую честь.

— Ужасно, — сказал Маниголь, беспомощно оглядываясь вокруг. — Все кончено, мы попали в руки варваров, ни больше ни меньше. Часть экипажа состоит из этих подонков, и готов держать пари, что в жилах хозяина течет кровь неверных, хотя он и прикидывается испанцем.

— Нет, нет! — горячо запротестовала Анжелика. — Могу ручаться, что он не исповедует ислам. Мы находимся на христианском корабле.

— Христианском?

— Ха-ха-ха! Вот это да! Христианский корабль!

— Госпожа Анжелика, вы теряете здравый смысл. Впрочем, есть от чего.

Закутавшись в шерстяное одеяло, арабский лекарь невозмутимо ждал. Его достоинство и пронцательный ум напомнили Анжелике Османа Фераджи, и она почувствовала к нему жалость, видя, как он дрожит от холода.

— Благородный эфенди, извините мою нерешительность и примите благодарность за ваше сообщение. Я отклоняю просьбу, которую вы передали, как неприемлемую для женщины моей веры, но готова сама следовать за вами для того, чтобы передать ответ вашему хозяину.

— Хозяин этого корабля не является моим хозяином, — мягко ответил старик. — Это просто мой друг. Я спас его от смерти, затем он оказал мне такую же услугу. Теперь нас связывает духовная близость.

— Надеюсь, вы не собираетесь принять это наглое предложение? — вмешался Берне.

Желая успокоить Берне, Анжелика прикоснулась к его руке и сказала:

— Предоставьте мне самой объясниться с этим человеком. Раз уж он назначил время, пусть будет так. Поистине, я не знаю, ни чего он хочет, ни каковы его намерения.

— По-моему, это уж слишком, — проворчал Берне.

— Напрасно вы так. С человеком столь своеобразным...

— Вы так естественно говорите о нем, словно давным-давно знакомы с ним.

— Я и в самом деле достаточно хорошо знаю его, чтобы не бояться того, чего боитесь вы. — На ее губах появилась легкая улыбка. — Поверьте мне, мэтр Берне, я сумею защитить себя. Мне приходилось встречаться и с более грозными противниками, чем он.

— Я не столько боюсь насилия с его Стороны, — сказал Габриэль вполголоса, — сколько слабости вашего сердца.

Анжелика ничего не ответила. Они обменялись последними словами в полной темноте, так как матрос с фонарем, сопровождавший доктора, а с ними и мужчины, бывшие на палубе с Анжеликой и Берне, уже ушли. У люка, ведущего на нижнюю палубу, все собрались снова.

— Если вы отправитесь к нему, я буду вас сопровождать, — заявил Берне.

— Я не согласна, — раздраженно ответила Анжелика. — Вы напрасно вызовете в нем гнев.

— Госпожа Анжелика права, — вмешался Маниголь. — Она уже не раз доказывала, что умеет оказать отпор. И я сторонник того, чтобы

госпожа Анжелика пошла объяснить с этим субъектом. Он взял нас с собой, хорошо! Но вдруг становится неуловимым, после чего мы оказываемся в полярных водах. Что это, собственно, должно означать?

— Судя по форме, в которой была передана его просьба, не приходится сомневаться, что монсеньор Рескатор отнюдь не собирается беседовать с госпожой Анжеликой о широте и долготе.

— Она сможет заставить его это сделать, — убежденно сказал Маниголь.

— Какого дьявола, Берне! Ну, чего ты боишься? Верзилу Вардана она прикрутила! А у этого Рескатора единственное средство обольщения — его кожаная маска! Я не думаю, что это так уж привлекательно для женщин, а?

— Я боюсь того, что под маской, — пробурчал Берне. Ему не оставалось ничего другого, как попытаться силой помешать Анжелике подчиниться Рескатору.

Но вспомнив, как она боялась потерять независимость и возможность поступать по-своему, если станет его женой, он сумел побороть в себе враждебную подозрительность.

— Идите же! Но если через час не вернетесь, — я вмешаюсь.

Мысли у Анжелики были так же хаотичны, как и море, когда она поднималась по ступенькам кормовой надстройки. Ее чувства смешались: гнев, радость, надежда и страх, свинцовым грузом лежавшие на сердце.

Что-то, безусловно, произойдет! И это будет что-то ужасное, подавляющее, после чего она не сможет оправиться...

Анжелика думала, что ее привели в салон Рескатора, но когда позади захлопнулась дверь, она оказалась в тесной застекленной каюте, которая освещалась подвешенной лампой в двойной оправе.

Здесь никого не было. Судя по окнам, похожим на те, что были на всем юте, она должна была сообщаться с капитанской каютой.

Под драпировкой, покрывающей стены, Анжелика обнаружила дверь, которая не поддавалась, когда она повернула ручку. Пожав плечами, со смесью раздражения и безысходности Анжелика вернулась и расположилась на диване, тянувшемся почти вдоль всей каюты.

Чем больше она размышляла, тем больше убеждалась, что это было место отдыха Рескатора. Он здесь скрывался и, наверное, был тогда, когда в день отъезда она пришла в себя на восточном диване, ощущая тяжесть следившего за ней невидимого взгляда.

Заставить ее прийти сюда вечером, в ту же самую каюту, было уж слишком бесцеремонно. Но она выведет его на чистую воду! Время шло, она ждала, понемногу теряя терпение. Затем, решив, что это становится

невыносимым, Анжелика встала, чтобы уйти. Для нее было неприятным сюрпризом обнаружить, что дверь, через которую она вошла сюда, тоже была заперта. Пленница принялась бить по деревянным панелям, взывая о помощи. Ее голос заглушался свистом ветра и грохотом волн. С наступлением ночи волнение моря усилилось.

Не начинается ли предсказанная Легалем буря? Она подумала о возможности столкновения с гигантскими ледяными глыбами, и холодок пробежал по ее спине. Опираясь на переборку, она добралась до окна, слабо освещенного кормовым сигнальным фонарем.

В толстое стекло непрерывно били набегавшие волны. Наконец, в момент мимолетного затишья Анжелике удалось выглянуть из окна, и она заметила совсем близко покачивающуюся над водой, белую птицу, которая, казалось, пронзила ее убийственным взглядом.

Потрясенная, Анжелика отпрянула назад.

«Может быть, это душа утопленника? Столько кораблей пошло ко дну в этих местах... Но почему меня заперли?»

Сильный толчок отбросил ее от переборки, и после тщетных попыток за что-либо ухватиться она снова очутилась на диване.

Диван был покрыт большим белым мехом, куда Анжелика сразу же окунула застывшие руки. Рассказывают, что на севере водятся белые, как снег, медведи. Очевидно, это покрывало было выкроено из его шкуры.

Куда же нас везут?

Над ее головой плясало оригинальное приспособление у лампы, которое не могло не вызывать раздражения, так как находившийся внутри резервуар с маслом оставался неподвижным.

Лампа и сама по себе была занятной вещью, причем, из золота. Анжелика никогда не встречала подобной. Выполненная в виде шара, она была покрыта перекрещивающимся орнаментом, грани которого излучали желтый свет.

К счастью, буря как будто не усиливалась. Время от времени до Анжелики доносились перекликающиеся голоса. Вначале она не могла сообразить, откуда они доносятся: один был глухой, другой — сильный и низкий, иногда даже можно было разобрать отдельные слова. Срывающийся голос приказывал:

— Отдать все паруса! Поднять фок и бизань!.. Штурвал так держать!

Это был капитан Янсон, передающий, без, сомнения, указания Рескатора.

Думая, что они находятся в соседней комнате, Анжелика вновь начала барабанить в дверь, ведущую туда. Но вскоре сообразила, что они прямо

над ней, в капитанской рубке на палубе.

Плохая погода требовала внимания обоих капитанов. И экипаж должен быть в боевой готовности. Зачем же Рескатор вызвал ее на свидание, когда прекрасно знал, что в управлении кораблем необходимо его присутствие?

«Абигайль или Северина, наверное, займутся Онориной... Впрочем, мэтр Берне обещал прийти и устроить скандал, если через час я не вернусь к ним», — успокаивала себя Анжелика.

Но прошло уже больше часа, как она была здесь, и никто не показывался, чтобы освободить ее. Анжелика прилегла и, завернувшись в меховое покрывало, забылась. В спокойном сне, она скользила по дну океана мимо великолепных дворцов, слышала журчание двух голосов, смешивающихся с шумом бури и наводящих на скорбные мысли о жизни.

Когда пленница проснулась, свет лампы показался ей значительно слабее. Уже рассвело. Она поднялась со своего ложа.

«Что я тут делаю? Ведь это недопустимо!»

Все так же никого не было. Слегка побаливала голова, волосы во сне спутались. Анжелика нашла свой чепчик, снятый перед тем, как лечь. Ни за что на свете она не хотела предстать перед Рескатором в таком виде, неопрятной и беспомощной. Возможно, именно этого он и добивается. Его уловки были непредвиденными, его намерения, особенно в отношении ее, трудно было предугадать.

Она поспешила привести в порядок свой туалет. На стене оказалось зеркало в массивной золотой оправе, представлявшей собой ряд переплетенных радугами солнечных дисков. Это бесценное сокровище излучало какое-то дьявольское сияние. Анжелика поздравила себя, что не заметила его ночью. В том душевном состоянии зеркало привело бы ее в ужас. Анжелика не могла бы отвести взгляд от этого, устремленного на нее круглого глаза бездонной глубины, который, казалось, околдовал ее. Наклонясь ближе, она увидела в зеркале зеленоглазую сирену с бледными губами и растрепанными волосами. Она поспешила уничтожить этот образ, плотно натянув чепчик. Затем закусила губы, чтобы вернуть им немного краски.

Анжелика продолжала рассматривать себя с недоверием. Это зеркало отличалось от других. Невероятная игра красновато-коричневых и золотистых теней, мягко окружавших ее лицо таинственным ореолом, даже несмотря на скромный чепчик, делали ее образ загадочным и волнующим.

«Действительно ли я такая или это волшебное зеркало?»

Она еще держала его в руках, когда отворилась дверь. Анжелика

невольно спрятала зеркало в складки юбки, упрекая себя за то, что не успела вернуть его на место.

В конце концов, женщина всегда имеет право смотреться в зеркало...

Глава 5. «Я заклеямена королевской лилией!»

Отворилась дверь, которая вела в соседний салон. На пороге стоял Рескатор, придерживавший рукой драпировку.

Анжелика выпрямилась и обратилась к нему ледяным тоном:

— Могу ли я узнать, сударь, почему меня тут держат?

Рескатор прервал ее, приглашая в салон:

— Прошу вас.

Его голос был глуше обычного, прерывался кашлем. Чувствовалось, что он очень устал. Что-то изменилось в нем, что сделало его менее похожим на... «андалузского мавра», как сказал Маниголь. Рескатор действительно не был похож на испанца. Анжелика уже не сомневалась в том, что перед ней чистокровный француз. Но тем не менее, это не делало его более доступным. Кожаная маска на лице была усыпана брызгами воды, но одежду он успел сменить на сухую.

Войдя в салон, Анжелика увидела брошенные, как попало короткие штаны и сапоги, и не смогла удержаться от замечания.

— Вы испортите свои прекрасные ковры!

— Велика важность! — он зевнул, потягиваясь. — Ха! Как должно быть неприятно для мужчины иметь под боком домашнюю хозяйку! Как это люди женятся?

Он тяжело упал в кресло перед столом, ножки которого были наглухо прикреплены к планширу. Из-за сильной качки множество предметов на нем валялось в беспорядке, Анжелика подавила в себе желание убрать на столе. Как успела она заметить, Рескатор был в дурном настроении. Он до сих пор не предложил ей сесть. Вытянув длинные ноги, он, казалось, что-то обдумывал.

— Какая там была баталия! — промолвил он наконец. — Море, льды, а посередине наша ореховая скорлупа. Слава Богу, что не разразилась буря.

— Не разразилась? — повторила Анжелика. — Но мне море показалось очень бурным.

— Это было всего-навсего волнение. Поэтому оно не требовало особенной бдительности.

— Где мы находимся?

Он не ответил на ее вопрос и вдруг сказал, протягивая к ней руку:

— Дайте мне зеркало, которое вы держали. Я был уверен, что оно вам понравится.

— Еще один след сокровищ инков. Порой я спрашиваю себя, не была ли реальностью сказка о Новумбаго? Великий город индейцев с хрустальными башнями, со стенами, покрытыми золотыми листьями и инкрустированными драгоценными камнями...

Казалось, он говорил сам с собой.

— Инки не знали стекла. Отражение в этом зеркале достигнуто путем амальгирования золота ртутью. Вот почему оно придает лицам, смотрящимся в него, пышность золота и мимолетность ртути. Женщина открывается в зеркале тем, кем она является в действительности: восхитительным и скоротечным сном. Это — редчайшая вещь. Она вам нравится? Хотите ее иметь?

— Нет, благодарю вас, — холодно ответила Анжелика.

— А драгоценности вы любите?

Он поставил на стол железный ларец и поднял тяжелую крышку.

— Полюбуйтесь...

Рескатор достал позолоченный фермуар, на котором заиграли радужно-молочными отсветами великолепные жемчужины. Показав молодой женщине украшение, он положил его на стол и вынул другое, на этот раз ожерелье, в котором жемчужины были более золотистые, но все одинаковой чистоты и величины. Их было так много, что казалось чудом, как они удерживаются вместе. Наверное, десяти раз было бы недостаточно, чтобы обвить ими шею...

Анжелика в замешательстве смотрела на эти сокровища. Они так не вязались с ее скромным платьем из бумазеи, черным корсажем, зашнурованным на рубашке из сурового полотна. Вдруг она почувствовала себя неловко в этой простой одежде.

«Жемчуга? Я носила не менее прекрасные, когда была при дворе короля, — подумала она, — нет, не такие прекрасные».

Неожиданно ее волнение улеглось. «Обладание такими чудесными вещами приносило много радости, но это было также и тяжелым бременем. Теперь я свободна».

— Хотите, чтобы я преподнес вам одно из этих коле?

— Мне? Но что мне с ним делать на островах, куда мы направляемся?

— Вы могли бы продать его скорее, чем себя.

Анжелика вздрогнула и почувствовала, как запылали ее щеки. Она никогда не встречала мужчину, исключая Дегре, который обращался бы с ней с такой невыносимой наглостью, смешанной с изысканным вниманием.

Загадочные кошачьи зрачки напряженно наблюдали за ней. Внезапно

он вздохнул:

— Нет... вы неотразимы!

— Если уж я столь неотразима, — быстро возразила Анжелика, — почему вы заставляете меня стоять перед вами и не предложите сесть? Вас элит, что я пренебрегла вашими украшениями? И почему вы, наконец, держите меня в плену всю эту ночь?

— Этой ночью мы были в смертельной опасности. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы льды доходили до этих широт, где обычно свирепствуют равноденственные бури. Я сам был застигнут врасплох и вынужден был вступить в бой сразу с двумя соперниками, чей союз обычно бывает непреодолим: буря и льды. Вдобавок еще ночь. К счастью, как я уже говорил, внезапная перемена ветра, казавшаяся чудом, несколько уредила волнение моря. Это дало нам возможность бросить все силы на борьбу со льдами, и к рассвету опасность миновала. Но еще вчера мы готовились к катастрофе. И тогда я позвал вас...

— Но почему? — повторила Анжелика, так и не поняв, в чем дело.

— Потому, что было много шансов пойти ко дну, и я хотел, чтобы в смертный час вы были рядом со мной.

Анжелика замерла, глядя на него с изумлением. Она не могла поверить, что он говорит серьезно. Конечно, это была очередная мрачная шутка.

Она проспала эту грозную и удивительную ночь, не подозревая, что опасность была так близка. И затем, как он может говорить, что хотел остаться с ней в смертный час, если позволяет себе в обращении с ней нескрываемое оскорбительное пренебрежение?

Она сказала:

— Вы издеваетесь, монсеньор? Почему вы смеетесь надо мной?

— Я не смеюсь над вами и сейчас объясню почему.

— В таком случае, если опасность была столь серьезна, как вы говорите, знайте, что я желала бы в такой момент быть вместе со своей дочуркой и моими друзьями.

— И особенно с мэтром Габриэлем Берне?

— Конечно, — подтвердила она, — с Габриэлем Берне и его детьми, которых люблю, как своих. Перестаньте же смотреть на меня, как на свою собственность! И распоряжаться мной!

— Однако мы должны урегулировать некоторые долговые обязательства, и я вам сказал об этом заранее.

— Возможно, — парировала Анжелика, — но я попрошу вас, когда в будущем надумаете пригласить меня, делать это в менее оскорбительных

выражениях.

— Каких выражениях?

Она повторила то, что сказал ей доктор араб: «Рескатор желает, чтобы она пропела ночь в его каюте».

— Но он в точности повторил мои слова! В моих апартаментах вы находились бы в двух шагах от полуюта и в случае фатальной ситуации...

— он вдруг сделал паузу и сардоническая улыбка появилась на его губах.

— Вы, очевидно, надеялись на иной смысл приглашения?

— Надеялась? Нет! — сказала Анжелика сурово, платя ему той же монетой. — Опасалась! Да, я не желала бы ни за что на свете принимать знаки внимания от человека, столь непорядочного, который...

— Не бойтесь ничего. Не хочу скрывать, что ваш новый облик вызвал у меня глубокое разочарование.

— Слава Богу!

— Что касается меня, то я готов присягнуть, что подобное перевоплощение не обошлось без помощи дьявола. Какая катастрофа! Я хранил в памяти образ соблазнительной одалиски с волосами, излучающими солнечный свет, а теперь нахожу женщину в чепчике, мать семьи в мантии аббатисы. Сознаться, что есть чему удивиться даже закоренелому пирату, вроде меня, который всякого насмотрелся.

— И чрезвычайно ограниченного. Вам спутали все карты, монсеньор. Надо было лучше хранить товар, пока он был в цене...

— Ну, довольно! А тогда на Крите вы выглядели такой смиренной с опущенными плечами...

Анжелика вновь переживала позор, когда ее нагота, выставленная на обозрение, воспламеняла взоры мужчин. «И все-таки в моей жизни были моменты и похуже!» Внезапно он задумчиво произнес:

— О, вы были так прекрасны, мадам дю Плесси, с пышными волосами, заменявшими вам одежду, с глазами загнанной пантеры, и спиной, исполосованной моим добрым другом де Скренвилем... Тогда вы выглядели несравненно лучше, чем сейчас с вашим мещанским чванством... А если добавить еще венчавший вас ореол любовницы короля Франции, вам вообще цены не было... Бесспорно!

Он вывел ее из себя тем, что упомянул титул, который присвоила ей клевета придворных и, особенно, когда дал понять, что в то время она была намного очаровательнее, чем теперь. Какой грубиян! Ярость охватила ее.

— Ах, вам не хватает моей заклеянной спины! Ну, хорошо, смотрите! Смотрите же, что сделали слуги короля с так называемой возлюбленной его величества!

Анжелика стала срывать шнуры с корсажа. Расстегнув его и спустив рубашку, она обнажила плечо.

— Смотрите, — повторила она. — Они заклеили меня королевской лилией!

Рескатор поднялся и подошел к ней. С видом ученого, открывшего редкий объект, он внимательно изучал след раскаленного железа.

— Действительно... А гугеноты знали, что укрывали у себя висельницу?

Анжелика уже жалела о своем необдуманном поступке. Рескатор небрежно поглаживал пальцем маленький затвердевший шрам. Это легкое прикосновение дрожью расходилось по ее телу. Она попыталась привести в порядок одежду, но он помешал, сжав ее плечо твердыми негибкими пальцами.

— Так они знали об этом?

— Только один знает.

— Подобным образом во французском королевстве клеймят лишь проституток и преступников.

Она могла бы сказать ему, что точно так же клеймят и протестантов, поэтому она была принята за одну из них. Но ее все больше охватывал панический страх. Это было то хорошо знакомое состояние, когда она чувствовала себя бессильной в руках мужчины, жаждущего только с ней удовлетворить свое желание.

— Ах, не все ли равно, — взмолилась Анжелика, пытаясь освободиться. — Думайте обо мне все, что угодно, только отпустите меня.

Но он, как и в тот вечер, так крепко прижал ее к себе, что она не могла ни поднять голову к суровой маске, ни повернуться.

Одна рука стальным обручем удерживала ее, другая скользнув по шее, спускалась к прикрытой рубашкой груди.

— Вы хорошо прячете свои сокровища, — прошептал он.

Годы прошли с тех пор, как мужчина осмеливался ласкать ее так дерзко. Она вся напряглась под властной ладонью, уверенная в том, что ее прелести не потеряли своего очарования.

Рука Рескатора была все настойчивее. Анжелика не могла пошевеливаться и едва дышала. Она переживала странные мгновения. Горячие токи пробегали по ее телу, и в то же время ей казалось, что она умирает.

Однако внутреннее сопротивление молодой женщины оказалось сильнее. Ей удалось произнести:

— Отпустите меня!

Судя по тому, как он отпрянул, его задела ее слова.

— Неужели я внушаю вам такой ужас? — спросил он, отпуская ее.

Анжелина попятилась назад и оперлась о стену. Изучающие взглядом он смотрел на нее, и она догадалась о его замешательстве. Она почувствовала, что не так вела себя.

«Ты никогда уже не станешь настоящей женщиной», — шептал ей полный разочарования внутренний голос. Но она тут же возразила: «В объятиях этого пирата — никогда! Он достаточно показал мне свое презрение. Понукать и ласкать — эта манера обеспечивала ему успех у женщин Востока. Но только не у меня! Если я запутаюсь в его сетях, он превратит меня в несчастное существо, погрязшее в разврате... Я уже достаточно натерпелась и настрадалась из-за своих ошибок и без него».

Но, как ни странно, неудовлетворенность осталась. «Один он, возможно, смог бы...»

Что с ней произошло только что? Была ли эта знакомая дрожь под вкрадчивыми пальцами пробуждением ее чувств, искушением ее одиночества? С этим мужчиной она навсегда забудет страх. Она была в этом уверена, а между тем в ее глазах он мог прочесть непреодолимый ужас.

Теперь она не осмелилась взглянуть на него. Как человек рассудительный, Рескатор по-философски отнесся к своей неудаче.

— Слово чести, вы пугливой девственницы! Кто бы мог подумать? — он скрестил руки на груди. — Берегитесь! Ваш отказ чреват последствиями. Что вы скажете о нашей сделке?

— Какой сделке?

— Я ясно понял, когда вы пришли ко мне в Ла-Рошели, что в обмен на погрузку на корабль ваших друзей, вы вернете мне невольницу, которой я не смог по полному праву воспользоваться.

Анжелика почувствовала себя в положении купца, который пытается обойти статью договора.

Когда она бежала под дождем, одержимая единственной мыслью спасти всех преследуемых королем на этой проклятой земле, то знала, что придет за помощью к Рескатору, даже если будет нужно пожертвовать собой. Единственное, что тогда имело значение, было возможность бегства. Теперь он дал понять, что пришла пора платить долги.

— Но... вы же сказали, что я вам не нравлюсь, — начала она с надеждой в голосе.

Ее слова вызвали у Рескатора приступ веселья.

— Плутни женщин никогда не были вескими аргументами, даже если

они были неожиданными, — сказал он между двумя вспышками хриплого смеха, который показался ей ужасным. — Моя дорогая, здесь я хозяин! Я могу позволить себе изменить мнение даже в случае с вами. Вы становитесь достаточно обольстительной, когда входите в раж, и ваша импульсивность имеет свою прелесть. Признаюсь, что у меня только что появилось желание содрать с вас чепчик и грубую шерсть, и подальше обнажить то, что вы так любезно показывали мне недавно.

— Нет! — возразила Анжелика, плотнее закутываясь в накидку.

— Нет? — он приблизился к ней с притворным безразличием. Его поступь была тяжела. Несмотря на изящную внешность, которая отличала подлинного рыцаря, это был человек, выкованный из стали. Иногда это забывалось. Он умел развлекать, забавлять... Проявление этой непреклонной силы внушало страх. Сейчас Анжелика знала, что ей ничто не поможет.

— Не делайте этого, — сказала она поспешно, — это невозможно! Вы, почитающий законы ислама, вспомните, что они запрещают обладать женщиной, у которой есть муж. Я связала судьбу с одним из моих компаньонов. Мы поженимся... через несколько дней прямо здесь, на корабле.

Она говорила сама не зная что, на скорую руку воздвигая барьер между ними. Вопреки ее ожиданию, это признание как будто достигло цели, пират заколебался.

— Один из ваших компаньонов, говорите? Раненый?

— Да... да...

— Тот, который знает...

— Что знает?

— Что вас заклеямили королевской лилией?

— Да, это он.

— Черт побери, хотя он и кальвинист, смелости ему не занимать! Спутаться с женщиной вашего пошиба!

Кровь бросилась ей в лицо, хотя она была готова к тому, что ей примет ее сообщение с издевкой. И все-таки было видно, что он задет.

«Это оттого, что я упомянула о законах ислама, которые ему должны быть дороги», — сказала она себе.

Словно прочитав ее мысли, он с яростью обрушился на нее:

— Я больше не связан уважением законов ислама, равно как и христианских заповедей, которым следуете вы.

— Безбожник! — испуганно вскрикнула Анжелика. — Разве вы недавно не говорили, что мы были спасены от бури милостью Божьей?

— Тот бог, которому я приношу благодарность, имеет только отдаленное отношение к Богу, причастному к несправедливости и бесчеловечности вашего мира... Зло — вот единственное, на чем держится прогнивший Старый Свет.

Эти резкие слова не были похожи на его обычный снисходительный тон.

«Все-таки я его задела», — повторяла Анжелика. Она была ошеломлена этим, как Давид с помощью простой пращи победивший Голиафа.

Рескатор тяжело опустился на стул, взял из ларца массивное жемчужное ожерелье и стал рассеянно пропускать его между пальцами.

— Вы давно его знаете?

— Кого именно?

— Вашего будущего супруга, — в его голосе послышались саркастические нотки.

— Да, уже давно.

— Несколько лет?

— Несколько лет, — ответила она, воскресив в памяти того протестанта на коне, который милосердно помог ей по дороге в Шератон, когда она искала цыган, похитивших ее маленького Кантора.

— Это отец вашей дочери?

— Нет.

— Даже не отец!

Смех Рескатора прозвучал, как оскорбление.

— Вы знакомы с ним несколько лет, но это не помешало вам завести ребенка от рыжеволосого любовника.

Она совершенно не поняла, что он хотел сказать. «Какой рыжеволосый любовник?» Вновь волна возмущения охватила ее. Ее глаза метали молнии.

— Вы не имеете права говорить со мной таким тоном. Вы совершенно не знаете моей жизни. Ни обстоятельств, при которых я познакомилась с мэтром Берне, ни откуда взялась моя дочь. По какому праву вы меня допрашиваете, как... полицейская ищейка!

— У меня есть на вас все права!

Он сказал это бесстрастно, мрачным тоном, который, однако, казался более опасным, чем угроза.

«У меня есть на вас все права!»

В этих словах была неотвратимость, И она не могла пренебречь ими, ибо вновь ощутила его превосходство.

«Но я все равно ускользну от него. Мэтр Берне защитит меня!»

Анжелика огляделась вокруг со странным ощущением что все это происходит вне времени и пространства.

Глава 6. Человек-загадка

Бледный свет народившегося дня едва пробивался сквозь толстые стекла. Комната купалась в переливах светотени, придававших их беседе то таинственный, то зловещий оттенок.

Теперь, когда Рескатор был вдали от нее, Анжелика нашла, что он похож на мрачный призрак с единственным светлым пятном — руками, перебирающими сверкающую нить жемчужного кольца.

Именно сейчас она сообразила, почему Рескатор показался ей каким-то другим: он сбрил бороду. Этим обстоятельством и было вызвано ее смущение.

Душа Анжелики была в смятении как в тот вечер, когда она готова была поверить в невероятное. Ее вновь охватил безотчетный страх перед этим человеком, которого она не понимала, но который обладал над ней таинственной властью. Анжелика знала, что он принесет ей страдания... Она с надеждой посмотрела на дверь и едва вымолвила:

— Теперь отпустите меня.

Очевидно, он не услышал ее, затем поднял голову.

— Анжелика... — его приглушенный голос был подобен эху другого голоса. — Как вы далеки... Никогда больше я не стану близким вам.

Она замерла, широко раскрыв глаза. Откуда этот грустный тон! Внезапно она почувствовала слабость, ноги словно налились свинцом.

Анжелика хотела броситься к двери, чтобы избавиться от его колдовских чар, но не смогла двинуться с места.

— Прошу вас, пожалуйста, отпустите меня! — еще раз прошептала она.

— Все-таки надо найти выход из нелепого положения. Именно поэтому я хотел поговорить с вами утром. Но вы заблуждаетесь, и от этого ситуация становится еще более сложной.

— Я не понимаю вас... И вообще, ничего не понимаю из того, что вы говорите!

— А еще говорят в женской интуиции, о зове сердца. Что же мне известно?.. Как минимум, можно констатировать, что теперь вы обобранны до нитки. Приступим к делу. Мадам дю Плесси, когда вы прибыли на Крит, одни считали, что вас привели туда торговые дела, другие — встреча с любовником. Третьи утверждали, что вы разыскиваете одного из своих мужей. Какая версия из этих правильная?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Ответьте! — сказал он с нетерпением. — Вы смертельно напуганы, согласен, но все же надо держать голову выше. Почему вы боитесь отвечать на мои вопросы?

— Я и сама не знаю.

— Ответ не достоин вашего обычного хладнокровия и говорит скорее о том, что вы начали догадываться, к чему я клоню... Мадам дю Плесси, тот муж, которого вы разыскивали... вы нашли его?

Не в силах произнести ни звука, она отрицательно покачала головой.

— Нет? А между тем я, Рескатор, знавший всех и вся на Средиземном море, берусь утверждать, что он находился в непосредственной близости от вас.

Анжелика почувствовала, как ее тело превращается в зыбкое облако. Она закричала, почти теряя сознание:

— Нет, нет, это неправда!.. Это неправда! Если бы он был около меня, я узнала бы его среди тысячи мужчин!

— Ну что ж, что вас вводит в заблуждение? Смотрите!..

Глава 7. Рескатор снимает маску

Рескатор поднес руку к затылку. Прежде, чем Анжелика поняла смысл этого движения, кожаная маска оказалась на его коленях, и он повернулся к ней. С криком ужаса она закрыла лицо руками. Она вспомнила, как на Средиземном море рассказывали о замаскированном пирате с отрубленным носом. И страх оказаться перед лицом, подобным смерти, невольно заставил ее сделать это.

— Да вы что?

Она услышала, как он встал и идет к ней.

— Рескатор без маски далеко не красавец? Я согласен с вами. Но, тем не менее... Неужели вы не можете смотреть правде в глаза?

Пальцы Анжелики медленно скользнули по щекам. В двух шагах от нее стоял незнакомый мужчина. Она вздохнула с облегчением: но крайней мере, нос у него был на месте. Его мрачный пронизывающий взгляд из-под густых бровей был выразителен. На мужественном лице виднелись следы старых шрамов, но ничего устрашающего в нем Анжелика не нашла.

Когда он заговорил, это был все тот же голос Рескатора.

— Не смотрите на меня такими глазами! Ведь я не призрак... Подойдите поближе к свету. Посмотрите внимательно. Невозможно, чтобы вы меня не узнали...

Он нетерпеливо подвел ее к окну, и она покорно подчинилась.

— Посмотрите на меня внимательно... Неужели эти шрамы не будят в вас никаких воспоминаний? Неужели ваша память так же иссушена, как и сердце?

— Почему? — прошептала она. — Почему вы сейчас сказали, что на Крите он был рядом со мной?

Тревожные огоньки зажглись в его черных глазах, следивших за ее лицом. Рескатор резко встряхнул Анжелику.

— Проснитесь! Не делайте вид, что ничего не понимаете. На Крите я был рядом с вами. На мне была маска — это правда. Вы не узнали меня, а у меня не было времени открыть вам свое подлинное лицо. Но сейчас вы что ослепли... или сошли с ума?

«Да, я сошла с ума...» — подумала Анжелика. Перед ней стоял человек, с помощью каких-то дьявольских сил осмелившийся принять облик Жоффрея де Пейрака.

Этот такой любимый образ, долго хранящийся в глубине ее сердца, с

годами сгладился в памяти, ибо у Анжелики никогда не было портрета Жоффрея.

Теперь он возник перед ней с непостижимой точностью. Тонкий благородный нос, сильные насмешливые губы, четко выступающие под бледной кожей крепкие скулы и такие родные линии шрамов, по которым она некогда нежно проводила пальцами.

— Вы не имеете права делать это, — сказала она безжизненным голосом. — Вы не имеете права быть похожим на него, чтобы обмануть меня.

— Перестаньте бредить. Почему вы отказываетесь признать своего первого мужа?

Она вела борьбу с опасным миражем.

— Нет-нет, вы — это не... он. Он... у него были волосы... огромная черная шевелюра, обрамляющая лицо.

— Мои волосы? Уже давно я лишился этого неудобного украшения. Оно ни к чему повелителю моря.

— Но он... он был хромой! — воскликнула она вне себя. — Можно обрезать волосы, можно надеть маску на лицо, но нельзя сделать так, чтобы укороченная нога стала длиннее.

— Я встретил хирурга, сотворившего со мной чудо. Хирурга в алой ливрее, с которым вам тоже пришлось познакомиться.

И поскольку она молчала, не понимая, в чем дело, он бросил:

— Палача!

Рескатор с волнением метался по комнате.

— Мэтр Обэн, палач, исполнитель приговоров в Париже, ах, что за искусный человек, чтобы вымотать у вас нервы, превратить мускулы в тряпки и привести вас в соответствующие «нормы», установленные королем... Моя врожденная хромота прошла из-за атрофии сухожилия под коленом. После трех сеансов на дыбе на этом месте была только зияющая рана, и моя немощная нога догнала свою соседку. Было бы ложью, конечно, сказать, что я преобразился мгновенно. Этим я обязан, главным образом, Абд-эль-Мехрату, завершившему так хорошо начатое произведение искусства. И я узнал, что теперь с небольшим утолщением сапога моя походка почти не отличается от нормальной. Это непередаваемое ощущение. После тридцати лет хромоты уверенно чувствовать землю под ногами. Я охотно прыгаю, много гуляю. Я смог дать полную свободу склонностям болезненного мальчика, а затем мужчины. Тем более, что морская профессия располагает к этому.

Казалось, он говорил сам с собой, но его острый взгляд не отрывался

от бледного лица молодой женщины. Было похоже, что она по-прежнему ничего не слышит и не понимает. Он подумал, что это состояние шока превосходит его худшие предположения.

Наконец губы Анжелики дрогнули.

— Его голос! Как вы можете претендовать?.. У него был несравненный голос. Это-то я хорошо помню. Но где же его голос? Золотой голос королевства!

— Мертв!

Горечь в голосе придавала ему еще большую нестройность. Нет, никогда не сможет Анжелика представить то лицо в сочетании с этим голосом.

Рескатор остановился перед ней и произнес с необычайной нежностью:

— Вы помните? На Крите?.. Я сказал вам, что когда-то сорвал голос, вызывая к Богу... Взамен он даровал мне то, о чем я просил, — жизнь. Это случилось на паперти собора Нотр-Дам. Я был уверен, что тогда пришел мой последний час. И воззвал к Богу. Я кричал очень громко, хотя был уже совершенно обессиленный. И это сорвало мой голос навсегда.

Сомнения внезапно рассеялись. Он воскресил перед ней те незабываемые ужасные картины, которые принадлежали только им. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как он, осужденный на смерть, в рубище, с веревкой на шее был приведен на паперть собора Нотр-Дам для публичного покаяния.

Тот несчастный смертник, доведенный до крайней степени истощения, поддерживаемый палачом и священником, был одним из звеньев невероятной цепи, которая соединяла тулузского сеньора с морским авантюристом, стоящим ныне перед ней.

— Но тогда, — недоверчиво произнесла Анжелика, — вы... вы — мой муж?

— Я был им... Буду ли я теперь? Мне кажется, что это не столь уж важно, — и когда он едва заметно насмешливо улыбнулся, Анжелика окончательно узнала его.

«Он жив!» К этим словам, которые она так часто твердила про себя, теперь примешивались нотки зловещего разочарования. Не было ослепительного света радости. «Он жив... но и мертв, тот человек, который любил меня и пел для меня. Эту любовь и пение ничто уже не воскресит... Никогда!»

Казалось, сердце ее разорвется. Анжелика попыталась глубоко вздохнуть, но безуспешно.

Вдруг ее поглотила черная бездна. Анжелика погружалась в небытие с мучительным ощущением разгадки.

Глава 8. Улыбка Рескатора

Когда Анжелика пришла в себя, неопишное счастье наполнило все ее естество. Волны ледящего страха уступили место благотворному теплу, мрак бездны сменился ослепительным светом...

Она открыла глаза. Счастье было рядом в образе человека, стоявшего у ее изголовья, от лица которого она больше не отрекалась. Закаленное, с резко очерченными чертами, ставшими более правильными из-за сгладившихся с годами шрамов, с тонкой паутиной времени, появляющейся у мужчин в расцвете лет... Это был, бесспорно, Жоффрей де Пейрак.

Он смотрел на нее с выражением такой отрешенности, что, казалось, теперь уже он не узнает ее. Но Анжелику не покидала мысль о свершившемся чуде, и ее притягивало к нему.

— Прощу вас, сударыня, не считайте себя обязанной проявлять страсть, возможно существовавшую когда-то, но уже давно угасшую в наших сердцах.

Анжелика замерла, сраженная этим ударом. Наступившую тишину заполнил зловещий свист ветра, запутавшегося в вантах и парусах, похожий на душераздирающие стоны, отдающиеся эхом в сердце несчастной женщины.

Когда он произносил последние слова, у него был такой же недоступный вид, как некогда у великого тулузского сеньора. Одежда морского разбойника не могла скрыть от нее Жоффрея.

Смертельная бледность покрывала лицо Анжелики. Он открыл дверцу шкафчика в глубине салона и что-то перебирал в нем. Со спины это был прежний Рескатор, и на мгновение ей почудилось, что все случившееся — только дурной сон.

Он протянул ей бокал.

— Выпейте эту настойку.

Анжелика сделала отрицательный жест.

— Выпейте! — настаивал он.

Чтобы покончить с этим и больше не слышать его грубого голоса, она залпом выпила содержимое бокала.

— Теперь вы чувствуете себя лучше? Почему вам сделалось дурно?

Анжелика закашлялась и никак не могла отдышаться. Его вопросы привели ее немного в себя.

— Как почему? Узнать, что человек, которого оплакивала столько лет, стоит перед моими глазами живой, и вы хотите, чтобы я...

На этот раз ее остановила улыбка Рескатора.

Эта улыбка обнажила его по-прежнему великолепные зубы, улыбка последнего трубадура, только с оттенком грусти и разочарования.

— Пятнадцать лет, сударыня! Лучше подумайте об этом. Попытка самообольщения будет недостойной и глупой комедией. Отныне у нас с вами все разное: воспоминания, страсть...

Вот правда, которой она боялась, поразившая ее, как острый и холодный кинжал.

Анжелика нашла его, но он больше не любит ее. Всю жизнь она представляла Жоффрея в мечтах, протягивающим к ней руки. Эти мечты — и она убедилась в этом сегодня — оказались пустыми, как и большинство женских фантазий.

«Пятнадцать лет, сударыня! Подумайте об этом!»

Он познал другую любовь и, наверное, не одну... А может быть, он женился на другой? На женщине, которую страстно полюбил, гораздо сильнее, чем когда-то любил ее?

На висках выступила холодная испарина, и она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

— Почему вы открылись мне только сейчас?

Он тихо засмеялся.

— Ведь я уже вам сказал почему. Чтобы покончить с этой нелепой ситуацией. Я ждал, что вы узнаете меня, пока не убедился в том, что ни малейшая тень сомнения не омрачила ваше лицо. Вы окончательно похоронили меня. Вы расточали любезности вашему раненому и его детям и, право, никакой муж не мог бы иметь лучшей возможности инкогнито следить за неблагоприятными поступками ветреной супруги в этой комедии, Я должен был ждать, пока вы придете просить меня как хозяина, капитана корабля сочетать вас брачными узами с этим торгашом? Это было бы довольно сомнительное удовольствие, не правда ли, мадам де Пейрак?

Он разразился хриплым смехом, который она не могла больше выносить.

— Замолчите! — закричала она, зажимая уши. — Все это нестерпимо!

— Это — крик моего сердца.

Для него было пустяком то, что ее опустошило подобно урагану. Ведь после Крита он знал о ее существовании, и эта встреча не вызвала у него особого волнения. Когда не любят, на вещи смотрят просто.

Двусмысленность и драматизм создавшегося положения даже

забавляли Рескатора. И это тоже было знакомо ей. Разве не так смеялся граф де Пейрак в зале трибунала, когда его приговаривали к смерти.

— Мне кажется, что я схожу с ума, — простонала она, заламывая руки.

— Нет! — вид у него был абсолютно равнодушный. — Вы не сойдете с ума из-за такого пустяка. Полноте, вы же сами других сводили... Женщина, которая дала отпор Муль-Измаилу... И единственная пленница-христианка, которой удалось бежать из гарема и королевства Марокко. Правда, в этом вам помог один доблестный компаньон, этот легендарный король рабов... как его звали? Ах, да — Колен Патюрель.

И он повторил, пристально глядя на нее:

— Колен Патюрель.

Это имя, произнесенное каким-то странным тоном, проникло в затуманенное сознание Анжелики.

— Почему вы вдруг заговорили о Колене Патюреле?

— Чтобы немного освежить вашу память.

Его мрачный сверкающий взгляд пронзил ее. Некоторое время Анжелика не могла шевельнуться, как загипнотизированная змеей птица.

«Итак, он знает, что Колен Патюрель любил меня... и что я его любила», — промелькнуло у нее. Страх обуял Анжелику, Вся жизнь ее представилась чередой непоправимых ошибок, за которые придется дорого расплачиваться.

«И я познала другие увлечения, но это не надо брать в расчет», — хотелось ей крикнуть. Как объяснить ему это? Любые слова были бессильны. Совсем подавленная, она уронила голову и закрыла лицо руками.

— Вы прекрасно видите, моя дорогая, что возражения ни к чему, — раздавался его приглушенный голос. — Я повторяю, что не собираюсь разыграть одну из трагикомедий, до которых вы, женщины, так падки. Я предпочитаю во многом относиться к вам, как к самому себе, без предвзятости. И чтобы вас окончательно успокоить, даже скажу, что ваше волнение мне понятно. Когда готовятся вступить в законный брак с новым избранником сердца, не особенно приятно видеть внезапно появившегося совсем забытого супруга, который, на ваш взгляд, пытается, как при торговой сделке, получить расчет. Он же об этом и не помышляет, успокойтесь, пожалуйста. Разве я говорил, что помешаю вашим планам... если они настолько завладели вами?

Подобная снисходительность была самым худшим оскорблением, которое она могла ожидать. То, что он считал возможным ее брак с другим,

означало довольно ясно, насколько она ему безразлична.

Он превратился в закоренелого грешника. Это непостижимо! Кто-то из них определенно лишился рассудка! Анжелика выпрямилась и бросила на него надменный взгляд, протягивая руку, на которой когда-то было надето обручальное кольцо.

— Сударь, для меня ваши слова лишены смысла. Пятнадцать лет могли пройти, но раз вы живы, не приходится сомневаться, что я остаюсь вашей супругой перед Богом, если не перед людьми.

Мимолетное волнение пробежало по лицу Рескатора. Под обликом женщины, которую он отказывался признать своей женой, скрывалась юная девушка из благородного рода...

Но затем до боли знакомый милый образ был вытеснен знатной дамой, в которую она превратилась... в Версале.

«Самая прекрасная из дам, — говорили ему, — королева больше, чем сама королева».

Мысленно он сбросил с нее эти грубые одеяния и представил Анжелику в полном великолепии, с гордо выпрямленной белоснежной спиной под огнями люстр, с плечами, под тяжестью драгоценностей... Ее движения царственны и непокорны — это было невыносимо.

Он встал, как бы вопреки своему желанию оставаться бесстрастным. Напряжение этой сцены всколыхнуло в его душе бурю чувств, но когда после долгого молчания он обратился к Анжелике, лицо его оставалось таким же суровым и непроницаемым.

— Это верно, что вы в самом деле единственная женщина, когда-либо бывшая моей женой. Но вы не последовали моему примеру и довольно скоро нашли замену.

— Я была уверена, что вас нет в живых.

— Мадам дю Плесси де Бельер, — продолжал он медленно, как бы собираясь с мыслями. — Я никогда не жаловался на плохую память и сейчас припоминаю, как вы мне рассказывали о маленьком кузене, слывшем красавцем, в которого вы тогда были чуточку влюблены. Какая превосходная возможность: неожиданно избавиться от навязанного отцом неудачного и к тому же колченогого мужа и осуществить взлелеянную в тайне мечту.

Анжелика, молитвенно сложив руки, произнесла горестно:

— Неужели это все, что осталось от того чувства, которое я вам отдала?

— Вы были очень молоды... За какое-то время я расположил вас к себе. И вскоре понял, что более очаровательной супруги мне не найти. Но

мне тогда и в голову не приходило сомневаться в вашей верности. Впрочем, оставим это... Мне кажется бесполезным ворошить прошлое. Так же, как и пытаться его воскресить. Однако, как вы успели заметить, вы все еще являетесь моей законной женой, и я имею право задать вам несколько вопросов, касающихся не только вас...

Его черные брови снова нахмурились, скрывая глаза, которые были почти золотистыми, когда их озаряла радость или лукавство. Но гнев или подозрение делали их мрачными и пронизывающими.

Понемногу Анжелика узнавала его прежний чарующий взгляд. «Это он! Это действительно он!» — думала она, не зная радоваться или отчаиваться.

— Что с моими сыновьями? Где они?

— Ваши сыновья?

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Да, мои сыновья. И ваши! Конечно, те, чьим отцом я являюсь. Старший — Флоримон, родившийся в Тулузе во дворце Веселой Науки. Младший — Кантор, его я не видел, но узнал о его существовании. Где они? Где вы бросили их? Не знаю, почему я надеялся, что отыщу их среди этих преследуемых людей. Мать, спасающая своих детей от злой участи, — вот та роль, за которую я был бы вам признателен. Но среди мальчиков на корабле нет моих сыновей.

Впрочем, вы не очень-то заботитесь и о своей дочери. Так где же они? Почему вы не взяли их с собой? На кого вы их оставили? Кто о них заботится?

Глава 9. Обманчивые надежды

Лучше бы ее распяли, чем требовали ответа... Какими словами объяснить отсутствие двух мальчиков, исчезнувших навсегда? Сколько ради них переносила она невзгод и страданий!

Как ей, матери, хотелось вырвать их из нищеты и восстановить в законных правах! В мечтах она видела их сильными, красивыми, блестящими... Но ей не суждено увидеть их взрослыми.

Анжелика с трудом произнесла:

— Флоримон уехал давно... Тогда ему было тринадцать лет... Я так и не узнала, что с ним произошло. Кантор... погиб в девять лет.

— Я ждал вашего ответа. И боялся его. Чего я вам никогда не прошу, — сказал Рескатор, яростно сжимая челюсти, — это равнодушия к судьбе моих сыновей. Они напоминали, о той жизни, которую вы желали бы забыть: Вы попросту их бросили! Вы гнались за наслаждениями, любовными утехами. И теперь без стыда признаетесь, что вы ничего не знаете даже о том единственном, который еще, возможно, жив. Я мог бы вам многое простить. Но этого — никогда! Нет!

Анжелика замерла, как пораженная громом, затем бросилась к нему, дрожащая, смертельно бледная. Из всех несправедливо предъявленных ей обвинений, это было самое чудовищное. Он упрекал ее в том, что она забыла его, — и это было неправдой, в том, что она никогда не любила его, — и это было ужасно! Но Анжелика не могла вынести обвинения в том, что она плохая мать, ибо за своих сыновей всегда была готова отдать последнюю каплю крови. Может быть, она не была домоседкой и скупа на ласку, но в ее сердце всегда жили Флоримон и Кантор... и он.

Он, который посмел бросить ей в лицо такой страшный упрек, когда сам долгие годы блуждал по морям, ничуть не заботясь ни о ней, ни о сыновьях. Разве отец избавил их от нищеты, в которую ввергло невинных детей его падение? Разве она виновата в том, что Флоримон всегда был совершенно бесправным ребенком без имени и титула?

Она расскажет, при каких обстоятельствах погиб Кантор. Это случилось по его вине! Потому что французская галера, на которой находился юный паж герцога де Вивона, была потоплена пиратским судном Рескатора.

Анжелика задыхалась от возмущения и страдания. Но как только собралась заговорить, неожиданная волна резко качнула корабль. Она еле

удержалась, схватившись за стол. Этой короткой передышки хватило Анжелике, чтобы подавить в себе желание высказать ему свою горечь и боль. Имеет ли она право объявить отцу, что он виноват в гибели собственного ребенка? Разве не достаточно судьбы Жоффрея де Пейрака? Его хотели казнить, лишили состояния, изгнали, превратив в странника, отняв все права, кроме тех, которые ему пришлось отвоевать шпагой.

Можно ли казнить его за то, что он в конце концов стал совершенно другим человеком, выкованным неумолимым законом, — ты должен убивать, чтобы не быть убитым? Суровая действительность требовала другого. Кому бы принесла она пользу, раскрыв, что он погубил их ребенка?

Нет, она никогда не скажет ему этого! Но она откроет ему понемногу та, что он, видимо, не мог знать: весь ужас молодой женщины, брошенной в пучину нищеты и одиночества. Она не расскажет, как погиб Кантор, но как родился, — обязательно: вечером у костра на Гревской площади; и как она была несчастна, толкая по обледеневшим парижским улицам тачку, из которой выглядывали посиневшие от холода маленькие ее сыновья. Возможно, тогда он поймет. Он осуждает ее, но только потому, что не знает, что ей пришлось пережить. Неужели он останется бесчувственным, когда узнает правду? Смогут ли слова раздуть искры любви, тлеющие в его сердце? В сердце, таком же опустошенном, как и ее.

Но Анжелика еще была способна любить. Она упадет с мольбами к его ногам и выскажет все, что накопилось у нее на сердце. Что она всегда любила его. Что без него жила только ожиданием, с постоянным чувством неудовлетворения. Не она ли вопреки воли короля бросилась, как безумная, на поиски его, подвергаясь бесчисленным опасностям?

Но тут она заметила, что Рескатор, отвернувшись, с удивлением следил за дверью салона, которая тихонько приоткрылась. Это было по меньшей мере странно: ведь мавр — превосходный страж. Кто мог позволить себе войти без разрешения в апартаменты грозного хозяина. Может быть, ветер...

Из двери потянуло ледяным холодом, в теплом воздухе поползли причудливые шлейфы тумана. Из-за этой воздушной завесы появилось крохотное существо с блестящими глазами в сатиновом чепчике цвета зеленого яблока на огненных волосах. Позади него выглядывало побелевшее от холода лицо берберийца часового.

— Почему вы позволили ей войти? — спросил Рескатор по-арабски.

— Ребенок искал мать.

Онорина бросилась к Анжелике.

— Мама, где ты была? Мама, иди ко мне!

Анжелике стало не по себе. Она смотрела в замешательстве на поднятое к ней детское круглое личико с черными пронзительными глазами. Чужой облик дочери так поразил ее, что на какое-то мгновение Анжелика оказалась во власти чувств, которые испытывала прежде: ужас перед этим созданием, против ее воли появившимся на свет, и жгучий стыд.

— Мама, всю ночь тебя не было! Мама!..

Девочка настойчиво повторяла это слово, которое произносила так редко...

— Мама... мама...

Онорина была тут. Как символ всего непростительного, печать, поставленная на дверях потерянного рая, подобно тем королевским печатям на дверях дворца Веселых Наук, означавшим конец мира, счастья...

Мимолетные картины прошлого сменялись перед глазами Анжелики. Вздохнув, она взяла Онорину на руки.

Жоффрей де Пейрак разглядывал девочку, прикидывая ее возраст: три года, четыре? Значит, это не дочь маршала дю Плесси. Чья же тогда? По его иронической презрительной полуулыбке она догадалась, о чем он думал. «Случайный любовник? Рыжеволосый красавец». И так думают о ней, маркизе дю Плесси де Бельер — возлюбленной короля Франции, вдове графа де Пейрака... Но она никогда не сможет сказать ему правду. Она навсегда сохранит этот позор в себе вместе с неизгладимыми шрамами на теле и в сердце, со смертью малютки Шарля-Анри, с ожогами на ногах, вылеченными Коленом...

Филипп, поцелуй короля, пылкая страсть бедного нормандца — короля рабов, полицейский Дегре, доставлявший ей веселые и непристойные наслаждения, и более утонченные, которые подарил ей герцог де Вивон... Ах! Еще она забыла Радецкого и многих других... Наконец, Онорина, рожденная от неизвестного насильника. Как жестоко суждено ей расплачиваться за все объятия, в которые вольно или невольно она попадала.

Граф произвольно поглаживал подбородок. Ему явно не доставало недавно пожертвованной бороды.

— Признайтесь, дорогая, что мы в затруднительном положении. — Как мог он по-прежнему иронизировать, когда она еле держалась на ногах от боли в сердце!

— При всем желании прояснить его, я вижу, что оно стало еще более

запутанным... Все нас разделяет!

— Идем, мама! — повторяла Онорина, теребя мать за юбку.

— Вы, конечно, не придаете большого значения этой близости, которая несколько часов назад отвлекла ваши мысли, целиком занятые другим...

— Идем, мама!

— Да замолчи ты! — Анжелика чувствовала, что сердце ее готово разорваться.

— Что касается меня, то я, старый морской волк, привыкший к одиночеству. За исключением тех недолгих супружеских лет, которые прожил тогда в вашем очаровательном обществе, женщины всегда играли в моей жизни только эпизодические роли. Узнав это, вы будете, возможно, польщены. Но это породило склонности, которые отнюдь не располагают меня вновь очутиться в шкуре примерного мужа. Этот корабль не так уж велик, мои апартаменты тесноваты... Я хочу вам кое-что предложить. Соберем свои жетоны на время путешествия и будем считать, что партия закончилась вничью.

— Вничью?

— Будем жить как и прежде. Вы, госпожа Анжелика, останетесь среди ваших компаньонов, а я останусь у себя.

Итак, Жоффрей отрекается от нее. Не зная, как ему поступить, он решил отправить Анжелику к тем, с кем она сблизилась за последние месяцы.

— А вы хотя бы попросили меня забыть о той тайне, которую так непредусмотрительно раскрыли мне, — в ее, голосе прозвучал сарказм.

— Забыть?.. Но в любом случае, не предавать огласке.

— Идем, мама, — повторила Онорина, продолжая тянуть ее к двери.

— Я думаю, что вашим друзьям совершенно незачем знать о том, что вы — моя сообщница.

— Ваша сообщница? Но в чем?

Вместо ответа он наморщил лоб и погрузился в размышления.

— Вернитесь к ним и ничего не говорите. Это бесполезно. К тому же вас могут принять за сумасшедшую. Эта история об исчезнувшем и вновь найденном муже, который увозит вас на своем корабле в то время, как вы сами не можете узнать его, согласится, покажется подозрительной.

Он повернулся к столу, чтобы взять кожаную маску — надежное укрытие лица от соленых брызг и людского любопытства.

— Не говорите ничего. Не давайте им повода к подозрениям. Тем более, что это не те люди, которые могут внушить мне доверие.

Анжелика была уже у двери.

— Хотя в этом наши мнения совпадают, — заметила она и, обернувшись, внимательно посмотрела на него.

Он был уже в маске. Это помогло ей разобраться в том, что он пытался ей втолковать. Перед ней стояли два совершенно разных человека: Жоффрей де Пейрак и Рескатор. Изгнанный великий сеньор и покоритель морей, отвергнувший старые привязанности, чтобы сделать своим достоянием суровое настоящее. Как ни странно, но в этом обличье он показался ей более близким. Анжелике легче было обращаться к нему только как к Рескатору.

— Мои друзья беспокоятся, монсеньер Рескатор, не понимая, куда вы их завезли. Ведь это довольно необычно, встретить льды на широте Африки, где мы должны быть.

Он подошел к испещренному странными знаками глобусу из черного мрамора. Протянув к нему руку, провел пальцем по инкрустированным золотом линиям и после долгого молчания равнодушно сказал:

— Скажите им, что северная дорога тоже ведет к островам.

Глава 10. Жоффрей де Пейрак в раздумьях

Граф Жоффрей де Пейрак, он же Рескатор, проскользнул в люк и стремительно спустился по крутой лестнице, ведущей в самое чрево корабля. Следуя за белым бурнусом мавра, освещавшего дорогу фонарем, он пробирался по узкому лабиринту проходов.

Легкое покачивание палубы под ногами укрепляло ощущение покоя: опасность миновала. Несмотря на то, что они шли в сплошном тумане, тревожном и холодном, оседавшем тонким слоем инея на такелаже и палубе, Рескатор знал, что все будет в порядке.

«Голдсборо» шел с легкостью судна, которому ничто не угрожает. Ведь хозяину был знаком в нем каждый скрип, от киля до верхушек мачт, вес, что составляло могучее тело корабля, предназначенного для полярных морей, построенного по его собственным чертежам в Бостоне, на главных верфях Северной Америки.

Уверенно шагая, он дотрагивался руками до влажного дерева корабля — своего любимого детища. Между тем, победа, одержанная прошлой ночью в ожесточенной борьбе с враждебным морем и льдами, не оставила в его душе обычного удовлетворения, но зато утвердила веру в незыблемость приобретенного богатства, которое никто не смог бы у него отнять.

Затем он выдержал совсем другую бурю, оставившую в его душе опустошенность. Можно было бы вообразить себе подобный фарс?

Пока он не решался назвать свое объяснение с Анжеликой словом «драма», хотя всегда старался дать каждому событию точное определение. С женщинами, как правило, происходят истории, больше похожие на фарс, нежели на драму. Рескатор не мог удержаться от смеха, вспоминая почти классический сюжет комедии: забытый супруг, дающий жене и ее друзьям кров на борту своего корабля и при этом остающийся неузнанным, и голубка, собирающаяся с его благословения свить гнездышко с новым избранником.

Известно, что жизнь не скупится на расходы для забавных представлений, но тут она перешла все границы. Должен ли он благословлять судьбу за это? Оба они, расставшиеся пятнадцать лет назад, не делали попытки вернуться к прошлому. Тогда почему он завел об этом разговор сегодня утром? Раз уж Анжелика не смогла узнать его, не проще ли было бы оставить ее с этим чванливым протестантом?

Неожиданно мелькнувшая мысль пронзила его, точно яркий ослепительный свет во тьме.

«Глупец! Для чего тебе нужны сто жизней, бесчестная игра со смертью, если ты всегда прятал от себя настоящую правду? Сознайся, что ты не можешь это сделать потому, что ты не вынесешь!»

Он обвел вес вокруг мрачным взглядом. Несколько изнуренных людей спало в гамаках и на грубых кушетках, пристроенных возле пушечных лафетов, но орудийные люки были открыты, ибо вторая батарея плохо вентилировалась.

Рескатор распорядился поместить здесь часть экипажа, чтобы предоставить лучшее помещение пассажирам. Время от времени спящих обдавало волной, и тогда раздавалось недовольное ворчание. Это место было недалеко от ватерлинии. Ясно слышался плеск и бормотание волн, напоминающих укрощенного зверя.

Он подошел к одному из люков, куда проникал дневной свет, окрашенный сине-зелеными отблесками моря. Хозяин, обычно внимательно относившийся к нуждам экипажа, сейчас был полностью занят своими мыслями.

По длинным бледно-зеленым валам пробегали причудливые тени и зеркальные блики, воскрешавшие в его памяти чудесные глаза, от очарования которых он так хотел избавиться.

«Нет, не могу этого вынести! — подумал Жоффрей снова. — Если бы она стала мне безразлична! Но ведь это далеко не так!»

Однако его желания было недостаточно для того, чтобы изменить грядущие события. Трезвый взгляд не всегда дает возможность найти лучшее решение. Он мог сказать себе, что мужчина в зрелом возрасте обладает достаточной выдержкой, чтобы не бояться подобных внутренних конфликтов.

Граф де Пейрак никогда не поддавался ненависти, отчаянию, зависти — чувствам, всегда казавшимся ему недостойными. Ему удавалось избегать их до того дня, пока один из подручных не сообщил, что «вдова» мадам де Пейрак счастливо сочеталась браком с очень красивым и распутным маркизом дю Плесси де Бельером. Он довольно легко пережил эту весть. По крайней мере, ему так казалось. Рана, без сомнения, была более глубокой. Все, что выпадало на его долю, он претерпевал ради единственной женщины, которой больше для него не существовало.

Глядя на море, Жоффрей вновь вспомнил о глазах бездонной зелени и в приступе внезапной ярости захлопнул крышку люка. Стоящий сзади мавр Абдулла приготовился потушить фонарь.

— Нет, мы спустимся вниз, — и он последовал за арабом в новый темный колодец, открытый тут же в полу батарее. Но занятие было для него слишком привычным, чтобы отвлечь от навязчивых мыслей об Анжелике. Впрочем, и на дно трюма он отправился из-за нее тоже.

Раздражение, злоба, смятение — он не знал, что в нем преобладало. Но только не равнодушие — увы! Женщина, потерявшая за пятнадцать лет право называться его женой и изменявшая ему при всяком удобном случае, смогла воскресить в нем желание!

Почему она решилась на этот неожиданный для него жест, срывая свой корсаж, чтобы показать клеймо на плече? Его тогда не столько поразила позорная отметина, сколько красота поистине королевской спины. Он, знающий толк в женской красоте, был ослеплен. У той, которую он знал, еще не было таких совершенных линий: она едва освободилась от хрупких девичьих форм. Анжелике исполнилось только семнадцать лет, когда он женился на ней.

Лаская юное тело, Жоффрей иногда мечтал о той красоте, которая расцветет в его жене с годами, материнством, великосветскими почестями...

В момент, когда он меньше всего этого ожидал, Анжелика полностью завладела им. Ее тело, освобожденное от бесцветной бесформенной одежды, было подобно изваяниям богини плодородия, воздвигнутым на островах Средиземного моря. Сияние белой, как молоко, кожи в печальном свете северной зари, движение сильных плеч, полных и вместе с тем исполненных нежности и чистоты, гладкие и крепкие руки, легкий изгиб шеи, придающий ей какую-то невинную прелесть, — все это пленило его с первого взгляда, и он, ошеломленный открытием, что она стала еще прекраснее, чем когда-то, думал только об одном: Анжелика должна принадлежать ему!

Но как она сопротивлялась! Как защищалась! Можно поверить, что дело кончилось бы истерическим припадком, попытайся он зайти слишком далеко. Что же все-таки в нем было такого, что внушило ей страх? Или ее отталкивало что-то неприятное, таившееся в нем, и чего он сам не мог заметить?

Граф де Пейрак убедился лишь в том, что бывшая жена не пыталась его увлечь. Ее желания были откровенно другими.

— Идем, идем, — торопил он мавра. — Я же сказал тебе, что спустимся в трюм для арестантов.

«Они заклеили ее королевской лилией, подумал он. — За какое преступление? До чего же она докатилась? И почему?.. Какие

обстоятельства вынудили ее поддаться влиянию протестантов. Кающаяся грешница?.. Пожалуй, это на нее похоже».

Он сомневался, что легко получит ответ на свои вопросы, но ее волнующий образ не покидал его.

«Заклейменная королевской лилией. Мне знакомо это леденящее душу логово, где царят страдания и гнусности, ужас перед жаровней, где раскаляются орудия пытки. Для женщины это страшное испытание! Как она его перенесла? Но почему? Король или ее любовник лишил ее своего покровительства?»

Они спустились вниз. Здесь, во мраке, не слышался даже шум моря. Тяжелое чувство одиночества вызывали тонкие деревянные переборки. Сырость пронизывала все тело.

Жоффрею де Пейраку вспомнились влажные своды камеры пыток и Бастилии и Шатле. Он был благодарен судьбе, что ему удалось выбраться оттуда живым. Но Анжелика? Он не в силах был представить ее в этих ужасных местах. Ее поставили на колени? С нее сорвали одежду? Она отчаянно кричала и стонала от боли?

Он оперся о поперечный брус, и араб, думая, что он хочет проверить содержимое открывшегося в проходе отсека, высоко поднял фонарь. Свет упал на окованные железными обручами сундуки, блестящие предметы, форму которых трудно было сразу определить. Затем неожиданно стали вырисовываться резьба и завитки, украшавшие диваны, столы, вазы, всевозможную дорожную утварь из чистого золота и даже платины.

Языки пламени фонаря оживляли царское великолепие благородных металлов, которым не могли повредить ни сырость, ни соль.

— Ты созерцаешь свои сокровища, господин? — раздался голос мавра.

— Да, — ответил де Пейрак, ничего не видя перед глазами.

Он направился дальше и вдруг, когда в конце узкого прохода зацепился за тяжелую медную дверь, его охватило раздражение:

— И здесь еще это никчемное золото?

Торгаши в Испании напрасно ждут его прибытия. Из-за рошельцев ему пришлось изменить курс, не достигнув цели плавания, которое должно было стать его последним в операциях с золотом. Он рассчитывал благополучно закончить переговоры о будущих торговых сделках. И все напрасно, из-за женщины, на которую он не мог даже предъявить свои права.

Никто и никогда не заставлял его совершать подобные промахи в делах. Но теперь гугеноты дорого ему заплатят!

Глава 11. Соперники

Он бесшумно открыл пальцем глазок, закрывавший решетчатое отверстие, и наклонился, чтобы рассмотреть арестованного. Тот сидел на полу перед фонарем, дававшим жалкие крохи тепла. Его скованные цепями руки лежали на коленях, и вся поза выражала покорность.

Но Жоффрей де Пейрак не доверял ему. Мысль о том, что Анжелика оказалась способной полюбить этого тупого гугенота, приводила его в ярость. Что могло связывать ее, католичку знатного происхождения, с этим угрюмым торговцем?

После чудесного избавления из неволи в Марокко, куда ее, Бог знает, зачем занесло, разве она не продолжила свои «подвиги» при дворе? Когда он представлял царственную осанку Анжелики в свете огней Версаля, то не раз признавался себе, что эта женщина создана для блеска придворной жизни.

Неужели уже тогда, когда он повез ее на свадьбу Людовика XIV, маленькая карьеристка, которая училась у него уму-разуму, рассчитывала возвыситься до королевского трона? Она уже тогда была прекраснее всех, но мог ли он похвастаться, что это юное сердце навсегда отдано ему?

Кто знает, каким женщины представляют себе счастье? Для одной предел желаний — жемчужное ожерелье, для другой — милостивый взгляд короля, для третьих — единственная любовь, а может быть, домашние радости...

Но Анжелика? Он никогда не догадывался, какие мысли одолевают эту изящную головку женщины-ребенка, когда рассматривал ее спящую рядом, утомленную и удовлетворенную первыми забавами любви.

Слишком поздно он узнал, что она добилась своей цели в Версале. «Это справедливо. В сущности, она была создана для двора! Разве не ее сразу же нарекли самой красивой невольницей Средиземноморья?»

К нему подошел со связкой ключей мальтиец, охранявший трюм. По знаку хозяина он открыл окованную медью дверь. Рескатор вошел в темницу.

Габриэль Берне поднял на него глаза. Несмотря на болезненную бледность лица, его взгляд оставался ясным и непреклонным. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Рошелец не торопился требовать объяснений по поводу бесчеловечного обращения, которому его подвергли. Если уж хозяин корабля снизошел до визита к нему, то не для

того, чтобы сделать несколько замечаний или угрожать. Между ними была другая непреодолимая преграда — женщина!

Берне с напряженным вниманием рассматривал необычное одеяние своего тюремщика. Он мог оценить его с точностью до луидора, даже маска была шедевром искусства.

Что произошло этой ночью между самоуверенным пиратом, привыкшим предлагать себя женщинам так же, как драгоценности или перья, и госпожой Анжеликой, лишенной всего, несчастной изгнанницей? При одной мысли об этом мэтр Берне сжал кулаки и легкий румянец появился на его щеках. Рескатор нагнулся к раненому, коснулся рукой его залитой кровью куртки и сказал:

— Ваши раны снова открылись, мэтр, а вы находитесь здесь, на дне трюма. Из самой элементарной осторожности вам следовало, хотя бы этой ночью, соблюдать установленный на борту порядок. Когда корабль в опасности, непременная обязанность пассажиров — не вызывать никаких инцидентов и ни в коем случае не мешать маневрам, подвергая риску всех.

Эта тирада не смутила рошельца.

— Вы знаете, почему я вынужден был так поступить. Вы незаконно задержали у себя одну из наших женщин, которую имели наглость пригласить, как... как какую-то рабыню, заставить ее прийти в вашу каюту. По какому праву?

— Я мог бы ответить: по праву владыки.

И Рескатор продемонстрировал свою саркастическую улыбку... по праву хозяина добычи!

— Но мы же доверились вам!

— Нет.

Человек в черном взял табурет и уселся в нескольких шагах от арестованного. Красноватый свет фонаря подчеркивал их внешнюю несхожесть: один тяжеловесный, словно высеченный из гранита, другой, высокий, закованный в непроницаемую броню. Когда Рескатор садился, Берне заметил, что отбрасывая плащ назад, тот как бы невзначай положил руку уверенным, но не лишенным изящества жестом, на серебряную рукоять длинного пистолета.

«Он — дворянин, — мелькнуло у Габриэля. — Нет, он — пират, но, без сомнения, человек высокого ранга. Куда мне с ним тягаться!»

— Нет, — повторил Рескатор. — Вы не доверились мне. Вы не были со мной знакомы, не заключали со мной никакого договора, хотя бы на словах. Вы примчались к моему кораблю, чтобы спасти свою жизнь, и я помог вам. Вот и все. Но не думайте, что я отказываюсь от долга

гостеприимства. Помещение и питание у вас лучше, чем у моего экипажа, и никто из ваших жен и дочерей не может пожаловаться, что на них посягают.

— Но госпожа Анжелика...

— Она даже не гугенотка. Я хорошо ее знал еще до того, как она принялась цитировать Библию. Я не считаю ее вашей...

— Но она скоро будет моей женой! И поэтому я должен взять ее под свою защиту. Вчера вечером я пообещал, если она не вернется через час, вырвать ее из ваших лап.

Он наклонился вперед, и от этого движения зазвенели сковывающие его цепи.

— Почему дверь на нижнюю палубу была заперта?

— Чтобы не лишать вас удовольствия высадить ее ударом, что вы и сделали, мэтр Берне.

Рошелец почувствовал, что теряет терпение. Он очень страдал от боли, но испытание, которое приходилось выдерживать сейчас его сердцу, было ни с чем не сравнимо. Последние часы раненый находился в полусознательном состоянии. Собрав последние силы, он твердо сказал:

— Я женюсь на ней. Что за важность, если она не разделяет наших верований? Мы не так нетерпимы, как вы, католики. Я знаю ее как женщину преданную, мужественную, достойную уважения. Я не знаю, монсеньор, кем она была для вас и при каких обстоятельствах вы с ней познакомились, но знаю, что она жила в моем доме и делала все для моих близких, а этого мне достаточно.

Берне с тоской подумал о прошедших днях, когда скромная и проворная служанка как-то незаметно вошла в жизнь его семьи, озарив ее добрым светом. Он был бы очень изумлен, узнав, что пробудил в сопернике чувства, очень похожие на испытываемые им самим: ревность и сожаление.

«Итак, этот торговец подметил в ней такую черточку, о которой я не знал, — подумал Жоффрей де Пейрак. — Именно он должен был сообщить мне, что эта женщина живет для других и потеряна для меня еще много лет назад».

— Вы давно с ней знакомы?

— Нет, не больше года.

Значит, Анжелика солгала ему. Но с какой целью?

— Как вы познакомились? Что побудило ее стать вашей служанкой?

— Это мое дело, — ответил с досадой Берне, — и вас не касается.

— Вы любите ее?

Гугенот не ответил. Он был шокирован вопросом, как неприкрытым бесстыдством. Насмешливая улыбка противника обезоруживала его.

«Ах, как трудно для кальвиниста произнести слово «любовь».

— Сударь, мы должны говорить о любви только к Богу. Вот почему я не произношу этого слова. Наши земные привязанности его недостойны. Одни Бог царит в глубине наших сердец...

— А женщина царит над нами, — оборвал его де Пейрак. — Мы несем этот крест всю жизнь и ничего против этого не в состоянии поделать. Ни вы, ни я, мэтр Берне. Ни кальвинист, ни католик!

Он встал, нетерпеливо оттолкнул табурет и, нагнувшись к гугеноту, гневно произнес:

— Нет, вы не любите ее. Люди вашей породы не любят женщин. Они принимают их услуги, удовлетворяя свои желания, а это не одно и то же. Вы хотите обладать этой женщиной и потому собираетесь на ней жениться, чтобы ваша совесть была чиста.

Габриэль Берне побагровел. Он с трудом пытался сохранить независимый вид.

— Люди моей породы не привыкли слушать нравоучения от какого-то пирата, бандита, жалкого грабителя!

— Да что вы знаете об этом?! Будь я пиратом, мои советы были бы необязательны для человека, собирающегося вступить в брак с женщиной, достойной королей. Вы хорошо рассмотрели ее, мэтр Берне?

Последнему удалось встать на колени. Он оперся о стенку и бросил на Жоффрея безумный взгляд.

— Я пытаюсь забыть первый вечер, когда увидел ее с распущенными по плечам волосами... на лестнице. Я не хотел оскорблять ее в моем доме, я постился, я молил Всевышнего. Но часто я вынужден был бороться с искушением... Зная о том, что она находится под моей кровлей, я не мог спокойно спать.

Согнувшись, он тяжело дышал, страдая не столько от боли, сколько от унижения, вызванного своими признаниями. Граф де Пейрак смотрел на него с невольным изумлением.

«Купец, купец, ты не так уж далеко ушел от меня, — думал он. — Я так же страдал, когда эта дикая козочка держала меня в ежовых рукавицах и не допускала к себе. Конечно, я не молил Бога и не постился, но печально рассматривал в зеркале свое лицо, считая себя глупцом».

— Да, это трудно вынести, — Рескатор говорил тихо, словно обращаясь к самому себе. — Обнаружить свою слабость перед стихией моря, одиночества, женщины... Но разве можно отказаться от борьбы?

Берне снова распростерся на соломенной подстилке. Он задыхался, и струйки пота стекали по его вискам. Слова Рескатора были так неожиданны для него, что он сомневался в реальности происходящего.

— Это кощунство, говорить о таких вещах, — сказал Берне, немного приходя в себя. — Как можно женщину сравнивать со стихией?..

— Однако это так. И отрицать власть женщины так же опасно, как и преувеличивать ее. Море тоже прекрасно и могущественно, но вы рискуете погибнуть, если не сумеете его обуздать. Видите ли, мэтр Берне, перед женщиной я всегда преклоняюсь, независимо от того, молода она или стара, красавица или дурнушка.

— Вы смеетесь надо мной!

— Я доверяю вам свои секреты обольщения. Вы воспользуетесь ими, господин гугенот?

— Вы злоупотребляете своим положением, чтобы унижить и оскорбить меня! — взорвался Берне, задыхаясь от негодования. — Вы высокородный сеньор, презираете меня, простого мещанина.

— Заблуждаетесь. Вы должны были заметить, что я говорю с вами на равных, как мужчина с женщиной. Я давно привык оценивать людей только по их человеческим качествам. Между нами единственная разница: я знаю, каково быть лишенным куска хлеба и вообще всего на свете, кроме слабого огонька жизни, готового вот-вот погаснуть. Вы же этого не познали. Но познаете, без сомнения. Что же касается оскорбления, то именно вы были фамильярны по отношению ко мне: «бандит, грабитель...»

— Ладно, я признаю, что был несдержан, — сказал Берне, тяжело вздыхая. — Но в данный момент я в вашей власти. Как вы намерены поступить со мной?

— Вы нелегкий соперник, мэтр Берне, и я, не будь уверен в себе, не задумываясь, убрал бы вас с дороги. Но оставлять все шансы на своей стороне никогда не было в моих правилах. Я — игрок и люблю держать пари. Должен признаться, что порой это обходится мне дорого. Тем не менее предлагаю и на этот раз бросить жребий. Мы будем еще несколько недель в пути. Я вас освобождаю. Условимся, что к концу путешествия мы предоставим госпоже Анжелике право самой выбрать одного из нас. Я уступлю ее. Отчего такая недовольная гримаса? Похоже, что вы не совсем уверены в победе?

— Начиная с Евы женщин всегда привлекало зло.

— Что-то вы не особенно уважаете свою избранницу. Неужели вы не доверяете оружию, которым располагаете для ее завоевания: молитвы, воздержание... что там еще... прелесть добропорядочной жизни, которую

вы ей обеспечите даже в этих чужих землях, куда мы направляемся, респектабельность... Это как раз и может быть слабым местом госпожи Анжелики.

Рескатор говорил насмешливым тоном, и мэтр Берне испытывал нестерпимые душевные муки. Он испугался, обнаружив в своем сердце сомнения в собственных силах, ибо теперь уже не был уверен в том, что Анжелика обладала достоинствами, которыми он наделил ее, чтобы нейтрализовать дьявольскую силу того, кто бросил ему вызов.

— Вы-то считаете все это слишком ничтожным, чтобы увлечь женщину, — заметил гугенот с горечью.

— Возможно... Но вы не так уже обездолены, как вам это кажется, мэтр Берне, потому что у вас есть другое оружие.

— Какое же? — спросил пленник с вызывающей сочувствие тоской.

Рескатор оглядел его. Он подумал, что на этот раз становится на путь излишнего осложнения начатой игры, столь много значившей для него. Но разве смог бы он узнать, что представляет собой в действительности Анжелика, ее мысли и чаяния, лишив соперника возможности бороться на равных.

Улыбаясь, он наклонился к Берне.

— Мэтр Берне, знайте же, что раненый мужчина, который нашел в себе силы выбить дверь, чтобы вырвать любимую женщину из рук подлого совратителя, и затем, брошенный в темницу, сохранил еще достаточно... скажем, темперамента, чтобы брыкаться, подобно бешеному быку при одном ее упоминании, на мой взгляд, является человеком, обладающим лучшими козырями в игре с женским непостоянством. Сила плоти — вот главный козырь нашей власти над женщинами... Вы мужчина, Берне, полноценный самец, и поэтому я ни за что не уступлю вам право сыграть свою партию.

— Замолчите! — зарычал вне себя Габриэль. Негодование подняло его на ноги и он загремел цепями в тщетной попытке разорвать их. — Вы не знаете слов: «Всякая плоть, как трава, и вся ее слава, как полевой цветок. Засыхает трава и цветом спадает, когда подует ветер Всевышнего...»

— Возможно... Но, признайте, пока этот ветер не дует, цветок кажется еще более желанным.

— Будь я папистом, — произнес Берне вне себя, — я бы перекрестился, потому что вы одержимы дьяволом.

...Тяжелая дверь закрылась. Он слышал удаляющиеся шаги своего палача и затихающие отзвуки голосов, говоривших по-арабски.

Несколько мгновений он стоял в оцепенении, затем пошатнулся и

тяжело упал на пол. Его не покидало ощущение, что в последние дни он преодолел порог того, что называют смертью. Он вступил в иную жизнь, где прежним ценностям не было места. Как же ему быть?

Глава 12. Страдания Анжелики

Анжелика с трудом добралась до нижней палубы, где располагались протестанты. В волнении она не помнила, как перешла палубу с Онориной на руках, обходя занятых уборкой матросов, связки канатов, всевозможные бочки.

Сидя теперь в углу, возле бронзовой пушки, она старалась собраться с мыслями.

— Госпожа Анжелика! Госпожа Анжелика! Где же вы были? — над ней склонилось хитрое личико Лорье. Северина обняла ее за плечи худенькой ручкой.

— Расскажите нам.

Дети окружили Анжелику. Все они были закутаны в какие-то лохмотья, слабо прикрывающие озябшие тела. Увидев бледные лица и покрасневшие носы ребят, она по привычке потянулась приласкать их.

— Бедные, вы все замерзли?

— Нет, нет, — бойко защебетали ребяташки. Маленький Гедеон Каррер объяснил:

— Горбун — этот морской карлик, сказал, что сегодня можно согреться, если только зажечь корабль, потому что мы недалеко от полюса, но скоро повернем к югу.

Анжелика слушала их болтовню, но ничего не понимала. Взрослые держались в стороне и изредка посматривали на нее: одни с отвращением, другие с жалостью. Что означало столь долгое ее отсутствие ночью? Ее отрешенный вид подтверждал, увы, самые ужасные подозрения, в которых обвинял Габриэль Берне хозяина корабля. «Этот бандит полагает, что имеет все права па нас, на наших женщин...»

Когда Анжелика спустя час не вернулась, Габриэль был полон решимости направиться на ее поиски. Легко представить его ярость, когда он обнаружил, что дверь заперта снаружи на засов. Тогда, несмотря на свои раны, Берне сначала попытался проломить створку тяжелой деревянной двери, а затем с помощью колотушки отодвинуть засов.

Видя, что его нельзя удержать, Маниголь сильным ударом завершил начатое. Ледяной ветер ворвался внутрь, и женщины заметались, не зная, как укрыть детей от холода. Неожиданно появился боцман, разразившийся грубой руганью, и матросы, которые, схватив разбушевавшегося Берне, исчезли с ним во мраке. Спустя немного времени пришли два плотника, с

невозмутимым видом починили дверь и снова заперли ее.

Корабль сильно качало. Женщины и присмирившие дети жались друг к другу, словно чувствуя приближение опасности. Мужчины еще долго обсуждали, как себя вести, если с мэтром Берне или его служанкой что-то случится.

Заметив, что Анжелика ведет себя с детьми как обычно, Абигайль и юная булочница решились обратиться к ней.

— Что он вам сделал? — прошептала Абигайль.

— Что он мне сделал? — повторила Анжелика. — Но кто это — он?

— Рескатор...

При одном упоминании этого имени сердце молодой женщины пронзила боль.

— Он?.. Но ему нечего было со мной делать. Почему вы спрашиваете об этом?

Бедные девушки растерялись, но Анжелика даже не пыталась понять почему. Одна-единственная мысль не покидала ее: «Я нашла его, а он не признал меня, он не признал меня своей. Тогда для чего были все эти грезы, все надежды... С сегодняшнего дня я стала вдовой». Дрожь пробежала по ее телу.

К Анжелике подошел подталкиваемый женой Маниголь.

— Госпожа Анжелика, надо поговорить. Где Габриэль Берне?

Посмотрев на него невидящим взглядом, она ответила:

— Я ничего не знаю.

Маниголь рассказал о ночном инциденте, вызванном долгим отсутствием Анжелики.

— Наверное, этот пират бросил Берне за борт, — раздался голос адвоката Каррера.

— Вы с ума сошли!

Постепенно она начала воспринимать реальность происходящего. Итак, в то время, как она спала у Рескатора, Берне устроил скандал, бросившись к ней на помощь. Жоффрей де Пейрак должен был знать об этом. Почему же он не сказал ей ни слова? Хотя, правда, им о стольком нужно было поговорить!..

— Послушайте! Бесплезно возмущаться и пугать детей невероятными предположениями. Если это правда, что мэтр Берне вызвал гнев капитана или его команды, когда каждый маневр этой ночью требовал исключительного внимания, то я полагаю, что его где-то заперли. Но ни в коем случае речь не может идти о покушении на его жизнь, я готова в этом поручиться.

— Увы, у пиратов расправа коротка, — мрачно пробурчал адвокат, — и вы тут ничего не поделаете.

— Тупица! — воскликнула Анжелика, чувствуя непреодолимое желание влепить ему пощечину. Эта вспышка гнева привела ее в себя и, оглядевшись вокруг, она убедилась, что несмотря ни на что, жизнь шла своим чередом.

В тусклом свете трюма она еле различала лица спутников, которые были полностью поглощены своими заботами. Трудно предположить, что их могла бы взволновать эта сцена.

— В конце концов, госпожа Анжелика, — продолжал Маниголь, — если вы считаете, что неблагоприятные действия пиратов не заслуживают порицания, тем лучше для вас. Но мы очень озабочены судьбой Берне. И хотим надеяться, что вы не останетесь в стороне.

— Я пойду узнаю, что с ним, — сказала она вставая.

— Не уходи, мама, не уходи, — заплакала Онорина, испугавшись, что снова надолго останется одна.

Взяв девочку за руку, Анжелика вышла. На полубаке она встретила Никола Перро, сидевшего на связке канатов с трубкой во рту. Возле него примостился индеец, который заплетал в косы свои черные волосы, наклоня голову то в одну, то в другую сторону, как девушка у зеркала.

— Трудная ночь, — заметил канадец.

Анжелика с удивлением подумала, что же он может, собственно, знать, но затем сообразила, что Никола имел в виду трудные часы, проведенные в борьбе с бурей и льдами. Ведь положение было очень серьезным.

— Это правда, что мы были на волосок от гибели?

— Только благодаря Богу мы остались живы, — сказал он, перекрестившись. — Это проклятые места. Хотя бы поскорее увидеть мой родной Гудзон!

Анжелика попросила канадца справиться об одном из пассажиров, исчезнувшем этой бурной ночью.

— Я слышал, что его заковали в цепи за неповиновение. Монсеньор Рескатор как раз сейчас допрашивает его внизу.

Итак, она могла по крайней мере успокоить остальных, что их друг не был выброшен за борт.

Появились повара все с той же кислой капустой, кусками солонины и лакомством для детей — засахаренными дольками лимонов и апельсинов. Пассажиры с шумом располагались поудобнее. Обед и прогулка по верхней палубе было единственным их развлечением.

Онорина быстро разделалась со своей порцией и теперь жадно поглядывала на миску, стоящую на коленях Анжелики.

— Мама, ты не будешь есть?

— Не называй меня мамой, — раздраженно сказала Анжелика. — Раньше ты этого не делала.

До ее слуха долетели обрывки разговора.

— Вы утверждаете, Легаль, что мы не попадем на острова Зеленого Мыса?

— Я гарантирую вам это, патрон. Мы находимся на севере. Далеко на севере.

— А куда мы попадем, следуя этим курсом?

— В края, где промышляют треску и бьют китов.

— Ура! Мы увидим китов! — радостно закричал один из малышей, хлопая в ладоши.

— А где может быть место высадки?

— Кто знает? Где-нибудь на Ньюфаундленде или в Новой Франции.

— В Новой Франции? — воскликнула жена булочника, — Но тогда мы угодим прямо в лапы папистов. — Она принялась причитать: — Теперь ясно, что этот бандит решил нас продать.

— Что за глупость!

Мадам Маниголь решительно вмешалась:

— Если бы у вас было хоть на грош здравого смысла, вы сообразили бы, что этому, как вы говорите, бандиту, незачем было рисковать кораблем у стен Ла-Рошели, где он потерял один якорь, для того, чтобы продать вас по другую сторону океана.

Анжелика с удивлением посмотрела на мадам Маниголь, которая восседала с величественным видом на перевернутом баке. Этот «трон», возможно, был не очень удобен для такой пышной особы, но тем не менее, она с аппетитом поглощала серебряной ложкой содержимое своей великолепной миски.

«Как все-таки ей удалось спрятать это под своими юбками во время посадки?» — мелькнуло у Анжелики.

Маниголь не удержался и принялся поучать жену:

— Вы меня просто удивляете, Сара! Вы говорите так только потому, что хозяин корабля милостиво уступил вашим причудам, дав возможность сохранить эту миску...

— Мои рассуждения достаточно трезвы. Я не хочу утверждать, что человек, чье положение легко распознать и чье воспитание подсказывает ему, кому надо оказывать знак внимания, должен вызывать полное

доверие. Возможно, он и подлец.

И она добавила с невинным видом:

— А что думает о нем госпожа Анжелика?

— О ком вы говорите? — переспросила та, чувствуя себя не в состоянии что-либо ответить.

— Да о нем же! — закричали все женщины. — О хозяине «Голдсборо»... замаскированном пирате... о Рескаторе, Госпожа Анжелика, вы ведь были знакомы с ним. Скажите, кто он?

Анжелика в растерянности смотрела на них. Почему именно ей задают подобный вопрос? В тишине прозвучал голос Онорины.

— А я хочу палкой побить Черного Человека.

Маниголь презрительно повел плечами, призывая разве что стены в свидетели женской глупости.

— Вопрос заключается не в том, кто он, а в том, куда он нас везет. Вы можете нам это сказать, госпожа Анжелика?

— Еще сегодня утром Рескатор утверждал, что мы направляемся на острова. Северная дорога ведет туда же, куда и южная.

— Хотелось бы верить... А что ты думаешь об этом, Легаль?

— Право, это вполне возможно. Этим путем редко пользуются, но, спускаясь вдоль побережья Америки, так или иначе очутишься у Антильских островов. Возможно, наш капитан предпочитает этот путь другому, более оживленному.

В трюм спустился горбун и жестами показал, что все могут идти на прогулку. Несколько женщин остались, чтобы немного прибрать.

Анжелика вновь осталась наедине со своими мыслями.

— Почему ты спишь, мама? — спросила Онорина, увидев, что она спрятала лицо в ладонях.

— Ах, оставь меня в покое!

Понемногу оцепенение покидало молодую женщину, но ощущение пережитого удара осталось. Все произошло не так, как представлялось в мечтах, но вес же произошло. Ее так долго оплакиваемый муж находился теперь всего в нескольких шагах от нее.

Думая о нем, Анжелика никак не могла решиться назвать его по имени, настолько он отличался от того Жоффрея, прежнего. Но он уже более не был Рескатором, таинственным незнакомцем. И этот человек больше не любил ее!

«Но что же мне делать, если он больше меня не любит? Если он сомневается в моей любви? Могу ли я попрекать его теми годами, когда для меня не было места в его жизни? Ведь ни он, ни я не хотели этой

разлуки. Тогда почему бы не попытаться навсегда забыть его? Но мужчина всегда рассуждает по-другому. По той или иной причине, из-за Филиппа или из-за короля, но он больше не любит меня... и самое худшее — абсолютно равнодушен ко мне».

Странное беспокойство охватило ее.

«Может быть, я подурнела? Я действительно могла постареть за эти последние недели в изнуряющих заботах, накануне нашего бегства из Ла-Рошели».

Она смотрела на свои огрубевшие, с потрескавшейся кожей руки — руки служанки. Графу де Пейраку было чего ужаснуться!

Анжелика никогда не придавала большого значения своей красоте. Это Божий дар, которым она была наделена с детства и, как ей казалось, до конца жизни. Впервые красавица почувствовала недолговечность своего очарования. Ей нужно было успокоиться.

— Абигаиль, — обратилась она к подруге. — У вас есть зеркало?

Благовоспитанная девушка, для которой правила приличия и хорошо надетый чепчик были непререкаемыми добродетелями, запаслась зеркалом в отличие от многих, куда более кокетливых женщин.

Анжелика внимательно рассматривала свое отражение.

«Я хорошо знаю, что у меня есть несколько седых волос, но он не мог их увидеть под чепчиком... за исключением первого вечера, когда я появилась на «Голдсборо», но тогда у меня голова была мокрая и седину нельзя было разглядеть».

Она провела пальцем по лбу. Разве ее лицо постарело? Щеки, правда, потеряли округлость, но смуглый цвет кожи, вызывавшей всеобщее восхищение в Версале и зависть мадам де Монтеспан, разве не придавал очарования и свежести ее лицу? Однако, как знать, что может подумать о ней мужчина, память которого хранила ее девичий облик?

«Я столько пережила сегодня... Это не могло не наложить своего отпечатка».

— Мама, найди мне палку, — вновь принялась за свое Онорина. — Человек в черном... я хочу убить его.

В дверях показался окруженный гугенотами мэтр Берне. Двое матросов, на которых опирался раненый, довели его до постели, Он выглядел слабым, но не подавленным. Даже напротив, возбужденным. Его глаза метали молнии.

— Этот человек — сам дьявол! — объявил он окружающим, когда матросы ушли. — Он обращался со мной возмутительным образом. Он меня пытал.

— Пытал? Раненого! Какой подлец!

Возмущенные восклицания раздавались отовсюду.

— Вы говорите о Рескаторе? — спросила мадам Маниголь.

— А кого же я еще могу иметь в виду, — Берне был вне себя. — В жизни не имел дела со столь гнусной личностью. Я был в темнице с закованными руками и ногами, а он явился, чтобы стегать меня, вертеть на жаровне...

— Он действительно пытал вас? — спросила Анжелика, приблизившаяся к нему с расширенными от ужаса глазами. Одна мысль, что Жоффрей мог превратиться в человека, способного на такую жестокость, приводила ее в отчаяние. — Он действительно пытал вас?

— Мою душу, хочу я сказать. Ах! Да не стойте у меня перед глазами!

— У него снова лихорадка, — прошептала Абигайль. — Надо сделать перевязку.

— Мне сделали перевязку. Приходил старый варвар-доктор со снадобьями. Затем меня освободили и подняли наверх. Никто не сумел бы лучше исцелить тело и так растоптать душу. Нет, не прикасайтесь ко мне. — Он закрыл глаза, чтобы не видеть Анжелику. — Оставьте меня в покое! Я хочу спать.

Друзья Берне отошли. Анжелика осталась у его изголовья. Она чувствовала себя виноватой перед Габриэлем. Сначала ее отсутствие толкнуло мэтра на опасные действия. Незатянувшиеся раны вновь стали кровоточить. По приказанию Рескатора — ее мужа — он провел несколько томительных часов в душной камерке на самом дне трюма.

«О чем они могли говорить, эти, такие разные люди? Берне не заслужил такого жестокого обращения», — подумала Анжелика в порыве внезапной нежности. Этот справедливый и прямой человек всегда был ее добрым другом и советчиком. Из-за любви к Анжелике его достоинство и сдержанность уступили место человеческим страстям, как плотина перед разбушевавшимся морем. Теперь он готов был решиться даже на убийство.

Погрузившись в воспоминания, Анжелика не заметила, что Берне снова открыл глаза. Он замороженно смотрел на нее, словно на волшебное видение. Как она смогла за такое короткое время полностью овладеть всеми его помыслами, сделав безразличным к собственной судьбе? Отныне он был лишен всего, что до сих пор заполняло его жизнь: торговли, родного дома, веры...

Теперь Габриэль хотел только одного: защитить Анжелику от дьявольского влияния другого! Внутренний голос твердил ему:

«Это только кажется трудным... склониться перед женщиной». Кровь

стучала в висках. «А может быть, только плотская любовь принесет мне избавление и привяжет ее ко мне?»»

Слова Рескатора привели его в лихорадочное возбуждение. Ему хотелось увлечь Анжелику в какой-нибудь темный угол и силой овладеть ею, не столько от любви, сколько мести за ту власть, которую она над ним приобрела.

— Вы смотрите на меня, как на врага, — прошептала Анжелика. — В чем дело? Что он мог вам такого сказать, что вы так изменились, мэтр Берне?

Раненый тяжело вздохнул:

— Это правда, я сам себя не узнаю, госпожа Анжелика. Нам надо обвенчаться... и поскорее...

Прежде, чем она успела ответить, он позвал Боккара:

— Пастор, идите сюда! Слушайте меня. Надо освятить наш брачный союз, и немедленно.

— А не мог бы ты потерпеть, дитя мое, по крайней мере, до тех пор, пока немного поправишься? — попытался образумить его старый священник.

— Нет я не успокоюсь, пока дело не будет сделано.

— Где бы мы ни были, церемония должна быть законной. Я могу благословить вас именем Всевышнего, Но поскольку здесь только капитан является представителем мирской власти, надо спросить его разрешения произвести запись в корабельном журнале и получить свидетельство об этом.

— Он даст это разрешение, — настаивал Берне. — Он дал мне понять, что не будет противиться нашему браку.

— Это невозможно! — закричала Анжелика. — Как можно хоть на секунду поверить в этот маскарад? Тут действительно есть из-за чего потерять рассудок! Он прекрасно знает, что я не могу выйти за вас замуж. Я не могу и не хочу!

И она поспешила уйти, боясь, что у нее начнется истерика.

— «Маскарад», — с горечью произнес Берне. — Вы видите, пастор, как далеко она зашла? И еще говорят, что мы не добыча этого презренного чародея и пирата. Мы полностью в его власти на этой ореховой скорлупе. Для неге существует только море... и одиночество. Я никогда ни к кому не питал ненависти, даже к нашим преследователям. Разве я не был до сих пор праведным человеком, пастор? Теперь я в этом больше не уверен...

Глава 13. Онорина бросается в море

Анжелика проснулась, как после тяжелой болезни, с чувством тревоги и вместе с тем облегчения. Ей снилось, что где-то на берегу моря он сжимал ее в своих объятиях, смеясь и плача: «Наконец вы со мной! Моя любимая, желанная женщина!»

Она некоторое время оставалась неподвижной, прислушиваясь к умолкающему эху чудесного сна. А если это был не просто сон? Анжелика напряженно пыталась удержать в памяти мимолетное видение. Да, он обнимал ее, свою жену, желанную, единственную. Ведь это он пришел на помощь ей тогда, на Крите, чтобы вырвать из страшных когтей торговцев живым товаром, ибо знал, что это была она!

«Но в то время я была еще красавицей!» — мелькнула у нее мысль.

А на берегу моря в Ла-Рошели? С тех пор прошла всего неделя, а ей казалось, мир перевернулся, особенно в ту минуту, когда он снял свою черную маску.

Анжелика спала только несколько часов. Солнце уже садилось, и открытая вдали дверь напоминала кусок раскаленной меди. Пассажиры собрались на палубе для вечерней молитвы. Она поднялась, чувствуя ломоту во всем теле. «Я не должна с этим согласиться! Нам надо поговорить!»

Анжелика долго рассматривала свое убогое платье из темной грубой ткани. Несмотря на успокаивающее воспоминание о пригрезившихся объятиях, ее не покидал страх. Он был так непредсказуем, тот человек, с которым она хотела вновь соединить свою жизнь.

«Как он изменился! Стыдно сказать, но... я предпочла бы его видеть по-прежнему... хромым. Тогда, по крайней мере, я бы сразу узнала его на Крите, и не давала бы повода упрекать меня в отсутствии зова сердца... Разве легко было догадаться, что скрывается под маской? Я — женщина, а не ищейка королевской полиции... как Сорбонна».

Женщина невольно улыбнулась этому нелепому сравнению. Но ее снова охватила печаль. Из всех упреков, брошенных ей, самым несправедливым было обвинение в материнской неверности, равнодушии к судьбе сыновей.

«Их утрата оставила в моем сердце кровоточащую рапу, а он смеет называть меня равнодушной! Как же он плохо знал меня!...»

Вдруг ее пронзила мысль, заставившая вздрогнуть: «А что он,

собственно, делал на подступах к Ла-Рошели? Мог ли он знать, что я нахожусь там? Только ли случайность привела его в эту бухту?» Нет, ей необходимо было увидеть его и объясниться.

«Даже если я покажусь навязчивой, нельзя оставлять вес так, как есть, иначе я сойду с ума».

Анжелика осторожно подошла к спящему мэтру Берне. Она подумала, что ничего не имела бы против, если бы он вообще не существовал, как, впрочем, и Жоффрей де Пейрак, способный истязать человека, единственным грехом которого было только то, что он был ее другом и хотел на ней жениться.

«Если бы я рассчитывала на покровительство Берне с тех пор, как исчез граф де Пейрак, то все было бы проще... Но Жоффрею надо рассказать все, что мне пришлось пережить! Он должен знать, что мой брак с Филиппом, ни что иное, как выгодная партия, целью которой была спасти наших мальчиков от жалкой участи». Она пойдет к нему и выскажет все, что у нее на сердце.

Сумерки сгущались. Молившиеся протестанты в своих темных одеждах были едва различимы. Но наверху, на эспланаде, все стекла которой горели рубиновым огнем, Анжелика увидела Рескатора. В своей маске, освещенной последними лучами солнца, он выглядел таким загадочным, но это был он, и безумная радость внезапно охватила Анжелику, отгоняя прочь все сомнения. Сердце ее учащенно забилося.

Молодая женщина бросилась к ближайшей лестнице и стала стремительно подниматься вверх, не обращая внимания на брызги. На этот раз ее не остановят ни его насмешливые взгляды, ни леденящие душу слова. Пусть он только ее выслушает!

Но когда Анжелика оказалась на эспланаде, все ее намерения вмиг исчезли. Ее сердце сжалось от страха при виде открывшегося зрелища. У ног Рескатора была Онорина. Совсем крохотная, она подняла к нему круглое, забавно сморщенное личико, стараясь засунуть кулачки в карман передника.

— Что ты тут делаешь? — спросила в растерянности встревоженная мать.

Услышав голос, Рескатор обернулся.

— Вы пришли вовремя. Я как раз размышлял над наследственностью этой юной особы. Представьте себе, она украла у меня драгоценности тысячи на две ливров.

— Украла? — повторила ошеломленная Анжелика.

— Войдя к себе, я застал ее у ларца, открытого для вас сегодня утром.

Пойманная на месте преступления, очаровательная барышня отнюдь не раскаялась и дала мне понять, что не собирается вернуть мои сокровища.

Анжелика в порыве отчаяния бросилась к ребенку, чтобы отобрать ее добычу. Разжав маленькие пальчики девочки, мать увидела на ее ладони два бриллианта, изумруд и сапфир.

— Ты гадкая злюка! — кричала Онорина, глядя на обоих с яростью, комичной для такого крохотного существа. — Злюка! Злюка!

Рескатор расхохотался. Нервы Анжелики не выдержали, и она ударила дочь по щеке. Разинув от неожиданности рот, Онорина с ненавистью глянула на мать и тут же разразилась пронзительным плачем. В истерике она бросилась к лестнице, ведущей в коридор, и как гном понеслась по узкой кромке корабля. Высокая волна вдруг качнула судно влево, и девочку обдало ледяной водой.

— Задержите ее! — закричала в ужасе Анжелика, не в состоянии двинуться с места.

Онорина продолжала бежать. Добравшись до конца прохода, она стала взбираться на большую грудку снастей. Но тут корабль опять качнуло, и свидетели этой страшной сцены увидели падающую за борт девочку.

В ответ на безумный крик Анжелики и возгласы пассажиров раздались голоса матросов. Один из них стрелой полетел в воду. Двое других бросились отвязывать принаитованную на палубе шлюпку. Им на помощь пришли стоявшие поблизости Легаль и рыбак Жорес. Все ринулись к левому борту, но капитан Янсон скомандовал в рупор отойти всем назад, чтобы не мешать спуску шлюпки.

Анжелика ничего не видела и не слышала. В ужасе она подбежала к перилам, и только чья-то сильная рука помешала ей броситься в море.

Перед ее затуманенным взором плясали зеленые и белые блики. Наконец, она разглядела выплывший темный взъерошенный шар — голову нырнувшего матроса, перед которым маячил маленький зеленый чепчик Онорины.

— Он держит ее, — раздался голос Рескатора. — Теперь остается ждать, пока подойдет шлюпка.

Его железная рука по-прежнему удерживала Анжелику, отчаянно пытающуюся вырваться. В этот момент, когда под скрип блоков шлюпка спускалась на воду, раздался чей-то испуганный крик:

— Альбатросы!

Словно вынырнув из пены волн, две гигантские птицы взлетели над головами матроса и Онорины, накрыв их белыми крыльями. Раскрыв свои мощные клювы, они приготовились растерзать легкую добычу. Но тут

прогремел выстрел. Это Рескатор, выхватив мушкет у мавра Абдуллы, стоявшего рядом, сразил одну из птиц. За ним последовал еще один выстрел. Теперь стрелял Никола Перро, и второй альбатрос в смертельной агонии забил крыльями, тщетно пытаясь взлететь. Матрос с девочкой плыл в сторону шлюпки...

Наконец Анжелика сжимала в своих объятиях маленький промокший, задыхающийся комочек. В те ужасные минуты, которые показались ей вечностью, обезумевшая мать проклинала себя за то, что подвергла собственное дитя смертельной опасности.

Разве виновата малышка в том, что взрослые, увлеченные своими страстями, покинули ее? И она отомстила им как могла.

Пережитый страх и угрызения совести вызвали в Анжелике бурю негодования против того, чье безжалостное обращение с ней заставило ее, мать, довести своего ребенка до отчаяния.

— Это по вашей вине я могла потерять дочь, — закричала она, повернув к Рескатору искаженное гневом лицо. — Я ненавижу вас, ненавижу того, кто прячется под этой маской! Уж лучше бы он умер!

Анжелика убежала, чтобы укрыться, как раненое животное, от посторонних глаз в своем углу около пушки. Здесь она раздела Онорину. Судя по тому, как девочка брыкалась, жизнь ее была вне опасности, но она могла простудиться в ледяной воде. Пассажиры окружили их, давая всевозможные советы. Но, увы, воспользоваться ими из-за отсутствия таких средств, как пиявки или горчичники, было невозможно.

Доктор Альбер Перри вызвался сделать кровопускание. Увидев лезвие ножа, девочка в испуге закричала.

— Оставьте ее! Она и так уже достаточно переволновалась, — сказала Анжелика. Она взяла немного рома, который ежедневно выдавали мужчинам, чтобы растереть маленькое холодное тельце дочери. Затем закутала Онорину в теплое покрывало.

Ухаживая за девочкой, Анжелика подумала, что ни Жоффрею де Пейраку, ни Габриэлю Берне, ни этому чертенку не заставить ее потерять здравый смысл. Она не позволит свести себя с ума. Ее муж воскрес, однако больше не любит ее! Ну и что? То, что она смогла пережить такое потрясение из-за дочери, подтверждало крепость ее нервов.

В полном спокойствии мать принялась снова обтирать Онорину. Старая Ребекка предложила ей вместо покрывала что-то вроде меховой шубы, очень теплой и уютной.

— Хозяин корабля дал мне ее, чтобы я согрела свои старые кости, но этой ночью я как-нибудь обойдусь.

Анжелика осталась одна, склонившись над ребенком, чье розовое тельце утопало в роскошном мехе. Она заметила, что девочка улыбается. Поведение дочери, способной в припадке иступления броситься в море, беспокоило и невольно восхищало Анжелику.

— Зачем ты это сделала?

— Я хотела убежать с этого грязного корабля, — ответила Онорина. — Я не хочу оставаться здесь, хочу на берег. Ты стала очень злой.

Анжелика прекрасно понимала, что девочка права. Она вспомнила о ее появлении сегодня утром в каюте Рескатора. Онорина сама отправилась на поиски матери, и это ни у кого не вызвало ни малейшего беспокойства. На корабле, попавшем в ночную бурю, она могла сломать себе ногу, упасть в открытый люк или даже в море. И никто бы никогда не узнал, что случилось с малышкой.

Поглощенная своими мыслями, Анжелика совсем забыла о дочери. Ведь рядом были Абигаиль, Северина, жены протестантов, и она немного рассчитывала на них. Но и у тех, как видно, голова шла кругом. Сам воздух «Голдсборо», казалось, был отравленным. После первой недели плавания ни один из гугенотов не отважился бы утверждать, что его душа оставалась чиста. Возвышенные чувства были забыты. Сознательно или бессознательно, но они показывали своим поведением, что Онорина и особенно Анжелика не принадлежат к их миру. «У тебя есть только я!» — говорила она дочери.

Анжелика чувствовала себя виноватой в том, что позволила страстям возобладать над здравым смыслом. Ей надо было сразу вспомнить, что после Нейльского аббатства самое худшее осталось позади. Чтобы ни случилось, горе или радость, разве она не знает, что безвыходных положений не бывает? Но тогда откуда это невероятное смятение?

«Нет, я не позволю им свести меня с ума!» Она склонилась над дочерью и ласково погладила ее по головке.

— Я больше не буду злой, но ты, Онорина, не воруй больше! Ты прекрасно знаешь, что, отправившись за чужими драгоценностями, ты делала что-то очень нехорошее.

— Я хотела положить их в мою шкатулку, — с детской непосредственностью сказала девочка.

Неожиданно появился Никола Перро и опустился перед ними на колени. Его сопровождал индеец с большой чашкой горячего молока для Онорины.

— Как чувствует себя девочка с горячей головой? — спросил канадец. — Именно таким именем нарекли бы ее ирокезы. Я хочу дать малышке

этот напиток, который должен ее успокоить. И в самом деле, для дурного характера нет ничего лучше холодной воды. Что вы об этом думаете, сударыня?

Внимание, оказываемое ей бородачом в меховой шапке, привело Онорину в восхищение. Она послушно выпила принесенное молоко.

— Я хотела бы повидать Неочищенного Каштана.

— Неочищенного Каштана?

— Он держал меня на руках на лестнице... и потом еще в воде. Мне нравится тереться о его щеку, — с восторгом сказала Онорина.

— Онорина имеет в виду сицилийца Термини, матроса, который выудил ее из воды, — пояснил Никола Перро.

И добавил, что тому пришлось сделать перевязку, так как один из альбатросов клюнул его в висок. Еще чуть-чуть и парень мог остаться без глаза.

— А вы, сударыня Онорина, можете хвастаться, что в вашем распоряжении есть два превосходных стрелка. Ваш покорный слуга считается одним из лучших среди канадских трапперов, и монсеньор Рескатор.

Анжелике с трудом удалось унять дрожь, пробежавшую по ее телу только от одного этого имени. Но она поклялась себе сдерживать эмоции.

Онорина больше не спрашивала о Неочищенном Каштане. Глаза ее стали слипаться, и вскоре девочка погрузилась в глубокий сон. Канадец и индеец потихоньку ушли. Анжелика еще долго смотрела на спящую дочь. Три [-ода! Как можно требовать для себя чего-то, когда в нашем внимании так нуждаются дети, которые только начинают жить? Боль не покидала ее сердце. За чудесным открытием последовало такое разочарование! Однако, когда, поеживаясь от холода, она прилегла около ребенка и сон начал окутывать ее, после всего пережитого за этот необычный и ужасный день в ее душе остался проблеск надежды.

«Мы одинаково и далеки, и близки. Мы не можем убежать друг от друга. Этот корабль в океане заставляет нас оставаться вместе. Кто знает, что нас ожидает?»

Засыпая, Анжелика успела подумать: «Он хотел умереть рядом со мной. Почему?»

Глава 14. Перед картой будущей Америки

— Я полагаю, что мы договоримся, — сказал Жоффрей де Пейрак, перебирая одну за другой пергаментные карты. Он собрал их в стопку и положил сверху четыре камня, отливающих тусклым смолянистым блеском. — Наше путешествие принесет свои плоды, дорогой Перро, уже хотя бы потому, что, даже не высаживаясь на берег, вы нашли командитиеста (вкладчика «Товарищества по вере»), которого рассчитывали найти в Европе. Кусок серебряного свинца, обнаруженный вами в верховьях Миссисипи, дает гарантию достаточного обогащения при измельчении и простой промывке. Это стоит того, чтобы я был вашим компаньоном и финансировал предприятие. У вас нет ни необходимого капитала, ни знаний, чтобы начать добычу серебра. Я дам вам золото. Позже, на месте, мы договоримся о деталях нашего соглашения.

Благодушное лицо стоявшего перед ним Никола Перро озарилось довольной улыбкой.

— По правде говоря, граф, когда я попросил вас взять меня на корабль, зная, что вы направляетесь в Европу, у меня была подобная мыслишка, так как ваша репутация знатока, особенно в рудных делах, широко известна в нашей стране. Как все хорошо складывается: ваши деньги и ваши бесценные знания помогут нам получить большой доход на залежах свинца. Я родился на берегах Святого Лаврентия, где можно было только мечтать о европейском образовании.

Жоффрей де Пейрак бросил на него дружеский взгляд.

— Не стройте больших иллюзий относительно духовного богатства Старого Света, мой мальчик. Я знаю, чего оно стоит! У меня много друзей среди гуронов и ирокезов. Настоящие дикари — это европейские деспоты с их рабами-придворными.

Очевидно, эти слова не убедили канадца, недоверчиво посмотревшего на своего покровителя. Его тешила мысль познакомиться с блистательным Парижем, где он уже видел себя в огромной меховой шапке и сапогах, гуляющим рядом с позолоченными каретами... Но судьба распорядилась иначе и, будучи наделенным сообразительностью и расчетливостью от природы, он решил, что все делается к лучшему.

— Итак, вы не слишком на меня в претензии, — продолжал граф, догадавшись, о чем думал его собеседник, — за плохую шутку,

неожиданно сыгранную с вами? Я и сам был захвачен врасплох обстоятельствами... столь непредвиденными. Мое пребывание в Испании оказалось, вопреки планам, очень непродолжительным и отъезд, и прибытие в Ла-Рошель не были предусмотрены заранее. В крайнем случае, вы могли бы высадиться на берег еще тогда...

— Берег показался мне не особенно гостеприимным. Да и вас не хотелось бросать в тяжелом положении. Нет, я не жалею, что возвращаюсь в Новый Свет, так и не ступив на землю предков.

Как будто в подтверждение его слов ветер донес заунывное пение псалмов, сливающееся с непрерывным шумом волн, которое вселяло беспокойство и навевало грусть.

«Когда гугенотов с детства приучают к такому пению, удивительно ли, что они становятся не такими, как все», — подумал Перро, который был добропорядочным католиком. Он порылся в карманах, отыскивая трубку. Затем, немного смущенный молчанием графа, продолжал, но уже без прежнего задора:

— Чудную компанию вы подобрали, монсеньер. Я никак к ним не привыкну. Да и присутствие прекрасного пола раздражает команду... Матросы недовольны тем, что сорвалась обещанная остановка в Испании и они возвращаются, так и не сбыв свою добычу.

Канадец опять глубоко вздохнул, сомневаясь, что Рескатор слышал его слова, как вдруг тот смерил его пронизывающим взглядом и спросил:

— Вы что, предупреждаете меня об опасности, Перро?

— Не совсем так. Я не могу ручаться... Но когда проводишь жизнь в одиночестве в лесах, начинаешь разбираться в таких вещах. Вы знаете...

— Да, знаю.

— Говоря начистоту, господин граф, я никогда не понимал, как вы могли поладить с бостонскими квакерами? По моему разумению, на земле есть две породы людей: такие, как они, и не такие, как они. Когда уживаются с одними, с другими не уживаются... Вы представляете исключение из этого правила. Почему?

— Бостонские квакеры искусней других в своих ремеслах. Я поручил им построить корабль и уплатил назначенную сумму. Если что и может вызвать удивление в этой сделке, так только то, что они оказали доверие мне, человеку явившемуся с Востока на старой шебеке, потрепанной бурями и стычками с пиратами. Я не могу забыть, как скромный квакер, плимутский обыватель, привез мне моего сына, совершив ради этого многодневное путешествие. А он мне ничем не был обязан.

Граф поднялся и дружески потрепал канадца по щеке.

— Поверьте мне, Перро, чтобы создать Новый Свет, нужны все. Бородачи, вроде вас, вольные и неуживчивые, праведники... — он кивнул в сторону протестантов. — Это не англичане. С англичанами всегда все просто. Они действуют в любом месте. Мы, французы, другие. Мы одержимы манией выбора, всегда много рассуждаем... Поехать было бы хорошо, но в то же время хочется остаться, отказываемся повиноваться королю, но считаем себя его верными слугами... Нелегко найти в нас надежных союзников. Мы не согласимся участвовать в делах, неугодных Богу. И в то же время готовы расшибить себе лбы ради вящей славы Господней! Для нас золото — мерило значимости... но говорить об этом предпочитаем вполголоса.

С видимым нетерпением Жоффрей де Пейрак ходил взад и вперед по каюте. Спокойствие покинуло его, едва на палубе раздались тоскливые голоса протестантов. Граф размышлял о них с таким же напряжением, как недавно о перспективах добычи серебра, открытых перед ним траппером.

Почувствовав, что вниманием хозяина полностью завладело это малопривлекательное общество, Никола Перро встал и откланялся.

Глава 15. Чудесное спасение графа де Пейрака

Жоффрей де Пейрак не задерживал канадца. Протяжное пение псалмов в такт набегающих волн было столь же торжественным, как и море. Оно подобно эху далекого загадочного мира.

Благодаря гугенотам на корабле оказалась Анжелика, бывшая жена, неподвластная теперь ему ни в своих чувствах, ни в своих помыслах.

Влюблена ли она в Берне? Эта мысль часто не давала покоя Жоффрею и, что удивительно, вызывала у него приступ ярости.

Стараясь не дать воли чувствам, он сравнивал ту, прежнюю, свою юную жену с нынешней Анжеликой. Стоит ли удивляться перемене в женщине, которая была покинута и на долгие годы лишена любви? Остается только утешать себя мыслью, что речь идет об одной из его прежних любовниц. Но тогда откуда это неудержимое желание вникнуть во все, что касается ее?

Когда в мертвенно-бледном утреннем воздухе или ясных холодных сумерках раздавались песнопения, он с трудом сдерживал себя, чтобы тотчас не броситься к перилам пестика, возвышающегося над палубой, в надежде увидеть ее среди протестантов...

На этот раз, намереваясь выйти, он уже надел маску, но вдруг передумал. Для чего себя мучить? Да, он увидит ее. Ну и что? Анжелика, как всегда, будет сидеть немного в стороне с девочкой на коленях, немного склонив голову с изяществом матроны. Затем, незаметно для других повернется к мостику, словно надеясь увидеть его...

Жоффрей снова подошел к столу и взял один из кусков руды. По мере того, как он его рассматривал, хладнокровие возвращалось к нему. У графа де Пейрака есть настоящее дело! А это уже немало. Его ждет новая работа в неизведанной стране, покорение девственной природы, исследование и добыча сокровищ ее недр.

...Перед трибуналом, созванные, чтобы судить его, в окружении глупости, невежества, зависти, лицемерия, граф Жоффрей де Пейрак слушал свой смертный приговор, обрекавший его как чернокнижника на сожжение. Более всего его тогда поразило логическое завершение человеческой драмы, над которой он размышлял долгими часами, проведенными в тюрьме. И если он безумно хотел жить, несмотря на искалеченное пытками тело, это было не столько из страха перед смертью, сколько от возмущения несправедливостью судьбы, обрекшей его Ни

безысходность, когда еще не все силы и возможности были использованы.

Его крик отчаяния на паперти собора Нотр-Дам молил не о милосердии, но о справедливости. Он взывал не к Богу, чьи заветы часто нарушал, но к Разуму.

«Ты не вправе оставить меня, ибо я не изменил тебе...»

Жоффрей де Пейрак знал, что умрет, поэтому, придя к себе где-то на берегу Сены, вдали от беснующейся черни, он не мог объяснить свое спасение ничем иным, кроме чуда. Нырнув в ледяную воду в то время, когда охранявших его мушкетеров сморил сон, узник подплыл к спрятанной в камышах лодке, отвязал ее и вверил свою жизнь плавному течению реки. Обессиленный, он на некоторое время потерял сознание, а когда очнулся, содрал с себя рубаху смертника и облачился в крестьянское тряпье, найденное в лодке.

Затем измученный, умирающий от голода, он побрел к Парижу по обледенелой дороге. Хромота мешала ему передвигаться. При каждом шаге он испытывал невыносимую боль в ноге и пока преодолевал первое лье, с трудом удерживался от крика.

Тогда Жоффрей смастерил костыли, вытащив по дороге палки из изгороди. Понемногу боль притупилась, и он смог идти довольно быстро.

Монахи, у которых беглец попросил убежища, отнесли к нему с состраданием, но им взбрело в голову отвести его в соседний лепрозорий, откуда ему удалось улизнуть лишь с большим трудом.

...Он снова ковылял, пугая изредка встречающихся крестьян своими окровавленными лохмотьями и платком, закрывающим лицо.

Однажды, когда де Пейрак уже не мог сделать ни шагу, он набрался смелости осмотреть проклятую ногу. В глубокой ране под коленом виднелись два растрепанных «волокна», похожих на китовый ус. Прикосновение к ним вызывало такую нестерпимую боль, что Жоффрей едва не терял сознание. В отчаянии он решился с помощью найденного на дороге обломка ножа обрезать эти разорванные сухожилия, причиняющие ему столько страданий.

После этой «операции» нога потеряла всякую чувствительность, а он окончательно потерял возможность ею управлять, но идти стало значительно легче.

Наконец Жоффрей де Пейрак увидел колокольни Парижа. Минувя город, добрался до Бенсенской часовни. Укрытое в лесу, это скромное святилище было единственным из несметных богатств графа Тулузского, что избежало королевских печатей.

— Ты еще принадлежишь мне, ты мне послужишь, — прошептал он,

поглаживая камни стен.

Эта маленькая часовня хорошо послужила своему хозяину. Все, что накануне было тайно приготовлено, действовало безотказно: подземный ход в Париж, колодец, через который он смог пробраться в самое сердце своего покинутого жилища — отеля дю Ботрен.

Тайник, где опальный граф из предосторожности спрятал часть своего золота и драгоценностей, был не тронут. Взяв шкатулку с сокровищами, он невольно подумал о том, что еще один этап возвращения из преисподней позади. Обладая богатством, Жоффрей больше не чувствовал себя безоружным. За один алмаз он легко достанет повозку, за два золотых — лошадь... Полный кошелек привлечет на его сторону тех, кто еще вчера отвергал его, и он сможет бежать, навсегда покинув королевство.

И все же де Пейрак не мог избавиться от мысли, что смерть еще держит его в своих цепких объятиях. Никогда он не чувствовал так близко ее дыхание, как сейчас, когда остался один среди осколков бывшего величия, слушая с тоской замирающие удары сердца. Он знал, что никакая сила воли не заставит его снова воспользоваться колодцем. Может быть, попросить помощи у старого Паскалу, который следил за домом? Но полоумный старик, увидев его, вообразит, что перед ним привидение, и убежит, всполошив соседей.

Где же теперь искать дружескую руку, протянутую ему для помощи?

Память воскресила худую руку духовника, который поддерживал его по пути на казнь. У Жоффрея де Пейрака не вызывала сомнений та истина, что есть на земле существа, которых не купишь ни драгоценными камнями, ни золотом. Это бескорыстные люди. Они словно несут в себе частицу божественного огня. Маленький священник-лазарист был одним из них.

Собрав последние силы, граф вышел из отеля дю Ботрен через дверь оранжереи. По дороге он приготовил для отца Антуана шутливую фразу: «Отец, ниспосли мне помощь, ибо Всевышний не хочет моей смерти, а она уже хватает меня за пятки».

Но стоя у дверей монастыря, от волнения он не смог вымолвить ни слова. Только теперь он заметил, что у него отнялся дар речи.

...Жоффрей де Пейрак покачал головой и улыбнулся, чувствуя под ногами зыбкую палубу «Голдсборо». «Уж этот отец Антуан! Мой лучший друг, пожалуй, самый преданный, самый бескорыстный».

Он, граф де Пейрак, владевший одним из самых больших состояний Франции, жил столько недель под защитой этих хрупкий рук, словно призрачных на фоне черной потертой сутаны.

Отец Антуан не только дал укрытие ему и ухаживал за ним. Это ему

пришла в голову идея отправить беглеца с транспортом католиков, которых священник должен был сопровождать до Марсея. Пейрак занял место каторжника, полицейского стукача, убитого своими же. Отец Антуан, с недавних пор назначенный исповедником несчастных галерников, устроил подмену.

Жоффрей, брошенный на солому тюремного фургона, не боялся, что его предадут, ибо убийцы и так были рады, что дешево отделались.

Тупой и грубой страже не было дела до охраняемых висельников. Между тем, отец Антуан спрятал в своем багаже среди церковной утвари и шкатулку с драгоценностями графа. Добрый мальчик!

В Марселе де Пейрак встретил Куасси-Ба, преданного ему черного невольника, также осужденного на галеры. И опять-таки его привел к хозяину священник.

Их побег не сложно было устроить: наполовину парализованного Жоффрея признали «непригодным» и при первом же выходе в море оставили на суше. Укрывшись со своим арабом в восточных кварталах большого приморского города, он все же не чувствовал себя вне опасности, пока находился здесь, на французской земле.

Из предосторожности де Пейрак не хотел садиться па первое же уходящее судно, не заручившись новыми документами и протекциями. С этой целью он отправил послание великому святому муфтию Абд-эль-Мехрату, арабскому ученому, с которым долго вел переписку, обсуждая новые открытия в химии.

Вопреки всем опасениям, письмо нашло муфтия на его вилле в Фесе. Ответ ученого был пронизан искренним участием и готовностью помочь, что свойственно людям возвышенного ума, для которых единственными границами, разобщающими людей, были те, которые отделяют глупость от разума, невежество от просвещения.

В одну из безлунных ночей великан Куасси-Ба нес на могучих плечах своего немощного хозяина, скользя меж скал маленькой бухты в окрестностях Сен-Тропеза. Берберийцы в белых бурнусах, с опущенными покрывалами уже ждали его. Это место им было хорошо знакомо: сюда арабов привлекали прекрасные жительницы Прованса, славящиеся бледной кожей и агатовыми глазами.

Рискованное путешествие закончилось удачно. Для человека, спасенного от пламени костра, открылась новая жизнь. Дружба с Абд-эль-Мехратом принесла ему, душевное успокоение и исцеление от недугов. Познакомившись с Муль-Измаилом, Жоффрей де Пейрак отправился по его совету добывать золото в Судане. Затем на него была возложена

миссия посла при дворе великого султана, налаживание торговли серебром... Со временем его имя стало чуть ли не самым известным среди корсаров Средиземного моря.

Каждый день давал пищу его уму, жаждущему открытий, увлечений, новых знакомств. Нет, он не скорбел о прошлом. Ни в неудачах, ни в успехах. Все страдания, которые выпали на его долю, казались теперь естественными для человека, который подвергал себя постоянной опасности.

Сердце его огрубело, ведь на свете не так много вещей, от которых человеческое сердце не может оправиться. Только у женщин оно более ранимое, хотя и они смело принимают тяжелые удары судьбы. Странные существа эти женщины, беззащитные, но и жестокие!

Жестокие, когда лгут, но еще более, когда бывают искренними, как Анжелика, бросившая вчера ему в лицо:

«Я вас ненавижу. Лучше бы вы умерли!..»

Глава 16. Наваждение любви

Виной всему была рыжеволосая девочка. Удивительная маленькая особа, чертами лица и улыбкой напоминающая мать. Ее рот, правда, был несколько великоват и не столь безупречен, и цвет волос другой, и глаза черные, широко расставленные, в отличие от огромных, кристально чистых материнских, но сомневаться не приходилось: она была дочерью Анжелики, зачатой в объятиях мужчины, которого Анжелика заполучила в истосковавшиеся по ласке руки...

Спрятавшись за драпировку, Жоффрей видел ее, склонившуюся над ребенком, еще более прекрасную в неверном свете догорающего дня. Ему, истерзанному муками ревности, казалось, что молодая женщина, вглядываясь в личико спящей девочки, ищет желанные черты неведомого ему любовника. Он слышал, как она шепчет ребенку нежные страстные слова. Никогда Анжелика не была так ласкова с его сыном Флоримоном...

С мостика, куда он вышел, Жоффрей де Пейрак с облегчением заметил, что протестанты, закончив вечерние песнопения, покинули палубу. Закутавшись в плащ, он начал подниматься на палубу, чтобы определить местонахождение судна, когда его остановило необычное поведение мавра Абдуллы. Слуга, привыкший за десять лет угадывать все желания хозяина, следить за каждым его движением, па этот раз как будто не замечал его присутствия. Опершись о деревянные перила у застекленных дверей капитанской каюты, он устремил свой взгляд в безбрежные морские дали. Де Пейрак, привыкший распознавать внутреннее состояние представителей этого племени, понял, что Абдулла охвачен невероятным волнением. Он напоминал затаившегося перед прыжком зверя, и его толстые лиловые губы чуть вздрагивали.

Заметив, что хозяин наблюдает за ним, мавр па мгновение опустил глаза, чуть расслабился и тотчас же вновь принял невозмутимый вид, присущий всем невольникам, прошедшим суровую дрессировку на службе у султана Муль-Измаила. Один из самых ловких и красивых стрелков охраны короля Марокко Абдулла был подарен великому магу Джеффу-эль-Халмуду (Дьяволу). С тех пор он сопровождал хозяина повсюду. Он готовил ему кофе, спал у его дверей или на полу у его постели. Он всегда следовал за ним с заряженным мушкетом...

— Я провожу тебя, мой господин, — промолвил Абдулла, чувствуя неловкость, так как по опыту знал, что взгляд Джеффа-эль-Халмуда

обладал способностью читать его мысли. Заметит ли хозяин то, что видел он и, что, несмотря на холод, обдало его тропической жарой.

— У тебя такой вид, слоено ты увидел смерть. Что с тобой, Абдулла?

— Здесь или там — не все ли равно, — мрачно забормотал мавр. — Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его...

Вытащив из-под бурнуса маленький мешочек, наполненный белым порошком, он взял шепотку и помазал им свои лоб и щеки. Рескатор наблюдал за слугой.

— Откуда такая меланхолия, старина, и к чему этот маскарад?

Зубы мавра сверкнули в ослепительной улыбке.

— О, господин, ты слишком добр, обращаясь со мной, как с равным. Сохрани меня, Аллах, от твоего гнева, и если мне суждена смерть, молю его даровать мне милость принять ее от твоей руки.

И Абдулла с просветленным лицом обнял ноги обожаемого хозяина.

Вместо того, чтобы подняться наверх, Рескатор спустился с лестницы к пошел по коридору, ведущему к полубаку.

Абдулла дрожал. Снова хозяин разгадал его мысли. Он следовал за ним, чувствуя, как борются в нем нетерпение и страх перед неизбежным. Потому, что он знал, что смерть неизбежна...

Глава 17. Анжелика извиняется

На полубаке женщины занимались стиркой. Их белые чепчики напоминали стаю чаек на взморье. Приблизившись к ним, Рескатор начал раздавать поклоны мадам Маниголь, мадам Марсело, тетушке Анне, старой учительнице математики, нежной Абигаиль, залившейся румянцем, девушкам, которые не решались на него взглянуть и старались принять строгий вид.

Затем он подошел к грот-мачте, и вдруг почувствовал, что она где-то рядом. Рескатор резко повернулся. Анжелика стояла бледная от напряжения.

— Вчера я бросила вам в лицо страшные слова. Я была до смерти напугана поведением моего ребенка, и совершенно не владела собой. Я хочу просить у вас прощения.

Поклонившись, он ответил:

— Я благодарю вас за учтивый поступок, хотя необходимости в нем не вижу. Чувство долга побуждает вас сгладить впечатление от ваших слов, достоинство которых, без сомнения, заключается в том, что они искренни. Поверьте, я правильно вас понял.

Она бросила на него загадочный взгляд, в котором смешивались боль и гнев.

— Вы так ничего и не поняли, — вздохнула она, опустив глаза.

«Прежде она так не скромничала, — подумал он. — В ее взгляде всегда мелькала дерзость, даже когда она цепенела от страха. То ли это игра, надо признаться, довольно трогательная, то ли светское лицемерие, а может быть, проявление гугенотской смиренности? По крайней мере, я нашел в ней нечто новое. Анжелика по-прежнему излучает силу и здоровье, как солнце в летний день, и, клянусь честью, руки ее прекрасны!»

Под его пронзительным взглядом Анжелика не находила себе места. Слова протеста были готовы сорваться с ее губ, но она сдержалась. Прачки с любопытством глазели на них, так же, как и матросы, не спускавшие глаз с хозяина, когда тот появлялся на палубе.

С самого утра она искала встречи с ним. Но ее удерживало смешанное чувство гордости и страха. Этот страх буквально парализовал молодую женщину и она, стоя перед Рескатором, сконфуженно поглаживала покрасневшие руки.

— С девочкой все в порядке?

Она утвердительно кивнула и решив, что ей больше не о чем с ним говорить, вернулась к своему чану. Такова жизнь! Надо стирать белье. Может быть, видя это, он поймет, что ей гораздо чаще приходилось заниматься тяжелой работой, чем танцами при дворе.

Жоффрей дал ей понять, что они стали чужими друг другу. Вполне возможно, что в один прекрасный день они станут даже врагами. Анжелике стали ненавистны его снисходительное равнодушие и желание уязвить ее. Раз уж им суждено было встретиться на этой земле, нет никаких сомнений, что ей хватит сил поставить его на место и доказать, что она не из тех женщин, которые цепляются за бросивших их мужчин. К счастью, уговаривала она себя, энергично стирая белье, они находятся на одном судне и не смогут избегать друг друга.

Теперешнее положение приносило Анжелике страдание и счастье, ибо несмотря ни на что, он был здесь, живой и невредимый. Видеть его, говорить с ним — это уже было чудом. Как знать, не произойдут ли и другие чудеса? Она Украдкой наблюдала за ним. Крепкие плечи, обтянутые бархатным камзолом, схваченная ремнем узкая талия, отделанная серебряной насечкой рукоять пистолета — это был он, ее Жоффрей.

Ах, какая мука видеть его так близко и чувствовать, как он далек от нее!

«И все-таки я царствовала в этом сердце, в этих руках стала женщиной. На Крите, зная, кто я, он обнимал меня за плечи и говорил с чарующей нежностью... Но на Крите я была иной. Разве я виновата в том, что со мной сделал король? Тот самый король, в связи с которым он меня обвиняет. Но ведь когда я боролась против короля, он ласкал других женщин. О, его репутация на Средиземном море мне известна! Он, наверное, предпочел бы узнать о моей смерти в пустыне от укуса змеи. Но я вовсе не хочу умирать! Не меньше, чем он. И в этом мы похожи друг на Друга. Мы были мужем и женой, оставаясь супругами в радости и горе, даже в разлуке. Невозможно, чтобы все это исчезло бесследно. И если мы живы, то и любовь наша должна воскреснуть».

Горящие глаза влюбленной женщины были устремлены к мужу. Каждый его жест приводил ее в волнение.

— Вы так трете, что и без мыла появилась пена, — пробурчала Марцелла Каррер.

Но Анжелика не слышала ее. Она смотрела, как он поднимает секстант, поворачивает лицо в маске к горизонту, разговаривает с

боцманом...

Вот Рескатор подошел и заговорил с Абигайль, находившейся слишком далеко, чтобы Анжелика могла разобрать его слова. Он смотрел в глаза девушке, и ее щеки розовели от столь непривычного мужского внимания.

«Если он ее тронет, я завою!» — подумала Анжелика.

Рескатор взял за руку Абигайль, и Анжелика вздрогнула, как будто это она ощутила прикосновение его пальцев. Он увлек девушку на нос корабля и показывал ей вдали огромную волну в белых барашках, поглотившую солнечные лучи, и льдины, о которых уже успели забыть благодаря неожиданному милосердию природы.

Потом, непринужденно облокотившись, он стал внимательно слушать собеседницу, и с его губ не сходила снисходительная улыбка.

Анжелика представила себе, как Абигайль, повергнутая в трепет знаками внимания такой важной особы, постепенно успокоилась, поддавшись его обаянию. Врожденная прелесть, скрываемая суровым воспитанием, расцвела на ее хорошеньком личике.

После милой беседы с Рескатором память сохранит этот счастливый миг, то, что он сказал ей, и во что не были посвящены ее компаньоны. Так соблазнитель находит путь к женским сердцам!

«Но только не к моему! — подумала в гневе Анжелика. — Хотя он и утруждает себя попытками понравиться мне!»

Он так же умел соблазнять, как и ранить.

«Чего он хочет добиться, увиваясь на моих глазах за Абигайль? Вызвать у меня ревность? Доказать мне свое равнодушие? Дать мне понять, что мы свободны и вольны поступать по своему желанию? Но почему Абигайль?»

— Не бейте так сильно веником, — снова подала возмущенный голос Каррер, аккуратно наполняя чан водой. — Вы потреплете белье. А мы не так скоро получим смену.

«Неужели он предполагает, что во мне сильны корыстные побуждения и я буду мстить ему? Я жила при дворе, но не дала вовлечь себя в ловушки дворцовых интриг. Нет, я не буду докучать ему, если он не желает того. Тем более не подам виду, каким испытаниям он подвергает меня, даже не подозревая об этом. Мужчину силой не удержишь, а попытаться пробудить в нем угрызения совести, чтобы вернуть любовь, слишком уж мелко. Какую пользу принесет попытка разжалобить его тем, что только из-за него я дошла до такого падения? Но разве не должен был он сам защищать свою жизнь? Только ему ведомо все, что он перенес. Если я действительно

его люблю, зачем ворошить прошлые страдания?..»

Рассуждая так, Анжелика решила запастись спокойствием и терпением. Она прониклась дружескими чувствами, даже полюбила, как живое существо, этот старый «Голдсборо», который не позволял им потерять друг друга. Анжелике хотелось, чтобы путешествие продолжалось вечно...

Рескатор простился с Абигаиль и покинул палубу. Мадам Каррер подтолкнула Анжелику локтем и, наклонившись к ней, зашептала:

— Когда мне было шестнадцать лет, я мечтала вот о таком пирате, который похитил бы меня и отвез за моря на сказочные острова.

— Вы?! — спросила изумленная Анжелика.

Жена адвоката весело подмигнула. Она напоминала деятельного черного муравья. Ее высокий чепчик, характерный для провинции Ангулем, был накрахмален до такой степени, что, казалось, грозил сокрушить ее хрупкое тело, давшее жизнь, тем не менее, одиннадцати ребятишкам. Глаза мадам Каррер снова лукаво сверкнули за стеклами очков, и она подтвердила:

— Да, я. Что поделаешь, я всегда была фантазеркой. Несколько раз он приходил ко мне во сне. А когда увидела его здесь, в двух шагах от себя, — это произвело такое впечатление! Посмотрите на богатство его одежды. А эта маска... Меня просто в дрожь бросает.

— Мои красавицы, я открою вам, откуда он, — сказала Маниголь голосом, предвещавшим важную новость, — и не в обиду будет сказано госпоже Анжелике, я задаю себе вопрос: не знаю ли я о нем больше, чем она?

— Это удивило бы меня, — процедила Анжелика сквозь зубы.

— Ну, ладно! Так что вы знаете? — посыпались вопросы от подошедших женщин. — Он испанец? Турок?

— Ничего подобного. Он наш земляк, — торжественно произнесла Маниголь.

— Наш земляк? Из Ла-Рошели?

— Разве я сказала из Ла-Рошели? — она пожала широкими плечами. — Я сказала, что он наш земляк. Это значит — мой земляк.

— Из Ангулема? — с недоверием воскликнули рошельцы.

— Может быть, не совсем точно, немного южнее... из Тулузы, — добавила она нехотя, — но все равно, он настоящий сеньор из Аквитании, гасконец, — сказала она с блестящими от гордости глазами.

Анжелика почувствовала спазмы в горле. Она была готова расцеловать толстуху, но сдержалась, убеждая себя, что нелепо быть такой

чувствительной к вещам, которые больше не стоят того.

— Как я узнала? — продолжала мадам Маниголь. — По манере обращения, мои милочки. Он однажды обратился ко мне, проходя по палубе: «Госпожа Маниголь, у вас прекрасный ангулемский акцент!» — так говорят только местные...

Мадам Марсело, жена торговца бумагой, удовлетворив любопытство, не склонна была проявлять особой радости.

— Не сказал ли он вам, моя душенька, почему носит маску, почему не любит встреч и почему он уже много лет путешествует вдали от дома?

— Многие не хотят оставаться дома. Любовь к приключениям выбирает им дорогу.

— Любовь к грабежу — это да.

Маниголь искоса посмотрела на Анжелику. Упорство, с которым она отказывалась сообщить им что-то о «Голдсборо» и его хозяине, с каждым днем вызывало у них большие подозрения. Посаженные силой на странный корабль без флага и явной цели, они считали, что имеют полное право требовать объяснений.

Анжелика сделала вид, что ничего не слышала. Наконец дамы удалились, чтобы развесить на веревках белье. Надо было ловить последние лучи этого великолепного солнца, пока его не сменит холод северной ночи.

— О, как тепло! — воскликнула юная Бертиль Марсело, снимая корсаж. Затем, сбросив чепчик, она распустила свои белокурые волосы.

— Это потому, что мы на краю света, солнце находится совсем близко и так сильно греет! Можно просто поджариться!

Она пронзительно захохотала. Ее тонкая блузка с короткими рукавами позволяла разглядеть прелестные высокие груди.

Анжелика, глядя на девушку, невольно подумала:

«Я была такой же в семнадцать лет».

Одна из подруг Бертиль тут же последовала ее примеру, сбросив корсаж и шерстяную кофточку. Она не могла похвастаться красотой дочери Марсело, но была пухленькой и уже вполне сформировавшейся женщиной. Ее сорочка с большим вырезом соскользнула с груди.

— Мне холодно, — кричала она, — ой, холод меня жалит, а солнышко ласкает. Как это приятно!

Остальные девушки тоже смеялись, но несколько смущенно Анжелика прочла недоумение во взгляде Северины. Маленькая Берне была в высшей степени шокирована поведением старших подруг. Как бы в знак протеста, она плотней закуталась в свою черную накидку.

Анжелике стало ясно, что происходящее выходит за рамки допустимого. Повернувшись, она заметила мавра. Опершись на мушкет, Абдулла смотрел на девушек с выражением достаточно красноречивым для всякого искусственного человека. Впрочем, не только его привлекла столь очаровательная картина.

Темнокожие матросы начали скользить по вантам с притворно-равнодушным видом. И только пронзительный свист горбуна вернул их на свои места. Карлик бросил на женщин полный ненависти взгляд и ушел, плюнув в их сторону. Торжествующий Абдулла остался на месте. Черные глаза африканского идола были неизменно обращены к плоду его желаний — белокурой девственнице.

Анжелика сообразила, что она единственная взрослая среди этих милых ветреных птичек, и решила действовать.

— Вы должны немедленно одеться, Бертиль, — сказала она сухо, — и вы, Рашель. Это безумие — так раздеться на палубе.

— Но ведь тепло, — закричала Бертиль, наивно вытаращив голубые глаза. — Мы так намерзлись, почему же не воспользоваться случаем и не погреться на солнышке?

— Речь идет не об этом. Вы привлекаете внимание мужчин...

— Мужчин? Каких мужчин? — спросила девушка. — Ах, да, — продолжала она, будто впервые заметив Абдуллу, — О, это неважно... — она взорвалась серебристым хохотом. — Я знаю, что он восхищается мною. Он приходит каждый вечер, когда мы собираемся на палубе, и всякий раз, по возможности, подходит ко мне. Он дарит мне маленькие подарки: ожерелье из бус, серебряную монетку... и это мне нравится.

— Вы ошибаетесь. Он принимает вас за ту, кем вы, на самом деле, не являетесь... иными словами...

Она остановилась, чтобы не смущать Северину и других, более молодых девушек. Они были еще так наивны...

— Оденьтесь, Бертиль, — настаивала Анжелика, — Поверьте мне, будь у вас больше опыта, вы бы поняли смысл этого восхищения, которое вам льстит, и вы покраснели бы за свое поведение.

Бертиль не стала ждать, пока приобретет опыт, и покраснела до корней волос. Ее миловидное лицо исказилось от обиды, и она сказала со злобной гримасой:

— Вы говорите так, потому что ревнуете. Потому что это на меня он смотрит, а не на вас. На этот раз вы не самая красивая... Госпожа Анжелика, скоро ею буду я. Я буду самой красивой и даже в глазах других мужчин, которые сегодня восхищаются вами. Вот смотрите, как я

послушалась ваших советов.

Летним движением она повернулась к мавру и подарила ему улыбку, обнажившую жемчужные зубы.

Абдулла затрепетал. Глаза засверкали, а губы с лихорадочной дрожью ответили ей.

— Ах, какая дурочка! — раздраженно воскликнула Анжелика. — Бертиль, прекратите немедленно эти фокусы, иначе я расскажу все вашему отцу.

Угроза подействовала: мэтр Марсело не любил шутить в вопросах благопристойности и был очень щепетилен во всем, что имело отношение к его единственной дочери.

С недовольным видом девушка надела корсаж. Рашель сделала это сразу же после слов Анжелики, она, как и вся молодежь их маленькой общины, питала глубокое уважение к служанке мэтра Берне. Неожиданная дерзость Бертиль по отношению к ней показалась девушке кощунством.

Но Бертиль, затаившая в душе зависть, не хотела признать себя побежденной.

— О, я знаю, откуда эта ваша злоба, — снова начала она. — Хозяин корабля не удостоил вас даже взгляда. Однако всем известно, что вы проводите ночи в его каюте. Но сегодня он предпочел Абигаиль...

Она нервно засмеялась.

— Не скажешь, что у него изысканный вкус! Что он нашел в этой сушеной селедке?

Подружки захлебывались от смеха. Анжелика тяжело вздохнула.

— Бедные мои дети, глупость ваша превосходит всякое воображение. Вы ничего не понимаете в том, что происходит вокруг вас, а пытаетесь рассуждать. Знайте же, раз уж вы сами не способны об этом судить» что Абигаиль — девушка красивая. Когда она распустит волосы, они почти достают до колен. Ни у кого из нас никогда не будет таких чудесных волос. И к тому же у нее прекрасное лицо и нежная душа, тогда как ваша глупость может оттолкнуть увлекшихся вами влюбленных.

Уязвленные болтушки умолкли. Бертиль медленно оделась, поглядывая на мавра, по-прежнему стоявшего подобно темной статуе в развевающемся на ветру бурнусе.

Анжелика бросила ему по-арабски:

— Что ты тут делаешь? Проваливай отсюда, твое место у ног хозяина.

Он вздрогнул, как будто пробудившись от сна, и с удивлением посмотрел на женщину, заговорившую на его языке. Затем страх исказил его лицо, и он ответил, словно напроказивший ребенок:

— Мой хозяин еще здесь. Я жду его, чтобы сопровождать.

Анжелика только теперь увидела, что Рескатор стоял у мостика с Легалем и тремя его друзьями, оживленно беседуя.

— Ну, хорошо, тогда уйдем мы. Дети, за мной! И она ушла, увлекая за собой девушек.

— Мавр, — щебетала испуганная Северина. — Госпожа Анжелика, вы заметили? Он так смотрел на Бертиль, словно хотел ее живьем съесть.

Глава 18. Исцеление опального графа

Четверо пассажиров обратились к Рескатору, когда тот спускался по трапу с полубака. Случай небывалый: со времени отплытия из Ла-Рошели никто из гугенотов не пытался подойти к нему и заговорить. Морские бродяги без рода и племени, без стыда и совести, от которых ко всему зависела их судьба, вызывали у этих праведников антипатию.

Ни с кем из них, кроме Габриэля Берне, хозяин корабля не вел разговоров, поэтому недоверие и враждебность к нему со стороны протестантов росли с каждым днем.

Вот почему, когда Легаль со своими товарищами остановил Рескатора, он был настороже. Мужчины стояли перед ним, держа в руках свои круглые шляпы. Он обратил внимание, что их короткие волосы были тщательно подстрижены. Несмотря на все неудобства, гугеноты, в отличие от экипажа, не выглядели оборванцами. И хотя Рескатор вручил своим людям пару ножниц и бритву с превосходными лезвиями, их колючие подбородки и взлохмаченные волосы ничуть не изменились. Эти мысли вызвали у него невольную улыбку, но четверо гугенотов сохраняли каменное выражение лица. В их глазах нельзя было прочесть ни дружелюбия, ни ненависти...

— Монсеньер, — сказал Легаль, — время идет, а мы бездействуем. Мы просим вас оказать нам милость и принять в вашу команду. Вы имели возможность убедиться в моих способностях лоцмана, когда судно проходило проливы. Я десять лет плавал на кораблях! Был хорошим марсовым. Могу и теперь быть вам полезным так же, как и мои товарищи. Мы заменим ваших раненых людей.

Он представил своих друзей: Бреана, судового плотника, Шаррона, своего компаньона по рыбной ловле, в прошлом тоже марсового, Марангуэна, своего зятя, когда-то служившего юнгой на торговом судне.

— Море нам хорошо знакомо, и у нас просто руки чешутся заняться делом.

Жоффрей де Пейрак не забыл, как Легаль умело вел «Голдсборо» по бретонским проливам, а потом протянул нить, связывающую протестантов с кораблем. Однако он долго колебался прежде, чем вызвать боцмана и ознакомить его с предложением новобранцев. Безобразный горбун, далекий от того, чтобы разделить сомнения своего хозяина, был, наоборот, очень доволен. Его рот исказила заменяющая улыбку гримаса, обнажившая

зубы, испорченные когда-то ударом сабли.

Он подтвердил, что людей, действительно, не хватает. Пятеро раненых в Ла-Рошели нанесли ему последний удар. Трудно сказать, как ему удастся обходиться таким небольшим количеством людей, ведь и в Испании должно было высадиться еще несколько человек. Отсюда и раздражительность, которая проявляется вовсе не по его вине.

— Ну, хорошо, вы приняты, — сказал Рескатор рошельцам. — Вы владеете английским языком?

Гугеноты в достаточной мере знали его, чтобы понимать приказы горбуна. Оставив новичков в распоряжении Эриксона, Рескатор вернулся на мостик. Облокотившись на позолоченные перила, он не мог оторваться от прорезающих темноту лучиков света, пробивающихся из-под двери, за которой расположились беглецы. Анжелика жила вместе с протестантами, вызывающими у него такую неприязнь. Была ли она заодно с ними? Или, как и он, одинока между двух миров?

Темная ночь окутала корабль. Зажглись факелы и сигнальные огни. Стоя на коленях перед глиняным очагом, Абдулла с осторожностью первобытного стража огня раздувал краснеющие угольки.

Льды больше не угрожали на море, ничто не предвещало бури. Но на душе Жоффрея де Пейрака было тревожно. Впервые за его многолетние морские скитания он не ощущал единения со своим кораблем. Какая-то невидимая граница пролегла между ними. Беспокойство хозяина передалось и его людям, почуявший неладное. Ответственность за жизнь каждого из них легла тяжелым грузом на его плечи.

Графу де Пейраку были знакомы все жизненные перипетии. Двигаясь в одиночку по предначертанному пути, он нередко сворачивал в иное направление, и тогда перед ним открывались новые перспективы. Из собственного опыта Жоффрей знал, что ему придется, подобно змее, сбрасывающей старую кожу, менять прежний образ жизни, оставить былые привязанности и увлечения.

На сей раз надо было вернуть на родину, в пустыню, Абдуллу, который не переносил холодного дыхания севера. Янсон отвезет его вместе с Абд-эль-Мехратом к золотым песчаным берегам Средиземного моря.

Верный страж Абдулла не один раз спасал жизнь хозяина. Исполнение всех его желаний было для мавра священным ритуалом.

«Найду ли я среди индейцев Абдуллу, который так же хорошо приготовил бы мне кофе? Конечно, нет! Но приходится отпускать тебя, старина, иначе будет плохо».

Подумав об Абд-эль-Мехрате, де Пейрак представил его, сидящим за

книгами в отведенной ему каюте на корме. Сухое тело старика укутано мехами. Он, без сомнения, писал.

В семьдесят лет жажда знаний до такой степени овладела Абд-эль-Мехратом, что он чуть ли не на коленях умолял своего друга де Пейрака, когда тот покидал Средиземное море, взять его с собой, чтобы исследовать Новый Свет. Он был слишком образован, чтобы пользоваться расположением такого фанатика и невежи, как его сюзерен Муль-Измаил. Жоффрей де Пейрак знал об этом и охотно удовлетворил просьбу старика, возможно, спасая ему жизнь.

...Абд-эль-Мехрат дал беглецу убежище в роскошной медресе, принадлежавшей в то время ему, ученому, глубоко почитаемому в Фесе.

Обессиленный граф де Пейрак прибыл в Фес на носилках. Он вновь увидел себя распростертым у ног своего арабского друга, еще до конца не осознавшим, что рискованная эпопея закончена, и он, христианин, проклятый неверный, находится в самом сердце таинственного Магриба.

Да, это был добрый Абд-эль-Мехрат, с которым он познакомился в Испании несколько лет назад. Он сразу узнал высокую сухощавую фигуру доктора, высокий лоб над круглыми стальными очками, делавшими его похожим на сову.

— Я не могу поверить, что нахожусь перед вами, да еще в Фесе, — с трудом произнес Жоффрей де Пейрак. Несмотря на все усилия, он не мог говорить громко. — Я думал, что мы тайно встретимся на берегу. Разве королевство Марокко утратило репутацию неприкосновенного или ваше влияние больше, нежели власть султана, для которого христианин должен быть или мертвецом, или рабом? Воздаваемые мне почести убеждают, что я пока не являюсь ни тем, ни другим. Эта иллюзия будет иметь продолжение?

— Мы надеемся на это, мой дорогой друг. Ваше положение действительно исключительное, так как у вас есть тайный покровитель. Но чтобы вы не обманулись в своих надеждах, прежде всего необходимо выздороветь. Я обязан исцелить вас. К тому же, это вопрос жизни или смерти не только для вас, но и для меня, ибо за неудачу я могу поплатиться головой.

На попытки Жоффрея узнать что-либо о таинственных грозных покровителях, старый ученый ответил, что ему нужно полностью поправиться, чтобы иметь право на дальнейшие объяснения. Абд-эль-Мехрат склонился над израненным телом графа. Его поначалу хмурое лицо прояснялось по мере того, как он осматривал больного.

— Хвала Аллаху! — воскликнул он. — Ваша самая тяжелая рана на

левой ногой осталась открытой.

— Она в таком состоянии уже не первый месяц.

— Хвала Аллаху за это, — повторил он. — Я не только обещаю вам выздоровление, но и предвижу, что благодаря этому вы избавитесь от своего давнего недуга.

И доктор объяснил ему, что европейские медики борются только с видимостью болезни. Они всячески способствуют скорейшему затягиванию любой раны, не думая о том, что происходит под тонкой пленкой.

Арабская же медицина говорит, что чем глубже рана, тем дольше надо пытаться задерживать ее выздоровление.

Весьма довольный осмотром, Абд-эль-Мехрат сообщил, что отсутствие хирургического вмешательства пошло на пользу де Пейраку: разорванные волокна уже восстановились. Более того, благодарение небу, он избавился от ужасного риска гангрены, и теперь Мехрат только завершит труд, так хороши начатый мэтром Обэном — палачом короля Франции.

Абд-эль-Мехрат трудился над этой раной с тщательностью арабских ювелиров. Он любил приговаривать:

— Скоро вашей походке будут завидовать самые спесивые гранды Испании.

Доведенный до изнеможения Жоффрей де Пейрак был согласен довольствоваться и меньшим. Он настолько свыкся со своей хромотой, что не возражал бы против ее возвращения вместе с привычной жизненной силой и подвижностью. Только бы скорей! Без движения он превращался в развалину, и его силы таяли с каждым днем.

Убеждая графа в необходимости проведения процедур, Абд-эль-Мехрат рисовал картины его будущей жизни среди врагов под маской неизвестного. Когда он снова ступит на землю французского королевства, кто сможет узнать в человеке с нормальной походкой того, кого называли «великий лангедокский хромым»?

Эта мысль пришла по душе Жоффрею. Его упорство в борьбе с болезнью не уступало настойчивости целителя. Несмотря на бальзамы и лекарства, ему пришлось терпеть страшные муки, делая упражнения раненой ногой, на которой не было живого места. Он часами плавал в бассейне, чтобы сохранить ее гибкость, оставляя при этой рану открытой. Когда единственным желанием больного было заснуть, врач заставлял каждый раз пересказывать, обстоятельства побега. Доктор был неумолим.

Сколько же дней длилось его лечение в магрибском жилище? Даже сегодня он не мог сказать этого. Недели? Годы?.. Время для него

остановило свой бег. Никакой шум не проникал за «ограду дворца, где только, словно тени, скользили слуги.

Казалось, мир, в котором он родился, исчез без следа. Недавнее прошлое с мрачными тюрьмами, каторгой, смрадом Парижа как будто одевалось вуалью в сознании французского дворянина, пока не превратилось в причудливую фантасмагорию, рожденную в его болезненных кошмарах. Реальностью оставались лишь темно-синее небо в вырезах патио и одурманивающий аромат роз. Жизнь продолжалась...

Глава 19. Граф де Пейрак на Средиземном море

Наконец, пришла пора, когда Абд-эль-Мехрат назвал Жоффрею де Пейраку покровителей, чья власть позволила ему, христианину, остаться в самом сердце ислама, в избранном кругу, где ему не угрожала ни малейшая опасность. Эти откровения дали ему понять, что ученый считает партию выигранной, а его полное выздоровление — вопросом нескольких дней.

Абд-эль-Мехрат рассказывал о войнах и восстаниях, Заливших кровью Королевство Марокко. Граф с удивлением узнал, что даже в Фесе не раз была массовая резня. В сущности, ему достаточно было лишь немного приподняться над стенами дворца, чтобы увидеть виселицы, которые никогда не пустовали...

Эти конвульсии были вызваны агонией царствования Муль-Арши, у которого его брат Муль-Измаил вырывал власть с жадностью голодного грифа.

Муль-Измаил и был покровителем опального французского дворянина, пожелавшим воспользоваться услугами известного христианского ученого. Он, или скорее тот, кто направлял действия молодого претендента на престол, — его министр, евнух Осман Фераджи.

Осман Фераджи был негром, рожденным в рабстве у марокканских арабов. Хитрый и умный, он знал, что его происхождение будет постоянной помехой, если не доказать своей незаменимости. Чернокожий министр зорко следил за всеми интригами придворных. Ему удалось добиться осуществления своих намерений с притворством и точностью паука, ткущего паутину, который то подтягивает одну нить, то бросает ее и завязывает другую, пока не задушит свою жертву. Осман Фераджи презирал народ, будь то арабы, берберы или мавры; они все не были наделены благоразумием, не имели понятия о бережливости, презирали торговлю, истощали свои силы в войнах и мотовстве.

Завоевания принесли новому султану сказочные богатства побережья Нигера, где когда-то рабы царицы Савской добывали золото. Владения Муль-Измаила распространились отныне до лесов Берега Пряностей, и теперь для него в тени гигантских деревьев чернокожие невольники намывали золотой песок из породы, залегающей в глубоких колодцах. Осман Фераджи видел в этом главный источник укрепления могущества своего царственного воспитанника, ибо именно полное невежество в финансовых делах привело его менее удачливого предшественника к

падению.

Молодой султан обладал небольшими знаниями в рудном деле, но если завоеванные мечом копии будут процветать, как во времена Соломона и царицы Савской, Осман Фераджи сделает все, чтобы его могущество оставалось непоколебимым.

Однако министру пришлось познать горечь первого разочарования, когда его посланцы с юга вернулись с известием о странном поведении чернокожих. Золото интересовало их, но только для жертвоприношений и изготовления украшений для женщин. А с теми, кто пытался навязать им свою волю, чернокожие безжалостно расправлялись. Принуждаемые теперь силой добывать золото, они взбунтовались.

Великий евнух как раз был озабочен этой новостью, когда его шпионы перехватили письмо, посланное Жоффреем де Пейраком доктору Абд-эль-Мехрату.

— Если бы вы были только одним из моих друзей, да еще и неверным, мне трудно было бы вас защитить, — заметил доктор, — ибо волна нетерпимости затопила Марокко! Муть-Измаил сам провозгласил себя мечом Магомета! К счастью вы намекнули в письме на наши прежние опыты с благородными металлами. Это пришлось кстати. Астрологи, с которыми советовался Осман Фераджи, возвестили ему, что граф де Пейрак — посланец судьбы. Он уже знал от них, что царствование узурпатора, возведенного с его помощью на трон, будет долгим и счастливым, а теперь звезды предсказывали, что залогом процветания королевства будет некий чародей, отверженный иностранец, обладающий тайнами земли.

Допрошенный министром Абд-эль-Мехрат подтвердил предсказание. Ученый-христианин не знал себе равных в науке о золоте. Тотчас же были отданы распоряжения взять под охрану того, кого счастливый для Муть-Измаила случай изгнал из страны франков.

— Ваша особа отныне священна для мусульман, — сказал арабский медик. — Как только я объявлю вас вполне здоровым, вы отправитесь в Судан, сопровождаемый эскортом или целой армией, как пожелаете. Вам будет предоставлено все. Но взамен вы должны будете по возможности быстрее добыть несколько слитков золота для его превосходительства Великого евнуха.

Жоффрей де Пейрак задумался. По-видимому, у него не било другого выхода, как поступить на службу к владыке мусульман и его визирю. Впрочем, их предложения отвечали его чаяниям исследователя и путешественника.

— Я бы согласился с радостью, если бы был уверен, что от меня не потребуют принять мусульманскую веру. Я знаю, что нетерпимость к иноверцам у вас так же сильна, как и у нас. Это результат более чем десятивековой борьбы Креста и Полумесяца. Что касается меня, я всегда уважал любые обряды, с помощью которых люди поклоняются своим богам.

— Я предвидел ваши возражения. Если бы речь, шла о Муль-Измаиле, то действительно вы имели бы мало шансов удовлетворить ваши желания. Он, безусловно, предпочел бы увидеть еще одного правоверного, чем золото — в своих сундуках. Однако у великого Османа Фераджи другие планы. Он не потребует от вас ничего такого, с чем бы вы не смогли согласиться.

Старец добавил:

— Конечно, я буду вас сопровождать. Я должен заботиться о вашем здоровье, ассистировать в опытах, а, может быть, и понадобится, чтобы оградить вас от каких-нибудь интриг. Наша страна слишком отличается уст вашей, чтобы я мог рискнуть оставить вас одного в надежде на счастливую случайность...

В последующие годы французского дворянина можно было встретить повсюду — в раскаленных песках Судана, в лесах Гвинеи и Страны Слонов.

Проникая на земли неведомых племен, в окружении вооруженной охраны, он сталкивался чаще с их враждебностью, нежели доверием. Графу де Пейраку приходилось месяцами оставаться одному в лесу, который наводил ужас на его спутников. Даже великан Куасси-Ба оставался на опушке, боясь углубиться в чащу. За хозяином ухаживал тогда только еще совсем юный Абдулла.

Солдаты были главным образом заняты охраной караванов с золотыми слитками, направляющихся на север.

Абд-эль-Мехрат оказал графу содействие в возвращении из опасного путешествия. После раскаленных лучами южного солнца варварских дворцов на берегах Нигера, оживленный, богатый, красивый, утопающий в садах Мекнес показался ему вершиной цивилизации. Город был великолепен.

Склонность арабов к роскоши нравилась Жоффрею де Пейраку. Вступая в столицу с эскортом, одетый в пышные одежды, снаряженный дорогим оружием, он произвел большое впечатление на Муль-Измаила, бросив вызов завистливому властелину, который мог заставить дорого заплатить за такое великолепие. Ведь граф де Пейрак уже имел подобный

печальный опыт под небесами родной Франции.

Муль-Измаил принял его с почетом. Далекий от того, чтобы завидовать славе христианского ученого, он был польщен, тем, что чародей оказал ему большую услугу.

Три дня праздника скрепили их дружбу. Когда торжества закончились, султан объявил Жоффрею де Пейраку, что направляет его послом в Константинополь. И как тот ни возражал, доказывая свою неправомочность для подобной миссии, ему пришлось считаться с тем, что Муль-Измаил — вассал константинопольского монарха, который сам потребовал прислать к нему белого чародея. Великий Турок хотел просить его за огромное вознаграждение сотворить золотое чудо.

— Они воображают, что я тебя держу в башне, где ты делаешь мне золото из верблюжьего дерьма! — кричал Измаил, разрывая в знак негодования свою мантию.

Жоффрей де Пейрак заверил султана, что останется верный ему и не согласится ни на какие предложения, если они будут во вред властелину Марокко.

Немного позже он отплыл в Алжир. После трех лет тяжелейших путешествий по Африке бывший смертник, чудом вырвавшийся из застенков короля Франции, вновь возвратился на берега Средиземного моря.

Часто ли он думал об Анжелике на протяжении этих долгих лет? Был ли он обеспокоен судьбой своих близких? Он знал, что любая женщина упрекнула бы его за то, что он не посвящал все свое время душевным терзаниям и горьким слезам. Но он — мужчина, и в его характере — жить сегодняшним днем. К тому же, тогда единственной его задачей было выжить и она казалась невыполнимой.

Чудом избежав казни, он сохранил лишь смутное воспоминание о своем возвращении из царства мертвых. Когда в Фесе он вновь обрел здоровье, а потом отправился в Судан, у него вновь появилась вера в будущее.

Жоффрею удалось избавиться от главного своего недостатка — хромоты. Для него это ощущение было поистине необычным. Доктор посоветовал графу заняться верховой ездой, и он совершал длительные поездки по пустыне, тщательно обдумывая детали предстоящей экспедиции.

Однажды вечером в Фесе, войдя в свои покои во дворце Абд-эль-Мехрата, он с удивлением обнаружил освещенную луной хорошенькую девушку, ожидавшую его в подушках. У нее были красивые глаза,

гранатовый ротик под легким тюлевым покрывалом и как ему удалось разглядеть под туникой, безупречная фигурка.

Жоффрей хотел было выпроводить юную красавицу, но она сказала, что сам святой марабут приказал ей услаждать ночи своего гостя, способного отдавать отныне женщинам свои силы, полностью восстановленные его заботами.

Сначала это его рассмешило. Он наблюдал, как она снимала покрывало, со свойственной ее профессии непринужденностью освобождалась от туники... Но вдруг кровь застучала в его висках — это желание любить женщину вернулось к нему.

Именно в эту ночь впервые за долгие месяцы, на него нахлынули мучительные воспоминания об Анжелике, не дававшие ему заснуть. Свернувшись, как зверек, девушка спокойно спала на ковре. Ничто не нарушало тишины ночи. Жоффрей, откинувшись на подушки, погрузился в воспоминания. Последний раз, когда он держал женщину в своих объятиях, это была Анжелика — зеленоглазый кумир, его жена. Мысль о ее судьбе не тревожила его. Он был уверен, что его семья не терпит нужды, поскольку поручил в свое время одному давнему компаньону из Пуату, некоему Молине, заняться финансовыми делами его молодой жены в случае, если с ним произойдет несчастье. Анжелика должна была укрыться с детьми в провинции.

Внезапно де Пейрак понял, что не может больше мириться с ее отсутствием. Неистовое желание обладать ею заставило его подняться в поисках волшебного средства, способного вызвать иллюзию тех счастливых дней и ночей, когда он сжимал ее, опрокинутую навзничь, в своих жарких объятиях...

На другой день он был таким мрачным, что Абд-эль-Мехрат осторожно спросил, доставили ли ему радость ночные утехы. Граф успокоил его, но не раскрыл истинную причину своих душевных страданий.

Жоффрей де Пейрак старался отогнать наваждение, за которое немного презирал себя. Он всегда считал слабостью делать уступки любви в ущерб своей свободе.

Догадывался ли он, очарованный улыбкой Анжелики, что она околдовала его, проколов иглой восковой портрет мужа? Что же он мог сделать? Помчаться к ней? Но де Пейрак знал, что даже не будучи пленником, он не волен отказаться «: от покровительства султана Муль-Измаила и его визиря Османа Фераджи, в руках которых была его судьба.

Ему хватило сил преодолеть выпавшие на его долю тяжкие

испытания. Время и терпение вернут ему женщину, которую он никогда не сможет забыть. Поэтому, когда Жоффрей де Пейрак вновь оказался на берегах Средиземного моря, первое, что он сделал, — послал гонца в Марсель, чтобы тот узнал хоть что-нибудь о его жене и сыновьях. В своем письме к отцу Антуану — священнику с королевских галер — он обратился с просьбой съездить в Париж и разыскать адвоката Дегре. Расторопный и умный мальчик, который тогда на суде не без мужества защищал де Пейрака, вызывал у него доверие.

Граф направлялся в Константинополь. Накануне отъезда он заказал себе маски из тонкой кожи, чтобы скрыть свое лицо. Случай несомненно сведет его с подданными его величества короля Франции — только среди мальтийских рыцарей у него было два кузена. „Средиземное море — гигантская арена битвы с неверными, привлекало европейскую знать. Под знаменами ислама положение экс-сеньора Тулузы выглядело довольно двусмысленным. Изгой, он попал во враждебный мусульманский мир.

Итак, Жоффрей де Пейрак отправлялся к Великому Турку. Он, христианин, не собирался оказывать действенную помощь врагам своей веры, и поэтому совесть его была чиста. Намерения Муль-Измаила были иными. Ему было ясно, что ни один турок, даже относительно искушенный в коммерческих делах, никогда не сможет сравниться в жульничестве с французским или испанским банкиром. Упорядочение денежного обращения явилось бы шагом к примирению, о котором пока никто никогда не думал. Чтобы сделать это, Жоффрей де Пейрак должен был взять в свои руки контроль над двумя главными движущими рычагами — золотом и деньгами. Он был уверен, что тот добьется этого.

В результате бесед с Султаном Султанов и советниками Большого Дивана де Пейрак получил разрешение на размещение своей штаб-квартиры на Крите. Во время праздничного приема, устроенного им, прибыл гонец из Франции. Хозяин тут же оставил гостей и бросился навстречу посланцу: «Иди сюда! Быстрее! Говори!»

Гонец вручил графу письмо от отца Августа. Через адвоката Дегре священник узнал, что бывшая графиня де Пейрак стала супругой маркиза дю Плесси де Бельер, что у нее от этого брака родился сын и живет она при дворе в Версале.

Жоффрей судорожно сжал письмо. В это нельзя было поверить! Невозможно! Затем очевидность происшедшего заставила признать, насколько он был наивен, когда не мог даже предположить подобной развязки.

Разве могла блистательная юная вдова добровольно заточить себя в

старом провинциальном замке и ждать годами мужа, как Пенелопа? Судьбе» было угодно вновь сделать ее новобрачной. Почему он раньше не подумал об этом? Почему не приготовился к такому удару?

Любовь отупляет, любовь ослепляет. И только граф де Пейрак не понимал этого. Не потому ли Анжелика вырвалась из-под его влияния, что он пытался переделать ее характер на свой вкус? Жизнь и женщины изменчивы. Красавица, столь щедро одаренная природой, не способна на верность. Разве он не испытал на себе могущества ее прелестей, ореола утонченности, изящества ее походки, жестов?

Его бывшая жена сумела ему внушить, что живет только для него. Он попался в ловушку самых тонких наслаждений, которую расставило ему это коварное юное создание. Неужели женщина ослепила его до такой степени, что он никогда и не подозревал о ее тайных устремлениях? Не было ли у нее корыстных расчетов уже тогда, когда он сопровождал ее на свадьбу короля? Ведь он знал, что несмотря на свою молодость, она обладала твердой волей, тонким умом, хитростью... До каких высот могли поднять эти ее достоинства, поставленные на службу честолюбию! До маркиза дю Плесси — фаворита брата короля, а, может, до самого короля? Почему бы и нет!

Как хорошо, что он не беспокоился о ней!

Оцепеневший от страха, гонец упал на колени перед разгневанным господином, глаза которого метали молнии. Жоффрей де Пейрак сжимал в руке письмо, словно под его пальцами была лебединая шея Анжелики. Затем он разразился нервным смехом, но тут же стал задыхаться. Он свыкся с тем, что не мог больше по-настоящему смеяться с тех пор, как потерял голос, но в минуты тоски этот недостаток заставлял его страдать. Особенно тогда, когда перед ним возникал образ Анжелики. Остальное — он повторял себе это сотни раз? — было ничто по сравнению с ее любовью. Телесные страдания, разорение, TM изгнание — он примирился со всем. Ведь у него была Анжелика! Единственная женщина, заставившая его страдать, и именно потому столь желанная.

Но неужели можно так страдать из-за любви?

Глава 20. Исчезновение Бертиль

Теперь вдали от всего, что составляло их прошлое, «Голдсборо» снова соединил Жоффрея с этой необыкновенной женщиной, увлекая за собой в неизвестность. Неужели он снова оказался в ловушке мучений и скорби, наивно считая, что никогда туда снова не попадет?

Граф в приступе гнева метался по каюте. Остановившись у одного из сундуков, он открыл его и вынул гитару. Приобретенная в Бремене в то время, когда де Пейрак еще надеялся, что голос вернется к нему, она большей частью оставалась немой, как и ее хозяин. Сейчас он вновь сделал попытку. Его разбитый голос, хриплый и неприятный, искажив мелодию, умолк. Жоффрей сокрушенно покачал головой: «Ребячество!»

Движимый внезапным предчувствием, он пересек комнату и резко открыл дверь, ведущую на мостик. Она была там! Женщина, с бледным лицом мадонны в темной одежде, возникшая в ночи, бесспорно, была той, которую он пытался воскресить в памяти. При мысли, что она захватила его врасплох за неудачной попыткой запеть, графа охватила дрожь. Злоба придала его тону грубую окраску.

— Вы что тут делаете? Вы никак не можете усвоить правил поведения на борту: Пассажиры должны появляться на палубе только в назначенное время! А вы позволяете себе являться куда и когда угодно. По какому праву?

Ошеломленная Анжелика прикусила губу. Приближаясь к апартаментам де Пейрака, она была потрясена, услышав звуки гитары. Но ее привели сюда другие заботы. С трудом сохраняя спокойствие, она сказала:

— У меня серьезный повод для нарушения дисциплины. Я пришла справиться о вашем слуге Абдулле. Он здесь?

— А почему он вас интересует? — он обернулся, чтобы увидеть мавра, но его не оказалось на привычном месте.

Анжелика заметила его движение и обеспокоенно продолжала:

— Его тут нет?..

— Нет... Но в чем дело? Что случилось?

— Исчезла одна из девушек... и я боюсь за нее... из-за этого мавра...

Глава 21. Покушение Абдуллы

Северина и Рашель разбудили Анжелику.— Госпожа Анжелика, Бертиль здесь нет?

Спросонья она не поняла, о чем спрашивают. Тогда Рашель рассказала, что, когда девушки собрались вернуться на батарею, Бертиль еще оставалась наверху.

— Почему?

— О, она ненормальная, — продолжала Рашель. — Сказала, что ей надоело толкаться в стойле и она хочет побыть в одиночестве. В Ла-Рошели у нее была своя отдельная комната, так что вы понимаете...

— С тех пор прошло более двух часов, но ее все еще нет, — настаивала испуганная Северина. — Может быть, ее смыло волной?

Анжелика поднялась и подошла к мадам Марсело, которая вязала, судача с двумя соседками. У пассажиров уже вошло в привычку ходить в гости друг к другу из своего угла в угол соседей. Марсело была поражена, ведь она считала, что Бертиль находится со своими подружками. Тотчас же все были подняты на ноги: девушки нигде не было.

Мэтр Марсело в ярости бросился наверх. Последние дни Бертиль вела себя слишком самовольно. Ей придется узнать на собственной шкуре, что дочь должна быть покорной родителям на любых широтах и при любых обстоятельствах.

Он вернулся встревоженный, не найдя дочери.

— Госпожа Анжелика, помогите мне. Вы знаете язык этих людей. Надо чтобы они участвовали в наших поисках. Может быть, Бертиль упала в люк и что-нибудь себе повредила...

— Море беспокойное, — заметил адвокат Каррер, — девушку могло унести волной, как тогда Онорину.

— О, Господи! — воскликнула мадам Марсело, падая на колени.

Нервозность пассажиров достигла предела. В свете ламп их осунувшиеся лица выглядели мертвенно-бледными. Шла третья неделя трудного плавания, и моральная стойкость беглецов ослабела, достаточно было случиться чему-нибудь с одним из них, чтобы сокрушить их напускное спокойствие.

Анжелике вовсе не хотелось идти за Марсело на палубу. Бертиль, своенравная, как и все девушки в ее возрасте, сидит, вероятно, где-нибудь в темном углу, погруженная в грезы, и не подозревает, что из-за нее

поднялся такой переполох. Тем не менее Анжелика, смутно, чувствуя и свою ответственность за происшедшее, попросила Абигаиль присмотреть за Онориной.

На верхней палубе она нашла Марсело, Берне и Маниголя, вступивших в спор с боцманом, который жестами приказывал им вернуться обратно. Горбун отмахивался от их объяснений и дал знак своим людям, которые схватили протестантов за руки.

— Не прикасайтесь ко мне, бандиты! — заорал Маниголь. — Не то я уложу вас на месте!

Торговец был раза в два крепче любого из мальтийцев, но у тех за поясами торчали ножи. Они не преминули бы вытащить их. Происходившая в полутьме сцена производила удручающее впечатление.

К счастью, вмешательство Никола Перро предотвратило неминуемое кровопролитие. Анжелика объяснила канадцу происходящее. Он перевел ее слова неразговорчивому Эриксону, но тот выполнял приказ: ночью на палубе не должно быть ни одного пассажира! Однако, узнав, что одна из девушек исчезла, он в замешательстве покачал головой.

Время от времени Марсело отчаянно кричал:

— Бертиль, отзовись!

Но в ответ слышался только шум ветра и поскрипывание корабля, покачивающегося на черных волнах. Боцман Эриксон, подумав, разрешил отцу остаться наверху. Остальных: заставил спуститься на нижнюю палубу и запер там без лишних церемоний.

Анжелика продолжала разговаривать с Никола Перро.

— Меня охватывает страх, — сказала она доверительно. — Должна вам признаться, что я меньше боюсь моря, чем людей. А что если кто-то, обнаружив, девушку в одиночестве, увел ее насильно и сейчас глумится над ней?

Канадец обратился к боцману по-английски. Тот, уходя, бросил через плечо несколько слов.

— Он сказал, что сейчас сделает переключку всего экипажа. Мы пока обшарим палубу.

Взяв фонарь, канадец внимательно осматривал каждую связку такелажа, заглядывал в спасательные шлюпки, но все напрасно. Вскоре раздался голос горбуна:

— Все матросы на местах, отсутствующих нет.

В кубрике, куда заглянул мэтр Марсело, было накурено. В неверном свете масляных ламп матросы ели похлебку. По их обветренным лицам с черными сверкающими глазами несчастный отец сразу понял, что море

было бы не единственной опасностью, угрожающей его Бертиль.

— Вы представляете себе, если один из них покусится на невинность моей дочери? — прошептал он, побледнев.

— Во всяком случае, ни один из этих, раз они все здесь.

— Это ничего не доказывает. Совершив злодеяние, ее могли задушить и бросить в море, чтобы скрыть, следы преступления, — на его висках выступили капельки пота.

— Не поддавайтесь отчаянию, — уговаривала его Анжелика. — Эриксон предлагает помощь своих людей, чтобы осмотреть корабль снизу доверху, — и тут вдруг она вспомнила о мавре Абдулле. Чувствуя, что она на правильном пути, Анжелика бросилась наверх.

Мавра не было на привычном месте у каюты Рескатора. Из-за двери доносились звуки гитары. Внезапно перед ней возник Жоффрей де Пейрак, суровый и беспощадный. Говоря об Абдулле, Анжелика была готова встретить вспышку его гнева. Но в какое-то мгновение он принял обычный вид хозяина корабля, внимательного и бдительного.

Рескатор осмотрел место, где всегда находился Абдулла. Вот уже несколько лет раб не покидал его без приказа. Брови Жоффрея нахмурились, и он выругался:

— Черт его побери! Надо было за ним присматривать... Идемте быстрее! — он бросился в каюту, чтобы взять потайной фонарь.

Рескатор направился на верхнюю палубу — «проспект» корабля. Он сам сбросил крышку люка и стал спускаться, освещая фонарем путь.

Анжелика была настолько взволнована, что следуя за ним по крутой лестнице, забыла об опасности. Затем к ним присоединились Никола Перро и мэтр Марсело. Ему, охваченному тревогой, пришлось прилагать такие усилия, от которых грузное тело мэтра уже давно отвыкло.

Наконец они остановились у темного узкого прохода. Рескатор положил руку на рефлектор фонаря, чтобы прикрыть свет. Тогда в самом конце корабля Анжелика увидела чуть различимый красноватый огонек, как будто фонарь поместили за красным занавесом.

— Он там? — спросил шепотом Никола. Жоффрей де Пейрак сделал предостерегающий жест. Марсело с трудом преодолевал последние ступени лестницы, поддерживаемый индейцем, молчаливой тенью следовавшим за своим хозяином. Рескатор протянул фонарь канадцу, давая понять, что тот должен осветить торговцу. Затем, крадучись, углубился в проход. Он шел быстро, без малейшего шума. Вдруг до слуха Анжелики донеслись звуки странного монотонного речитатива, то срывающегося до крика, то переходящего в шепот. Нет, ей не чудилось. По мере того, как

они приближались, заклинания становились все явственнее, заполняя собой, как в кошмарном сне, узкий темный проход. Охваченная ужасом, Анжелика в бессознательном порыве схватила графа за руку. Он потянулся к красной лоскутной занавеске и с силой, отдернул ее..

Зрелище, открывшееся их глазам, было столь впечатляющим, что Жоффрей де Пейрак какое-то мгновение оставался неподвижным, словно не решался войти в жалкое жилище. Эта дыра на дне корабля, освещенная жидким светом покачивающегося ночника, и было логово Абдуллы. Здесь он нагромодил свои сокровища, добытые за долгие годы морских странствий. Среди роскошного беспорядка лежала потерявшая сознание Бертиль. Ее белокурые волосы разметались по ковру вперемешку с драгоценностями. Беспомощные руки напоминали увядшие стебли диковинного растения. Мавр не снял с нее одежды. Только ноги девушки были обнажены. Тонкие, отливающие перламутровой белизной, они, казалось, принадлежали прекрасной нимфе, сотворенной из мрамора божественным скульптором.

Склонившись над этой хрупкой фигуркой, мавр пел. Его. Трепещущее обнаженное тело было подобно великолепной бронзовой статуе. На шее висел кожаный мешочек, хранивший амулеты-«бараки». Напряженные руки, как две могучие черные колонны, удерживали захваченную добычу. Все мускулы мавра вздулись от похоти. Как золотые извивающиеся змеи по его спине пробегали судороги. Вырывавшиеся из полуоткрытого рта колдовские звуки становились все громче и настойчивее.

— Абдулла!

Мавр задрожал, как дерево под ударом топора. Внезапно, издав крик, похожий на звериное рычание, он с пеной у рта и с горящими глазами вскочил и, бросившись назад, схватил обеими руками висевший на стене ятаган.

Анжелика пронзительно закричала, увидав, как сверкающий клинок летит в голову Жоффрею де Пейраку. Тот успел увернуться и тотчас схватил Абдуллу, пытаясь удержать обезумевшего раба. Хозяин обратился к нему на его родном наречии, но мавр вырвался: неудовлетворенное желание придало ему невероятную силу.

На помощь графу пришел Никола Перро, и в закутке завязалась ожесточенная борьба. Задетая в схватке масляная лампа, опрокинувшись, обожгла плечо Абдуллы, который взвыл от боли. Но это помогло ему прийти в себя. Он снова превратился в смиренного раба, испуганно поводящего вокруг себя вытаращенными глазами. Его большое тело задрожало, и он медленно опустился на колени. Молитвенно сложив руки,

Абдулла стал биться головой об пол, хрипло бормоча жалкие просьбы о прощении.

Анжелика склонилась над Бертиль. Она поняла, что девушка потеряла сознание от страха, когда мавр, обладавший геркулесовой силой, крался со своей добычей на дно корабля. Анжелика подняла ее, немного потормошила и быстро поправила одежду. И все же недостаточно быстро, чтобы мэтр Марсело не смог понять смысла происшедшей здесь сцены. — Ужас! Позор! О, Господи!

Отец упал на колени перед Бертиль, в отчаянии прижимая ее к груди, и вдруг, вскочив на ноги, бросился к мавру, осыпая его ударами. Его разъяренный взгляд упал на ятаган, он схватил его прежде, чем кто-либо успел предугадать его движение.

Жоффрей де Пейрак мгновенно отбил клинок, едва не нанеся смертельный удар. Успокоить оскорбленного отца было невозможно, и его пришлось удерживать силой.

— Будь проклят тот день, когда мы ступили на это судно! — бормотал он. — Клянусь, я убью этого негодяя собственными руками!

— Я единственный господин и судья на борту этого корабля, — сурово ответил Рескатор. — И только на мне лежит обязанность вершить правосудие!

— Я вас тоже убью! — сказал мертвенно-бледный Марсело. — Теперь мы знаем, кто вы такой. Бандит, презренный торговец живым товаром, который может, не поколебляясь, отдать наших жен и дочерей своим оборванцам, а нас продать, как рабов. Но мы расстроим ваши планы!

Наступившую тишину нарушало только его прерывистое дыхание. Лицо де Пейрака исказила странная улыбка, Делавшая его немного страшным.

— Я понимаю ваше положение, мэтр Марсело, — сказал он спокойно. — И сожалею об этом инциденте.

— Простой инцидент! — закричал торговец. — Бесчестье моей дочери! — он вдруг сник и зарыдал.

— Мэтр Марсело, умоляю вас, — сказала Анжелика. — Выслушайте меня! Милостью Бога мы подспели вовремя. Бертиль отделалась испугом, и этот урок заставит ее быть впредь более осмотрительной.

Но мэтр не слышал обращенных к нему слов. От него можно было ожидать чего угодно. Хладнокровие вернулось к нему лишь когда Бертиль пришла в себя.

— Отец! Отец! — не своим голосом кричала она. Марсело повернулся к дочери и стал ее успокаивать.

Возвращение Бертиль вызвало на нижней палубе всеобщее возмущение и растерянность. Когда отец с помощью индейца внес девушку на руках, она страдальчески стонала, издавая время от времени истерические вопли. Ее уложили на покрытую плащом солому. Неожиданно, оттолкнув мать, Бертиль вцепилась в Анжелику, которая была вынуждена присесть у ее изголовья, когда вопросы, восклицания, рассказы совершенно неправдоподобных деталей происшедшего перекрестным огнем посыпались над их головами.

— Ваше предчувствие сбылось, Маниголь, — проговорил удрученный торговец. — И мое бедное дитя оказалось их первой жертвой.

— Предчувствие! — повторил Маниголь. — То, что удалось узнать Легалю о планах этих преступников, не оставляет никаких сомнений в их злобных намерениях. Все мы пленники, и наша ужасная судьба предрешена.

Женщины заплакали. Бертиль завопила еще сильнее, отбиваясь от невидимого врага.

— Да прекратите же вы, в конце концов, истерику? — закричала Анжелика.

Она схватила Марсело и без всяких церемонии встряхнула его, чтобы привести, наконец, в чувство.

— Сколько раз вам повторять, что с ней не произошло ничего серьезного. Она также невинна, как и в день своего рождения. Может быть, вам надо точно сказать, где и кто находился, когда мы вмешались, если вы не способны понять с полуслова и успокоить ваших жену и дочь?

У разгневанной Анжелики был такой вид, что любой мужчина не решился бы столкнуться с ней лицом к лицу. Мэтр Марсело отступил. Его сменил адвокат Каррер.

— Вы сами признались, что вмешались вовремя, — ухмыльнулся он, — так что можно с уверенностью сказать, что если бы вы вмешались позже, несчастное дитя...

— «Несчастное дитя» сделало все, чтобы навлечь на себя это злоключение. И она это прекрасно знает, — сказала Анжелика, бросив взгляд на «жертву», которая вдруг перестала плакать и явно чувствовала себя неловко.

— Не хотите ли вы обвинить мою дочь в том, что она сама спровоцировала омерзительные действия этого чернокожего? — вне себя закричала мадам Марсело.

— Я даже предупреждала Бертиль об этом, все подружки тому свидетельницы.

— Это правда, — робко подтвердила Рашель.

— Ах, как вам идет давать уроки морали!

Анжелика уловила недоброжелательную двусмысленность ее слов, но не подала вида. Эти люди имели все основания для недовольства.

— И в самом деле, только имея жизненный опыт, можно справедливо судить о поведении легкомысленной девушки. Это не дает основания обвинять в гнусных замыслах весь экипаж и особенно его капитана...

Недовольно ворча, Маниголь тяжело поднялся и встал перед Анжеликой.

— Кого вы тут защищаете, госпожа Анжелика? — спросил он холодно. — Шайку бандитов и отвратительных распутников? Или, что еще хуже, их капитану? Мошенника, которому вы нас продали?..

Молодая женщина была ошеломлена, услышав это. Неужели он совсем потерял голову? Она искала глазами Берне, и найдя его среди гугенотов, такого же холодного и подозрительного, как они, поняла, что рассчитывать на его поддержку не придется.

Уставшие от праздности, неудобств вынужденного переезда, они старались отыскать вымышленных врагов.

— Я никого не защищаю. Просто рассказываю, как было. Бертиль так же вела себя в гавани, когда еле избежала подобной опасности... Что касается обвинения меня в предательстве...

Спокойствие покинуло ее.

— Вы уже забыли, почему сбежали из Ла-Рошели? Почему находитесь здесь? Вы же были обречены... Все!

И она сбивчиво выложила им все, что ей пришлось вытерпеть в лапах у Бомье и Дегре. Полицейским все было известно о протестантах. Им были уготованы королевские тюрьмы и галеры. Ничто не могло их спасти.

— Если ваши братья вас предали, не пытайтесь переложить вину на тех, кто вам помог. Я не виновата ни в чем... Наоборот, была вынуждена умолять хозяина «Голдсборо» взять вас на борт. Вы достаточно сведущи в морских делах, чтобы понять и оценить, что значит дополнительная нагрузка пятидесяти человек на корабль, который не был готов к этому. Эти люди с первого дня плавания питаются сухарями и солониной, чтобы оставить свежую провизию вашим детям.

— А что они приберегают для наших женщин? — съязвил адвокат.

— ...И для вас самой? — решил перещеголять его Маниголь. — Неужели вы до такой степени наивны, госпожа Анжелика, что верите в то, что эту услугу нам оказывают бескорыстно?

— Конечно, нет. Вам самим это надо обсудить с капитаном.

— Вести переговоры с разбойником?

— Вы обязаны ему жизнью, разве этого мало?

— Ну, вы уже переходите всякие границы!

— Нет! И вы это хорошо знаете, сударь. Разве вы не жаловались, что вас, во сне душила змея с головой сеньора Томи, вашего компаньона? Но теперь, когда вы избежали опасности, вы не хотите проявить даже простого чувства Признательности к человеку, который оказал милость и спас вас самого. А почему? Да потому, что он другой, что не похож на вас.

Чувствуя, что у нее перехватило дыхание, Анжелика отвернулась с оскорбленным видом.

«Если бы они знали, какие узы связывают меня с ним, то извели бы меня. Я потеряла бы даже то слабое доверие, которое они еще питают ко мне». „

Несмотря ни на что, ее слова не оставили протестантов равнодушными. Ее авторитет еще был высок. При мысли, что она защищает Жоффрея, Анжелику охватило сильное волнение. Она сразу, хотя он и пренебрегал ею, перешла на его сторону, пытаясь подавить поднимающееся против него недовольство.

— Однако не подлежит сомнению, — пробурчал Маниголь в напряженной тишине, — что планы монсеньора Рескатора относительно нас более чем подозрительны. Легаль говорил, и Грезе, и Гарро... Вращаясь среди матросов, они уловили кое-какие намеки, смысл которых не оставляет у нас никаких сомнений. Нас везут не на острова. Такого намерения никогда не было.

— Может быть, нас везут в Китай? — добавил масла в огонь доктор.

Они со страхом переглянулись. Неужели нет предела их страданиям?

Снова послышался плач, Бертиль и внимание всех обратилось к ней.

— Дочь моя будет отомщена, — заявил Марсело. — Если мы дадим себя обмануть и преступление мавра останется безнаказанным...

Внезапно он умолк, заметив предупреждающий взгляд Маниголя. Мужчины еще долго говорили вполголоса. Анжелика не могла не оценить серьезность обстановки. Она опустила глаза, и ее сердце сжалось при виде взволнованных детей. Напуганные всеобщей растерянностью, они, как птенцы в поисках защиты, прижимались к старшим.

Анжелика опустилась на колени, взяла Онорину на руки и пыталась развлечь ребятишек рассказами о кашалотах, которых обещали показать матросы. Затем она обратилась к возбужденным матерям с просьбой укладывать детей спать. Понемногу порядок восстановился.

Бертиль призналась, что кроме испуга, пережитого в мощных руках

похитившего ее мавра, она больше ничего не помнит и ничуть не пострадала. Пастор. Боккар держался в стороне, рядом с Абигайль. Уложив Онорину, Анжелика подошла к нему.

— Пастор, что вы думаете обо всем этом? — прошептала она. — Почему подозрение и злоба преобладают над всем, что мы переносим? Поговорите с ними.

Старику не изменила его обычная рассудительность.

— Мы находимся в центре водоворота. Я слушаю и слышу только бессвязные возгласы. Слова — слишком слабая сила против стены, воздвигнутой страстями. Но придет день, когда все лучшее и худшее, что есть у людей, столкнутся в их сердцах. Для некоторых этот день уже наступил... Я могу только молиться в ожидании исхода битвы Добра и Зла. Она началась не сегодня.

— Ваша мудрость велика, пастор.

— Я долго был в темнице, — со вздохом сказал старик. Если бы он был католиком, Анжелика с радостью бы исповедалась ему, под покровом священной тайны рассказала бы всю правду и попросила совета. Но даже в этой духовной поддержке ей было отказано. Словно ища помощи Абигайль, она спросила:

— Абигайль, что же все-таки случилось? Куда нас ведет эта ненависть, готовая разъединить нас?

— Ненависть часто порождается страданием, — прошептала девушка. Ее смиренный взгляд был обращен в сторону, где в свете ламп черной глыбой вырос силуэт Берне.

Анжелика не хотела с ним видеться, но мэтр увлек ее в дальний темный угол. Наедине они смогли обменяться несколькими словами, что невозможно было сделать в этой непрерывной суете.

— Прошу вас, не исчезайте снова. Почему вы избегаете меня? Дни проходят, а я для вас будто не существую.

Это было чистой правдой. Каждый день Анжелика жила тем, кого любила и с кем была, вопреки всему, навеки связана. В ее сердце не могло быть места другому мужчине. Габриэль крепко держал ее за руки, и она видела, как в полутьме блестят его глаза.

— Послушайте меня, госпожа Анжелика, — продолжал он осторожно, — вам надо сделать выбор. С кем же вы?

Она ответила не задумываясь:

— Я на стороне здравого смысла.

— Здесь не место для салонных разговоров. Что касается меня, то мне не до смеха, так что отвечайте без шуток.

И Берне с такой силой сдвинул ей руки, что она едва не закричала от боли. Он уже совсем оправился от ран и полностью обрел былую силу.

— Я не шучу, мэтр Берне. Паника, которая готова охватить вас всех, приведет к действиям, достойным сожаления. Я, за тех, кто верит в будущее и не терзает себя и своих детей, сходя с ума по пустякам.

— Но если в один прекрасный день мы узнаем, что нас обманули, тогда уже будет поздно жалеть о нашей беспечности. Вам что, хорошо известен главарь этой шайки пиратов? Какое согласие может быть между нами?

Он почти тряс женщину за руки, но она была так истерзана душевными страданиями, что уже не замечала этого.

«А что я знаю о Рескаторе? — думала она. — Ведь и для меня он незнакомец. Слишком много лет разделяют того человека, которого я знала, и этого, которому мы доверились теперь. Его репутация на Средиземном море не внушала доверия. Король посылал против него галеры. Почему бы не предположить, что он действительно превратился в человека без совести, обремененным тяжкими преступлениями?»

Она молчала.

— Почему он не хочет встретиться с нами и почему отвечает отказом на наши требования? Вы ему верите? Однако, вы не можете ручаться за его действия...

— Он согласился взять нас на корабль, когда наши жизни были в смертельной опасности. Этого достаточно.

— Я вижу, что вы будете защищать его всегда, — прорычал Берне, — Даже если он продаст нас, как рабов. Но какими чарами он смог так вас околдовать? Какие связи, какое прошлое смогли сделать из вас его поклонницу? Ведь еще совсем недавно никто не посмел бы сомневаться в вашей честности... когда мы были в Ла-Рошели.

Последние слова воскресили в памяти радость тех дней, когда в тиши дома Берне Анжелика, как раненая волчица,лизывала свои раны... Теперь он знал, что проклятый похититель вырвал у него из рук сокровище, в сравнении с которым все богатства ничего не стоили. Он ненавидел этого человека, загадочного, излучающего необъяснимое очарование, при появлении которого, женские головки вмиг поворачивались к нему, как чайки к своей добыче:

Несмотря на сопротивление Анжелики, он обнял ее. Ярость удесятржала его силы, а желание оглушило до такой степени, что он не слышал слов, которые она бросала ему, безуспешно пытаясь освободиться. Слово «скандал» наконец дошло до его сознания.

— Разве недостаточно одного скандала за вечер? — умоляла Анжелика. — Сжальтесь, мэтр Берне, возьмите себя в руки... Ведь вы же отец!

Но его волновало только то, что она отводила губы.

— Почему вы защищаетесь с таким упорством? — вздохнул он. — Разве не было между нами разговора о браке?

— Нет, нет, это невозможно! Этого не будет никогда. Теперь я принадлежу только ему...

Как громом пораженный, Берне опустил руки.

— Когда-нибудь я вам объясню это, — продолжала она, желая смягчить удар, — и вы поймете, что соединяющие меня с ним узы... не те, которые можно порвать...

— Мерзавка!

Они говорили вполголоса, и Анжелика ощущала рядом его горячее дыхание.

— Зачем вы сотворили все это зло?

— Какое зло? — спросила она сквозь слезы. — Я искала возможность спасти ваши жизни, рискуя и своей собственной.

— Это еще хуже.

Берне был в отчаянии. Возможно, виной тому была боль, которую ему причинила зга прекрасная женщина, готовая на самопожертвование ради других, потерянная для него, возможно навсегда, потерянная им послелого, как ему было дано заглянуть за райские врата, где он мог обладать ею и называть своей женой.

Анжелика лежала на постели с открытыми глазами. Разговоры вокруг нее постепенно утихли. Единственная свеча горела под низким потолком.

«Совершенно необходимо объяснить Берне, что связывает меня с Жоффреем де Пейраком. Он человек честный и должен уважать таинство брака. Он смирится со своим поражением».

Она не сделала этого сразу только из боязни вызвать недовольство того, кого продолжала считать своим мужем. Ведь он же сказал ей: «Ни слова об этом». И она ни за что на свете не посмела бы нарушить его приказание. «Ни слова об этом. Мне необходимо, чтобы вы присматривали за ними. Если они узнают о нашем прошлом, то будут считать вас моей сообщницей». Несмотря на его недоверие к ней, она не смогла удержаться от попыток проникнуть в смысл этих тревожных слов.

Время шло, и вместо просвета между тучами, все больше, и больше сгущалась тьма.

«Ах, как он пугает меня! И как влечет к себе!»

Она закрыла глаза и запрокинула голову, как делала всегда в одиночестве, чувствуя затылком прохладу деревянной обшивки. За ней безучастное ко всему билось море.

Ни за что на свете Анжелика не хотела бы сейчас оказаться в другом месте. Сожалела ли она о том времени, когда юная графиня де Пейрак была окружена в своем замке богатством и любовью? Конечно, нет. Она предпочитала быть здесь, на корабле.

В сомнениях и тревогах она хранила надежду на любовь, любовь, ради которой стоило перенести такие муки.

Во сне Анжелика видела себя взбирающейся по бесконечным лестницам, которые раскачивались в ночной тьме. Нечеловеческая сила влекла ее к Жоффрею. Но вдруг гигантская волна захватил? ее и швырнула в зияющий проем трюма. Потом она снова поднималась по бесчисленным ступеням и ее преследовало навязчивое ощущение, что она что-то теряет очень дорогое, что одно только может ее спасти.

Внезапно ее осенило: любовь! Деревянные ступеньки лестниц превратились под ее руками в могучие плечи Жоффрея, за которые она в изнеможении цеплялась. В ногах появилась предательская слабость, только сжимавшиеся до боли пальцы удерживали ее над зловещей пустотой. И она прижалась к нему, подобно гибкому побегу лианы, обвивающему надежный ствол.

Она растворилась в нем. Их губы слились. Анжелика жадно ловила его дыхание, как будто знала, что если этот поцелуй прервется, она умрет.

Молодая женщина проснулась вся в поту, прижав руки к груди, она старалась унять учащенное биение сердца. Такого с ней уже давно не было. Наконец она нашла в себе силы приподняться. Оглядевшись вокруг, Анжелика с ужасом различила у своего изголовья стоящего на коленях Габриэля Берне.

— Вы, ли это? — пробормотала она. — Неужели вы... Это вы меня целовали?

— Целовал? — он с изумлением повторил вполголоса и отрицательно покачал головой. — Я слышал, как вы стонали во сне. Я не мог заснуть, и поэтому я здесь...

Скрыла ли от него темнота ее бессознательный экстаз?

— Мне снился дурной сон...

Берне придвинулся ближе к ней. Анжелика вновь ощутила, как ее обняли могучие требовательные руки, но это уже был не сон, и это был не он.

— Нет! Никогда!

Ее словно парализовало от осознания невероятной силы Габриэля. Она помнила, как он одной рукой задушил человека. Звать, на помощь? Но она в страхе не могла произнести ни звука. К тому же это было настолько невыносимо и отвратительно, что Анжелика не могла поверить, что он способен на такой поступок. Она попыталась вырваться.

«Мы все сходим с ума на этом корабле», — мелькнуло у нее. Сделав еще одну отчаянную попытку избавиться от горячих объятий мэтра, обезумевшая женщина впилась зубами в его обнаженную руку. Согнувшись от боли, Берне в ярости глухо прорычал:

— Бешеная сука!

Анжелика почувствовала во рту привкус крови. Выпустив руку Берне, она проговорила еле переводя дыхание:

— Убирайтесь! Оставьте меня!.. Как вы, посмели? В двух шагах от ваших детей!

Он бесшумно исчез.

В гамаке мирно спала Онорина. На смену уходящей ночи шел новый день. Набегавшие волны глуха ударили в бортовой люк. К Анжелике медленно возвращалось ее обычное самообладание. Но она не в силах была забыть, как при пробуждении терзалась ожиданием наслаждения любви.

Анжелика жаждала мужчину. Того, кого любила и с кем была разлучена волею судьбы, к кому протягивала руки.

«Возьми меня к себе... Освободи меня, ведь ты такой сильный... Почему я потеряла тебя? Если ты меня оттолкнешь, я умру».

Она тихонько шептала эти слова, убаюкивая в себе разбушевавшуюся страсть. Как она смогла быть с ним такой холодной? Разве так ведет себя влюбленная женщина? Он тоже мог поверить, что она не любит его. Но во сне она узнала его губы...

Поцелуй Жоффрея! Она никогда не забудет потрясения от первого его поцелуя в беседке над Гаронной... Только в его объятиях она ощущала полноту счастья, даруемого влюбленным.

Любовники были ею довольны, но ничьи губы, не оставили ей приятного воспоминания. На всю жизнь Анжелика бессознательно сохранила память о неповторимой прелести тех бесчисленных поцелуев, которыми они, смеясь, обменивались в те далекие чудесные времена в Тулузе. И теперь, благодаря волшебству сна, вернувшись, к ней снова.

Глава 22. Казнь на борту «Голдсборо»

И вот Жоффрей де Пейрак здесь, окутанный шлейфами дыма потушенных свечей, такой мрачный в бледном утреннем свете... Его внезапное появление в окружении матросов с мушкетами встревожило пассажиров, Они только приходили в себя после тяжелого сна, измученнее качкой. Было холодно. Дети кашляли, их знобило. Хозяин корабля обвел взглядом протестантов и приказал:

— Люди! Собирайтесь и поднимайтесь на палубу! — Чего вы хотите от нас? — спросил Маниголь, застегивая измятый сюртук.

— Сейчас вы узнаете. Идите, прошу вас.

Он прошел в глубь трюма, поглядывая на женщину. Сару Маниголь Рескатор приветствовал учтивым поклоном.

— Сударыня, буду вам обязан, если вы по доброй воле будете нас сопровождать, так же, как и вам, — прибавил он, поворачиваясь к жене торговца бумагой.

Нарочитая церемонность невольно смутила даже самых храбрых из пассажиров.

— Хорошо, я приду, — решила мадам Маниголь, набрасывая на себя черную шаль. — Но все-таки хотелось бы знать, что вы от нас утаиваете.

— Ничего приятного, сударыня. Но, тем не менее, надо, чтобы и вы присутствовали.

Он остановился около тетушки Анны и Абигаиль, жестом приглашая их присоединиться к группе мужчин, стоявших в окружении вооруженных матросов. Затем он подошел к онемевшей от испуга Анжелике. С иронической улыбкой он отвесил ей низкой поклон.

— Будьте добры, сударыня, следовать за мной.

— А что случилось?

— Следуйте за мной, и ваше любопытство будет удовлетворено.

Она повернулась к Онорине, чтобы взять ее на руки, но он сделал предостерегающий жест:

— Нет, детям не место на палубе. Поверьте, это зрелище не для них.

Онорина заревела во весь голос. Тогда Рескатор достал из кожаного кошелька, висевшего у него на поясе, голубой сапфир величиной с лесной орех и протянул девочке. Покоренная Онорина тотчас умолкла.

— Что касается вас, — продолжал он, обращаясь к Анжелике, —

идите и выбросьте из головы, что настал ваш последний час. Вы скоро вернетесь к своей дочери.

На палубе собрался уже весь экипаж. Анжелика и не подозревала, что матросов так много. Их привыкли видеть скользящими с обезьяньей ловкостью по вантам и реям. Теперь же, спустившись на палубу с привычной высоты, они потеряли удивительную легкость «покорителей Облаков», сделавшись скованными и неуклюжими. У матросов были серьезные лица, а глаза под нахмуренными бровями светились тем особенным блеском, который появляется при напряженном наблюдении за горизонтом.

Анжелика догадывалась, что ее спутницы, как и она, были сильно взволнованы. Ветер играл широким темным плащом Рескатора, возглавлявшего шествие, Анжелика невольно подумала, какой силой надо обладать хозяину, чтобы усмирить буйные головы и покорить мрачные души этих странных грубых людей.

Протестанты перешли на другую сторону палубы и сгрудились около мостика.

— Господин Марсело, — твердо произнес Рескатор, — вчера вечером вы: требовали правосудия за тяжелое оскорбление, нанесенное вашей дочери. Ваше желание исполнено. Правосудие свершилось!

Он сделал рукой жест, заставивший всех поднять головы. Глухой ропот прокатился по рядам. На фокмачте, футах в тридцати над ними, покачивалось тело повешенного.

Абигайль спрятала лицо в ладонях. По знаку Рескатора веревку, на которой висел казненный, развязали, и труп скользнул вниз по палубе. Из-под распухших полуоткрытых губ мавра Абдуллы был виден оскал ослепительно белых зубов. Могучее тело, казалось, спало» но кожа уже приняла сероватый оттенок, его нагота вызывала невольную дрожь свидетелей этой страшной сцены.

Перед глазами Анжелики вновь возникла обнаженная фигура мавра, распростертого у ног хозяина, и ей послышался его хриплый срывающийся голос.

— Я поднял руку на тебя, так пусть твоя рука поразит меня во славу Аллаха!

...Подожли два негра, напевая монотонную тоскливую мелодию. Они подняли тело Абдуллы, сняли с него позорную петлю и направились к бушприту. Пропустив их, шеренга матросов сомкнулась. Рескатор вновь обратился к протестантам:

— Теперь вам надо запомнить одну вещь, причем, раз и навсегда. Я

повесил этого человека, но не за то, что он покушался на невинность вашей дочери, господин Марсело, а за то, что он ослушался меня. Когда вы, ваши жены и дети поднялись на борт моего судна, я отдал категорический приказ экипажу: никто из моих людей под страхом смерти не должен приближаться к женщинам и девушкам и попытаться оскорбить их достоинство... Так что Абдулла прекрасно знал, чем рискует. Теперь он наказан.

Он подошел к ним, поочередно вглядываясь в лица Маниголя, Берне, Марсело, пастора Боккара, которые, судя по всему, были признанными вожаками общины. Когда порывы ветра распахивали плащ Рескатора, были видны его руки в перчатках, сжимавшие рукоятки двух пистолетов за поясом.

— Я попросил вас присутствовать здесь, — продолжал он угрожающе, — для того, чтобы это зрелище пошло вам на пользу. Я повесил мавра, моего верного слугу, за то, что он нарушил один из моих приказов. И если вы их когда-нибудь нарушите, знайте, что я поступлю с вами точно так же.

Глава 23. Возрождение любви

Анжелика не сводила с Жоффрея влюбленных глаз. Как он был одинок! Одиночество — удел избранных. Но он носил это бремя с такой же непринужденностью, как свой черный плащ, тяжелые складки которого так красиво развевались на ветру... Он мужественно преодолевал все жизненные невзгоды, в богатстве или бедности, на вершине славы или в изгнании, в расцвете сил или в горячке болезни, никогда не падал духом, ни перед кем не склоняя гордой головы. В этом его благородство. Анжелике хотелось припасть к его ногам, чтобы он вдохнул в ее истерзанную душу частицу своей непоколебимой силы...

Боцманский свисток дал сигнал экипажу разойтись. Люди заняли свои места. С полуюта капитан Янсон отдавал обычные распоряжения. Поднялись паруса. Жизнь входила в свое русло.

Протестанты молча покинули палубу. Анжелика не пошла за ними. В эту минуту для нее на свете не существовало никого, кроме него. Де Пейрак повернулся и, увидев ее, сказал:

— Банальное морское происшествие. Эта казнь в назидание другим для поддержания всеобщей дисциплины. Не из-за чего волноваться, сударыня. Ведь вы плавали на Средиземном море среди пиратов и работоторговцев и должны знать о подобных вещах.

— Да, я знаю.

— Власть над рабами! Дисциплина, которую трудно насадить, но еще труднее удержать.

— Я знаю и это... — Анжелика вспомнила, как командовала людьми и вела их в бой. — Негр прекрасно знал это, — задумчиво продолжала она. — Я поняла то, что он говорил вам вчера вечером, когда мы застали его врасплох.

Внезапно та сцена во всем своем бесстыдстве предстала перед ее глазами, вызвав на щеках молодой женщины легкий румянец смущения. Она вспомнила, как схватила за руку Жоффрея. Ощущение мускулистого тела под бархатом камзола еще жило в ней. Ее любовь! Он снова рядом! Его губы, о которых они так мечтала, сохраняли и под маской свою пылкость. Все то, что их разделяло, было только пустяками, которые исчезнут сами по себе.

Она стояла перед ним, как замороженная, не видя ничего, кроме его одного.

А на другом конце корабля сегодня вечером бросят в море тело казненного. Любовь... смерть... Время продолжало ткать паутину, переплетая в своих нитях судьбы тех, кто создает жизнь, и тех, кто ее уничтожает.

— Я думаю, что вам надо вернуться к себе, — промолвил де Пейрак.

Она опустила глаза в знак повиновения. Конечно, не все препятствия между ними еще устранены. Но самое ужасное — разлука и смерть были уже позади. Все остальное не имело значения. Настанет день и их любовь вернется, так же, как и он!

Мадам Маниголь резко повернулась к Бертиль и дала ей пощечину.

— Гнусная маленькая тварь. Теперь ты удовлетворена — на твоей совести человеческая жизнь.

Поднялся невообразимый шум. Несмотря на уважение, которое гугеноты питали к мадам Маниголь, мадам Марсело бросилась защищать свое чадо.

— Вы всегда завидовали красоте моей дочери, тогда как ваша...

— Как бы ни была красива ваша Бертиль, она не должна была выставлять из корсажа свои прелести перед мавром. Можно подумать, что вы вечны и она никогда не останется одна...

Их с трудом удалось разнять.

— Успокойтесь, женщины! — загремел Маниголь. — То, что вы будете рвать друг другу волосы, не поможет нам выбраться из этого осинового гнезда.

И, повернувшись к своим друзьям, добавил:

— Утром, когда он появился, я подумал, что ему известны наши планы. К счастью, он ничего не знает об этом.

— Но он может кое-что подозревать, — озабоченно пробормотал адвокат.

При появлении Анжелики они замолчали. Дверь за ней закрылась, и послышался звук задвигаемого засова:

— Не надо питать иллюзий, мы просто пленники! — сказал Маниголь.

Габриэль Берне отсутствовал. Двое матросов задержали его наверху и вежливо, но настойчиво предложили встретиться с монсеньером Рескатором.

«Как ни странно, — подумал Жоффрей де Пейрак, — когда я к ней обратился, она вдруг бросила на меня пылкий влюбленный взгляд. Неужели такой взгляд может быть обманчивым?»

Он еще раздумывал, не было ли это плодом его фантазии, когда в каюту вошел мэтр Берне.

— Садитесь, сударь, — де Пейрак указал на стоящее напротив кресло.

Габриэль Берне сел. Вежливость хозяина не предвещала ничего хорошего. После весьма долгого молчания, когда противники присматривались друг к другу, поединок начался.

— Насколько продвинулись наши матримониальные планы в отношении госпожи Анжелики? — раздался глухой голос Рескатора, в котором слышалась насмешка.

Гугенот сохранял невозмутимость. Пейрак с неудовольствием отметил его самообладание. «Эта тумба уклоняется от уколов, — подумал он, — и не собирается отвечать тем же. Кто знает, не кроется ли за его внешним спокойствием желание вывести меня из терпения и заставить сделать неверный шаг». Наконец Берне отрицательно покачал головой.

— Я не вижу необходимости говорить об этом.

— Я тоже. Но меня интересует эта женщина. И мне приятно говорить о ней.

— И вы сделали ей предложение? — тоже насмешливо спросил Берне.

— Нет!

Взрыв смеха его собеседника был непонятен гугеноту и только вызывал у него раздражение. Однако он по-прежнему держал себя в руках.

— Вы, вероятно, желали бы узнать, приглашая меня сюда, согласна ли госпожа Анжелика уступить вашим бесстыдным домогательствам и готова ли разбить свою жизнь и лишиться своих привязанностей в угоду вам?

— Это действительно в какой-то степени входило в мои намерения. Ну, ладно, что же вы ответите?

— Я считаю, что у нее достаточно благоразумия, чтобы избежать расставленных вами сетей, — твердо сказал Берне с некоторой горячностью, хотя сам, увыв, сомневался в своих словах, — Она искала у меня забвения, хорошо знала цену покоя. И она не может пренебречь тем многим, что нас связывает. Дни, проведенные в согласии, взаимопонимание... Я спас жизнь ее дочери...

— Ну, хорошо, я, допустим, тоже. Значит, мы соперничаем из-за двух женщин, вместо одной.

— Малютка стоит многого, — сказал Берне угрожающим тоном, недвусмысленно сжав кулаки. — Госпожа Анжелика никогда не пожертвует ею! Ни ради кого!

— Я это знаю. Но у меня тут кое-что есть, чтобы соблазнить юную кокетку.

Откинув крышку стоявшей перед ним на столе шкатулки, он стал, играя, перебирать драгоценные камни.

— Насколько я понял, ребенок равнодушен к блеску драгоценностей.

Габриэль Берне внутренне сжался. Когда он сталкивался с подобным человеком, то не мог избавиться от ощущения, что имеет дело с исчадием ада! Он считал его виновным за ту боль, которую испытал, и за тревогу, не покидавшую его среди подвластных Рескатору дьяволов.

Мучительное воспоминание о разыгравшейся минувшей ночью драме между ним и Анжеликой неотступно преследовало его до такой степени, что даже смерть мавра оставила его безучастным.

— Не беспокоят ли вас раны? — с напускным участием спросил Жоффрей.

— Я уже не чувствую их, — последовал быстрый ответ.

— А вот эту? — продолжал искуситель, указывая на повязку с пятнами крови, прикрывающую следы борьбы с Анжеликой.

Берне побагровел и встал. Жоффрей де Пейрак тоже поднялся.

— Укус женщины, — прошептал он, — более ядовит для сердца, чем для тела.

Выводя его, униженного человека из себя, Жоффрей де Пейрак понимал, что делает серьезную ошибку. Он пренебрегал и элементарной осторожностью, оставаясь наедине с Берне, но он заметил утром его перевязанную руку и не смог отказать себе в удовольствии самому проверить предположение, которое и подтвердилось.

«Она его укусила, — торжествовал Жоффрей, — значит, он не любовник Анжелики».

Хитрые глаза торговца налились кровью.

— А что вы об этом думаете, монсеньор?

— То, что вы сами не отрицаете, мэтр Берне, что госпожа Анжелика — недотрога.

— И вы видите в этом повод для вашего триумфа? Вы тоже рискуете попасть впросак. Я буду поражен, если она согласится на то, в чем отказывает всем мужчинам.

Жоффрей де Пейрак внимательно наблюдал за лицом противника, вновь принявшим обычное свое выражение. «Что он может знать о ней такого, чего не знаю я?»

Берне почувствовал, что его положение не столь уж, безнадежно. И он заговорил. Его слова воссоздали весь ужас одной из историй, на которые была так щедра эпоха: замок, объятый пламенем, перебитая прислуга, изнасилованная женщина, несущая на руках своего убитого ребенка... После такой страшной ночи эта женщина отвергала любовь, ибо в ее

памяти еще были свежи пережитые зверства. Но было еще нечто худшее — ребенок, ее дочь была плодом того злодеяния. Анжелика никогда не узнает, кто из тех гнусных наемников был отцом Онорины.

— Откуда вы извлекли подобную ложь? — резко спросил де Пейрак.

— Из ее уст!

— Невозможно!

Теперь настала очередь Берне наслаждаться местью. Стоявший перед ним противник был в нерешительности и едва сохранял самообладание, стараясь не выдавать обуявших его чувств.

— Драгуны короля, говорите вы? Это же сплетни невежд! Ибо женщину ее происхождения, приближенную его величества, солдатня не посмела бы сделать своей жертвой. Почему бы они напали на нее? Я знаю, что во Франции преследуют гугенотов, но она не исповедует их религию.

— Она им помогала.

Торговец тяжело дышал, капли пота стекали по его лицу.

— Это была знаменитая «мятежница из Пуату», — прошептал он. — У меня всегда были подозрения, а теперь ваши слова подтверждают их. Мы знали, что одна знатная дама, известная при дворе, подняла народ против короля и вовлекла в это восстание всю провинцию. Оно продолжалось три года. В конце концов восставшие были побеждены, Пуату разрушен. Женщина исчезла. Ее голова была оценена в пятьсот ливров. Я припоминаю... это действительно была она!

— Убирайтесь! — почти беззвучно произнес Жоффрей де Пейрак.

Так вот чем были заполнены пять лет ее жизни, о которых он ничего не знал, думая, что она погибла или вернулась к королю Франции.

Восстание против короля, какое безумие! Подумать только, что она была в его руках на Крите! Он бы мог избавить ее от всего этого кошмара. В Канди он ее знал еще такой, какой она была раньше. Разве можно забыть то мгновение, когда в дымке благовоний в батистане он сразу заметил ее.

Когда он бросил якорь на острове Милос, один купец предупредил его, что в Канди будет продаваться великолепная рабыня. О Рескаторе шла слава, как о большом любителе «живого товара». Это было преувеличение, хотя восточная роскошь, необходимая в его положении, требовала не пренебрегать женщинами. Легенды о страстной натуре вызывали уважение и расположение к нему сластолюбивых сынов Востока. Но известие о необычной красавице возбуждало его любопытство, и он решил приобрести эту рабыню. Торговец с Дилоса, рассказывая о зеленоглазой пленнице, всячески расхваливал «товар». Неподражаемая!

Восхитительная! Камиль-бей, белый евнух, поставщик гаремов Великого Турка — в числе желающих купить ее. Уже хотя бы поэтому монсеньор Рескатор должен вступить в борьбу. Он не будет разочарован! Национальность? Француженка, а это много значит. Происхождение? Прекрасное! Речь идет о придворной даме короля, даже бывшей фаворитке его величества. Ее имя? Маркиза дю Плесси де Бельер.

Он оцепенел!

После того, как ответы купца на его настойчивые вопросы убедили его, что тот ничего не сочинил, Рескатор бросил все дела и, снявшись с якоря, помчался на Крит.

По дороге он узнал об обстоятельствах, при которых молодая женщина попала в руки работорговцев. Она отправилась на Крит, якобы по делам, говорят одни, а другие — в поисках любовника. Французская галера, на которой она плыла, потерпела крушение, и маркиз де Скренвиль, этот пожиратель чужих объедков, выловил ее на шлюпке, а с ней и самую большую удачу за все время своего мелкого пиратства. Все предсказывали, что надбавки на торгах поднимутся до головокружительной высоты.

Тем не менее, Рескатору надо было увидеть ее, чтобы удостовериться самому. В его памяти сохранились только смутные воспоминания о той минуте, когда он понял, что это действительно Анжелика и что она вот-вот должна быть продана.

Первым делом надо было закрыть торги, оглушив их одной только суммой сделки — тридцать пять тысяч пиастров! Истинное безумие! А затем скрыть ее наготу от похотливых взглядов. С первого взгляда он понял, что она в обморочном состоянии, обезумевшая от угроз и грубости подлых торговцев.

Она не узнала его. Тогда Жоффрей решил пока не снимать маску, а прежде всего избавить ее от алчного сброда. Он увезет ее в свой дворец, за ней будут ухаживать, и когда, она придет в себя, будет у ее изголовья.

Увы, его романтические замыслы, были расстроены. Мог ли он предполагать, что существо, затравленное, обессиленное, сможет ускользнуть из его рук?

Когда подожгли его корабль, сквозь дымящиеся обломки он увидел быстро удаляющуюся шлюпку с невольниками, которые воспользовались возникшей суматохой. Среди них была она!

— Проклятье!

Ярость, охватившая его при этом воспоминании, была подобна той, что он испытывал тогда. Он имел полное право сказать, что, обязан Анжелике не только своими страданиями, но и неистовым гневом. Как и в

Канди, он вновь проклинал преследовавший его рок. Анжелика сбежала, и хватило пяти лет, чтобы он потерял ей навсегда.

Правда, судьба вернула ему жену, но это была совсем иная женщина. В ней горел какой-то странный огонь, которому невозможно найти объяснения. Он не мог понять, почему она с таким жаром бросилась спасать своих протестантов, когда явилась к нему подавленная, растрепанная, промокшая... Как он не сообразил, что только страх перед королевскими наемниками (если за ее голову, действительно, было обещано вознаграждение), бросил ее к его ногам, чтобы спасти себя и дочь?

Он должен был встретить ее, ослабевшую, напуганную, униженную, более приветливо, а не упреками и подозрениями. Униженную! После всего она была здесь, женщина, скитавшаяся неизвестно где, равнодушная к судьбе его сыновей, а потом найденная вместе с ребенком, рожденным от любовника. А может быть, правда от насильника?

Неужто ей недостаточно было того, что она неистово носилась по Средиземному морю, гоняясь за каким-то любовником? Всякий раз, когда он появлялся, чтобы удержать ее от неверного шага, она безрассудно находила способ убежать для того, чтобы подвергнуться еще большим опасностям.

Муль-Измаил, бегство... Можно было подумать, что ей доставляло удовольствие участвовать в самых сомнительных авантюрах. Опрометчивость, граничащая с глупостью. В этом пришлось, увы, убеждаться не раз.

Да, она была безрассудной — недостаток, свойственный большинству женщин. Она невредимой вернулась из средиземноморских походов, но тут же подняла восстание против короля Франции. Какой дьявол в нее вселился? Откуда этот дух разрушения? Разве подобает женщине, к тому же матери, поднимать оружие? Почему бы не сидеть тихо за рукоделием в своем замке, вместо того, чтобы отдавать себя на растерзание солдатам? Жоффрей де Пейрак отказывался понимать женскую натуру. Он заметил, что за прошедшие несколько минут успел обвинить свою жену в том, что она глупа и слишком умна, что стала любовницей короля Франции и сражалась против него, что болезненно слаба и невероятно сильна... Итак, ему ничего другого не оставалось, как признать, что пресловутое картезианство, идеи которого он полностью разделял, сделало его здоровый мужской рассудок беспомощным, и, в сущности, неспособным разобраться даже в самом себе.

Жоффрей остался наедине со своим гневом и болью. Вопреки всякой

логике, то надругательство, жертвой которого стала его жена, казалось ему предательством, ибо первобытный инстинкт обладания и дикая ревность терзали сердце. Ему хотелось кричать: «Почему ты не смогла сохранить себя для меня?!». Если судьба отвернулась от него, как он мог защищать ее такую непредсказуемую в своих действиях? Сегодня его сердце извело всю горечь поражения. Внезапно он понял, почему мужчины в некоторых диких африканских племенах уродуют своих жен, заставляя их носить медные предметы, растягивающие губы до невероятных размеров: в случае поражения победители не польстятся на них, столь безобразных.

Анжелика была слишком красива, слишком очаровательна. Разве можно» устоять против власти ее глаз, голоса, естественных и грациозных движений?

— Монсеньор, извините меня!

Его друг, капитан Янсон, стоял перед ним.

— Я несколько раз стучал, думая, что вас нет...

— Да, да, хорошо.

Великий Хозяин Морей, как называли Рескатора, не позволял себе проявлять при других свои чувства. Люди, хорошо знавшие его, лишь догадывались о той внутренней борьбе, что происходит в его душе, по пристальному грозному взгляду обычно таких живых и ясных глаз.

Янсон не мог ошибиться. Он мысленно перебрал все возможные причины, которые могли бы вызвать перемену в настроении хозяина. Но сейчас на борту ничего необычного не произошло. Тем хуже, если грянет гром. Правда, это хотя бы позволит понять в чем дело. Движением руки капитан указал на огромный тюк, который сопровождавшие его матросы положили на пол, тут же исчезнув.

Содержимое старого хурджина составлял невероятный хлам: необработанные алмазы, тускло поблескивающие рядом с пробками от графинов, незамысловатые украшения из золота, издающий зловонный запах курдюк с остатками пресной воды, Коран, со слипшимися от старости страницами, на котором были прикреплены амулеты «барака».

Жоффрей де Пейрак нагнулся, чтобы взять кожаный мешочек. В нем находилось немного мускуса из Мекки и браслет изложи жирафа с крошечными зубами рогатой гадюки.

— Я помню тот день в стране Асхипти, когда Абдулла убил напавшую на меня гадюку, — задумчиво произнес он, — Я спрашиваю себя...

— Хорошо, я займусь этим, — неожиданно оборвал его Янсон. — «Бараку» положат ему на грудь, а самого его зашьют в лучшую джелябию. В сумерках спустят, в море. Хотя его душа больше бы обрадовалась, если

бы тело закопали...

Жоффрей де Пейрак внимательно посмотрел на помощника. Изрытое оспой лицо, в складках рта затаенная горечь. Глаза, напоминавшие два агата, смотрели холодно.

— Экипаж начал роптать, — сказал Янсон. — О, конечно, это не только наши старые «друзья» с Востока мутят воду, а главным образом, новички, которых мы вынуждены были нанять в Канаде и Испании, чтобы набрать экипаж «Голдсборо». Их почти шестьдесят. Трудно держать в руках подобный сброд. Тем более, что они хотят узнать ваши планы. Матросы жалуются, что очень долго не причаливали к берегу, как это было предусмотрено в Кадисе, что не получили своей доли испанского золота, добытого водолазами-мальтийцами на широте Панама... Они говорят, что вы запретили им попытаться счастья у находящихся на борту женщин, а сами забрали красивейшую из них...

Этот серьезный упрек, брошенный ему в лицо, вызвал взрыв смеха хозяина «Голдсборо».

— Оттого, что она самая красивая, не правда ли, Янсон? — он знал, что его смех выведет из себя капитана, которого ничто на свете не могло развеселить — И это она самая красивая? — повторил он язвительно.

— Я в этом ничего не понимаю, — разъяренно процедил сквозь зубы капитан. — Зато знаю, что на корабле творятся дурные дела и что вы этого не замечаете, потому что вас поработила женщина.

Де Пейрак вздрогнул, услышав непривычное слово. Он прекратил смеяться и нахмурил брови.

— Поработила? Вы видели меня когда-нибудь поработенным женщиной, Янсон?

— Нет, никогда... Но этой, похоже, удалось! Разве вам мало тех глупостей, что она наделала в Канди и потом? Сколько сделок было упущено только из-за того, что вы, не думая о последствиях, во что бы то ни стало хотели вернуть ее.

— Признайтесь, что вполне естественно пытаться заполучить рабыню, которая обошлась в тридцать пять тысяч пиастров.

— Но здесь дело в другом, — упрямо продолжал Янсон. — В том, что вы никогда не решались мне доверить. А, все равно! Это дело прошлое. Я думал, что она исчезла навсегда и давно покоится в земле. И вдруг она здесь...

— Янсон, вы — неисправимый женоненавистник. Оттого, что та шлюха, на которой вы имели неосторожность жениться, спровадила вас на галеры, чтобы валяться в вашей постели с любовником, вы возненавидели

весь женский род и потеряли из-за этого много приятных минут. Какую зависть вы вызвали у бедных мужей, связанных узами брака с унылыми мегерами, своей вновь обретенной свободой, которой вы так плохо пользуетесь!

Капитан оставался мрачным.

— Есть женщины, которые отравляют вас таким ядом, от которого Нельзя излечиться. Вы сами, монсеньор, уверены, что навсегда обезопасили себя от подобных мук? Ваша рабыня из Канди пугает меня... Вот так!

— Однако ее нынешнее обличье должно бы вас успокоить. Я был очень удивлен и даже, признаюсь, немного разочарован, встретив ее такой, в чепчике добродетельной женщины.

Но Янсон в ответ энергично покачал головой.

— Еще одна ловушка, монсеньор! Я предпочитаю доступную обнаженную одалиску притворщицам, которые закрываются покрывалом и только взглядом обещают райское блаженство.

Жоффрей де Пейрак, слушая его, задумчиво поглаживал подбородок.

— Странно! Янсон, это очень странно! Я считал, что она не интересует меня больше.

— Увы, — заметил капитан безнадежно, — Если бы было так! Но мы слишком удалились от разговора о дележе...

Де Пейрак взял его за локоть, увлекая с собой на палубу.

— Пойдемте... «Сокровища» моего бедного Абдуллы наполнили смрадом всю каюту.

Выйдя, он погрузился в созерцание неба, окрашенного в нежные пастельные тона...

— Ну, что ж, постарайтесь успокоить людей. Скажите им, что испанское золото на борту. Как только мы подойдем к берегу, а это будет в ближайшие дни, я выдам им задаток под будущие дела.

— Матросы не сомневаются, что им заплатят, потому что так было всегда. Но они считают, что один переезд у них пропал даром. К чему это последнее плавание в Ла-Рошель? — спрашивают они. — Для чего было брать этих людей, которые нам мешают, из-за которых приходится терпеть лишения? Из них не выудишь ни ливра, ясно видно, что все их добро, — только рубашка на теле.

Поскольку Жоффрей де Пейрак молчал, капитан Янсон продолжал с обиженным видом:

— Вы, очевидно, считаете меня нахалом, монсеньор? И даете понять, что мы не должны вмешиваться в ваши дела. Но мы асе, в том числе и я,

чувствуем, что теряем вас... Кем бы матросы ни были (вы знаете, что представляют собой их души!), они верят в приметы, и невидимые связи удерживают их гораздо крепче, чем явные знаки расположения. Люди повторяют, что больше не могут считать вас своим надежным покровителем.

Улыбка пробежала по губам Рескатора. — Пусть грянет буря, и они увидят, смогу я защитить их или нет.

— Я знаю... Вы еще здесь, среди нас. Но они уже сторонятся... — Янсон кивнул в сторону носовой части корабля. — Допустим, что вы везете этих людей на поселение в купленные вами земли Даун-Иста. Какое отношение это имеет к экипажу «Голдсборо»?

Граф де Пейрак положил руку на плечо капитана.. — Янсон, мой дорогой друг, когда вы встретились со мной, я был человеком, уже вступившим во вторую половину своей жизни. Вы не знаете всего обо мне так же, как и я о вас. Должен сказать, что я полностью отдан подземным сокровищам и очарованию моря...

— А красавицы?

— Это преувеличение! Скажем, что они при случае являются составной частью того или иного приключения. Только земля и море, Янсон. Две сущности. Две требовательные «госпожи». Когда я отдаю предпочтение одной, — другая протестует. Вот уже более десяти лет прошло с тех пор, как Великий Турок передал мне монополию на торговлю серебром, и я не покидаю палубу...

— И теперь вас снова охватило желание проникнуть в недра земли?

— Абсолютно верно.

Янсон опустил голову, он услышал то, чего боялся. Его крепкие, в рыжих волосах руки судорожно впились в позолоченные перила. Жоффрей де Пейрак попытался смягчить удар своего признания.

— Я оставлю вам корабль, Янсон.

Тот отрицательно покачал головой.

— Это будет далеко не то. Мне нужна ваша дружба.

Ваш пыл, ваша жажда жизни всегда поражал меня.

И я не представляю себе, как буду жить без всего этого.

— Баста! Вы становитесь сентиментальным, старина! Посмотрите! Вам остается море...

Но Янсон как будто не слышал его.

— Вы не можете понять, монсеньор. Вы пылаете огнем, а я скован льдом.

— Тогда разбейте этот лед!

— Слишком поздно! Янсон тяжело вздохнул.

— Мне надо было бы раньше узнать секрет, который помогает вам в любом положении смотреть на мир иными глазами.

— Но никаких секретов не существует. У каждого есть что-то свое. Что я вам скажу? Быть всегда готовым начать все сначала. Не соглашаться с тем, что вам дана только одна жизнь... Можно пережить множество жизней.

Глава 24. Подозрительное оружие

Бесконечное плавание продолжалось, только море вновь переменяло свой наряд. Оно было похоже на озеро, по застывшей глади которого изредка пробегали волны. Несмотря на поднятые паруса, корабль еле двигался, и обитателям нижней палубы на какое-то мгновение даже показалось, что они стоят на якоре. Раздались радостные возгласы:

— Мы прибыли!

— Молите Всевышнего, чтобы это было не так, — кричал Маниголь. — Мы еще не настолько продвинулись к югу, чтобы находиться у Санто-Доминго. Это может только означать, что мы причалили к пустынным берегам Новой Шотландии, и никто не может сказать, какая участь нам здесь уготовлена.

Облегчение сменилось разочарованием, когда они поняли, что их окружает безбрежная равнина моря. Паруса опали, единственное оживление вносили матросы, находившиеся на реях, которые тщетно пытались распустили бом-брамсель, чтобы поймать почти незаметное дыхание ветра. Полный штиль вызывал у моряков чувство страха. День казался бесконечным. И когда вечером во время очередной прогулки пассажиры увидели обвисшие паруса, они не на шутку разволновались. Старшая дочь Маниголя — Дженни, которая ждала ребенка, разразилась рыданиями.

— Если судно не сдвинется с места, я сойду с ума. Пусть оно плывет! Скажите мне, что мы скоро приедем.

Анжелика, проводив Дженни до убогого ложа, старалась утешить будущую мать. Юные создания относились к молодой госпоже с большим уважением и доверием, поэтому она чувствовала неловкость, когда их вопросы застали врасплох. Ведь не могла же она повелевать ветром, морем или «Голдсборо». А от нее словно ждали изменения хода событий.

— Когда же мы высадимся? — всхлипывала Дженни, которая никак не могла успокоиться.

— Я не могу этого сказать, моя дорогая.

— Почему мы не остались в Ла-Рошели? Посмотрите на нашу нищету... А там у нас было такое чудесное голландское сукно, для свадебного наряда.

— Но ваш ребенок родился бы в тюрьме, и к тому же у вас бы его отобрали! Зато теперь он появится на свет свободным. За все надо платить!

— Да, да, я знаю это! — сказала Дженни, еле сдерживая слезы. — Но так хочется, чтобы мы были на берегу. Я страдаю от непрерывной качки. И к тому же на корабле все складывается плохо. Кончится тем, что прольется кровь, я это чувствую. Может быть, и мой муж будет убит... О, горе!

— Вы заговариваетесь, Дженни. Откуда эти страхи?

Молодая женщина казалась напуганной и с беспокойством озиралась по сторонам. Она не отпускала Анжелику.

— Госпожа Анжелика, — шептала она, — вы ведь знакомы с Рескатором и позаботитесь о нас, не правда ли? Вы постараетесь, чтобы ничего ужасного не произошло?

— Но чего вы боитесь? — растерянно спросила Анжелика.

В этот момент чья-то рука легла на ее плечо. Это была тетушка Анна, которая делала ей какие-то знаки.

— Пойдемте, моя дорогая, — вполголоса сказала старая дама. — Я, кажется, поняла, что волнует Дженни.

Сопровождаемая Анжеликой, она направилась в дальний угол батареи. Там тетушка Анна распахнула дверь, за которой еще в начале путешествия доносилось привычное бляение коз и хрюканье свиней. Обитатели этого помещения давным-давно исчезли, оставив после себя острый запах стойла. Откинув в сторону кучу лохмотьев и соломенных подстилок, брошенных в углу, старая дама показала Анжелике с дюжину заряженных мушкетов и несколько мешочков с порохом и пулями.

— Что вы об этом думаете?

— Это мушкеты...

Анжелика с тревогой смотрела на оружие. — Кто же их здесь спрятал?

— Не знаю. Но думаю, что это не место для хранения оружия на корабле, где такая строгая дисциплина.

Анжелика вздрогнула от внезапной догадки.

— Меня волнует мой племянник, — продолжала тетушка Анна, переходя к вопросу, который ее, видимо, особенно беспокоил. — Вы в какой-то мере причастны к тому, что его характер наконец изменился. Но нельзя допускать, чтобы разочарование толкнуло его на безрассудные действия.

— Вы хотите сказать, что это метр Берне спрятал тут оружие? С какой целью? И где он смог его раздобыть?

— Я ничего не знаю об этом, — сказала госпожа Анна, сокрушенно качая головой, — Но я на днях слышала, как Маниголь заявил, что ограбить вора — это не грабеж.

— Возможно ли это? — прошептала Анжелика. — Наши друзья

собираются напасть на того, кто спас им жизнь?

— Они его подозревают в самых худших намерениях по отношению к нам.

— Пусть они подождут, пока их подозрения подтвердятся.

— Они говорят, что потом будет поздно.

— На что же они рассчитывают?

Почувствовав на себе чей-то взгляд, обе умолкли. Два матроса, словно чудом возникшие из темноты, с подозрением смотрели на них.

Разговаривая по-испански, матросы стали приближаться к женщинам. Анжелика достаточно хорошо знала этот язык, чтобы понять смысл их слов. Увлекая за собой тетушку Анну, она повернула назад.

— Они говорят, что оружие принадлежит им, и что нам нечего совать сюда нос. А болтливым женщинам вырывают языки. И добавила с облегчением:

— Вот видите! Ваши опасения были ошибочны. Речь идет об оружии экипажа...

— Оружие экипажа не прячут под соломенными подстилками, — настаивала тетушка Анна, — я хорошо знаю, о чем говорю. Наши предки были корсарами. И почему эти грубияны говорят, что нам надо вырвать языки? Госпожа Анжелика, не могли бы вы при случае сказать Рескатору о том, что я вам сегодня показала?

— Вы считаете, что я у него в такой милости, что посмею давать ему советы по поводу неблагоприятных действий его людей? Хорошо же я буду принята. Он слишком спесив, чтобы прислушиваться к словам женщины, какой бы она ни была...

Горечь пронзила ее. Всякий раз, когда к ней обращались, как к особе, облеченной властью, это обстоятельство напоминало, до какой степени тот, рядом с которым она хотела начать новую жизнь, далек от нее...

— Я бы поверила... — задумчиво произнесла тетушка Анна. — Однако между вами и этим человеком есть что-то, связывающее вас. Ваше прошлое, не так ли? Чувствуется, что вы созданы по одному образу и подобию. Я это заметила, как только поняла, что бедный Габриэль не имеет никаких шансов на успех. Зато разузнала, что ваш капитан внушает некоторые опасения нашим друзьям и не стремится их рассеять. Но все же я чувствую к нему доверие. Я убеждена, что все приказы на корабле исходят от человека мудрого и доброго. И потом... он большой ученый.

Щеки ее порозовели, словно она была смущена своим порывом.

— И он был столь любезен, что дал мне замечательные книги. — Она развернула шелковую шаль, под которой Анжелика увидела два тома в

красных кожаных переплетах.

Госпожа Анна расположилась на полу, подстелив сложенную в несколько слоев накидку, опершись костлявой спиной о стену.

— Сегодня вечером я не пойду на прогулку. Я спешу прочесть эти трактаты. Он обещал дать мне взамен и другие...

Анжелика поняла, что старой даме тоже редко улыбалось счастье.

«Жоффрей всегда умел покорять женщин, — подумала она, — В этом поступке — весь он».

Она хорошо знала его способность влиять на людей, если такой выдержанный человек, как Берне, был доведен до бешенства, а такая мегера, как мадам Маниголь, стала почти нормальной женщиной.

Все переменялось, словно мир вывернулся наизнанку. Анжелика всегда была окружена вниманием мужчин, тогда как женщины часто встречали ее весьма недружелюбно. Здесь же, на корабле, женщины ладили с ней, а мужчины, напротив, смотрели, как на врага. Глубоко скрытый древний инстинкт предупреждал их, что коварный похититель, безусловно, другой породы, нежели они, уводит ее от них.

Маленькая Онорина была вне себя от радости, что обрела, наконец, мужественного и могущественного покровителя на корабле, где все, даже мать, совершенно забыли о ней.

В отчаянии она прыгнула в море, чтобы волны унесли ее в страну, где девочка нашла бы больших сильных мальчиков — своих братьев и своего отца. Но море предательски расступилось перед ней, унося в пучину. Злые птицы хотели выклевать ей глаза. И тогда на помощь Онорине пришел ее спаситель, тот, кого она называла Неочищенный Каштан.

Он прогнал гадкую птицу и взял девочку на руки, когда ее уже поглощала противная соленая вода. Потом Неочищенный Каштан отнес ее на корабль, где весь вечер мать ухаживала за ней. Теперь ее заменил Неочищенный Каштан с черными опухшими отметинами на месте ран от острого клюва птицы. Онорина нежно погладила матроса по лицу своими маленькими пальчиками.

— Чтобы они скорее заживали!

Сицилиец был поражен, увидев на шее ребенка образок с Девой Марией.

— Ради Святой Мадонны, милая девушка-католичка? — спросил он по-итальянски.

Онорина не поняла его слов, но это ничуть ее не смутило. Ей было хорошо от того, что с ней разговаривают.

— Вы мой папа? — вдруг с надеждой спросила девочка.

Сицилиец удивился, а потом расхохотался. Он отрицательно покачал головой, — нет, он не ее отец и очень жалеет об этом. Оглянувшись вокруг, матрос вытащил из-за пояса нож. Под своей красной рубахой он нащупал какой-то предмет, разрезал на нем шнурок и повесил что-то на шею невероятно удивленной девчужке. Затем, словно желая убедиться, хорошо ли это будет выглядеть Яри ярком освещении, он поставил Онорину так, чтобы на нее падали красноватые лучи солнца. Удовлетворенный, он зашептал:

— Ты не говори, что это дать я. Ты его находить.

Видя, что Онорина его не понимает, матрос плюнул на пол, прося ее сделать то же самое, на что девочка охотно согласилась.

Заметив Анжелику, искавшую дочь, сицилиец поспешил уйти, жестом показав девочке, чтобы та не выдавала их тайну. Онорина была счастлива вдвойне, потому что у нее появился новый друг, и ей снова стали дарить подарки. Она пошарила в карманах передника и нашла драгоценный камень, который дал ей Черный Человек, и тут же, чтобы не обнаружила мать, засунула его поглубже.

Луч света, осветивший ярко-рыжие Волосы ребенка, упал на золотой кулон, поблескивающий на ее тоненькой шейке.

— Где ты взяла такую прелесть?

— Мне ее дали.

— Кто же?

— Не Черный Человек.

— А кто же?

— Я не знаю.

Рядом с золотым кулоном висел оловянный образок, который надели Онорине монахини приюта Фонтеней-де-Кент. Анжелика никогда бы не позволила снять его.

— Не лги. Не с неба же упал этот кулон.

Онорина представила себе, как в серый океан падают с неба драгоценности, и сказала уверенным тоном:

— Да, птичка держала его в клюве. Потом она выпустила его и он упал мне прямо на шею. — Затем она плюнула на пол и сказала с упрямым видом: — Я его находить.

Анжелика не знала, то ли ей смеяться, то ли сердиться... Неужели она снова украла?

Мать взяла дочку на руки и крепко обняла. Онорина стала вырываться.

— Я очень хочу найти своего отца. Я знаю, он очень хороший, а вот ты — злая!

Анжелика вздохнула. Ни дочь, ни муж не прощали ей ни малейшей несдержанности.

— Хорошо, пусть драгоценности остаются у тебя. Теперь ты видишь, что я совсем не злая?

— Нет, ты очень злая, — непримиримо настаивала Онорина. — Ты всегда убегаешь или прячешься и оставляешь меня одну. Тогда я думаю, что я умру... мне скучно.

— Маленькие девочки никогда не должны скучать. Жизнь всегда прекрасна. Ты же видишь, что птичка уже принесла тебе подарок.

Прыснув от смеха, Онорина уткнулась в плечо матери. Она была в восторге» что мать поверила ей.

— И кораблик хороший, — сказала она. — Он больше не качается.

— Да, действительно.

Анжелика еле сдержала готовый вырваться тяжелый вздох, бросив взгляд на необычную, словно покрытую маслом, поверхность моря. Какие-то черные и серые островки появлялись и исчезали в красно-золотистом тумане. Их непрерывные движения напоминали ритм танца.

«Это мираж», — подумала Анжелика, протирая глаза. Сверху донесся крик:

— Эй, кашалоты!

Это был голос сицилийца. Дети, игравшие на «проспекте» в пятнашки, бросились к перилам. Анжелику окружила визжащая ватага. Старшие поднимали малышей, чтобы и они смогли полюбоваться необычным представлением.

Это действительно плавали кашалоты, которых она только что приняла за островки. Гигантские черные блестящие туловища появлялись и вновь исчезали в воде, увеличивающей и без того их чудовищные очертания. Вдруг мимо восторженной публики величественно проследовал кашалот огромной величины, увенчанный водяными струями, подобно гейзеру.

— Это кит Ионы, — закричал маленький мальчик, радостно топая ногами.

— Я хотела бы всегда жить на этом корабле, — произнесла мечтательно одна из девочек.

— И я хочу, чтобы мы никогда, не приставали к берегу, — подхватила ее подруга.

Анжелика, увлеченно следившая за игрой кашалотов, с изумлением прислушалась к разговору детей.

— Выходит, что вам нравится на «Голдсборо?»

— О, конечно! — хором ответили ребяташки.

Тогда она поинтересовалась мнением тех, кто постарше. Обычно скрытная Северина выступила вперед.

— Да, здесь нас оставили в покое. Нам больше не грозят ссылкой в монастырь. Нам не нужно изнывать от скуки над теологией, которую заставляет читать моя тетья. Здесь мы думаем, о чем хотим.

Девушка вздохнула с облегчением. Она чувствовала себя свободной. Бремя тоски и страха, угнетавшее ее с самого детства, спало с хрупких плеч, словно свинцовый плащ.

— И теперь мы не боимся, что попадем в тюрьму, — сказал Мартьяль.

С самого начала путешествия Анжелику удивляла выносливость детей. Они не были ни капризными, ни плаксивыми, как этого вполне можно было ожидать. Хорошее настроение быстро помогало им поправиться, когда они болели. Зато родители ныли и сетовали на резвость своих чад. Еще бы, ведь ребята знали, что избежали самого худшего. Более того, они никогда не пользовались такой свободой, как на этих нескольких метрах деревянного настила. Здесь не было школы, надоевшей классной доски и вечной Библии.

— Если бы наши родители позволили нам немножко полазить по вантам, было бы еще лучше, — сказал один из сыновей адвоката Каррера.

Но старшие вели себя более сдержанно. Вдруг Северина спросила:

— Госпожа Анжелика, правда ли, что Рескатор желает нам зла?

— Я не думаю...

Она положила руку на плечо девушки. Обращенное к ней юное лицо светилось верой и надеждой. Как и в Ла-Рошели, глядя на детей, Анжелика обретала душевный покой, их присутствие давало ей новый заряд бодрости. Помогая детям пережить выпавшие на их долю испытания, молодая женщина видела в этом смысл своего существования.

— Разве вы не помните, как он и его люди спасали вас от погони драгун короля?

— Да, но наши отцы и матери не знают, куда он нас везет.

— Ваши родители беспокоятся, потому что Рескатор и его люди резко отличаются от нас. Они говорят на другом языке, у них совершенно другие обычаи... Иногда бывает трудно поладить, когда нет ничего общего.

Тут слово взял рассудительный Мартьяль:

— Но ведь страна, куда мы направляемся, тоже отличается от нашей. И нам придется к ней привыкнуть. Мы плывем к другим небесам.

Маленький Иеремия, напоминающий Анжелике Шарля-Анри, тряхнув льяняными волосами, падавшими ему на глаза, закричал:

— Нас везут на Землю обетованную!

Анжелика почувствовала, как легко стало на душе. Отныне в ожесточенную борьбу человеческих страстей вступали и подобные хору ангелов чистые детские голоса.

— Мы плывем к Земле обетованной?

— Да, — решительно подтвердила она. — Да, мои дорогие, только вам открылась правда.

Она непринужденно обернулась и невольно вздрогнула, ибо он стоял на полуюте и как ей показалось, смотрел на них.

Глава 25. Великодушная женщина

Совсем другая женщина предстала перед ним, когда Жоффрей увидел Анжелику, оживленно разговаривающую с детьми, и это открытие заставило его задуматься.

В плаще с ниспадавшими длинными складками Анжелика казалась выше. Она сохранила горделивую осанку и в этих лохмотьях, к которым граф де Пейрак никак не мог привыкнуть. Он не мог не отметить, что простота одежды не лишала молодую женщину благородства, а, напротив, придавала загадочность ее облику. Она держала за руку свою рыжеволосую девочку. Если это правда, что ребенок был зачат при трагических обстоятельствах, то он должен был постоянно напоминать Анжелике о пережитом ужасе. Где же она черпала силы, чтобы улыбаться дочке и так пылко ее любить? Берне рассказал, что младший сын был убит на глазах у матери. Так вот какая судьба была уготована малютке дю Плесси де Бельер!..

Почему Анжелика была такой откровенной с протестантами и хранила молчание перед ним, ее мужем? Почему она не выложила ему все, как это сделали бы многие другие на ее месте? Рассказ о злоключениях послужил бы оправданием в его глазах. Она была слишком горда и не заговорила об этом. О, как же он упрекал ее! Не за то, что она стала совершенно иной, а за то, что это произошло без него. Да, он упрекал ее за самообладание, стойкость, за то, что тысячи опасностей и пережитые ужасные часы не оставили следов на ее безмятежно чистом лице. Неужели это та самая женщина, которая стояла перед Муль-Измаилом, пройдя сквозь голод, жажду и пытки?

«Что же я еще узнал? Что она повела своих вилланов против короля! И была клеймена королевской лилией. Как она может спокойно улыбаться там, среди детей, любясь играми кашалотов?.. Можно ли утверждать, что она не постарела? Какой же тогда стала она? Ни униженной, ни равнодушной ее не назовешь. Просто достойная женщина! Ведь я, черт побери, так и не смог разобраться в этой незнакомке. Я — со своей проницательностью! Как же снова завоевать ее любовь?»

Неожиданно он вспомнил слова Янсона: «Вы поработены этой женщиной!»

«Поработен! Все-таки поработен». Как он не догадывался, что неброское очарование Анжелики стало еще более могущественным.

Дьявольское ли это наваждение или божественный дар природы, но ее женское очарование было всесильно, и он, граф де Пейрак, нынешний Рескатор, оказался окруженным им вопреки своей воле. Он попался в расставленную им самим ловушку назойливых вопросов, на которые ответ дать могла только она и неукротимых желаний, удовлетворить которые могла только она.

Он самовольно воображал, что знает все об этом чудесном создании, не отказывая ей в праве идти своей дорогой. Он мысленно представил себе ее, скачущей на коне во главе мятежников... Он видел ее трепещущей, подобно раненой птице, преследуемой королевскими ищейками... Здесь начиналась тайна, которая, возможно, никогда ему не откроется. Его приводила в негодование мысль, что эта невероятная способность перерождаться и есть женское начало.

Испытанная им ревность при виде ее, готовой к самопожертвованию ради друзей, бросившей из-за этого на произвол судьбы собственную дочь, которую позже с такой нежностью прижимала к груди, и потом, когда она, взволнованная, стоя на коленях у ложа раненого протестанта, нежно прикоснулась рукой к его обнаженному плечу, была неизмеримо сильнее страданий, которые пришлось бы пережить ему, застань он бывшую жену в объятиях любовника.

По крайней мере, он презирал бы ее и знал, чего она стоит. И относился бы к ней так, как она того заслуживала.

Что придавало красоте Анжелики, созревшей и словно воспламененной солнцем в зените ее жизни, это нежное и пылкое сияние, вызывающее желание спрятать буйную голову, лицо на ее груди, слушая ласковое журчание ее голоса? Слабость, которой он так редко поддавался... Почему именно она, эта амазонка, чувственная в дерзкая, бесстыдно обманувшая его, смогла возбудить в нем эти чувства? Только когда солнце исчезало за горизонтом, Жоффрей де Пейрак, к своему большому удивлению неожиданно нашел ключ к разгадке мучившей его тайны:

— Да, она исполнена великодушия! — сказал он себе.

Это было подобно миражу. Ночь окутала корабль густой завесой. Дети покинули «арену» представления, и было слышно, как они топают по лестнице, спускаясь на нижнюю палубу.

Застыв у борта, Анжелика смотрела вдаль. Но он был уверен, что под покровом темноты она смотрит на него.

«Она великодушна. Она добра. А я в своей злобе расставлял ей сети, но она, слава Богу, не попала в них... Потому она и не обвиняла меня в своих несчастьях. Она скорее готова была страдать от моих

несправедливых слов, чем бросить мне, отцу, в лицо страшное обвинение в смерти нашего мальчика — Кантора...»

Глава 26. Кантор

Редкая тишина царила на море. Это безмятежное спокойствие настроило Жоффрея де Пейрака на мечтательный лад. Перебирая в памяти события прошлого, он вновь пережил драматический эпизод у мыса Массеро. В каком изумлении были бы все, узнав, что разгром французской эскадры, вызвавший такое волнение при дворах Европы, был предрешен присутствием в свите адмирала де Вивона маленького пажа девяти лет от роду!

Когда Рескатор встретил неподалеку от Сицилии французские корабли, его власть на Средиземном море уже была безраздельной. У изувеченного опального графа были повсюду помощники и союзники. Хотя он занимался коммерческими делами, судно его было оснащено, как военный корабль. Сражаться с противником приходилось довольно часто. К своему величайшему сожалению Рескатору приходилось наносить ответные удары при нападении мальтийских рыцарей, которые считали этого корсара в маске заурядным бродягой, состоящим на службе у Великого султана Константинополя. И у них было достаточно оснований для того. Служить надо или Кресту, или Полумесяцу — третьего не дано.

На сей раз Рескатору удалось узнать, что, выходя в море, эскадра под командованием герцога де Вивона преследовала карательные цели. Одним из главных объектов уничтожения был он сам. Экспедицию направил Людовик XIV, недовольный деятельностью Рескатора, поставившего под угрозу несколько французских предприятий, процветавших на поставке на Ближний Восток низкопробных промышленных товаров, не имевших сбыта во Франции.

Жоффрей де Пейрак приказал своим шпионам разузнать до малейших подробностей маршрут королевской эскадры, а также по возможности достать полные списки находящихся на борту людей.

Просматривая список свиты адмирала герцога де Вивона, он наткнулся на имя Кантора де Мирамона пажа, заставившее его задуматься. Кантор! Не был ли это его сын, родившийся после мнимой казни отца, о существовании которого Жоффрей узнал из полученного в Канди письма священника? В те времена он иногда задавался вопросом, кого же ожидала Анжелика: мальчика или девочку? Родился мальчик. Но тогда уже эта новость не слишком привлекла его внимание, поскольку было другое, ошеломившее его, — известие о повторном браке Анжелики.

Но теперь ему не давало покоя это неожиданно возникшее имя — Кантор де Мирамон... Он оставил все дела ради этого внезапно возникшего сына. И получил новые сведения, которые рассеяли все его сомнения. Ребенку, пасынку маршала дю Плесси де Бельер, было девять лет.

Первым побуждением Рескатора было ускользнуть от воинственных замыслов адмирала де Вивона. Получив предупреждение, он хотел укрыться возле Крита, чтобы выждать удобный момент, когда эскадра закончит патрулирование, убедившись в невозможности его настичь. Но появление маленького Кантора изменило его планы. Море посылало ему сына. С каждым днем, с каждым часом росло желание встретиться с этим живым воплощением его счастливого прошлого. Сыном его и Анжелики, зачатым в одну из тех безумных, восхитительных тулузских ночей, о которых граф де Пейрак до сих пор не мог вспоминать без тоски. Незадолго до его отъезда в Сен-Жан-де-Люэ, где он был тайно арестован ищейками короля, новая жизнь начала биться под сердцем Анжелики. В лоне ее нежного тела, так часто волновавшего его воображение.

Увидеть своего сына, рожденного от их утраченной любви! И, конечно, забрать с собой. Тут уж он проявил железную волю. Его особенно злило то, что ребенку дали имя Мирамона как пасынку дю Плесси, а не Пейрака — великого сеньора Аквитании.

Рескатор тотчас отдал приказ сниматься с якоря. Вскоре его корабль находился в поле зрения французской эскадры. Он хотел договориться, предложив обмен. Но адмирал де Вивон, узнав, что пират, которого он должен был в любом случае уничтожить, подошел так близко, отдал приказ выбросить его посланца за борт и ответить залпом из всех орудий.

Захваченный врасплох этими решительными действиями, Рескатор пережил неприятные минуты. Кроме того, он вынужден был вступить в бой. К счастью, тяжелые галеры маневрировали, как груженые булыжником калоши. На одной из них находился Кантор. Жоффрей де Пейрак постарался отбить судно от остальных кораблей эскадры, но в разгар битвы ему, был нанесен удар. Зная, с какой быстротой галера, словно камень, может исчезнуть в волнах, капитан, послал самых преданных янычаров на абордаж, чтобы те во что бы то ни стало нашли ребенка среди сгрудившихся на корме людей...

Наконец Абдулла принес мальчика де Пейраку. Когда его слабый чистый голосок произнес «Отец, отец мой!», Жоффрею показалось, что он заглушил грохот боя.

Этот малыш на его руках не испытывал ни малейшего страха ни перед смертью, которой ему удалось избежать, ни перед окружавшими его

мрачными фигурами янычар в белых бурнусах с кривыми саблями. Он смело посмотрел в замаскированное лицо главаря пиратов своими зеленоватыми, как ключевая вода, глазами и повторил: «Отец мой!» Как же было не ответить на этот зов?

— Сын мой!

Так появился у Рескатора маленький друг, немного стеснительный, тихий Кантор, очарованный морем. Похоже, что он нисколько не сожалел о своей прошлой жизни» Но де Пейрак вскоре, заметил, что милый ребенок был очень скрытным, и ему не хотелось мучить его расспросами. Отца удерживал страх. Страх узнать от него слишком много и разбередить едва затянувшиеся раны.

Однажды Кантор вдруг вспомнил о своей покинутой семье, заявив не без гордости:

— Моя мать — фаворитка короля Франции. А если еще нет, то скоро будет ею. — И добавил простодушно. — Это правильно, она — самая красивая женщина королевства!

Получив этот удар в спину, Жоффрей де Пейрак предоставил ребенку свободу в выборе своих воспоминаний. Так из обрывков его воспоминаний воображение графа рисовало любопытные картины: Анжелика в роскошных нарядах, доблестный Флоримон, равнодушный придворный — маршал дю Плесси де Бельер, завоевавший привязанность Кантора, королева и дофин, вызывавшие у него, как это ни странно, чувство сострадания.

Кантор перебирал в памяти все платья, которые носила мать, и подробно описывал их так же, как и ее драгоценности. В рассказах маленького пажа перемешивались мрачные истории о преступлениях, совершавшихся в темных дворцовых коридорах, адюльтерах и грязных интригах. Это, казалось, никого не волновало. Придворные пажи познавали жизнь возле шлейфов сиятельных особ, которые они поддерживали, и те уделяли им внимания не больше, чем комнатным собачкам.

Кантор, между прочим, признался, что на море ему нравится больше, чем в Версале. Именно поэтому он решил найти отца. Флоримон тоже придет... Наконец к ним сможет присоединиться и мать.

Так в представлении графа вырисовывался образ легкомысленной женщины, равнодушной к судьбе своих сыновей. Однажды вечером он решился задать мальчику вопрос, давно волновавший его.

Дней во время стычки с алжирским бардером, Кантор был ранен осколком картечи в ногу, и, хотя лежавший на постели мальчуган сиял от гордости, ибо, как у всякого настоящего дворянина, воинственный дух был

у него в крови, встревоженный отец обрушился на него с упреками. Не слишком ли нал Кантор для полной опасности жизни среди суровых жестоких людей?

— А ты не скучаешь без матери, малыш?

Кантор посмотрел на него с удивлением. Затем его лицо вдруг нахмурилось, и он заговорил о том, что называл, непонятно почему, «когда мы влипли».

— Когда мы влипли, мама часто сажала нас на колени. Она приносила нам пончики... По воскресеньям поваренок Давид брал меня на плечи и мы шли в Сосери пить белое вино... Не мы, конечно, потому что мы были слишком маленькие, а мэтр Бурже и моя мать. Тогда мне было очень хорошо. Но позже, когда мы очутились в отеле дю Ботрен, матери пришлось показываться при дворе, и нам тоже... тогда уже ничего нельзя было поделать: наше «когда мы влипли» закончилось.

Так Жоффрей де Пейрак узнал, что Анжелика жила в отделе дю Ботрен, который он построил для нее. Как ей снова удалось получить его в свое владение? Кантор этого не знал.

По-видимому, теперешняя жизнь вполне удовлетворяла мальчика, и он не склонен был часто предаваться воспоминаниям. Жоффрей де Пейрак с волнением обнаружил у сына врожденные способности к музыке и пению. Тогда и сам Жоффрей, чей голос был мертв, снова обрел вкус к игре на гитаре. Он сочинял для Кантора баллады, показывая ему различные вариации восточных мелодий.

Постепенно у отца созрело решение поместить сына в одну из итальянских школ в Венеции или, что еще лучше, в Палермо: остров Сицилия давно стал местом пристанища корсаров — людей без роду и племени.

Кантор мог поспорить в невежестве с осленком. Он едва умел читать и писать, считал и того хуже. И если придворная жизнь, а затем скитания по людям в окружении пиратов сделали из него славного молодца, отлично владеющего шпагой, знавшего, как ставить паруса, а при случае блеснуть изысканными манерами, то его широко образованному отцу подобное невежество казалось недопустимым.

Мальчика нельзя было назвать ленивым. Наоборот, он был очень любознательным. Но его бывшие учителя не сумели пробудить в нем интереса к знаниям. Без особых колебаний он согласился стать пансионером в доме иезуитов в Палермо, который славился как центр культуры. Была еще одна причина, побудившая Рескатора поместить своего сына в надежное убежище и на некоторое время расстаться с ним.

Рано или поздно Кантор мог стать жертвой окружавших его отца бесчисленных опасностей. Графу де Пейраку надо было поставить на колени своих главных противников, а для этого провести, как с помощью военной силы, так и путем дипломатических переговоров, одну из последних кампаний.

Когда он заходил в Тунис, разве не пытались похитить Кантора слуги алжирского адмирала, этого обезумевшего от мании величия вояки, мечтавшего отомстить Рескатору за потерю своих провинций на Средиземном море? Если бы ему удалось осуществить задуманное, Рескатор оказался бы в безвыходном положении. Чем бы он тогда ни пожертвовал, чтобы вернуть невредимым горячо любимого сына!

Кантор очаровал отца своим северным темпераментом: немногословный, в противоположность жителям юга Франции, откуда был родом его отец, рассудительный и умеющий за себя постоять, он не позволял графу де Пейраку льстить себя надеждой узнать его помыслы, угадать его поступки. Жоффрей особенно ценил в своем младшем сыне унаследованный от него дар предвидения. Мальчик предсказывал будущие события с легкостью, словно ему это было хорошо известно. Он, без сомнения, не отличал фантазию от действительности.

Не сгладят ли, не обезличат ли занятия в иезуитской школе все нюансы этого своеобразного детского характера? Надо надеяться, что сохранить его поможет музыка и та особая атмосфера, что царит в Палермо. К тому же, мальчика будет убаюкивать голубое море и ревниво оберегать верный Куасси-Ба.

Глава 27. Бойня в Менкесе

То, что не удалось алжирскому адмиралу с сыном Рескатора, имело успех с его бывшей женой, когда она после бегства с Крита покинула Мальту. Жофfrey де Пейрак был совершенно потрясен, узнав, что Анжелика, неизвестно зачем появившаяся на Средиземном море, попала в руки его злейшего врага. Одновременно пришло известие, что ее видели на Мальте, и, немного успокоившись, он отправился на поиски беглянки.

Так Жофfrey де Пейрак оказался в Алжире, представ перед адмиралом Меццо-Морте. Он прекрасно знал, что пойдет на все, что потребует от него этот негодяй. Меццо-Морте удалось проникнуть неизвестно какими путями — в тайну, которой Рескатор ни с кем не делился: Анжелика была его христианской супругой и поэтому тот пожертвует всем, чтобы выволить ее из плена.

Из-за женщины этот грозный повелитель морей должен был унижаться перед недостойным циничным человеком. Но эта женщина была его жена, его Анжелика. Отказавшись от нее, он обречет ее на ужасную смерть.

«Я пришлю тебе, мой дорогой друг, — говорил Меццо-Морте, — один из ее пальчиков. Я пришлю тебе локон ее волос... В роскошном ларчике — один из ее зеленых глазиков...»

Внешне невозмутимый Жофfrey де Пейрак лукавил, прилагая все свои актерские способности с этим презренным негодяем, который, будучи итальянцем, тоже знал толк в жестоких играх.

Вместе с опасением за судьбу Анжелики в нем боролась неистовая злоба против нее. Проклятое создание! Ей, видите ли, не сидится на месте! После того, как она ускользнула от него на Крите, женщина не нашла ничего лучшего, чем очертя голову, броситься в грубую ловушку Меццо-Морте. О, уж наверняка не от нее унаследовал дар предвидения их младший сын!

Как она не узнала его в Канди, не почувствовала, что это он? Без сомнения, она была слишком занята другой любовью, вслед за которой и погналась. Поэтому, обдумав все возможности для ее спасения, он дал себе слово хорошенько проучить беглянку, как только она снова будет рядом.

Рескатор был готов пожертвовать своей жизнью из-за нее. Меццо-Морте требовал, чтобы он посторонился, уступив ему господство на Средиземном море. По его мнению, можно было заняться привычным

делом — грабить, жечь, опустошать, торговать рабами...

Жофfrey де Пейрак попытался сыграть на его алчности. Он предложил Меццо-Морте такие сделки, которые принесли бы тому стократную прибыль по сравнению с тем, что он получал, бросаясь грабить торговые и военные корабли христиан. Но негодяю этого было мало. Он хотел стать полновластным хозяином морей. Перед бреднями этого безумца рассеивались и теряли всякий смысл такие понятия, как рассудительность или заинтересованность.

Меццо-Морте предусмотрел даже то, что Рескатор прежде, чем свяжет себя обязательством с ним, мог узнать, что он сделал с Анжеликой и где она находится. Из подслушанного разговора граф де Пейрак узнал, что зеленоглазая пленница была подарена султану Муль-Измаилу.

«Мой лучший друг, разве это не лестно? — ухмылялся Меццо-Морте. — Но берегись! Если покинешь Алжир, не дав слова предоставить мне свободу действий, ты не увидишь ее больше живой! Один из моих слуг проник в марокканскую охрану. Стоит только послать ему весточку, и он убьет ее в ту же ночь».

Жофfrey де Пейрак в конце концов вынужден был согласиться на его требования. Пусть будет так, он покинет Средиземное море! Он не обсуждал, на какое время, и утаил, что намеревался курсировать на широте Марокко и Испании, поддерживая там связь со своими «рескаторами» до тех пор, пока могущество адмирала не было бы, в свою очередь, сломлено.

В радости Меццо-Морте, праздновавшего победу, на которую он уже и не рассчитывал, было что-то детское. Все обошлось гораздо лучше, и ему не пришлось для устранения противника прибегнуть к убийству. Нельзя сказать, что он не пытался этого сделать, но неоднократные безуспешные попытки вселили в него суеверное благоговение перед таинственным «барака» чародея. А кроме того, он боялся прогневать султана Константинополя, который не замедлил бы узнать, кто отнял у него тайного советника и министра финансов.

Получив возможность беспрепятственно покинуть Алжир, Рескатор поплыл к Геркулесовым столбам, рассчитывая проскользнуть без особых трудностей мимо испанских пушек в Сеуту. Таким образом, он хотел достичь Сале, а затем и Мекнеса.

Настроение у него было подавленное. Образ Анжелики, отданной во власть похотливого и жестокого Измаила, стоял у него перед глазами.

Де Пейрак в гневе посылал проклятия то в адрес Меццо-Морте, те Анжелики. Но ей не мог отказаться от решения идти ей на помощь. Как раз тогда он неожиданно получил известие от Фераджи, где говорилось:

«Поспеши, женщина, предназначенная тебе звездами, находится в опасности...»

На этом месте Жоффрею де Пейраку пришлось вернуться из воспоминаний в каюту «Голдсборо». Резкая качка заставила его встать. Он произнес вполголоса:

— Шторм...

Шторм, который предвещало на закате солнца небо, приближался, посылая первого вестника. Он стоял, широко расставив ноги, чтобы удерживать равновесие, и думал о прошлом, залитом ослепительным кроваво-красным солнцем.

«Поспеши — женщина, предназначенная тебе звездами, находится в опасности...»

Итак, соединявшая их нить натягивалась. В Мекнесе, к аромату благоухающих роз примешивался ужасный запах мертвых. Все иудеи, от грудных детей до столетних стариков, были изрублены черной гвардией султана. В городе ходили слухи о бегстве семьи невольников-христиан, а с ними и одной из женщин гарема.

— Мой друг, какая женщина! — рассказывал ему Измаил, в расширенных глазах которого горело какое-то мистическое восхищение. — Уж, поверь мне! Она пыталась меня зарезать! Вот это искусство! Увы, недоступное для моей огрубевшей души. Она не поддалась и пыткам. Я помиловал ее, потому что она действительно была прекрасна и мой великий евнух настоятельно советовал мне это сделать. Но какую отраву смогла она дать этому неподкупному? Ибо он, такой сильный и мудрый, проявил слабость по отношению к ней. И ей удалось бежать. Эта женщина — суций дьявол.

Вряд ли ему нужно было называть имя этой женщины. Жоффрей де Пейрак узнал сразу. Ему было понятно восхищение, охватившее султана:

— Да, мой друг, какая женщина!

Он объяснил Муль-Измаилу, что эта женщина во Франции была его женой, и что он, узнав, в чьих руках она находится, прибыл, чтобы выкупить ее. Муль-Измаил возблагодарил Аллаха за то, что бешеный характер Анжелики не позволил ему нанести лучшему другу непоправимый удар, тем более что ревностному мусульманину не подобает любить женщину, чей муж еще жив.

Он вернет ее и потребует выкупа. Таков закон Корана. Султан надеялся, что ее легко будет поймать. Его посланцы, брошенные во все концы, получили приказ: бежавших мужчин прикончить на месте, а женщину доставить живой и невредимой.

Наконец Муль-Измаилу были доставлены отрубленные головы беглецов. Султан сред заметил, что не хватает головы Колена Патюреля. Солдаты рассказали, что поведали перед смертью христиане. Когда их захватили, женщины среди них уже не было. Задолго до того она умерла, от укуса змеи. Спутники похоронили ее в пустыне.

Муль-Измаил рвал на себе одежды. Его гнев смешивался с сожалением о невозможности оказать честь другу, которого он глубоко уважал. Интуитивно Измаил почувствовал, каким это было горем для него.

— Если хочешь, я прикажу убить их, — сказал он Жоффрею де Пейраку. — Этих тупых стражей, которые не смогли догнать ее, пока она была жива, которые позволили ей убежать... Один твой знак — и их головы слетят.

Графу де Пейраку сжало горло от отвращения. В этих хоробах, где тянуло затхлым запахом пожарищ и бойни, было трудно дышать.

Вся обреченность его дальнейших планов, замыслов, даже его чувств неожиданно открылась перед ним. Какая нелепость! Его призыв к ней остался неслышанным в этом мире, где столкнувшиеся лицом к лицу христианин и мусульманин повиновались только Богу.

Решено, он уедет! Он покинет Средиземное море не столько из-за того, что он был связан обязательством перед Меццо-Морте, сколько из-за появившегося чувства отчужденности к тем, кто долгие годы помогал ему вернуться» к жизни.

Он заберет Кантора и возьмет курс на запад к новым материкам. Отказываясь от своего сказочного состояния, он оставит этот кипящий котел, где противоборствуют два мира, движимые одинаковым религиозным фанатизмом, сделавшим их, в конце концов, похожими друг на друга в излишестве и нетерпимости. Ему надоела эта борьба, бесплодность которой была очевидна. Он удержался от искушения броситься в пустыню на поиски затерянной могилы. Безрассудство, которое не принесло бы ничего, Кроме страданий. Убедиться в ее смерти? Чтобы отыскать ее прах, может не хватить и жизни.

Суэта сует. Невольники, бежавшие с ней, убиты. А она сама казалась растворившейся в беспредельности жестокого солнца, которое ослепляет разум и порождает миражи. Все его помыслы, направленные на то, чтобы догнать ее, всегда наталкивались на этот мифический образ, неясную мечту, в которую она для него воплотилась.

Встретившись с сыном в Палермо, Жоффрей де Пейрак благодарил Небо, оставившее ему, по крайней мере, их ребенка, чье присутствие отвлекало его от мучительных душевных страданий.

Когда они прошли Гибралтарский пролив и взяли курс на Америку, Рескатор был поглощен только кораблем и экипажем, вернее, той его частью, которая захотела вновь испытать судьбу. Сборищем человеческих отбросов назвали бы их с презрением рошельские буржуа... Конечно! Но он-то знал все об этих обездоленных людях. Знал, что заставило их, как и его, скитаться по дорогам мира. Хозяин оставил только тех, кто скорее согласился бы спать у его ног, чем снова оказаться со своими тощими пожитками на берегу среди враждебно настроенных людей. Ибо им некуда было больше идти. Их удерживал страх перед рабством и галерами, страх попасть к другому капитану, грубому и жадному до наживы, от которого пришлось бы бежать куда глаза глядят или наделать глупостей, за которые пришлось бы дорого заплатить.

Под напускной грубостью этих угрюмых созданий скрывались чуткие сердца. Они глубоко уважали своего господина, несмотря на то, что он обращался с ними строго. Рескатор никогда не обманывал их, посвящая в цели намеченных экспедиций. Покидая Средиземное море, он не скрывал от экипажа, что оставляет здесь и все свое богатство. Для него все должно было начаться заново. Люди согласились пойти на такой риск. Впрочем, уже очень скоро он смог наградить их за преданность.

Граф взял с собой целую команду водолазов. Снарядив их всем необходимым, он исколесил вдоль и поперек Карибское море, отыскивая на дне сокровища испанских талионов, потопленных в этих широтах флибустьерами, господствовавшими здесь более ста лет назад.

Это необычное предприятие, в которое он сам вложил немало сил и умения, не замедлило принести несметные богатства. Он добился соглашения с пиратами острова Ла-Торгуга, и как испанцы, так и англичане, вроде небезызвестного капитана Фипса, получив от него по нескольку самых редких монет со дна моря, оставили его корабль в покое.

Теперь он мечтал найти под покровом водорослей шедевры искусства инков или ацтеков, удовлетворив свою страсть к прекрасному.

Постепенно он избавился от чувства потери. Анжелика... Он не увидит ее больше? Та страсть, с какой он жаждал вернуть ее, угасла в нем с ее смертью, которая стала логическим завершением безрассудных поступков.

Анжелика отважилась на такой шаг, какой не рискнула бы сделать ни одна пленница-христианка. Он не мог забыть, что она не уступила Мульт-Измаилу и гордо перенесла пытки. Безумная!

«Женщинам вовсе не требуется быть героинями», — говорил он себе в отчаянии. Если бы она была жива, если бы он мог еще обнять ее нежное и чувственное тело, увидеть блеск ее глаз, как тогда на Крите, он забыл бы о

ее неверности, он бы все ей простил! Только бы обладать ею в сладострастном миге, у которого не было вчера и не будет завтра, и не видеть больше перед глазами этой страшной картины — ее прекрасное тело, иссушенное песком, незащищенное под равнодушным солнцем пустыни...

«Дорогая моя, как я тебя любил!»

Порыв ветра усилился, задрезали стекла.

«Моя дорогая, я любил тебя, я оплакивал тебя... А когда вновь нашел среди живых, не смог открыть тебе свои объятия».

Так уж создан человек! Сначала он мучительно страдает, потом медленно исцеляется, теряя ясность ума, которую придавала ему боль. Жизнь бьет в нем ключом, он спешит вернуться в мир иллюзий, мелких опасений, разрушительного злопамятства.

Вместо того, чтобы встретиться с распростертыми объятиями, он стал думать о потерянных годах, ребенке, который был зачат от другого, о короле, чужих губах, целовавших ее... Он сразу решил вести себя так, будто перед ним незнакомка. Но именно эту незнакомку он сейчас и любил.

Ему не давали покоя вопросы, которые задает себе мужчина, когда пытается сделать своей деланную женщину. «Ответят ли ее губы, когда я буду их искать? Как она будет вести себя, когда я попытаюсь обнять ее? Ее сокровенные мысли скрыты от меня... Кто же ты? Что сделали с этим прекрасным телом, отныне так ревниво спрятанным под грубыми одеждами?»

Он грезил о ее струящихся по плечам волосах, влажном блеске зеленых глаз, зовущих его. Разве он не в силах смягчить ее?

«Ты моя, и я заставлю тебя слышать это!»

Но надо все правильно рассчитать. Нелегко найти уязвимое место у женщины, закаленной в таком огне. Но он добьется ее! Он разобьет ее защиту, откроет одну за другой окутывающие ее тайны так же легко, как он снимет ее одежды.

Ураганный ветер не давал открыть дверь. Выбравшись из каюты, он остановился на минуту во мраке дикой ночи, всыпаемый брызгами.

«Кто же ты такой, граф де Пейрак, что уступил свою жену другому даже без борьбы? Только бы укротить эту проклятую бурю, а тогда мы изменим нашу тактику, мадам де Пейрак!»

Глава 28. Ночь любви после бури

Над пассажирами, в панике метавшимися по трюму, пронесся крик:

— Палуба проваливается!

Это было похоже на кошмарный сон. Угрожающий; треск дерева над их головами заглушил на время все остальные звуки: грохот волн, свист ветра, возгласы отчаяния...

Тщетно пытаясь удержаться, Анжелика покатила по вздыбленному полу. Ухватившись за пушечный лафет, она тут же поднялась и бросилась назад, охваченная ужасом при мысли, что с малюткой Онориной случится несчастье в этой страшной суতোлке. Где ее искать? Стоны и крики неслись со всех сторон. Ее осыпало брызгами прорвавшейся сверху струи соленой воды.

— Господи, спаси нас и помилуй! Мы погибаем! — взывал чей-то женский голос.

Анжелика оцарапала руку о какой-то предмет. Это оказалась одна из погасших ламп, сброшенных качкой на пол. Но она не была разбита. «Надо зажечь ее», — мелькнуло у Анжелики. Присев на корточки, она ощупью нашла отверстие в лампе, затем еще теплую свечку, а в боковом ящичке — запасное огниво. После нескольких неудачных попыток лампа загорелась. В трепещущих красноватых отблесках появилось нагромождение человеческих тел, одежды и вещей, которые перекатывались из стороны в сторону. Наверху виднелась зияющая пробоина, оцетинившаяся обломками дерева, через которую хлестала вода.

— Сюда! — закричала Анжелика. — Опора фок-мачты пробила потолок, нашего убежища!

Первым возник из темноты Маниголь. Он пристроился под надломленными балками и с достойной Голиафа силой стал прижимать их кверху. Берне, Марселе и еще трое наиболее крепких мужчин поспешили на помощь.

Они стояли, подобно титанам, удерживающим земную твердь, стараясь уменьшить пробоину и не дать балкам провалиться внутрь. Воды теперь стало проникать меньше. По напряженным лицам мужчин градом стекал пот.

— Надо бы... плотников, — прохрипел Маниголь. — Пусть они придут... с лесом и инструментами... Если смогут укрепить мачту... пробоина не увеличится.

Пробравшись сквозь потоки воды, Анжелика нашла Онорину. Каким-то чудом малышка осталась в гамаке, который был прочно закреплен и повторял все кульбиты, описываемые «Голдсборо». Хотя девочка и не спала, она, казалось, не была очень напугана.

Анжелика повернула лампу, и ее глазам открылась картина, достойная пера Данте: Маниголь и его товарищи подпирали своими плечами огромные балки. Долго ли они смогут так продержаться? Увидев Анжелику, Маниголь закричал:

— Плотников! Пойдите за ними!..

— Но ведь дверь заперта!

— О, проклятие! Они заперли нас и оставили подыхать, как крыс в норе. Пройдите через стойла, — он задыхался, — там есть люк.

Анжелика поняла, что он имел в виду люк, которым, очевидно, пользовались матросы, появившиеся тогда позади нее и тетушки Анны. Она передала лампу стоявшему рядом Мартьялю.

— Крепко держи ее и сам не упади, — приказала она. — Пока горит свет, они будут стоять непоколебимо. Я попытаюсь предупредить команду об угрожающей нам опасности.

Она поползла на коленях, нашла задвижку люка и проскользнула, в темную дыру. Спустившись по ступенькам, женщина пошла по коридору, непрерывно натываясь на переборки. Когда Анжелика добралась до палубы, все ее тело болело от ударов. Здесь же творилось что-то непередаваемое.

Как могли люди оставаться на верхней палубе, когда через нее непрерывно перекатывались громадные волны? Как им удавалось удерживаться на вантах и реях, когда ураган мог в любую секунду сорвать и унести их?

Однако при отблеске молний Анжелика различила двигающиеся взад и вперед человеческие фигуры: матросы пытались исправить разрушения, наносимые волнами. Молодая женщина бесстрашно двинулась вперед, цепляясь за висевшие вдоль стен канаты. Она знала, что Жоффрей управляет кораблем на полуюте, и она должна любой ценой добраться туда. Желание быть с ним рядом овладело всем ее существом. Она из последних сил пробиралась к мужу во мраке, словно преодолевая долгие годы, разделявшие их.

«Умереть вместе с ним... Хоть этого добиться от судьбы!»

Наконец, она заметила его, словно застывшего среди окружающего безумства.

«Он умер, — промелькнуло у нее в голове. — Он умер, здесь, за

штурвалом, пораженный неожиданным ударом!»

Неужели он не отдавал себе отчета в том, что они все погибнут? Никакая человеческая сила не в состоянии была противостоять ярости урагана. Еще одна — две волны... и все будет кончено.

Она подползла к Рескатору, обхватив его ногу в кожаном сапоге, который словно прирос к полу. Затем, преодолевая себя, распрямилась, уцепившись обеими руками за его широкий пояс. Граф де Пейрак стоял, не шелохнувшись, как каменная статуя. Но при очередной вспышке молнии он наклонил голову, чтобы посмотреть, кто это держится за него. Он вздрогнул, и Анжелика скорее угадала, чем поняла его вопрос.

— Что вы здесь делаете?

— Плотников!.. Скорее... нижняя палуба пробита!

Услышал ли Жоффрей ее? Ему нельзя было выпускать штурвал из рук. Он согнулся под ударом новой волны, перепрыгнувшей, словно бешеный зверь, через высокую ограду полуюта.

Когда Анжелика, ощущая во рту горечь от попавшей ей в лицо соленой воды, перевела дыхание, она увидела рядом с Рескатором капитана Янсона. Спустя минуту тот подошел к перилам и отдал через рупор какие-то распоряжения.

Новая молния осветила лицо Жоффрея, склонившегося к Анжелике с ободряющей улыбкой:

— Все идет хорошо. Еще немного терпения и будет конец.

— Конец?

— Да, конец бури.

Анжелика подняла глаза, застыв в изумлении: прямо перед ней поднималась белоснежная гирлянда, словно разраставшаяся вширь под действием стихийной потусторонней силы. Она расстилалась по небу, заполняя всю ночь. Женщина задрожала от ужаса.

— Там!.. Там!.. — закричала она не своим голосом. Жоффрей де Пейрак видел все. Он знал, что эта повисшая в воздухе белая полоса была ничем иным, как пенным гребнем чудовищной волны, готовой обрушиться на них.

«Последняя!» — мелькнуло у него.

Соревнуясь с надвигающейся громадой, он отчаянным усилием повернул штурвал влево до отказа и закрепил его.

— Всем на левый борт! — проревел Янсон. Рескатор бросился назад. Одной рукой он прижал к себе Анжелику, другой ухватился за бизань-мачту.

Гигантский поток воды хлынул на них. Гонимый с

головокружительной силой «Голдсборо» был словно игрушка в смертельных объятиях волны. Когда судно пронеслось через кипящий гребень, он перевернулся на другой борт и стремительно покатился вниз по склону в бездонную пучину.

Анжелике казалось, что заливавший их ливень никогда не прекратится. Единственной реальностью, воспринимаемой ее сознанием, была обхватившая ее железная рука Жоффрея. Она попыталась вздохнуть, но захлебнулась отвратительной соленой водой. «Наверное, мы уже на дне моря, — пронеслось у нее в голове, — связанные на веки вечные». И удивительный покой заполнял ее сердце.

«Самое большое счастье... вот оно. Наконец...

Анжелика не потеряла сознания, но под неистовыми ударами бушующих волн не могла понять, что море перестало катать корабль, словно гальку, и что вокруг снова воцаряется покой.

Каюта Рескатора была чудесным тихим убежищем, и Анжелика с трудом соображала, как она оказалась здесь.

«Мне надо подняться и отправиться вниз... Плотники... Пришли, ли они вовремя, чтобы предотвратить катастрофу?»

Вдруг она заметила, что в каюте находится мужчина, энергично растирающий свое обнаженное тело, нетерпеливо встряхивая при этом густой шевелюрой. На нем были облегающие кожаные штаны до колен, подчеркивающие стройность его фигуры.

Свет большой лампы — Анжелика не заметила, когда она зажглась — оттенял необычную рельефность мужественного тела, на котором рубцы и шрамы в «воем хаотическом беспорядке оттеняли гармоничность могучих мускулов.

— Ну-с, маленькая госпожа, вы уже пришли в себя? — раздался голос Жоффрея де Ширака.

Он еще несколько раз потер плечи, отбросил полотенце и подошел к Анжелике. Никогда он не был так похож на пирата, как в эту минуту, стоящий перед ней с обнаженным закаленным телом и саркастическим блеском в глазах под черными густыми прядями волос.

— Ах, это вы?.. — проговорила она.

— Ну, да... на мне сухой нитки не было. И вам тоже давно пора снять это мокрое тряпье. Что вы думаете о буре в окрестностях Новой Шотландии? Великолепно, не правда ли? Никакого сравнения с жалкими бурями в стакане воды на Средиземном море.

Он засмеялся. Это так возмутило Анжелику, что ей удалось, несмотря на свинцовую тяжесть мокрой одежды, быстро встать.

— Вы смеетесь! — гневно воскликнула Анжелика. — Любая буря вас только смешит, Жоффрей де Пейрак. Попытки вас тоже рассмешили. Вы распевали на паперти Нотр-Дам... Что вам до моих слез? Велика беда, если я умираю от ужаса перед бурями... без вас...

Ее губы дрожали. Неужели она, неукротимая, плачет? Он протянул к ней руку и привлек к своей теплой груди.

— Успокойтесь, маленькая госпожа! Не начинайте нервничать снова! Опасность миновала. Буря прошла.

— Но она дернется!

— Может быть. И мы снова победим ее. Неужели вы так мало верите в мои способности капитана?

— Вы совсем от меня отказались, — промолвила она, не обращая внимания на его вопрос.

Его прохладные ладони, которые она робко пыталась удержать, проникли в складки ее одежды и прикоснулись к коже. Это было, как во сне. Она обхватила руками его могучие плечи и их губы потянулись друг к другу... Но что если он видит в ней только доступную любовницу, промелькнуло у Анжелики, и она резким движением вырвалась из объятий Жоффрея. Он предупредил ее попытку броситься к двери.

— Оставайтесь!

Анжелика вопросительно глянула на него.

— Там внизу все в порядке. Плотники пришли вовремя. Пришлось пожертвовать фок-мачтой, но потолок уже починен и воду вычерпали. Что касается вашей дочери, то я оставил ее на попечение очень преданной няньки — сицилийца Термини, которого она обожает.

Он нежно коснулся рукой ее щеки и привлек к своему плечу.

— Оставайтесь... Ведь вам никто не нужен, кроме меня...

Анжелика дрожала всем телом, пораженная этой внезапной лаской, она не могла поверить в реальность происходящего. Он обнимал ее!

Водоворот противоречивых ощущений закружил ее, как только что миновавшая буря.

— Но, — воскликнула она, — это невозможно! Вы меня больше не любите. Вы презираете меня! Вы считаете меня безобразной!..

— Bravo! Как вам это к лицу, моя красавица, — сказал он, смеясь. — Неужели я так задел вас своим невниманием?

Он стал рассматривать ее со своей обычной иронической улыбкой, но в его черных сверкающих глазах она прочла и грусть, и нежность, и разгоревшийся огонь...

Анжелика слегка прикоснулась к его волосам, пахнущим морем.

— Но я ужасно выгляжу, — прошептала она.

— О, да, конечно, как настоящая сирена, вырванная из глубины вод моими сетями. Ее ледяная кожа покрыта чешуей, и она испытывает смертельный страх перед человеческой любовью... Что за забавный маскарад решили вы разыграть, мадам де Пейрак?

Он обхватил ее талию и внезапно поднял в воздух, как пушинку.

— Сумасбродка, милая сумасбродка!.. Кто не хотел бы вас? Их слишком много, тех, кто вас желает... Но вы принадлежите только мне!

Он отнес ее к кровати, заботливо уложил и, присев рядом, как больному ребенку, стал поглаживать ее лоб.

— Кто не желал бы вас, душа моя?

В его руках она чувствовала себя совершенно беспомощной.

— Ну-ка поскорее сбросьте ваши одеяния, если не хотите, чтобы я сам избавил вас от них.

С привычной уверенностью он заставил ее стащить прилипшую к дрожащему телу мокрую одежду.

— Вот с чего надо было начинать, когда вы пришли ко мне в первый раз в Ла-Рошели. Ничего хорошего не получится в споре с женщиной... кроме потери драгоценного времени, которое можно было бы использовать гораздо лучше... не правда ли?

Под его осторожными ласками теплая волна пробежала по ее обнаженному телу.

— Не бойся ничего, — шептал он. — Я хочу только согреть тебя.

Она больше не спрашивала себя, почему вдруг он с ревнивой властью вновь привлек ее к себе, забыв недавние упреки и злобу. Он желал ее. Казалось, он заново открывает ее, как открывает мужчина в первый раз женское тело, о котором долго мечтал.

— Какие у тебя прелестные руки! — шептал он с восхищением.

И это было уже прелюдией любви. Той огромной и великолепной любви, которую она когда-то познала. Между ними восстановились узы плоти, которые, щедро осыпая наслаждениями и воспоминаниями, пронесли их привязанность друг к другу сквозь пространство и время.

Руки Анжелики сплелись на его спине и постепенно она обрела непринужденность движений, в которых появилась возбуждающая новизна. Но она еще не была в состоянии ответить на прикосновение его властных губ к своим губам. Затем к ее шее, плечам...

Поцелуи становились такими жгучими, словно он хотел утолить жажду... Созданный для нее, единственный мужчина, соединился с ней. С ним было все естественно и прекрасно...

Лень зарождался, сбрасывая покровы мрака. Перед взором Анжелики, еще не уверовавшей окончательно в реальность происходящего, открывались черты жестью-го, словно вырезанного из мореного дуба, родного лица. Она уже твердо знала, что не сможет больше жить без его объятий, без его ласк, без той нежности, которую она прочла в его глазах, утративших недавнюю суровость.

День зарождался, и после ночной бури в движениях волн была такая же усталость и сладостная нега, какую ощущала Анжелика каждой клеточкой своего тела. Доносившийся запах моря потерял свою резкость.

Однако опасения не оставили ее. Что скажет он, когда проснется? Наверняка, он уже приготовил какую-то колкость. Это ясно видно по выражению его лица.

— Ну что ж! В конце концов, это было не слишком плохо для скромной матери-аббатисы. Но, между нами, дорогая, вы не преуспели в любовных делах с тех пор, как были в Школе Веселых Наук.

Анжелика засмеялась. Уж пусть лучше он упрекнет ее за неумелость, чем за опытность. Она была согласна, чтобы он немного посмеялся над ней.

— Я знаю. Вам много придется узнавать во мне заново, мой дорогой повелитель. Вдали от вас я не жила, а только старалась выжить. А это не одно и то же...

— Гм-м, не могу поверить вам полностью, лицемерка! А, все равно! Сказано было красиво.

Он продолжал ласкать ее нежное тело, расцветавшее под его руками.

— Это преступление — прятать подобную красоту под тряпками служанки. Но я помогу вам избавиться от этого...

Она не спускала с него глаз, когда он поднялся и, подойдя к сундуку, стал доставать из него какие-то вещи, бросая их к изголовью кровати.

— Для сегодняшнего выхода вы, конечно, оденетесь прилично.

— Вы несправедливы, Жоффрей. Мое тряпье служанки, как вы говорите, подходит мне больше всего. Вы не видели, в каком наряде я появилась на «Голдсборо», спасаясь от преследовавших нас драгунов? Я больше не властительница королевства.

Он снова присел рядом с ней. Положив руку на ее приподнятое колено, он казался погруженным в мечты.

— Королевства? Но оно есть у меня. Оно неотъемлемо...

Восхитительно! Времена года облачают его в изумруд или золото. Море редкой синевы омывает розовые берега...

Неожиданно в нем возродилась восторженность трубадура.

— Где же находится ваше королевство, сеньор?

— Я привезу вас туда.

Она вздрогнула, вернувшись к реальности из теперешнего положения, и, собравшись с духом, прошептала:

— Значит, мы поплывем не к островам?

Было похоже, что он не услышал. Затем нехотя сказал:

— Острова?.. Полноте... Там будет достаточно островов для вас... Больше, чем вы хотели бы...

Он взглянул на нее, и его лицо снова осветилось улыбкой. Повернувшись, он стал ласково перебирать рассыпавшиеся по изголовью волосы Анжелики...

— У вас появилась седина! — воскликнул он.

— Да! — прошептала она. — Каждая прядь — это память о перенесенных муках.

Нахмутив брови, граф внимательно всматривался в нее.

— Рассказывай! — сказал он повелительно.

— Рассказывать?

Но о чем? О страданиях, отмечавших подобно вехам ее тернистый путь к нему?

Во взгляде ее бездонных глаз смешались отчаяние и страсть. Она чувствовала, как он нежно проводил пальцем по ее вискам. Но она не понимала, что это он вытирал ее слезы.

— Я все забыла, мне не о чем рассказывать.

Набравшись храбрости, она обвила его шею обнаженными руками, положив его голову к себе на грудь.

— О, вы выглядите гораздо моложе, чем я, господин де Пейрак. Вам удалось сохранить вашу мавританскую гриву, черную, как ночь. Всего несколько седых волосков.

— Ими я обязан вам.

— В самом деле?

— Да, я страдал... из-за вас... если это доставит вам удовольствие, пожирательница мужчин!

Как она покраснела! На ее груди он обретет покой. В ее объятиях забудет все...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
МЯТЕЖ

Глава 1. Рескатор в руках протестантов

При звуке выстрела в памяти Анжелики воскресла ужасная картина недавнего прошлого: внезапно появившиеся ищейки короля и драгуны. Тогда все перемешалось...

Расширенными от страха глазами она следила за Жоффреем де Пейраком, который, вскочив, быстро оделся и уже облачился в черный кожаный плащ.

— Поднимайтесь, — бросил он. — Живо!

— Но что это?

Пытаясь взять себя в руки, она схватила брошенную ей мужем одежду. Она едва успела застегнуть пластрон корсажа, как глухой удар потряс стеклянную дверь каюты.

— Откройте! — прохрипел чей-то голос.

Едва Жоффрей де Пейрак отодвинул засов, как грузное тело рухнуло и покатилося по ковру. Между лопатками упавшего расплывалось большое кровавое пятно. Рескатор перевернул его на спину.

— Янсон!..

Капитан приоткрыл глаза.

— Это гугеноты, — прошептал он, — они напали на меня... Неожиданно, в этом тумане... Они захватили верхнюю палубу...

Через распахнутую дверь плыли белые клубы густого тумана. Анжелика увидела, как в двери показалась знакомая фигура. На пороге стоял Габриэль Берне с дымящимся мушкетом в руке. Рескатор схватился за оружие.

«Нет!» — хотела крикнуть Анжелика, но судорога свела ей горло. Она бросилась вперед, чтобы помешать мужу выстрелить. Пуля, предназначенная протестанту, расщепила позолоченную панель над дверью.

— Дура! — процедил сквозь зубы Рескатор. Но он не оттолкнул женщину: в его мушкете был только один заряд, а перезарядить его он уже не имел возможности. Анжелика закрывала мужа своим телом, как щитом.

Менее проворный, чем его противник, мэтр Берне не успел выстрелить. Он колебался, лицо судорожно подергивалось. Теперь он не смог рассчитаться с ненавистным противником, из опасения убить любимую женщину.

Появился Маниголь, затем Каррер, Марсело и несколько матросов-

испанцев, ставших их сообщниками.

— Ну, ладно, монсеньор, — с издевкой сказал Маниголь, — теперь наша взяла. Признайтесь, что вы не ожидали подобной неприятности от этих жалких эмигрантов, предназначенных для продажи в рабство алчными пройдохами? «Юродствуйте и молитесь, ибо вам не ведом ни день, ни час», — говорится в священном Писании. Вы позволили Далиле усыпить вашу бдительность, и мы воспользовались этой возможностью, которую уже давно ждали. Монсеньор, извольте отдать оружие.

Анжелика стояла между ними, словно каменное изваяние. Рескатор отстранил ее и протянул мушкет Маниголю, который засунул его за пояс. Рошельцы и их сообщники были вооружены до зубов. Превосходство было явно на их стороне, и хозяину «Голдсборо» стало ясно, что за малейшую попытку к сопротивлению он тотчас же поплатится жизнью. С преувеличенным спокойствием он завязал жабо и поправил кружевные обшлага рубашки.

Протестанты с презрением посматривали, на этого порочного человека, окружающую его роскошь и красноречивый беспорядок на восточном ложе. Но Анжелику не волновало их мнение о ее нравственности. То, что произошло, превосходило все худшие опасения. На ее глазах граф де Пейрак и мэтр Берне едва не убили друг друга. Вероломство гугенотов по отношению к Жоффрею потрясло ее.

— Что же вы сделали, друзья мои? — прошептала она. Протестанты были готовы к сопротивлению и гневным упрекам госпожи Анжелики. Но под ее растерянным взглядом они мгновенно усомнились в правоте предпринятой авантюры, что-то их действительно смущало.

В стоявших перед ними мужчине с незнакомым лицом (они впервые видели его без маски) и женщине, неузнаваемой в своем новом наряде, они смутно ощущали какую-то нерушимую связь, совсем не похожую на плотскую, за которую они их осуждали.

Анжелика со сверкающими своей белизной из-под венецианских кружев плечами, по которым рассыпались пышные вьющиеся волосы, не была больше их близкой подругой, а была той знатной дамой, которую инстинктивно угадывал Габриэль Берне под скромным платьем своей служанки.

Она держалась перед Рескатором, как перед своим повелителем. Гордые, исполненные нескрываемого презрения к мятежникам, эти люди были другой породы, и протестанты невольно сознавали, что могут совершить роковую ошибку, за которую жестоко поплатятся.

Все грозные слова, приготовленные Маниголем, вылетели у него из

головой. Он заранее предвкушал удовольствие от того, как загадочный насмехающийся над всеми Рескатор будет просить у него пощады. Но перед ними его ликование вмиг угасло. И все же Маниголь первым взял себя в руки.

— Мы защищаемся, — твердо проговорил он. — Мы считаем своим долгом, сударь, поставить все на свои места, чтобы избежать злой участи, которую вы нам готовили. И госпожа Анжелика помогла нам в этом, усыпив вашу бдительность...

— Остановитесь, господин Маниголь, — с достоинством сказала Анжелика. — Вы будете раскаиваться, что поверхностно судили о некоторых вещах, в тот день, когда вам откроется истина. Сейчас же вы еще не в состоянии услышать ее голос. Я надеюсь, однако, что здравый смысл скоро вернется к вам и вы поймете все безумие ваших неблагоприятных поступков.

Только спокойствие и рассудительность могли удержать в повиновении этих ожесточившихся людей. Она чувствовала, что ради укрепления своего еще непрочного господства они способны на убийство. Любое неверное движение или резкое слово — и могло случиться непоправимое.

Она по-прежнему стояла перед де Пейраком. Они все-таки не решатся стрелять в нее, их проводницу в прибрежных скалах...

И действительно, мятежники были в растерянности.

— Отойдите в сторону, госпожа Анжелика, — приказал арматор. — Вы видите, что всякое сопротивление бессмысленно. Отныне я являюсь хозяином на борту, а не этот человек, которого вы с необъяснимой настойчивостью защищаете от нас.

— Что вы хотите с ним сделать?

— Мы хотим обезопасить себя от его особы.

— Вы не имеете права лишить его жизни без суда, без доказательства его вины перед вами. Это было бы самой последней низостью! Бог покарал бы вас за это!

— Мы не намерены его убивать, — немного поколебавшись, сказал Маниголь.

Но она знала, что все они пришли с целью покончить с Рескатором и, не будь ее, он лежал бы сейчас рядом с Янсоном. Она покрылась холодным потом.

Томительные минуты... С трудом уняв дрожь, она повернулась к мужу и невольно отшатнулась. На губах благородного искателя приключений играла такая же загадочная, улыбка, с какой он всегда встречал свору,

жаждущую его крови.

Было что-то удивительное в этом человеке, что всегда ставило его выше всех, кто решался напасть на него. Ее попытки защитить Жоффрея были бесполезны. Он проявлял полнейшее безразличие к смерти, не нуждаясь ни в ком, даже, может быть, и в ней самой, если готов был, едва обретя, покинуть ее вновь.

— Неужели вы не видите, что они сделали? — спросила она негодуя. — Они ведь захватили корабль!

— Это еще надо доказать, — произнес он насмешливо.

— Знайте же, сударь, — вмешался Маниголь, — что большая часть команды находится в трюме и не может оттуда выбраться, чтобы оказать вам помощь. Мои люди с оружием сторожат каждый выход, каждый люк... и всякий, кто попытается высунуть нос, будет безжалостно убит. Что касается дежуривших на палубе, то большинство из них стало нашими соучастниками, желая избавиться от своего деспотичного и алчного хозяина.

— Рад узнать это, — сказал Рескатор.

Он перевел взгляд на испанцев-матросов, которые, как шакалы, рыскали по каюте, впервые увидев находившиеся здесь богатства и, ослепленные жадностью, набивали карманы золотыми безделушками.

— Янсон предупреждал меня. Мы совершили ошибку при последней вербовке. А за ошибку всегда приходится расплачиваться дороже, чем за злодеяние...

Он посмотрел на тело Янсона и темные пятна крови среди ярких цветов ковра. Черты лица покойного заострились, опущенные веки, навсегда скрыли блеск черных глаз.

— Вы убили моего помощника, который был моим другом на протяжении десяти лет...

— Мы уничтожили тех, кто оказывал сопротивление. Но я уже говорил, что их немного, большинство с нами заодно.

— Надеюсь, у вас не будет особых трудностей с этими великолепными новобранцами, найденными среди худшего сброда Лиссабона, — ухмыльнулся Жоффрей де Пейрак. — Мануэлло! — крикнул он строго.

Один из бунтовщиков вздрогнул и замер. Рескатор приказал ему что-то по-испански. Другой с испуганным видом поспешил подать ему плащ. Граф набросил его на плечи и с решительным видом направился к двери. Протестанты тотчас окружили его, убедившись, что, несмотря ни на что, его авторитет среди членов экипажа непререкаем.

Маниголь держал дуло мушкета у спины Рескатора.

— Не пытайтесь запугать нас, сударь. Хотя мы еще и не решили, как поступить с вами, но вы в наших руках и бесполезно думать о побеге.

— Я не настолько глуп, чтобы не считаться с обстоятельствами. Просто хочу сам оценить обстановку.

Сопровождаемый вооруженными стражами, он поднялся на мостик и облокотился на резные перила. Часть их была сломана во время бури.

Глазам Жоффрея де Пейрака открылась картина полного разгрома, царившего на корабле. Трепетали клочья разорванных парусов. Обломок фок-мачты, упавший вместе с такелажем на полуях, делал доблестный «Голдсборо» похожим на, жалкую развалину, исковерканную волнами.

Весь этот хаос еще хранил следы сражения, короткого, но, видимо, яростного. Матросы, поддержавшие мятежников, без всяких церемоний сбрасывали трупы убитых за борт.

— Теперь я вижу все, — вынужден был признаться Рескатор.

Он поднял голову. Между реями двух оставшихся мачт новая команда старалась удержать и починить паруса, распутать и поставить на место крепления такелажа.

На полуях находится Легаль, завладевший рупором Янсона. Это он, подкравшись в утреннем тумане, нанес смертельную рану капитану. И именно ему, бретонцу-лоцману, наиболее сведущему в мореплавании, Маниголь доверил управление кораблем. У штурвала стоял Бреан.

Рескатор повернулся к протестантам. Он по-прежнему улыбался.

— Отличная работа, господа. Признаюсь, что дело было сделано ловко. Вы воспользовались тем, что мои люди, изнуренные ночной борьбой за спасение корабля, а также ваших жизней, отдыхали, для осуществления ваших пиратских планов.

Маниголь побагровел от возмущения.

— Пиратских?! Мне кажется, вы хотите поменять нас ролями.

— А как же тогда называть захват корабля?

— Корабля, похищенного у других. Вы живете только грабежом!

— Вы слишком категоричны в ваших суждениях, господа верующие. Отправляйтесь в Бостон и там узнаете, что «Голдсборо» построен по моим чертежам и оплачен полновесными экю.

— Ну, тогда могу побиться об заклад, что эти экю добыты нечестным путем. «

— Кто может похвастаться честным происхождением золота, лежащего у него в кармане? Взять хотя бы вас, господин Маниголь. Разве состояние, завещанное вам набожными предками — корсарами или

торговцами, — не было орошено слезами и кровью тысяч рабов — черных, которые покупались на берегах Гвинеи для перепродажи в Америке?

Он вел этот разговор, непринужденно облокотившись на перила, с неизменной улыбкой на губах, словно находился в светской гостиной, а не под дулом направленного на него оружия.

— Что за сравнение? — Маниголь был ошеломлен. — Ведь не я же выдумал рабство. К тому же рабам в Америке живется хорошо, вот я и переправлял их туда.

Рескатор разразился таким грубым и оскорбительным смехом, что Анжелика зажала уши. Она хотела броситься вперед, убежденная, что ответом на него будет выстрел из мушкета Манн гол я. Но ничего страшного не произошло. Протестанты были словно загипнотизированы этим человеком.

Анжелика почти физически ощущала его железную силу воли. Ему удалось заставить гугенотов потерять чувство времени и пространства, в котором они находились.

— О, невозмутимая совесть праведников, — начала он, отдышавшись, — Сомнение в законности деяний никогда не коснется того, кто уверен в своей правоте. Но оставим это, — он махнул рукой с непринужденностью истинного сеньора. — Только совесть определяет правильность поступков. Однако, если вы не преследовали грабительских целей, чем же вы оправдываете ваше желание лишить меня не только собственности, но и жизни?

— Тем, что вы не собирались доставить нас к цели нашего путешествия — в Санто-Доминго.

Рескатор не ответил. Его завораживающий взгляд не отрывался от лица арматора. В этом поединке победит тот, кто первый заставит противника опустить глаза.

— Итак, вы не отрицаете этого, — торжествующе продолжал Маниголь. — К счастью, мы вовремя разгадали ваши замыслы. Вы ведь хотели нас продать?

— Подумаешь! Разве работорговля — не честный и хороший способ заработать деньги? Но вы ошибаетесь. У меня и в мыслях не было вас продавать. Это меня не интересует. Я не знаю, чем вы владеете в Санто-Доминго, но то, чем я владею, превосходит все богатства этого маленького острова, и уж, безусловно, не желание извлечь пользу из жалких шкур ваших протестантов могло бы заставить меня заботиться о вас и ваших семьях. Вы набиваете себе цену, господин Маниголь, несмотря на весь ваш опыт торговли живым товаром...

— Ну, хватит! — вскричал разъяренный Маниголь. — Мы слишком добры, позволяя вам разглагольствовать. Но ваша дерзость вас не спасет. Мы защищаем жизни, которыми вы до сих пор распоряжались. И за зло, которое вы нам причинили...

— Какое зло? — подтянутый и стройный, со скрещенными на груди руками граф де Пейрак смерил их всех по очереди таким пронизывающим взглядом, что они онемели. — Разве зло, которое я вам причинил, больше того, которое несли драгуны короля, преследовавшие вас? У вас слишком короткая память, господа, хотя ее лучше назвать неблагодарной.

Затем, засмеявшись, он продолжал:

— О, не смотрите на меня такими недоуменными глазами, как будто я не понимаю, что вы испытываете. Я прекрасно понимаю! Я знаю то истинное зло, которое вам причинил. Я свел вас с людьми, не похожими на вас, олицетворяющими для вас зло, но сделавшими вам добро. У меня в трюме до сих пор лежат два человека, получившие раны в Ла-Рошели. А вы так и не смогли даровать им свое расположение, потому что они «хуже» вас. Вы только разрешили им стать вашими сообщниками подобно тому, как вы снисходили до арматоров-работорговцев, когда они приходили на берег, чтобы продать вам негров... Впрочем, речь не об этом.

— Да перестанете вы когда-нибудь попрекать меня этими рабами?! — взорвался Маниголь. — Честное слово, вы как будто обвиняете меня в соучастии в преступлении. Разве не лучше для этих язычников, если оторвать их от их идолов и пороков и дать им возможность познать истинного Бога и радость труда?

Жоффрей де Пейрак не ожидал такого выпада. Он некоторое время размышлял, покачивая головой.

— Я признаю, что ваша точка зрения допустима, хотя ей не хватает божественного смысла. Мне же она внушает только отвращение. Может быть, потому, что я некогда тоже носил цепи.

Он отвернул кружевные манжеты и показал загорелые запястья, исполосованные глубокими шрамами. Не было ли это ошибкой с его стороны? Протестанты, слушавшие его с некоторым замешательством, пришли в себя, и их лица выразили откровенное презрение.

— Да, — продолжал Рескатор, словно наслаждаясь своим унижением. — Я и почти все люди из моей команды носили цепи. Вот почему мы не любим работорговцев.

— Каторжник! — бросил Маниголь. — И вы еще хотели, чтобы мы доверяли вам и вашим друзьям по галере?

— Разве плавание на королевских галерах так уж позорно, сударь? И

как вы можете судить, не зная, за что страдал я?

Марсело язвительно засмеялся.

— Вы скоро заставите нас поверять, монсеньор, что, марсельская тюрьма и королевские галеры заполнены невинными, а не убийцами, бандитами и грабителями, как это должно быть.

— Кто знает? Может быть, это и будет соответствовать нормам приходящего в упадок Старого Света. Увы... и я видел зло, рождавшееся под солнцем от заблуждений, безумие охватила власть имущих, и богачи погрязли в унижении. Я видел рабов, скачущих на лошадях, и князей, бредущих в пыли, как рабы... Это строки из священного Писания, господа.

Жестом, не допускающим возражений, он протянул к ним руку. В этот момент Анжелика поняла, в чем дело.

Он разыгрывал комедию. Зная, как протестанты любят схоластические рассуждения, он, используя благоприятный предлог, втянул их в спор о совести и задавал странные вопросы, чтобы отвлечь их внимание. «Он хочет выиграть время, — сказала она себе, — но на что он надеется? Все верные люди заперты в глубине корабля, а если кто и попытается выбраться оттуда, то будет убит.

Выстрел мушкета, который прозвучал в конце «проспекта», подтвердил ее мысли и заставил вздрогнуть.

Неужели Берне, измученный, страстью к Анжелике, стал настолько прозорлив, что смог угадать ее мысли?

— Друзья, — вскричал он — берегитесь! Этот одержимый хочет усыпить нашу осторожность. Он надеется, что его каторжники придут к нему на помощь, и пытается пустой болтовней оттянуть приговор.

Мятежники плотным кольцом обступили Рескатора, но никто не решался поднять руку, чтобы связать его.

— Не пытайтесь больше обмануть нас, — пригрозил Маниголь. — Вам не на что надеяться. Те из нас, кого вы включили в экипаж, доставили нам подробный план корабля, а мэтр Берне — вы помните, что вы заковали его в кандалы, — смог сам установить, что его тюрьма получала воздух от якорного клюза. Через этот клюз мы имеем доступ к пороховой камере и, клянусь пророком, мы будем сражаться и в трюмах, ибо в наших руках находится почти все военное снаряжение!

Рескатор величественно произнес:

— Мои поздравления! — неприкрытая ирония выводила протестантов из себя, но и тревожила.

— Я признаю, что в настоящий момент сила в ваших руках. Я подчеркиваю: в настоящий момент, ибо у меня под ногами все-таки есть

пятьдесят верных людей. — Он постучал ногой о планшир. — Вы что же думаете, что захваченные врасплох, они так и будут смиренно ожидать, пока вы соизволите их выпустить?

— Если они узнают, что им некому больше служить и некого бояться, — с тупой злобой сказал Берне, — я уверен, большая часть присоединится к нам. Ну, а те, кто сохранит сыновью верность... тем хуже для них!

Одной этой фразы было достаточно, чтобы Анжелика возненавидела его. Габриэль Берне жаждал смерти Жоффрея де Пейрака, но, казалось, того это ничуть не волновало.

— К тому же, господа, не забывайте, что для того, чтобы добраться отсюда до Антильских островов, вам потребуется не меньше двух недель тяжелейшего плавания.

— Мы не настолько опрометчивы, чтобы попытаться доплыть туда, не заходя в порт, — сказал Маниголь, раздраженный назидательным тоном противника. — Мы направимся к берегу и через два дня будем в Сако или Бостоне.

— Если флоридское течение позволит вам это сделать.

— Флоридское течение?

В этот момент Анжелика снова посмотрела в сторону полубака и отвлеклась от их разговора, так как ее встревожило странное явление. Ей показалось, что в этой части корабля сгустился туман. Но теперь сомнений не было: это — дым. Нельзя было понять, откуда появляются его густые клубы, расстилавшиеся по палубе, укрывая следы разрушений. Внезапно Анжелика отчаянно закричала. Дрожащей рукой она показывала на дверь нижней палубы, за которой находились женщины и дети: из щелей медленно выползал белый дым. Дымок вился и из-под досок палубного настила. Очаг разгоравшегося пожара находился в глубине корабля.

— Пожар! Пожар!

Протестанты обернулись на ее крик и посмотрели, куда она показывает.

— Огонь на нижней палубе, — в голосе Рескатора слышались неподдельное волнение. — Вы вывели оттуда женщин и детей?

— Нет, — сказал Маниголь, — мы посоветовали им сидеть смиренно во время нашей операции. Но если там пожар, почему же они не выходят?

И он закричал изо всех сил:

— Выходите! Пожар!.. Выходите!

— Они могли задохнуться, — вскричал Берне, бросившись вперед, сопровождаемый Марсело.

Несчастье отвлекло внимание от пленника, и тогда тот рванулся с

бесшумной ловкостью тигра. Послышался сдавленный стон. Матрос-испанец, стоявший на посту перед каютой Рескатора, рухнул наземь, сраженный ударом кинжала.

Обернувшись, гугеноты увидели распростертое тело. Рескатор укрылся в своей каюте, спав недостижимым для них. Теперь, когда он завладел своим оружием, взять его было не так-то просто.

Маниголь сжал кулаки, понимая, что его обвели вокруг пальца.

— Проклятье! Но еще не все потеряно. Пусть двое из вас останутся здесь, — приказов он подбежавшим матросам. — Нам надо тушить пожар, а им займемся позже. Он не должен ускользнуть от нас. Следите за дверью и не дайте ему выйти оттуда живым.

Анжелика не расслышала последних слов. Мысль об Онорине, находившей среди огня, заставила ее броситься к опасному месту. Здесь уже в двух шагах ничего не было видно. Марсело и Берне, задыхаясь, пытались выломать дверь»

— Она заперта изнутри.

С помощью топора им удалось, выбить, деревянную створку. Еле держась на ногах, люди выходили с прижатыми к глазам руками. В густом дыму слышались крики, кашель и чихание.

Анжелика оцупью проникла внутрь, наталкиваясь на невидимые существа, барахтавшиеся в угаре. Она подняла с пола нескольких детей и вынесла их на палубу. Она не ощущала запаха дыма, пощипывало лишь глаза и немного першило в горле, но никакая признаков недомогания не было. Вокруг нее раздавались приглушенные голоса.

— Сара? Дженни? Где вы?

— Это ты?

— Вам было плохо?

— Нет, но мы не смогли открыть ни люк, ни дверь.

— А у меня горло болит.

— Берне, Каррер, Дарри, пойдете со мной. Надо найти источник пожара.

— Но никакого огня нет!..

Неожиданно Анжелика вспомнила охваченную пламенем ночь в Канди. Лодку Рескатора окутало клубами желтоватого дыма и Савари закричал:

— Это облако на поверхности воды, что это такое? Что это такое?

Согнувшись, Анжелика оцупью, искала Онорину. Ее опасения рассеялись. Пожара не было. Теперь уже она не сомневалась, что эта была одна из проделок Рескатора, этого графа-ученого, чьи научные

эксперименты возбуждали вокруг него недоверие и страх.

— Откройте орудийные люки, — прогремел чей-то голос.

Несмотря на приток свежего воздуха, странный дым рассеивался очень медленно. Он просто оседал на всех предметах и стенах.

Наконец, Анжелика различила пушку, возле которой она пристроила свою постель и гамак Онорины. Гамак был пуст. Она поискала вокруг себя и задела женщину, пробирающуюся с закрытыми глазами к одному из открытых люков.

— Абигаиль, вы не знаете, где моя девочка?

У Абигаиль был приступ кашля, Анжелика поддержала ее и подвела к люку.

— По-моему, это не тате опасно, как просто неприятно.

Немного отдышавшись, девушка сказала ей, что тоже искала Онорину.

— Я думала, что матрос-сицилиец, дежуривший около нее, забрал ее незадолго до того, как появился этот дым. Я видела, как он поднимался и направлялся вниз, неся что-то на руках, возможно, ребенка. Конечно, я прозевали... Вы уж простите, госпожа Анжелика, что я так плохо за ней смотрела. Но надеюсь, что ничего плохого не произойдет. Этот сицилиец ее очень любит.

Она закашлялась и вытерла покрасневшие слезящиеся глаза. Густой дым постепенно рассеялся, как тает летним утром туман под лучами солнца. Никаких следов огня, ни единой головешки...

— Я уже боялась, что вы утонули, госпожа Анжелика, унесенная этой ужасной бурей. Каким мужеством надо было обладать, чтобы пойти за помощью! Когда пришли плотники, мэтр Марсело почти потерял сознание. Мы все помогали им поддерживать готовую обрушиться на нас палубу. Волны заливали нас. Мы больше не выдержали бы... Эти молодцы-плотники сделали все замечательно.

— И утром их убили, — с горечью сказала Анжелика.

— А что, собственно, произошло? — испуганно прошептала Абигаиль. — Ночью мы спали, а когда проснулись, увидели всех наших мужчин с оружием в руках. Мой отец яростно спорил с Маниголем. Он доказывал, что тот готовится совершить безрассудный поступок.

— Действительно, они захватили корабль, убив тех, кто дежурил на палубе, и закрыли тех, кто отдыхал в трюме. Настоящее пиратство!

— А монсеньор Рескатор?

Анжелика в отчаянии опустила руки. У нее уже не было сил даже думать о судьбе Жоффрея и Онорины. События развивались стремительно и, подобно буре, закружили ее в своем водовороте.

— Я не знаю, что делать.

— Я считаю, что у вас нет причин беспокоиться о дочери, — пыталась успокоить ее подруга. — Рескатор давал распоряжение сицилийцу, когда приходил этой ночью. Он проявил такую заботу о девочке, как будто это была его дочь. Наверное, он из-за вас к ней так привязался? Рескатор любит вас, не правда ли?

— Ах, сейчас только и время говорить о любви! — воскликнула Анжелика, уронив голову на руки. Но это была минута слабости. — Вы говорите, что он приходил этой ночью?

— Да... Мы бросились к нему с криками «Спасите нас!», и он... как бы это объяснить? По-моему, он смеялся, и нас внезапно покинуло чувство страха, мы знали, что в этот раз избежим смерти. Он сказал: «Буря вас не поглотит, сударыни. У этой совсем маленькой бури плохой аппетит». И мы поняли что наши страхи были напрасны. Он следил за работой плотников и давал им указания, а затем...

«А затем он вернулся ко мне, — подумала Анжелика, — и заключил меня в свои объятия. Нет, я не позволю унынию овладеть мною. Не могла же судьба подарить мне эту любовь только для того, чтобы я вновь утратила ее в борьбе!» «Это последнее испытание! — убеждал ее внутренний голос. — Какой-то злой рок противится нашей любви, может быть потому, что он слишком красив, слишком знатен и силен. Но судьбу можно побороть».

Ее лицо выражало решительность: Анжелика выпрямилась.

— Нам надо торопиться, — сказала она Абигайль. Они стали быстро пробираться между разбросанными в беспорядке предметами. Следов дыма почти не, осталось, только необычный запах все не улетучивался.

— Откуда появились эти испарения?

— Как будто отовсюду. Вначале мне показалось, что я не то заснула, не то потеряла сознание... О! Теперь припоминаю. По-моему, среди нас был арабский доктор. Он держал громадную бутылку из черного стекла, такую тяжелую, что сгибался, когда нес ее. Я подумала, что это мне снится, но, может быть, это было на самом деле.

— И я тоже видела. И я видела его, — раздались голоса вокруг.

Женщины и дети оживились на свежем воздухе палубы. Они были немного не в себе, но не казались больными. Многие из них видели арабского доктора Абд-эль-Мехрата, возникшего из пелены начавшего обволакивать их дыма.

— А как он смог войти и выйти? С помощью колдовства!

Брошенное слово заставило всех в ужасе переглянуться. Таившийся с

момента их появления на «Голдсборо» страх обрел реальные формы. Маниголь погрозил кулаком в сторону каюты Рескатора.

— Колдун! Ради того, чтобы отвлечь нас и ускользнуть, он покушался на наших детей.

Анжелика не могла этого выдержать.

— Глупцы! — закричала она в волнении. — Всегда одни и те же слова бросают ему в лицо уже пятнадцать лет: колдун, чародей... Всегда один и тот же вздор. Глупые люди! Что толку от вашей веры и проповедей ваших пасторов, если вы остаетесь такими же невежественными людьми. Доколе будет человек питать ненависть к знанию... Вы когда-нибудь задумывались, вы, почитатели Библии, над словами священной книги? До тех пор, пока человек будет ненавидеть того, кто недоступен его пониманию, кто возвышается над ним и видит дальше других, кого не остановит никакой страх в его стремлении познать мир...

К чему везти вас на новые земли, если вы несете на подошвах своих сапог всю грязь Старого Света?

Ей не было дела до их враждебности. Анжелика чувствовала, что только она может взять на себя роль посредницы между протестантами и людьми Рескатора.

— Неужели вы всерьез верите, господин Маниголь, что это было колдовством? Нет? Тогда зачем же вы пытаетесь под лживым предлогом смутить бесхитростные умы? Посмотрите, пастор, — воскликнула она, повернувшись к старику-священнику, — что же осталось от вашей паствы, от разума, справедливости и достоинства, каковыми они кичились в Ла-Рошели, когда владели всем своим добром и жили в уюте? Теперь их действиями управляют алчность, зависть и злоба. Ибо вы, господин Маниголь, решили устроить бунт не потому, что боялись потерять свои деньги, вас пугала мысль, что их может не хватить для жизни на островах! Как же не соблазниться таким великолепным кораблем? И вы пытаетесь оправдать себя тем, что ограбление людей, объявленных вне закона, является богоугодным делом?

— Я остаюсь при своем мнении. Кроме того, от людей вне закона можно ожидать всего, они казались мне слишком опасными. Я знаю, пастор, что вы нас осуждаете. Вы советовали нам терпеливо ждать. Но как мы будем защищаться, когда нас оставят где-нибудь на пустынном берегу без имущества и оружия, без всяких средств к существованию? Мы же боремся за то, чтобы избежать подобной участи. К тому же мы боремся с отступником, безбожником. Мне говорили, что он был тайным советником константинопольского султана. Он скрытен и жесток. Разве не он только

что пытался погубить таким ужасным способом ни в чем не повинных женщин и детей?

— Главным образом, он старался отвлечь ваше внимание, когда вы угрожали его жизни. Хитрость — тоже оружие!

— Несчастливая! Выкурить, словно крыс, наши семьи!..

— Но поступок этот был довольно безобидный, судя по выражению лиц «жертв».

— А как ему удалось зажечь огонь? Простым взглядом? — спросил один из крестьян. — Он разговаривал с нами, а затем вдруг появился дым. Это и вправду колдовство.

Маниголь передернул плечами.

— Телячья голова, — проворчал он, — у него были сообщники, о которых мы не подозревали. Я предполагаю, что Рескатор ночью нарочно оставил кого-то там дежурить, так как кое в чем сомневался. Должно быть, у них с доктором-арабом заранее был составлен план действий, на случай, если их дела будут плохи... Вы говорите, что этот трижды проклятый сын Магомета нес с собой бутылку из черного стекла?

— Да! Да!.. Мы видели ее! Но мы подумали, что это нам только снится.

— Какая же отравка могла находиться в ней?

— По-моему, я знаю это, — вмешалась тетушка Анна. — Это был нашатырь. В открытом виде он легко испаряется, образуя белый пар. Он-то и посеял панику, потому что удивительно похож на дым пожара.

Она тихо кашлянула и вытерла покрасневшие от нашатыря глаза.

— Вы слышали ее слова? — воспряла духом Анжелика.

Но бунтовщики не захотели прислушаться к трезвому голосу старой дамы. Ее объяснение не только не успокоило, но даже усилило ярость.

— Почему мы не прикончили Рескатора сразу! — негодовал Берне.

— Если вы коснетесь хоть волоса на его голове, — сжав зубы, начала Анжелика, — если вы посмеете его тронуть...

— И что же вы сделаете? — оборвал ее Маниголь. — Власть в наших руках, госпожа Анжелика, и если вы становитесь на сторону врагов, мы не дадим вам возможности вредить нам.

— Попробуйте только поднять на меня руку! — отчаянно закричала молодая женщина. — Попробуйте только, и вы увидите, что будет!

На это они не смогли бы решиться. Они пытались запугать ее угрозами. Анжелика судорожно цеплялась за хрупкие остатки своего бывшего влияния. Она снова смерила их строгим взглядом и упрямо сказала:

— Вернемся наверх! Необходимо любой ценой договориться с ним.

Они покорно последовали за ней. Проходя по коридору, они посмотрели на море. Туман разошелся, образовав замкнутый круг желтоватого цвета неподалеку от корабля.

Море было спокойным и даже ласковым, и растерзанный «Голдсборо» плавно скользил по его глади. Можно было подумать, что стихия дала людям время чтобы уладить все их разногласия.

«Но если снова завяжется бой, — подумал Маниголь, — что же мне делать с этими простаками, запертыми в трюме? Надо, чтобы они немедленно присоединились к нам, а для этого, прежде всего, обезопасить себя от Рескатора... Заставить их поверить, что он мертв. Это единственный довод, который сможет их убедить. Пока они знают, что он жив, они будут ждать чуда... Пока он будет жив!»

Глава 2. Убийство старого доктора

При виде зрелища, открывшегося перед глазами на мостике, они остановились. Анжелика не смогла удержать испуганный возглас. Нарушив приказ Маниголя, мятежники-испанцы, поставленные на страже перед апартаментами Рескатора, выбили стекла и взломали дверь. У них хватило смелости восстать против грозного Хозяина. Главной целью мятежников было захватить его и прибрать к рукам богатство. Один из матросов Хуан Фернандес, которого за неповиновение Рескатору однажды привязали к бушприту, чтобы охладить пыл, оказался самым бойким. Взломав дверь, они ждали нападения того, кто за ней укрылся, но все было тихо. Тогда матросы осторожно вошли внутрь, держа мушкеты наготове. В большом салоне было пусто!

От удивления они даже забыли о своем желании поживиться. В тщетных поисках они передвигали и переворачивали мебель. Где спрятался этот человек? Не мог же он растаять, как струйка дыма? Маниголь разразился проклятиями и стал пинать ногами неверных стражей.

Поиски Рескатора возобновились. Марсело открыл большие задние окна, через которые Анжелика смотрела на заходящее солнце в тот удивительный вечер, когда отплывали из Ла-Рошели.

Нагнувшись, они посмотрели на бурлящие под скошенной кормой волны. Он не смог бежать сюда, а если бы и сделал это, то закрыть окна снаружи было невозможно.

Ключ к загадке нашелся в маленькой смежной каюте. Там, под откинутым ковром оказалась крышка люка. Они молча переглянулись. Маниголь с трудом удержался, чтобы не выругаться.

— Мы еще не знаем всех ловушек этого судна, — сказал Легаль. — Оно создано по образу и подобию того, кто его строил. — В его голосе звучала тревога.

Анжелика решила воспользоваться моментом.

— Теперь вы видите! Вы обманывали самих себя, обвиняя Рескатора в пиратстве. Теперь вы окончательно убедились, что это судно принадлежит ему, и вам не остается ничего другого, как попытаться переговорить с ним. Я уверена, что он не желает вам ничего плохого. Сдайтесь, пока еще положение не стало окончательно безвыходным!

Но Анжелика явно переиграла. Ее последний призыв был неудачным, так как протестанты были очень чувствительны в вопросах чести.

— Сдаться... нам? — вскричали они почти одновременно и с нескрываемым презрением отвернулись от нее.

— Да вы глупее прилепившихся к скале устриц! — в отчаянии воскликнула она.

Жоффрей пока был в безопасности. В этой смертельной игре она получила очко в свою пользу. А они? Поглощенные своими мыслями, они смотрели на проем люка, сделанный в тщательно подогнанных досках. Марсело вздумалось потянуть за кольцо в крышке, и к удивлению мятежников она легко поднялась. Под ней оказалась веревочная лестница, спускавшаяся в темный колодец.

— Он забыл запереть ее за собой, — с удовольствием констатировал Маниголь. — Вот проход, который и нам послужит! Надо будет заколотить все остальные выходы.

— Я пойду гляну, куда ведет этот, — сказал один из протестантов.

С зажженной лампой он стал спускаться вниз. Это был молодой булочник Ромэн, который так смело приехал тогда утром в Ла-Рошель с единственным багажом в виде бриошей и теплого хлеба.

Он был уже на полпути, когда откуда-то из глубины прогремел выстрел и вслед за ним послышался ужасный звук падающего тела.

— Ромэн!

Молчание. Не слышно было ни малейшего шороха. Берне взялся за лестницу и хотел спускаться, но Маниголь удержал его.

— Закройте люк, — распорядился он.

Только теперь до него дошло, что война между палубой и трюмами была объявлена.

«Я должна была удержать Романа, — подумала Анжелика. — Я должна была помнить, что Жоффрей никогда и ничего не забывает, что все его действия и поступки всегда основываются на очень тонкой расчетливости и никогда не бывают плодом случайности или небрежности. Он нарочно оставил этот люк открытым, чтобы произошел этот ужасный случай. С их стороны было просто безумием пытаться меряться с ним силой. А они не хотят меня слушать».

Она вышла на палубу и растерянно оглядела полуразрушенный «Голдсборо», безмятежно покачивающийся на спокойной глади моря. На палубе она увидела протестантов и матросов-мятежников, которые с угрожающими криками размахивали кинжалами. Хрупкая фигурка, запутавшаяся в своем белом одеянии, судорожно хваталась за перила трапа, пытаясь ускользнуть от разбушевавшейся толпы.

— Это он! Это он! — раздавались голоса. — Сообщник! Турок! Он

хотел задушить наших детей!

Старый араб остановился. Он повернулся лицом к неверным, среди которых было четыре испанца — извечных врагов ислама. Прекрасная смерть для сына Магомета...

Он упал под ударами. Протестанты остановились, но испанцы, возбужденные запахом крови и врожденной ненавистью к маврам, просто остервенели. Анжелика бросилась прямо под удары.

— Остановитесь! Подлые трусы! Это же старик!..

Один из испанцев замахнулся на нее ножом, который разрезал рукав платья и оцарапал руку. Увидев это, Габриэль Берне бросился Анжелике на помощь. Он уложил испанца на месте ударом рукоятки пистолета и заставил остальных отступить.

Опустившись на колени перед доктором, Анжелика приподняла его окровавленную голову, обратившись к нему на его родном языке:

— Эфенди! Не умирайте, вы слишком далеки от своей родины. Вы должны увидеть Мекнес и его розы...

Хотя старик с трудом приоткрыл глаза, в них нельзя было не заметить блеснувшей иронии.

— Дело не в розах, дитя мое, — прошептал он по-французски. — Я уже стремлюсь к неземным берегам. Какая разница, здесь или там?

Анжелика хотела поднять его, чтобы унести в каюту Рескатора, но увы, он уже не нуждался в помощи. Она разразилась рыданиями.

«Это был его Друг, я в этом уверена. Он исцелил и спас его. Без него Жоффрей был бы мертв. И они убили его...» Она больше не знала, кого любить и кого ненавидеть. Вот почему Бог, исчерпав терпение, посылал на неблагодарное человечество пожары, мор и наводнения...

Когда Анжелика нашла наконец Онорину, та спокойно сидела рядом с распростертым у ее ног сицилийцем. Он тоже получил смертельный удар. В его взлохмаченных волосах зияла кровавая рана.

— Они сделали очень больно Неочищенному Каштану, — сказала Онорина.

Малютка, чье первое слово было «кровь», понимала, что значит холодная неподвижность ее друга. Видно, Анжелике никогда не удастся оградить ее от жестокости этого мира.

— Ах, какое красивое у тебя платье! — сказала девочка. — Что это нарисовано внизу? Как цветы...

Анжелика держала ее на руках. В эту минуту ей хотелось остаться наедине с дочерью где-нибудь далеко отсюда. Какое счастливое было время, когда они могли убежать в лес и гоняться друг за другом по

влажной траве. Но отсюда некуда было бежать.

— Мама, а это правда цветы?

— Да, родная...

— Твое платье такое же синее, как море. Значит, это морские цветы. Их можно увидеть, если уйти далеко под воду. Правда их можно увидеть?

— Да, их можно увидеть, — машинально повторила Анжелика.

Остаток дня прошел спокойно. Корабль послушно скользил по тихому морю. Запертые в трюме вместе с Рескатором матросы не подавали признаков жизни. Эта тишина должна была насторожить мятежников, но те, измученные ночной борьбой со стихией, были в возбужденном состоянии. Им хотелось верить, что воцарившееся на море и на корабле спокойствие будет продолжаться вечно.

«Совершить это безумие, — рассуждала про себя Анжелика, — протестантов толкнул сам уклад их рошельской жизни в замкнутой общине, подвергавшейся постоянной опасности. Даже самые молодые уже успели принять участие в тайной войне. Каждый из них хорошо знал свои возможности и слабости, недостатки других, и это им помогало...»

Этот опыт тайной войны позволил им, несмотря на малочисленность, захватить четырехсоттонный корабль с двадцатью пушками. Надо было только добиться дисциплины среди тех тридцати человек, которые предали Рескатора и присоединились к восставшим гугенотам. Иметь их сообщниками было не менее опасно, чем врагами. Матросы уже дали понять, что только благодаря им мятеж удался и поэтому они рассчитывают быть первыми при дележе добычи.

Когда Берне мощным ударом свалил одного из них, они были очень разочарованы. Когда же убедились, что их товарищ убит, то начали понимать, что новые господа не позволят обвести себя вокруг пальца и, временно смирившись, стали послушно исполнять приказы. Но за ними нужен был глаз да глаз.

Так воцарилось некоторое подобие мира. Женщины снова занялись хозяйственными делами вместе с детьми, которые помогали взрослым убирать мусор на палубе и чинить паруса.

Только вечером приглушенные мушкетные выстрелы заставили «палубников» броситься к складу, где хранился запас пресной воды. Они нашли бочки продырявленными, а охранявший их часовой исчез. Питьевой воды осталось не больше, чем на два дня.

На заре «Голдсборо» встретился с флоридским течением.

Глава 3. Флоридское течение

Они осознали это только спустя много часов. Анжелика услышала оживленный разговор зачинщиков мятежа.

— Превосходный момент для вас, Легаль, — сказал Маниголь. — Используйте этот просвет в окружающем тумане. Но вы убеждены в своей правоте?

— Совершенно уверен, сударь. Мы идем уже вторые сутки при хорошем восточном ветре, а нас отнесло более чем пятьдесят миль к северу! Я уверен, что это из-за проклятого течения, которое увлекает нас, куда хочет, мы не в состоянии его побороть...

Маниголь задумался, потирая нос.

Они не смотрели друг на друга, но каждый думал о парфянской стреле, пущенной Рескатором:

«Если флоридское течение позволит вам это сделать...»

— Вы уверена, что во время ночной вахты рулевой не мог по ошибке или злему умыслу изменить курс корабля на север?

— Но ведь я сам стоял у руля, — раздраженно ответил Легаль, утром меня сменил Греах. Я уже говорил об этом вам и мэтру Берне.

Маниголь откашлялся.

— Да, да... Знаете, Легаль, мы обсуждали с мэтром Берне, пасторами и другими, что нам следует предпринять в связи с потерей запасов питьевой воды. В такой серьезной ситуации мы решили посоветоваться с женщинами. Может быть, они помогут нам найти выход.

При этих словах Анжелика, державшаяся немного в стороне, вздрогнула, еле сдержав радостный взглас. Она услышала зычный голос мадам Маниголь, которая словно читала ее мысли:

— Наше мнение? Оно меньше всего вас интересовало, когда вы достали оружие и захватили корабль. А теперь, когда фортуна отвернулась от вас, вы решили просить совета у нас, глупых. Вы всегда поступаете только по-своему, но, к счастью, каждый раз под рукой оказываюсь я, чтобы исправить положение.

— Да что вы, Сара! — запротестовал в притворном изумлении Маниголь. — Разве не вы пытались убедить меня в том, что Рескатор вовсе не собирается доставить нас к месту назначения? А теперь, когда мы стали хозяевами «Голдсборо», вы заявляете, что не одобряете моего поступка.

Началась перебранка, в которую нехотя вмешался адвокат Каррер.

— Сейчас не время для супружеских сцен или сомнительных любезностей. Мы пришли к вам, женщины, чтобы принять решение всей общиной. Что нам делать?

— Сначала надо починить разбитую дверь, — сказала мадам Каррер. — Из нее очень сквозит, дети простудятся.

— Таковы женщины с их пустяками. Эту дверь не будут чинить! — снова закричал вне себя Маниголь. — Сколько раз ее уже ломали — раз или два... Значит, такова ее участь... Да и вообще, бессмысленно пытаться ее чинить, когда времени остается так мало. Мы должны в течение двух дней высадиться на берег, иначе...

— На какой берег?

— Вот в этом-то и загвоздка! Нам не ведома ближайшая земля. Мы не знаем, куда нас занесло течением и на каком расстоянии от места, где можно было бы достать воды и провиант, мы находимся...

В напряженной тишине никто не подал голоса.

— К тому же, — продолжал он, — нам угрожает Рескатор и его люди. Чтобы ускорить события, я хотел было выкурить их, бросая вниз зажженные смоляные факелы. Но поступать так с людьми нашей расы недостойно нас.

— Скажите лучше, что они скорее предпочтут открыть кингстоны и утонуть вместе с нами, чем терпеть ваше выкуривание, — с нескрываемым раздражением заметила Анжелика.

— Может быть, и так, — вынужден был согласиться Маниголь. Он искоса поглядел на нее, и она почувствовала, что он доволен ее присутствием здесь, среди членов общины.

— Ясно также, — продолжал арматор, — что эти люди в трюмах раздобыли какое-то оружие. Конечно, его мало, чтобы атаковать нас в открытом бою, но достаточно, чтобы оказать нам сопротивление, если мы попытаемся захватить их в трюме. Мы проникли через клюз и попытались пробиться через переборку, но за ней оказалась металлическая стена.

— Установленная на случай бунта, — добавила Анжелика.

— Конечно, мы могли бы попытаться разбить эту перегородку выстрелами из кулеврины, но корабль и так сильно пострадал в последнюю бурю, так что риск оказаться вместе с ним на дне слишком велик. Надо не забывать, что корабль принадлежит нам, и монсеньор Рескатор, — он грозно посмотрел на Анжелику, — сидящий, как медведь в берлоге, без воды, и провизии, находится не в лучшем положении. Но он и его люди умрут от жажды раньше нас...

Окружавшие его женщины с сомнением качали головой. Им трудно

было понять весь ужас положения. Море было спокойно, и корабль легко скользил к окутанному дымкой горизонту. На глаз нельзя было определить, куда он движется: к северу или югу. Им было неизвестно, сколько усилий прилагает рулевой, чтобы побороть течение и исправить курс.

Дети пока не просили пить.

— Смерть тех, кто, возможно, умрет раньше нас, — слабое утешение, — сказала тетушка Анна, — но я предпочитаю, чтобы спаслись все. Мне кажется, что среди людей Рескатора должны быть лоцманы, которые смогут провести корабль и высадить нас на берег. Предлагаю договориться с ним, чтобы получить необходимую помощь.

— Вы хотели это сказать, тетушка, — воскликнул мэтр Берне, — и вы это хорошо сказали! Мы верили в вашу мудрость. Это единственное правильное решение. Слушайте внимательно. Дело идет не о капитуляции. Мы хотим предложить нашему противнику соглашение. Пусть он доведет нас до берегов какой-нибудь страны, а мы за это дадим им свободу.

— А корабль вы ему вернете? — спросила Анжелика.

— Нет. Этот корабль мы захватили в бою, и он нам нужен, чтобы попасть в Санто-Доминго. Учитывая, что Рескатор в нашей власти, будет более чем достаточно, если мы подарим ему жизнь.

— И вы воображаете, что он согласится?

— Согласится! Потому что его судьба связана с нашими судьбами. Если так будет продолжаться, нас отнесет к северным землям, где все покрыто льдами. А там, на неизвестном побережье, мы останемся без средств к существованию и без всякой надежды на помощь.

Затем спор зашел о том, кто и как будет вести переговоры с пиратом. Решили спуститься через клюз, откуда имелся доступ в кают-компанию и где дежурили часовые. Предложение о переговорах можно было передать через переборку с помощью морского кода. Легаль спустился вниз, но через час вернулся с довольно мрачным видом.

— Они требуют женщин, — сказал он.

— Что?! — рявкнул Маниголь.

Легаль вытер мокрое лицо. Внизу было очень жарко.

— О! Вы неправильно поняли. Рескатор согласен принять наших посланцев при условии, что это будут женщины.

— Но почему?

— Рескатор говорит, что если появится кто-нибудь из нас или испанцев, он не сможет удержать своих людей, и они их растерзают. Он также требует, чтобы среди парламентаров была госпожа Анжелика.

Глава 4. Посредничество Анжелики

Протестанты сомневались в удачном исходе дела, так как не питали особого доверия к дипломатическим способностям женщин. Мадам Маниголь хотела было участвовать в переговорах, но ее мощная комплекция явилась тому помехой. Тогда мадам Каррер, несмотря на многочисленное потомство, сохранившая стройность, согласилась на неблагодарную роль рупора мятежников.

— Будьте непоколебимы, — напутствовал ее Маниголь. — Жизнь и свобода — большего мы не можем им обещать.

Стоявшая в стороне Анжелика пожала плечами. Жоффрей никогда не согласится на эти условия. Кто же тогда уступит? Нашла коса на камень. Предусмотрительный Жоффрей де Пейрак был, без сомнения, значительно лучше вооружен, чем предполагали протестанты, но в своем упорстве горстка рошельцев не уступала ему и его людям.

Абигайль тоже изъявила желание идти. Маниголь сначала был против, но потом передумал. Рескатор обращался с его дочерью подчеркнуто любезно. Возможно, он с сочувствием выслушает ее. Что же касается роли Анжелики, то в этот вопрос не хотели углубляться. Никто не смог бы объяснить, почему именно на нее возлагались надежды.

Спустившись вниз, женщины подождали, пока за ними закроется люк. Они попали в кромешную тьму. Вскоре в глубине узкого прохода показался тоненький язычок горящей свечи. Это был боцман Эриксон, который провел женщин в довольно обширное помещение, где располагались, очевидно, почти все члены осажденного экипажа.

Через открытые бортовые люки сюда проникал дневной свет. Матросы играли в карты и кости, другие раскачивались в гамаках. Судя по всему, приход женщин не вызвал у них особого интереса. У Анжелики сжалось сердце, когда она увидела, как мало у них оружия.

Из-за открытой двери кладовой до нее донесся голос графа де Пейрака. Казалось, столетия прошли с тех пор, как она слышала его. Что было в голосе Жоффрея такого, что так мучило ее? Это был голос новой любви, поддерживающий ее в счастливые мгновения нежности, и о нем она мечтала сейчас. Любовь к авантюристу с обветренным лицом, ожесточенным сердцем и посеребрившимися висками заполняла все ее существо. Этот человек, еще чужой, был ее любовником, ее супругом. Скрытое маской лицо Рескатора показалось ей неумолимым, и после

учтывого приветствия не последовало приглашения сесть.

Сам вид его, стоящего со скрещенными на груди руками, вызывал беспокойство. Никола Перро, покуривая трубку, стоял в углу небольшой каюты.

— Ну что ж, сударыни, ваши мужья блистательно изображают воинов, но, мне кажется, начинают сомневаться в своих навигационных способностях?

— Право, монсеньор, — ответила отважная мадам Каррер, — мой муж — адвокат и не преуспел ни в том, ни в другом. Это мое мнение. Тем не менее, они хорошо вооружены и полны решимости попасть на Антильские острова, а не в другое место. В этом случае было бы благоразумным договориться, чтобы удовлетворить обе стороны.

Затем она спокойно изложила предложение Маниголя. Молчание Рескатора позволяло им надеяться, что он обдумывает и взвешивает условия соглашения.

— Дать вам лоцмана, который поможет пристать к берегу, в обмен на нашу жизнь? — повторил он с задумчивым видом. — Что ж, придумано неплохо. Но одно небольшое обстоятельство не позволяет осуществить этот изумительный план — недоступность берега, мимо которого мы плывем. Великолепное флоридское течение защищает его, унося вдаль смельчаков, мечтающих высадиться... Кругом скалы, окруженные бурлящей водой, — непрерывная и губительная гряда. Я ее пересекал. Надо пройти две тысячи восемьсот миль извилистых проходов в скалах вместо двухсот восьмидесяти по прямой.

— Но всякий берег должен иметь какие-то места, где возможна высадка, — сказала Абигайль, стараясь унять дрожь в голосе.

— Безусловно! Но надо их еще и знать!

— Вы же их знаете! Разве вы не были уверены в выбранном вами пути? Ведь вы обещали достичь земли через несколько дней после того, как ваши матросы высказали недовольство.

От волнения щеки Абигайль порозовели, но она настаивала с такой смелостью, какой Анжелика никогда от нее не ожидала.

— Неужели вы не знаете эти места, монсеньор?

Мимолетная улыбка скользнула по губам Рескатора.

— Трудно лгать вам в лицо, сударыня. Допустим, что я, достаточно хорошо зная берег, выполню ваше требование. Разве вы не посчитаете меня глупцом, — его голос изменился и стал резким, — спасшим вас и ваших людей после того, что они мне сделали? Сдавайтесь, сдайте оружие, верните мне мой корабль. После этого я займусь его спасением.

— Наша община имела в виду не капитуляцию, — сказала мадам Каррер, — а только попытку избежать грозящей нам всем опасности погибнуть от жажды или кораблекрушения. Пробив бочки с водой, вы и себе вынесли приговор. Единственный выход — это высадиться где угодно, чтобы там найти средства к существованию... или умереть.

Рескатор поклонился.

— Ваша логика безупречна, госпожа Каррер. — Он снова улыбнулся и пробежал глазами по взволнованным лицам женщин. — Что ж, тогда, умрем все вместе, — заключил он.

Он повернулся к окну, откуда доносился настойчивый шум волн, бьющихся о корпус уносимого течением корабля. Анжелика видела, как дрожат руки мадам Каррер.

— Монсеньор, но не можете же вы согласиться хладнокровно...

— Мои люди согласны, — хозяин судна говорил, не глядя на них, возможно потому, что на это у него не хватало смелости.

Жена адвоката с мольбой протянула к нему руки.

— Со мной просят о сострадании мои одиннадцать детей!

Рескатор резко обернулся, охваченный внезапной яростью.

— Надо было гораздо раньше думать об этом. Вы не колебались, когда поставили их под угрозу последствий вашего безрассудного поступка. Вы заранее соглашались с тем, что им придется поплатиться в случае вашего поражения. Теперь уже слишком поздно. Каждому свое... Вы хотите жить, но я предпочитаю сто раз умереть, чем уступить вашим угрозам. Это мое последнее слово. Передайте его вашим мужьям, вашим пасторам, вашим отцам и детям.

Никола Перро пришлось под руки вывести ошеломленных этим взрывом негодования мадам Каррер и Абигайль. Они ничего не видели, обливаясь слезами. Анжелика осталась.

— Существует только два выхода. Первый — должен сдать я, второй — они. О первом не может быть и речи. Вы хотели бы видеть, как я стою, дрожа от страха, у штурвала под дулами мушкетов ваших друзей только для того, чтобы оказаться на пустынном берегу с верными мне людьми? Вы пренебрегаете моей честью, сударыня. Вы слишком плохо меня знаете.

Она бросила на него пламенный взгляд.

— О, напротив, я хорошо вас знаю, — произнесла тихо Анжелика и непроизвольно положила руки на плечи графу. — Чем больше я вас узнаю, тем больше вы меня пугаете. Иногда вы кажетесь немного опрометчивым, но при этом остаетесь расчетливее всех остальных. Вы всегда точно знаете,

что и для чего вы делаете... Вы ждали момента, когда ваши сообщники начнут действовать по вашим указаниям. Вы предусмотрели все заранее, даже то, что вас предадут. И когда вы говорили этим женщинам о потустороннем мире, вы тоже чего-то ждали? Чтобы добиться цели, вы ведете двойную игру. Бываете ли вы когда-нибудь искренним?

— Только когда держу вас в своих объятиях, моя несравненная. Только тогда я отрешаюсь от всех моих дел. И это мой грех, за который я дорого заплатил. Ведь от того, что я проявил слабость, желая побыть с вами наедине пятнадцать лет назад, я вовремя не сбежал от королевских ищеек, прибывших арестовать меня. Это же повторилось в другую ночь, когда моя бдительность была притуплена и позволила вашим гугенотам приготовить западню, захлопнув меня в ней.

Во время разговора он снял маску. Женщина с удивлением посмотрела на его умиротворенное лицо: он улыбался, лаская ее страстным взглядом.

— Если поверить тому, что вы — виновница всех моих несчастий, я должен был бы отказаться от вас. Но я не могу этого сделать.

Он склонился над ней. Анжелика почувствовала головокружение.

— Жоффрей, умоляю вас, вы недооцениваете серьезности происходящего. Неужели вы смирились с тем, что все мы погибнем?

— О, прекраснейшая из прекрасных, какие мелочные заботы вас одолевают! Мне было достаточно увидеть вас, чтобы забыть обо всем.

— Но вы же согласились на переговоры!

— Это был удобный повод вызвать вас к себе и вновь овладеть вами.

Он обнял ее с волнующей нежностью, прижимая к себе и осыпая поцелуями ее щеки.

— Жоффрей... Жоффрей... прошу вас... Вы ведете какую-то непонятную мне игру.

— Неужели это можно назвать комедией? — спросил он, крепче прижимая ее к себе. — Поверьте, сударыня, что вы не имеете представления о бездне, в которую может бросить ваша красота мужчину, желающего вас.

Его страсть не была притворной. Анжелика теряла голову, увлекаемая его близким горячим дыханием, трепещущими губами, вновь ставшими родными. Мучившие ее сомнения улетучились.

«И все-таки он меня любит. Это правда... Он по-прежнему любит меня. Меня!»

— Я люблю только тебя, ты же знаешь, — шептал он, — и не могу забыть с той ночи... Все тогда произошло так молниеносно, и ты была такой встревоженной... мне пришлось так долго ждать тебя, чтобы

убедиться... что это был не сон... что ты снова принадлежишь мне одному... что ты больше не боишься меня.

Он прервал свою речь, покрывая легкими поцелуями завитки волос на ее висках.

— Почему же ты снова противишься? Обними меня... Обними крепче!

— С такой тоской в сердце я не могу... О, Жоффрей, что вы за человек? Сейчас не время думать о любви.

— Если бы среди постоянно окружающих меня опасностей я стал искать свободное время, чтобы заниматься любовью, вряд ли мне удалось бы познать наслаждение хотя бы раз за все эти годы. Предаваться любви среди бурь, среди битв, среди измен и предательств — вот мой удел и, клянусь честью, меня устраивает это пикантное дополнение.

Напоминание о любовных похождениях мужа возмутило Анжелику. Внезапный порыв ревности развеял чувство восхитительной нежности, которое охватило ее.

— Вы — просто грубиян, господин де Пейрак, и ошибаетесь, считая меня такой же, как те глупые одалиски, которые вас услаждали. Пустите меня!

Граф рассмеялся. Он нарочно старался вывести ее из себя, и это ему удалось. Гнев Анжелики достиг предела, когда она наконец, сообразила, что он потешается над страхом, которым были охвачены все женщины.

— Пустите меня! Я не хочу вас больше видеть! Теперь я вижу, что вы — настоящее чудовище!

Она так отчаянно отбивалась, что ему пришлось отпустить ее.

— Вы столь же заносчивы и непримиримы, как ваши гугеноты.

— «Мои» гугеноты — не дети из церковного хора, и если бы вы с самого начала не провоцировали их, мы бы не находились сейчас здесь. Правда ли, что у вас и в мыслях не было отвезти их на Антильские острова?

— Да, это верно.

Анжелика побледнела, и он увидел, как у нее задрожали губы.

— Я ручалась за ваши добрые намерения, а вы обманули меня.

— Разве мы договаривались о месте, куда я должен их привезти? Когда в Ла-Рошели вы умоляли спасти им жизнь, разве вы верили в то, что я соглашусь взять на борт своего корабля этих безбожников только ради сомнительного удовольствия слушать их песнопения? Или ради прекрасных глаз? Я не святой Павел — апостол милосердия...

Молодая женщина молча смотрела на него, и он продолжал более мягким тоном:

— Но не приписывайте мне и слишком темных замыслов. У меня никогда не было намерения продать этих несчастных, как они вообразили себе, я хотел отвезти их колонистами на мои американские земли, где они смогли бы гораздо быстрее разбогатеть, чем на островах.

Анжелика повернулась к нему спиной и направилась к двери, но он преградил ей дорогу.

— Куда вы собрались?

— Я хочу вернуться к ним.

— Для чего?

— Чтобы попытаться их защитить.

— Защитить? От кого же?

— От вас.

— Неужели они не сильнее меня? Разве не они теперь хозяева положения?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Я знаю, что их судьба в ваших руках. Вы всегда оказываетесь сильнее.

— А вы забыли, что они покушались на мою жизнь? Вас это, кажется, меньше волнует, чем то, что угрожает им?

Не хотел ли он свести ее с ума, задавая такие чудовищные вопросы? Внезапно он снова привлек ее к себе.

— Анжелика, любовь моя, почему мы так далеки друг от друга? Неужели ты меня не любишь? Обними меня... и останься со мной.

— Отпустите меня, я больше не могу.

Граф де Пейрак нахмурился.

— Именно это я и хотел узнать... Вы больше не любите меня. Мой голос вызывает у вас отвращение, мое чувство пугает вас. Вы не отвечали на мои поцелуи той ночью, вы были холодны и скованы под моими ласками... И, кто знает, не уступили ли вы моим домогательствам только для того, чтобы дать возможность вашим друзьям осуществить свой преступный замысел.

— Ваши подозрения оскорбительны и нелепы, — произнесла она дрожащим голосом. — Вы же сами меня удержали. И вы еще сомневаетесь в моей любви?

— Останьтесь со мной. Только тогда я поверю вам.

— Нет, я не могу. Я должна вернуться наверх. Там дети...

Влекомая неведомой силой, она убежала. Маленькие рошельцы поселились в ее сердце и стали неотъемлемой частью ее самой. Сейчас им грозила смерть от жажды или кораблекрушения. Ради их спасения можно

было пожертвовать всем.

Сидя среди детей на палубе, Анжелика перебирала в памяти слова, которые он говорил ей накануне с необыкновенной нежностью. Онорина сидела у нее на руках, Лорье и Северина расположились с Жеромом у ее ног. Одни дети играли и тихо смеялись, другие сидели молча.

Перед глазами Анжелики возникло окровавленное, застывшее лицо ее мальчика. Шарль-Анри... Нет, к взрослым у нее больше не было сострадания.

Они все стали ей безразличны, даже праведница Абигайль и Жоффрей де Пейрак, ее супруг, которого она так долго искала.

«Мне становится ясно, что мы никогда не сможем быть вместе. Он слитком изменился... Итак, он предпочитает скорее умереть, чем уступить. Он достаточно пожил, и его ничуть не беспокоит, что с ним погибнут эти дети. Никому не дано права лишать жизни невинное создание. Это самое ценное сокровище...»

— Мадам Маниголь, — сказала она громко, — надо, чтобы мы разыскали вашего мужа и постарались убедить его смягчить условия соглашения с Рескатором. Только не убеждайте меня, что вы боитесь его криков. Вы уже доказали обратное, а Маниголь должен понять, что хозяин не уступит, пока ему не вернут корабль.

Мадам Маниголь ничего не ответила, и Анжелика увидела на ее глазах слезы.

— Я не могу попросить моего мужа уступить, госпожа Анжелика. Это будет приговором ему. Если Рескатор снова займет прежнее положение, разве он пощадит его?

Они немного помолчали. Затем Анжелика опять принялась настаивать на своем.

— Попробуйте, мадам Маниголь. Подумайте о детях. Потом и я попробую. Я готова спуститься в трюм, чтобы уговорить Рескатора пойти на уступки.

Жена арматора поднялась, шумно вздыхая. После возвращения мадам Каррер и Абигайль главари мятежа собрались в рубке, чтобы узнать мнение наиболее сведущих моряков и обсудить возможности высадки.

Моряки-испанцы волновались. Их начал охватывать страх. Анжелика расслышала обрывки фраз, которыми они между собой обменивались. Насколько она поняла они собирались спустить баркас на воду и бежать с проклятого корабля куда глаза глядят. Безумная идея! Течение понесет их по тому же губительному пути, и их сил не хватит, чтобы преодолеть его

напор, как этого не удастся сделать в бесплодной борьбе даже кораблю.

Пустыня туманов, леденящее преддверие ада, куда несло па гибель всех. Чей-то крик прозвучал в воздухе, и на палубе началось движение. Что же изменилось? Искра надежды сверкнула во мраке отчаяния. В напряженном ожидании женщины встали. Внезапно около них появился запыхавшийся Марсело.

— Рескатор согласился! Он передал, что посылает лоцмана и еще трех человек, которые знают эти места и смогут провести корабль через течение, чтобы причалить к берегу!

Глава 5. Рескатор посылает лоцмана

Первым из люка появился Эриксон. Лицо коренастого лоцмана было непроницаемым. Переваливаясь на коротеньких ножках, он подошел к лестнице и взобрался на полуют.

Анжелика, окруженная несколькими женщинами, ожидала появления мужа. Но его не было. На палубу вышел Никола Перро со своим индейцем, затем с десяток матросов: трое мальтийцев и англичане. Один матрос пошел следом за Эриксоном, остальные вместе с бородатым канадцем уселись около большого баркаса. Они вели себя уверенно, а направленные на них мушкеты, видимо, их не очень волновали. Никола Перро вытащил трубку и с независимым видом набил ее. Закурив, он огляделся вокруг.

— Если для установки парусов вам нужны еще руки, — сказал он протяжно, — то к вашим услугам достаточно людей внизу.

— Нет, — ответил Маниголь, с особым вниманием следивший за ним. — Мой экипаж справится с этим.

— А как вы будете переводить марсовым указания стоящего у руля Эриксона?

Ответа не последовало.

— Хорошо! — вздохнул он, выбивая трубку и всем видом показывая, на какую жертву идет. — Стало быть, мне придется заняться этим. Впрочем, я ничего не смыслю в морских делах, но говорю на всех диалектах побережья.

Он приподнял меховую шапку и направился на корму. Оставив часовых около сидящих матросов, Маниголь последовал за ним.

В глубине души каждый из гугенотов почувствовал одновременно и облегчение и разочарование, когда оказалось, что среди прибывших нет Рескатора. Разочарование, так как его познания в навигации и мастерство капитана вселили бы в испуганных пассажиров уверенность что они выпутаются из этой беды. Облегчение потому, что одно его присутствие наводило страх. Маниголь терялся под его пронзительным взглядом. Даже держа его под дулами мушкетов нельзя было оставаться спокойным.

Присланные на помощь его подчиненные не могли доставить особых хлопот. К тому же они выглядели усталыми и безразличными ко всему. Без сомнения, матросы предпочли высадку на берег, даже потеряв свою часть добычи, неминуемой смерти. Должно быть, они убедили непримиримого Рескатора воспользоваться последней возможностью для спасения всех и

согласиться на эту, неожиданную для мятежников, полу капитуляцию.

— Вот что значит быть непреклонным, — разглагольствовал адвокат Каррер, — этот фанфарон не выдержал и уступил. Мы выиграли партию!

— Прошу вас, не крутите так отчаянно пистолетом, — охладила его пыл жена. Она зябко потеряла руки под шалью. — Если бы вы поговорили с ним с глазу на глаз, как недавно я, то поняли бы, что не страх за свою жизнь и жизнь остальных заставил этого человека прислать нам лоцмана.

— А что же тогда?

Женщина пожала плечами. Волосы и одежда Анжелики отяжелели от сырости, но она так же, как и другие, не хотела укрыться в помещении. Они ждали, когда Эриксон встанет за штурвал.

На «Голдсборо» штурвал находился на полуюте в кормовой части, а не наверху, как обычно. Рулевой мог при этом управлять кораблем с большой точностью просто на глаз.

Под охраной следивших за ним часовых маленький боцман не проявлял особого рвения. Он довольствовался тем, что держал штурвал. Со стороны можно было подумать, что Эриксон не то спит, не то дремлет с открытыми глазами. В нескольких шагах от него стоял, держа в руках рупор погибшего капитана Янсона, бородатый канадец с неизменной трубкой в зубах.

Минуло несколько часов, и беспокойство вновь охватило пассажиров. Положение марселей подтверждало, что течение по-прежнему увлекает корабль прямо на север, но только с еще большей скоростью, так как Эриксон, заняв свой пост, распорядился установить паруса в направлении ветра.

У гугенотов закралось подозрение, что вероломный Рескатор прислал им лоцмана только для того, чтобы ускорить гибель судна.

— Вы считаете это возможным? — шепотом спросила Абигаиль Анжелику. — Вы верите в то, что он способен так поступить?

Анжелика решительно покачала головой, но в глубине души сама сомневалась. Ей очень хотелось верить человеку, которого она обожала. Но что она знала о его прошлом?

Жизнь не оставляла ей времени для полного взаимопонимания с супругом, чей кипучий мужественный характер был всегда непредсказуем.

«Кто же ты, в чьих глазах я пытаюсь найти свое счастье? И не являюсь ли я сама непостижимой тайной для тебя?..»

Если это правда, что Жоффрей тоже чувствует влечение к ней, что за внешней суровостью его внутренний голос взывает к ней, тогда еще не все потеряно.

«Нет, он не любит меня. Я так и не завладела его сердцем. Наверное, мне так и не удалось вызвать в нем ничего, кроме любовного желания. А этого слишком мало, чтобы он снизошел к моим мольбам... Как ужасно чувствовать себя бессильной перед ним... единственным в мире! И все-таки я была его женой!»

Окружавшие ее женщины видели, как она шевелила губами и что-то шептала. В их взглядах она прочла немую мольбу.

— Ах! Вы бы лучше помолились, — раздраженно сказала Анжелика. — Сейчас как раз время сделать это, а не ждать какого-то чуда от такой неудачницы, как я.

Опустившаяся ночь была наполнена шумом волн и свистом ветра, сопровождаемых боем сигнального колокола. Этот непрерывный звон наводил тоску.

«Как они наивны, все эти люди, несмотря на их воинственный вид! Звонить в колокол во время тумана необходимо где-нибудь на широтах Ла-Рошели или Бретани. Но здесь, в такой глуши, колокол звонит только для самообмана, пытаясь уверить, что мы не одни на целом свете...»

Онорина прижималась к Анжелике, и ее широко раскрытые глаза напоминали матери ту ночь, когда она увела малютку в обледенелый лес, где рыскали волки и солдаты. Женщина решительно поднялась.

«Я спущусь вниз... Я поговорю с ним. Должны же мы знать, что нас ждет!»

В этот момент прозвучал усиленный рупором голос Никола Перро и, посмотрев вверх, все увидели в сгустившейся тьме, как затрепетали и упали паруса, по кораблю пронесся треск, и он неистово закачался, как будто сопротивляясь трудному маневру.

Приказания следовали одно за другим, и матросы бегали со всех ног, исполняя их. Даже испанцы проявляли непривычное для них рвение. Люди Рескатора, до сих пор безучастно сидевшие возле баркаса, вскочили и стали внимательно следить за движениями паруса. Они должны были прийти на помощь в трудную минуту, но, видя, что новички сами хорошо справляются, не стали вмешиваться. Наблюдая за действиями команды, матросы обменивались жестами, выражавшими одобрение. Один из них зажег лампу и стал мурлыкать что-то себе под нос. Другой вытащил пучок бетеля и бросил за щеку солидную порцию.

— Мне кажется, что наши не такие уж плохие моряки, — сказала мадам Маниголь, следившая за их поведением.

— И все же я жалею, что ваши пленники, мэтр Каррер, не разбежались по вантам. Очень было бы любопытно посмотреть, как вы их преследуете,

вы, умеющий так хорошо обсуждать любой маневр, не имея о нем ни малейшего представления.

Взрыв смеха заставил адвоката вздрогнуть. Под успокоительной тяжестью мушкета и пистолетов он успел задремать. Вместе с обретенной надеждой к людям вернулось и желание поязвить.

Но рассвет не принес измученным женщинам ничего, кроме разочарования. Стало еще холоднее, чем накануне, и мысль, что корабль по-прежнему несет на север, приводила их в отчаяние.

Розданная вода имела привкус гнили. Это были последние капли со дна бочек. Никто не решался вымолвить ни слова и, когда вбежал сияющий Легаль, на него посмотрели, как на безумца.

— Добрые вести... и я поспешил успокоить вас, милые дамы! Солнце едва проглядывает, поэтому для определения нашего положения я воспользовался лагом. Хотя это и не точно, но, тем не менее, могу вас заверить, что мы изменили направление и движемся прямо к югу.

— К югу? Но сегодня холоднее, чем вчера!

— Это потому, что последние два дня нас увлекало теплое течение. А теперь мы попали во власть холодного Гудзонского залива.

— Проклятая страна! — загремел старый пастор. — Извольте-ка разобраться в этих теплых и холодных течениях. Я задаю себе вопрос, не были ли бы королевские тюрьмы для нас более гостеприимны, чем эти опасные края, где люди, и стихия делают все наоборот!

— Отец! — с укором воскликнула Абигаиль. Пастор Боккар потряс седыми волосами. Еще далеко не все было ясно. Главное заключалось не в том, что они попали из одного течения в другое, а в том, как избежать новой смертельной опасности, еще одного кровопролития. Паства полностью отвернулась от него, да он и сам не знал, о чем с ней говорить.

— Я никогда не соглашался с пастором Рошфором, этим неисправимым фантазером, который хотел всех нас отправить за океан. Радуйтесь на здоровье! Посмотрим, к чему это приведет...

Его голос затерялся в гомоне женщин, окружавших Легалья.

— Мы сейчас будем высаживаться?

— А где это будет?

— Что говорят Эриксон и канадец?

— Ничего! Попробуйте поговорить с этим угрюмым медведем или проклятым горбуном, который сидит, как устрица в раковине. А вот какой он рулевой, я могу сказать: настоящий рулевой! Вчера ему пришлось воспользоваться встречей двух течений для того, чтобы перевести судно из одного в другое. Смелый маневр, особенно в таком густом тумане. Скоро

мы пристанем к берегу. Там должны быть источники, тогда и напьемся...

Слова Легалья вызвали жалобные вздохи.

Анжелика держалась в стороне. Теперь у людей появилась надежда на счастливый исход, и ее перестали замечать. Но когда угрожала опасность, как ее умоляли вмешаться и что-нибудь сделать!

«Что ж, к такому отношению можно привыкнуть», — подумала она.

Глава 6. Триумф Рескатора

В полдень, когда в тумане показались просветы, внимание Анжелики привлекли раздавшиеся неподалеку голоса. Маниголь и Никола Перро разговаривали возле большого баркаса.

— Мы хотим спустить его на воду, чтобы разведать берег, — сказал канадец.

— А где мы сейчас находимся?

— Я знаю об этом не больше, чем вы. Могу только поручиться, что берег рядом. Было бы безумием подходить к нему, не отыскав прохода для корабля. Сначала надо найти какой-нибудь залив или бухточку для высадки. А главное — избежать катастрофы при причаливании, вот, послушайте...

Он сдвинул меховую шапку, приложив руку к уху и нагнув голову, как бы улавливая далекий шум, доступный только его слуху.

— Слушайте!

— Но в чем дело?

— Грохот воды, бьющейся о скалы. Там находится гряда, которую мы должны преодолеть.

Все, кто был рядом, тщетно напрягли слух.

— Мы ничего не слышим, кроме плеска воды.

— Но я слышу, — огрызнулся Никола, — и этого достаточно.

Туман снова стал настолько густым, что, казалось, его можно было есть.

— Земля близко. Я ее чувствую.

Теперь и их охватило ощущение близости земли, запахов берега, песка, гальки, может быть, травы и деревьев.

— Не раздумывайте слишком долго, — усмехнулся канадец, — потому что здесь бывают приливы, при которых вода поднимается за два часа на сто двадцать футов.

— Сто двадцать футов? Вы смеетесь над нами! Такого быть не может!

— Воля ваша сомневаться в этом. Но поверьте, нам может не хватить времени для прохода. В таком случае советую прыгнуть в воду до того, как корабль с распоротым брюхом пойдет ко дну. Это самый скалистый берег в мире...

Спереди донесся лязг разматываемой якорной цепи.

— Я не отдавал такого приказа! — закричал Маниголь.

— Ничего не поделаешь, патрон, — откликнулся Легаль. — Теперь уже ясно, что земля близко...

Подошедший матрос сказал, что якорь коснулся дна на глубине сорока футов.

— Самое время!

— Ничего не поделаешь! — повторил Легаль. Он повернул голову в сторону Никола Перро и матросов Рескатора, которые готовили баркас.

Они воспользовались высокой волной, чтобы спустить его на воду, а затем и сами спрыгнули вниз. Маниголь и Берне переглянулись в нерешительности, боясь, как бы их не оставили в дураках.

— Подождите, — запротестовал арматор. — Мне надо переговорить с Рескатором.

В глазах канадца сверкнула молния. Его рука тяжело опустилась на плечо Маниголя.

— Вы делаете ошибку, дружище. Вы забываете, что наше оружие в трюмах предназначено для вас так же, как и ваше предназначено для нас. Вы хотели войны, вот вы ее и получили. Но запомните... никаких фокусов... иначе не ждите от нас пощады.

Он перешагнул через перила, держась за сигнальный линь, опустился в баркас, качавшийся на пенящихся волнах.

После нескольких ударов весел баркас исчез в клубах тумана. Только линь, связывающий его с кораблем, продолжал разматываться, словно нить Ариадны.

Эриксон остался на борту. Он готовился выполнить задуманный маневр, не обращая внимания на окружавших его протестантов.

Сигнальный линь быстро разматывался, увлекая за собой канат толщиной в руку, который был намотан на кабестан. Оставалось всего несколько витков, когда движение прекратилось, и он повис в тумане, словно гигантская змея. Очевидно, баркас где-то причалил. Канат отчаянно трясло.

— Они закрепили его в скалах, чтобы, имея точку опоры, протащить нас в проход, — пробормотал Легаль.

— Это невозможно, ведь сейчас отлив.

— А вы знаете, мне кажется, что дело тут идет о подводном пороге, который можно преодолеть только при приливе. Во всяком случае, так должно быть. Но когда же здесь бывают приливы и отливы?

У них оставалась надежда на то, что их испытаниям приходит конец.

Раздался хриплый крик Эриксона, и люди у кабестана начали подтягивать канат. Тут же горбун приказал поднять якорь. «Голдсборо»

медленно двинулся с места, словно влекомый неведомой рукой.

Несмотря на сильный холод, по лицам матросов, находившихся у кабестана, градом струился пот. Натянутый, как струна, канат вибрировал и, казалось, вот-вот лопнет.

Легаль молча показал Маниголю на едва различимые в тумане выступающие повсюду из воды в опасной близости от судна темные верхушки скал в кружевах пены. Но громадный корабль продолжал чудесным образом следовать своим путем по узкому и глубокому фарватеру. В любой момент мог раздаться удар, зловещий треск, отчаянный крик: «Тонем!» Но ничего не произошло, кроме того, что «Голдсборо» продолжал двигаться вперед, и туман еще больше сгущался.

Вскоре на полубаке невозможно было различить друг друга. В этот момент послышался легкий толчок, на который большинство людей не обратило внимания. Вдруг палуба стала уходить у них из-под ног. «Голдсборо» резко накренился на левый борт, затем выпрямился и остановился.

— Мы миновали рифы! — торжествуя сказал Легаль.

Вздых облегчения вырвался из груди всех находившихся на палубе. В ответ на команду Эриксона раздался звук разматываемой цепи.

Снова встав на якорь, «Голдсборо» продолжал безмятежно покачиваться на волнах. Некоторое время его обитатели пытались услышать плеск весел возвращающегося баркаса. Но тщетно. Тогда Легаль, крикнув несколько раз в рупор, стал звонить в колокол.

Охваченный внезапным подозрением, Маниголь направился к кабестану. Он потянул канат, но не почувствовал никакого сопротивления.

— Канат оборвался!

— Если только его не обрезали!

К ним подошел один из матросов, работавших у кабестана.

— Он разорвался в тот момент, когда мы прошли рифы. Это должны были сделать на баркасе. В этом была необходимость, иначе нас выбросило бы на скалы. Красивый маневр! А теперь мы в безопасности.

Они вытащили остатки каната и убедились, что он действительно обрублен.

— Да, им в самом деле нельзя было медлить. Красивый маневр! — повторил восхищенный матрос.

Анжелика услышала чей-то вздох и шепот.

— Такой красивый маневр и у неведомых берегов...

Маниголь вздрогнул.

— Но кто стоял у штурвала, когда мы проходили между скал?

Эриксон был рядом с нами.

Они пошли на корму. Анжелика, предчувствуя новую опасность, последовала за ними. Стихия уже не угрожала кораблю, но покой по-прежнему не приходил в ее сердце. То непрочное чувство единения, которое появилось было в совместной борьбе с морем, исчезло, кровавая игра между мятежными протестантами и Жоффреем де Пейраком приближалась к концу.

Возле заклиненного теперь штурвала они натолкнулись на распростертое тело испанца — самого нерасторопного из бунтовщиков, чьи счеты с жизнью были закончены ударом кинжала в спину...

— Неужели Эриксон доверил ему управление?

— Это невозможно. Разве что он собирался заменить его другим!..

Гугеноты долго оглядывались, перебрасываясь словами, но так и не нашли подходящего объяснения происшедшему.

— Госпожа Анжелика, — неуверенно произнес Маниголь, — не правда ли, что это он был за штурвалом, когда мы проходили рифы?

— Откуда же я могу знать, господа? Разве я была с ним? Я нахожусь все время рядом с вами. И не потому, что одобряю ваши действия, просто я еще не потеряла надежды на спасение нас всех.

Они молча опустили головы. Счастливый исход казался теперь маловероятным. Им вспомнились слова канадского «медведя»: «Не ждите от нас пощады!»

— По крайней мере, хоть часовые, которых я поставил около люков, стоят на посту?

— Надо надеяться! Но неизвестно, какие капканы нас поджидают в этом молочном киселе.

Маниголь тяжело вздохнул.

— Я боюсь, что мы окажемся плохими вояками и никудышными перевозчиками по сравнению с нашими противниками. Но, начав дело, его нужно закончить. Сплотимся, друзья мои, и приготовимся дорого отдать свои жизни, если понадобится. Когда туман рассеется, мы определим, где находимся. Земля близко. Мы бросили якорь на спокойном рейде. Даже если баркас не вернется, мы сможем добраться до берега в спасательной шлюпке. Нас много, и мы вооружены. Да еще и пушки в наших руках. Мы сделаем разведку, отыщем и привезем питьевую воду, а затем под охраной переправим на берег Рескатора и его людей, а тогда уже возьмем курс на острова.

Его слова были встречены без особого восторга.

— Мне кажется, я слышу лязг цепей, — сказал Марсело.

— Наверное, это эхо.
— Откуда может быть здесь эхо?
— Возможно, другое судно? — высказал предположение Легаль.
— Скорее это напоминает звон рошельской цепи, когда ее натягивают между рейдом и гаванью до башни святого Никола.
— Не несите чушь!
— По-моему, я тоже слышу, — сказал кто-то.
Они напряженно слушали, вглядываясь в непроницаемую стену тумана.

— Проклятый туман! То ли дело у нас, где даже туманы бывают добропорядочными. А такого я не встречал нигде и никогда.

— Виной этому, очевидно, теплое и холодное течения, доставившие нам столько хлопот.

— Самое удивительное, что звуки разносятся далеко, вместо того, чтобы глохнуть, как это обычно бывает в густом тумане.

— А где Эриксон? — неожиданно спросил Маниголь. Поиски его не принесли результатов. Когда стемнело, юный Маниголь, зажигая первый светильник, стал свидетелем удивительного явления.

— Идите сюда! Посмотрите! — закричал он. Подбежавшие люди увидели великолепную картину:

трепетное пламя лампы отражалось в тумане тысячами огоньков. Свет преломлялся всеми цветами радуги в мириадах льдинок, образовавшихся от резкого похолодания. Стали зажигать остальные фонари. И каждое появление огня рождало многоцветные фантасмагии, которыми в восхищении любовались пассажиры.

Насмотревшись на чудесное зрелище, Анжелика поднялась на палубу. После такого длительного плавания неподвижность корабля и близкий шум прибоя невольно вселяли тревогу. Она испытывала томительное ощущение неминуемо приближающейся битвы.

«По сути-дела я ведь женщина-воин. Жоффрей не знает об этом ничего, впрочем, как и о женщине, в которую я превратилась».

Она обратила внимание на окруженные радужными ореолами фигуры окоченевших от холода людей, закутанных в темные плащи. Они бодрствовали в напряженном ожидании чего-то неотвратимого, что должно случиться этой страшной ночью.

«Почему я нахожусь здесь? — спрашивала она себя. — Ведь они мне безразличны. Я возненавидела Берне, когда-то бывшего моим лучшим другом. Я бы простила ему все, что угодно, но он хотел убить Жоффрея. А этого я не прощу ему никогда. И все же я нахожусь здесь... Хотя на это есть

своя причина: дети... Онорина. Я не могла их оставить. У Жоффрея и у самого достаточно сил. Он познал в жизни все, что доступно человеку. Он непреклонен. Он не подвержен слабостям, даже такой, как любовь ко мне...»

Она жаждала его близости. Той ночью он был таким родным, таким нежным. Был это мираж или действительность? Она уже не знала, чему верить...

Первые проблески зарождающегося дня застали молодую женщину все еще погруженной в свои воспоминания, когда чья-то рука коснулась ее плеча. Обернувшись, она увидела тех двух матросов, которые вместе с Никола Перро сопровождали ее в Ла-Рошели. Значит, и они тоже в числе бунтовщиков! Но опасения ее сразу развеялись. Один из них, без сомнения, мальтиец, зашептал на левантийском наречии, которое она знала.

— Хозяин прислал нас, чтобы защитить тебя и ребенка!

— От кого защитить?

— Тихо, не шевелись!

В тот же момент они крепко схватили ее за руку. Послышался приглушенный шум. Дежуривший у ближайшего люка протестант рухнул, как подкошенный. И тогда Анжелика увидела над ним необычное, поражающее своей величиной существо, похожее то ли на человека, то ли на животное, то ли на птицу.

В неясном свете трепетал его хохол из красных перьев и множество кошачьих хвостов развевалось вокруг его бедер. Поднятая рука отливала медью. Удар — и второй часовой упал.

Анжелика не слышала, как это существо появилось. Оно действовало бесшумно и стремительно. Отовсюду прыгали и скользили по палубе подобные ему молчаливые призраки. Огненные перья, плащи из голубовато-красного меха, развевающиеся за спиной, словно крылья, делали их похожими на карающих ангелов.

У Анжелики, подумавшей, что она стала жертвой кошмара, чуть было не вырвался крик, но ее опередили матросы Рескатора.

— Не вздумайте кричать! Это индейцы — наши друзья!

Один из них в мгновение ока очутился перед ней. Индеец размахивал короткой саблей, украшенной красным плюмажем, а в другой руке держал что-то вроде деревянных щипцов с зажатым в них железным шаром.

Матросы предостерегающе подняли руки и, обратившись к индейцам на мелодичном наречии, показали на Анжелику и на дверь нижней палубы, за которой следили.

Индеец жестом дал знать, что он понял, и вернулся на поле боя.

Повсюду были слышны жуткие вопли, выстрелы... Вдруг раздался крик совы, за которым последовал невообразимый шум, напоминавший вечернюю пирушку в портовой таверне. Смеясь и переговариваясь между собой, бородачи в меховых шапках, как у Никола Перро, перелезали через перила и располагались на палубе.

Внимание Анжелики привлекли двое, чьи европейские камзолы, шпаги на перевязи и большие шляпы немного устаревшего фасона придавали им вид дворян. Уверенным шагом они направились в сторону кормы. На палубе царило лихорадочное возбуждение. Для всех этих людей густой туман, к которому они, очевидно, привыкли, не был помехой. Через несколько минут Анжелика поняла: исход мятежа предрешен. Слабое сопротивление протестантов было сломлено, и противник праздновал победу.

На главную палубу доставили Маниголя со связанными руками. С ним вели Берне и остальных героев разыгрывающейся драмы. Их небритые лица были смертельно бледны, одежда висела клочьями.

Неожиданная атака индейцев застала мятежников врасплох. Когда невидимый враг обрушил на них град камней, у них не хватило духу, чтобы оказать сопротивление. Искаженные от боли лица некоторых из них свидетельствовали о пережитых страданиях. Но Анжелика не питала к ним особой жалости. Наоборот, эти люди вызывали у нее только неприязнь, хотя она и не хотела, чтобы победа Рескатора повлекла за собой кровопролитие.

В глубине души Анжелика всегда верила, что ее муж рано или поздно возьмет верх над решительными, храбрыми, хитрыми, но недостаточно опытными противниками.

Увидев, что счастье изменило ему, Жоффрей де Пейрак решил выждать. Он отлично знал море на широтах, где оказался «Голдсборо», поэтому для него не составляло особого труда одурачить их. Укрывшись в трюме, Рескатор следил за бешеной скачкой корабля по флоридскому течению и в нужный момент послал наверх Эриксона и Никола Перро. Те, прикидываясь, что не знают, где произойдет высадка, привели судно в ловушку, прямо в логово пиратов. На земле матросы, уплывшие на баркасе, встретились со своими прежними товарищами и заручились поддержкой индейцев из дружественных племен. Протестанты теперь были в их власти. Зажженные на «Голдсборо» фонари привели к нему легкие лодки с краснокожими, матросами — лихими «джентльменами удачи» и людьми Рескатора. Но вот и могучая фигура хозяина «Голдсборо» выступила из тумана. Он казался огромным даже рядом с высокорослыми

индейцами, склонившимися перед ним в знак приветствия с подчеркнутой грацией. Рескатор заговорил с ними на их родном языке. Было видно по всему, что и здесь, в стране, находящейся на самом краю земли, он чувствует себя как дома. Не обращая внимания на Анжелику, граф остановился возле пленников.

— Приключение окончено, господа гугеноты. Я сожалею, что ваша доблесть не смогла проявиться в делах более для вас полезных. Вы посчитали врагами не тех, кого следовало, и даже не пытались распознать истинных друзей. За такие ошибки приходится дорого расплачиваться.

— И что же вы собираетесь с нами сделать? — спросил подавленно Маниголь.

— То же, что вы сделали бы со мной, если бы победили. Недавно вы цитировали мне слова из священного Писания. В свою очередь, я предлагаю вам поразмыслить над следующим правилом: «Око за око, зуб за зуб».

Глава 7. Анжелика спасает мятежников

— Госпожа Анжелика, вы не знаете, что он собирается с нами сделать?

Анжелика вздрогнула и подняла глаза на Абигайль. При бледном утреннем свете лицо девушки выглядело изможденным. Впервые она показалась в таком неприглядном виде. Охватившее ее чувство беспокойства не оставляло времени для кокетства. Абигайль была в замасленном фартуке — бессонными ночами она чистила и заряжала мушкеты, с волосами, рассыпавшимися по плечам, — все это делало ее беспомощной и растерянной.

Анжелика с трудом узнала свою юную подругу. Потухшие глаза Абигайль и отчаяние, написанное на ее лице, удивили молодую женщину, ведь дочери пастора Боккара нечего бояться за жизнь отца или кузена, чье поведение во время мятежа было очень осмотрительным. К тому же, у нее не было ни мужа, ни сына среди тех, чья судьба оставалась еще неясной.

«Теми» были главари мятежа: Маниголь, Берне, Марсело, Легаль и трое остальных, поступивших в команду Рескатора для того, чтобы шпионить за ним. С момента ареста их никто не видел. Остальные протестанты были отпущены к своим женам и детям.

— Я спрашиваю себя, не поступили ли мы, как последние глупцы, — сказал доктор Барри, растянувшись на соломенном матрасе. — Прежде, чем слушаться Маниголя и Берне, мы могли хотя бы поговорить с этим пиратом, который все-таки согласился нас к себе взять, когда мы были в таком плачевном состоянии.

Адвокат Каррер поддержал его. Вечный неудачник, он был ранен выстрелом из мушкета, и боль в руке усугубляла его скверное настроение.

— В сущности, мне совершенно безразлично, куда мы попадем, на острова или еще куда-нибудь... Это Маниголь беспокоился о своих деньгах, а Берне боялся потерять благосклонность некой особы, которая вскружила ему голову и заставила потерять рассудок.

Не переставая злобно бормотать сквозь зубы, он бросил мрачный взгляд в сторону Анжелики.

— Мы позволили этим двум безумцам управлять нами, как им было угодно. И вот теперь я попал в переplet... с моими одиннадцатью детьми.

Всеобщее уныние охватило протестантов, и даже дети, напуганные последними событиями и особенно появлением краснокожих, сидели тихо

с печальными лицами, вопросительно поглядывая на взрослых. Легкое покачивание корабля, тишина, царившая на море, где туман по-прежнему держал «Голдсборо» в своих объятиях, пережитые испытания во время бури и мятежа погрузили всех в дремотное состояние.

Ощущение угрозы не покидало Абигаиль. Проснувшись с учащенно бьющимся сердцем под ужасным впечатлением кошмарного сна, она вскочила и бросилась к Анжелике. Но та вообще не смыкала глаз. От Жоффрея де Пейрака ее мысли обратились к рошельцам, ибо она не могла не чувствовать своей ответственности за их судьбу. Наклонившись к побледневшему от страха Лорье, женщина потеплее укутала его и попыталась успокоить. Но ни он, ни Северина не ответили на ее ласку и внимание. Дети больше всего страдали, оказавшись в сетях неразрешимых споров взрослых.

«Не для того же я спасала их от тюрем короля, чтобы они осиротели... На краю света! Нет, это невозможно!»

Появление Абигаиль помогло ее опасениям приобрести определенную форму. Анжелика встала и тщательно расправила платье. «Надо взять себя в руки, — подумала она, — и всеми силами подавить отчаяние».

Позади Абигаиль стояли другие женщины. Они пока молчали, но на их взволнованных лицах можно было прочесть тот же вопрос, который задавала девушка: «Что Рескатор собирается с ними сделать?»

— Почему вы довели себя до такого состояния? — тихо спросила Анжелика Абигаиль, чье поведение показалось ей более чем странным. — Слава Богу, ваш отец и кузен проявили благоразумие и не вмешались в преступные действия, которые осуждали. С ними не должно случиться ничего плохого...

— Но Габриэль Берне! — срывающимся голосом закричала девушка. — Госпожа Анжелика, неужели вы останетесь безучастной к его судьбе? Неужели вы забыли, что он приютил вас в своем доме, что только из-за вас...

В ее глазах, устремленных на Анжелику, вдруг вспыхнула ненависть. Маска привычной безмятежности спала с лица нежной Абигаиль. И тут Анжелику осенило:

— Абигаиль, вы любите его?

Взволнованная девушка спрятала лицо в ладонях.

— Да, я люблю его! Уже столько лет... Я не хочу, чтобы он умер, даже если вы отберете его у меня.

«Какая я глупая, — подумала Анжелика, — ведь она моя подруга, а я не видела, что творится у нее на сердце. А Жоффрей понял это сразу, когда

увидел Абигаиль на «Голдсборо». Он прочел в ее глазах, что она влюблена в мэтра Берне».

Абигаиль подняла залитое слезами лицо.

— Госпожа Анжелика, добейтесь, чтобы его пощадили... Где он?.. Наверху?

И она добавила, не в силах сдержать нахлынувшего ужаса, лишившего ее всякой стыдливости:

— Слышите эти шаги, эти удары молотка? Я уверена, они готовят виселицу для него. Ах! Я покончу с собой, если он умрет.

Подняв голову, женщины прислушивались к торопливым шагам, доносившимся с верхней палубы.

— Все это плоды вашей фантазии, Абигаиль, — сказала наконец Анжелика, призвав на помощь все свое самообладание. — Не может быть и речи о том, чтобы его повесили... Вспомните, фок-мачта сломалась во время бури.

— Ах! На «Голдсборо» осталось много мачт и рей для наших мужей! — вскричала в исступлении мадам Маниголь. — Ничтожество! Это вы увлекли нас с собой, чтобы ваш любовник предал нас, чтобы погубить нас... Впрочем, я всегда вас подозревала.

Она шагнула к Анжелике и занесла над ней руку. Но под повелительным взглядом той вынуждена была остановиться.

С тех пор, как Анжелика вернулась к протестантам в красивом платье и с распущенными по плечам волосами, к их злобе примешивалась известная доля почтения. В новом облике ее благородное происхождение стало более заметным. Спесивая мамаша невольно смутилась перед знатной дамой. Мадам Марсело схватила ее за руку.

— Успокойтесь, — и она увлекла ее назад. — Вы забыли, что только ей одной под силу что-нибудь сделать, чтобы выручить нас! Мы уже и так наделали много глупостей, поверьте мне...

В глазах Анжелики появился холодный блеск.

— Это правда, — ее голос стал резким. — Глупостью было пытаться свалить ответственность за свои ошибки на других. Вы же сами утверждали, мадам Маниголь, что Рескатор достоин доверия, но вы и пальцем не пошевелили, чтобы удержать разбушевавшиеся страсти ваших мужей, следствием которых были поступки не менее постыдные, чем действия пиратов, так презираемых вами. Да, это правда, я была рядом с капитаном, когда они захватили его. Они грозили ему смертью, они убили его товарища прямо у него на глазах... Какой мужчина мог бы забыть о подобных оскорблениях? А он тем более. И вы это знаете и потому

дрожите от страха.

Анжелика почувствовала, что в ней растет возмущение. Женщины с надеждой смотрели на нее. И тогда Маниголь униженно повторила мучивший всех вопрос:

— Так что он собирается с ними сделать?

Анжелика опустила глаза. Она всю ночь не переставала задавать себе тот же вопрос. Неожиданно мадам Маниголь тяжело упала перед Анжеликой на колени. Остальные, охваченные единым порывом, последовали ее примеру.

— Госпожа Анжелика, спасите наших мужей! — они с мольбой простирали к ней руки.

— Вы одна можете это сделать, — пылко уговаривала Абигайль. — вы одна знаете все тайны его сердца и найдете слова, которые позволят ему забыть обиду.

Анжелика побледнела.

— Вы ошибаетесь, я не властна над ним. И сердце его не уступчиво.

Женщины стали цепляться за ее платье.

— Вы одна можете помочь!

— Вы можете все!

— Госпожа Анжелика, сжальтесь над нашими детьми!

— Не отступайте от нас! Пойдите к пирату...

С неожиданной горячностью она потрянула головой.

— Я не могу ничего сделать! Ах, если бы вы знали! Его каменное сердце ничем не прошибешь!

— Но ради вас и ради любви к вам он смягчится.

— Увы, ко мне он совершенно равнодушен.

— О! — воскликнули они хором. — Да что вы говорите! Никогда ни один мужчина не был так очарован женщиной, как он вами! Когда он на вас смотрел, его глаза пылали та кой страстью...

— Это всегда вызывало у нас зависть, — призналась в сердцах мадам Каррер.

Они окружили молодую женщину, слепо веруя в чудо, подвластное ей одной.

— Спасите моего отца, — умоляла Дженни.

— Он глава всей общины. Что будет с нами на этой чужой земле?

— Мы так далеко от Ла-Рошели...

— Госпожа Анжелика!..

Анжелике почудилось, что в этом печальном хоре громче всех звучат слабые и печальные голоса Северины и Лорье, хотя она и видела, что с их

плотно сжатых губ не сорвалось ни единого звука. Они подкрались к пей и обняли маленькими ручонками ее ноги.

Чтобы не видеть их тоскливых глаз, она наклонилась к детям, прижав их к груди.

— Бедные мои, в какую же даль нас занесло!

— А чего вы боитесь, госпожа Анжелика? Вам он не сделает ничего плохого, — тихо сказал Лорье дрожащим голосом.

Как она могла сказать им, что ее с Жоффреем разделяет какая-то неосознанная оскорбительная неприязнь. Подтверждением тому был яростный спор, вспыхнувший на другой день после их примирения. Она не могла рассчитывать на физическое влечение, которое возбуждала у мужа, потому что это не было главным. Такого, как Жоффрей де Пейрак, нельзя было удержать только страстью. Его разум и чувство прекрасного, которое он оставлял для наслаждений более высоких, позволяли ему обуздать свои желания и легко отказываться при необходимости от мимолетных плотских развлечений. И эти стоящие перед ней на коленях женщины простодушно надеялись, что ее очарование отвратит гнев властителя моря.

Жоффрей де Пейрак не простит никогда! Образец подлинного рыцарства, он, согласно традициям благородных предков, никогда не колебался пролить чужую кровь, если это было делом чести. Разве посмеет она просить у него пощады преступникам, нанеся ему такое оскорбление? Подобная попытка только озлобит его. Он обрушится на нее с гневными оскорблениями и предложит убираться к столь милым ее сердцу гугенотам — его врагам!

Женщины и дети с тревогой следили за выражением ее лица, на котором ясно видны все мучившие ее сомнения.

— Госпожа Анжелика, вы одна можете уговорить его! Пока еще не поздно... Ах, уже скоро будет поздно!

Они содрогались при мысли, что сейчас может распахнуться дверь, когда их заставят выйти на палубу и... они увидят! Тогда уже будет слишком поздно кричать и умолять.

Анжелика встряхнула головой, словно отгоняя ужасные мысли.

— Хорошо, я пойду, — сказала она тихо. — Это тяжело, но необходимо.

Она почувствовала себя совершенно обессиленной после того, как, отказавшись остаться с ним, сама разорвала хрупкие нити, связывавшие ее снова с Жоффреем. «Останься со мной! — шептал он. Но в ответ она крикнула «Нет» и убежала. Он не из тех, кто прощает».

Все-таки она твердо повторила:

— Я пойду! Пропустите меня!

Вскочив на ноги, женщины проводили ее до дверей. Абигайл накинула Анжелике на плечи плащ, мадам Марсело пожимала ей руки...

Двое матросов дежурили у дверей. При виде Анжелики они переглянулись, но, вспомнив, очевидно, что она пользуется расположением хозяина, позволили беспрепятственно пройти.

Молодая женщина медленно поднималась по лестницам, ведущим на корму. Эти деревянные ступени, липкие от соли и крови, стали такими привычными, что она поднималась по ним, не глядя под ноги. Туман по-прежнему окутывал корабль, стоявший на якоре в невидимой бухте.

Внезапно Анжелика столкнулась с высоким статным мужчиной в расшитом золотом мундире и низко надвинутой на глаза шляпе с плюмажем. Она вначале подумала, что это ее муж, и замерла в нерешительности. Но он приветствовал ее с изысканной вежливостью.

— Сударыня, честь имею представиться: Ролан де Юрвиль, нормандский дворянин, младший из рода де Валонь.

Несмотря на обветренное загорелое, как у настоящего пирата, лицо, его французская речь и учтивые манеры немного успокоили Анжелику. Он спросил, не желает ли она видеть графа де Пейрака и предложил проводить до его апартаментов. Анжелика охотно согласилась. Она боялась встретиться лицом к лицу с одним из воинов-индейцев.

— Вам нечего опасаться, — сказал Ролан де Юрвиль. — Хотя они и производят грозное впечатление в бою, в мирное время они спокойны и полны достоинства. Господин де Пейрак как раз собирается на землю, чтобы приветствовать их великого Массаву. Но что это с вами?

Поднимаясь по балюстраде кормовой надстройки, Анжелика увидела у гром-мачты покачивающиеся обнаженные ноги.

— Ах, повешенные, — сказал де Юрвиль, проследив за ее взглядом. — Это пустяки, несколько мятежных испанцев, получивших по заслугам. Не волнуйтесь, сударыня, правосудие на море или в наших диких местах должно вершиться без промедления. Тем более, что от таких подонков не было бы никакой пользы.

Анжелика хотела его спросить, что же сделали с остальными, но не решилась. Войдя в салон полуюта, она почувствовала, что силы покидают ее. Вглядываясь в царившую полутьму, женщина была вынуждена опереться о дверь, закрытую за ней нормандским дворянином. Это помещение, где восточные благовония смешивались с запахом моря, было ей хорошо знакомо. Чего только не произошло здесь с того первого вечера в Ла-Рошели, когда капитан Янсон проводил ее к Рескатору!

Анжелика не сразу заметила мужа. Он стоял в глубине каюты у большого окна, за которым переливались разноцветными красками клубы рассеивающегося тумана.

Проникающий через стекла пляшущий свет играл на жемчужинах, алмазах и других драгоценностях, вынутых Жоффреем де Пейраком из ларца, стоящего на столе.

Господин де Юрвиль сказал, что хозяин «Голдсборо» собирается встретиться на суше с прославленным самагором Массавой. Очевидно, по этому случаю он надел роскошный костюм. Его высокие испанские сапоги были сделаны из темно-красной кожи, такой же, как и брошенные на стол перчатки с раструбами и пояс, удерживающий пистолет и кинжал. Единственное, что отличало его от именитого вельможи, — это отсутствие шпаги. На ее месте сверкала перламутровой инкрустацией серебряная рукоятка длинного пистолета. Анжелика наблюдала, как он надевал на пальцы два перстня, но тут ее внимание привлекла висевшая на его груди золотая звезда, усыпанная алмазами, какие носили при Людовике XIII знаменитые военачальники.

Граф стоял к ней вполоборота. Слышал ли он, как она вошла? Наконец он закрыл шкатулку и повернулся к ней.

Бывает, что в самый неподходящий момент внезапно появляется нелепая мысль. Вот и сейчас женщина подумала, что ей придется привыкнуть к отпущенной круглой бородке мужа, делавшей его похожим на сарацина.

— Я пришла... — начала она.

— Вижу, — прервал ее граф.

— Жоффрей, что вы собираетесь сделать с ними?

— Вас только это тревожит?

От волнения она лишилась голоса и В отпет лишь кивнула.

— Сударыня, вы плавали по Средиземному морю, интересовались морской коммерцией, следовательно, законы моря вам должны быть известны. Какая участь уготовлена тем, кто во время плаванья восстает против капитана и покушается на его жизнь? Их вешают без суда. Высоко и на короткой веревке. Так что главарей я повешу.

Он произнес эти слова с абсолютным спокойствием. Да, его решение было окончательным. Ледяная дрожь пробежала по телу Анжелики, ей стало дурно.

«Немыслимо, чтобы это случилось, — сказала она себе, — я согласна на что угодно, чтобы удержать его от этого шага, я буду валяться у него в ногах».

Неверными шагами она пересекла комнату и прежде, чем он смог предупредить ее, упала перед ним на колени.

— Жоффрей, пощадите их, прошу вас, мой возлюбленный, умоляю вас... Я прошу не столько ради них, сколько ради нас. Я содрогаюсь при мысли, что этот поступок сможет поколебать мою любовь к вам. Между нами будет кровь моих друзей!

— А кровь моих уже пролилась. Янсон, верный друг, десять лет деливший со мной все печали и радости, старый Абд-эль-Мехрат, мой спаситель, безжалостно зарезанный ими...

Его голос дрожал от гнева.

— Ваша просьба оскорбительна для меня, сударыня, и я опасаясь, что вас побудила достойная презрения привязанность к одному из этих людей, которые обманули меня, вашего, якобы так любимого, супруга.

— Нет... и вы это хорошо знаете. Я люблю только вас... я всегда любила только вас... без вас мое сердце разрывается...

Он хотел оттолкнуть ее, но не смог, ощущая тепло ее рук и тела. Из всех произнесенных ею бессвязных слов, только одно обожгло его: «Мой возлюбленный!» Неожиданно для него самого его растрогал нежный призыв и неожиданный самоотверженный жест этой гордячки, бросившейся перед ним на колени.

— Я знаю, — сказала она приглушенным голосом, — что своими действиями они заслужили смерть.

— Тогда я окончательно не понимаю, сударыня, почему вы так упорно защищаете их и почему вас до такой степени волнует судьба мятежников, если вы действительно не одобряете их измену?

— Вы думаете, что я сама это знаю? Я чувствую себя связанной с ними, несмотря на их заблуждения и предательство. Может быть, потому что они спасли меня тогда, а я, в свою очередь, спасла их, помогая покинуть Ла-Рошель, где они были обречены. Я была такой же отверженной, когда мэтр Берне приютил меня. Если бы вы знали...

Я превратилась в затравленное животное, беспощадно предаваемое всеми...

Он предупредил ее попытку оправдаться.

— Что было, то прошло, — сказал он, усмехнувшись. — Благодеяния прошлого не могут заставить забыть грехи настоящего. Вы всего только женщина и вам трудно понять, что дисциплина и справедливость должны торжествовать, иначе будет править анархия. И я не смогу оставить потомкам ничего, кроме бесцельно прожитой жизни. Тут, где мы находимся, слабость недопустима.

— Речь идет не о слабости, а о милосердии!

— Опасное заблуждение! Ваш альтруизм обманывает вас и совсем вам не к лицу.

— А какой бы вы хотели видеть меня? — воскликнула она возмущенно. — Жестокой? Злой? Беспощадной? Конечно, на протяжении нескольких лет я жила ненавистью. Но теперь не могу больше... Я не хочу больше зла, Жоффрей. Зло — это смерть. А я люблю жизнь!

Ее последние слова раскрыли секрет ее поведения. Среди перипетий недавних событий его не оставляли мысли об Анжелике, и он беспрестанно пытался постигнуть тайну той, которая владела его сердцем. Итак, в ней не было ни притворства, ни расчетливости.

Повинуясь обычной женской логике, она пришла, чтобы поставить его перед свершившимися фактами. Неужели он и в самом деле хотел бы встретить в ней властолюбивую, злобную, безжалостную эгоистку? Что делал бы он сейчас с маркизой, занятой только собой, он — авантюрист, который готов был еще раз бросить свою жизнь на весы фортуны, приближаясь к неизведанным землям? Какое место могла занять в этой жизни та Анжелика из прошлого, покоровившая сердце короля и избравшая развратный двор местам для своих сомнительных «подвигов»? Дикая и суровая земля, куда он привез ее, не нуждалась в мелочных и пустых сердцах. Она требовала самопожертвования...

Ожидая его приговора, женщина не спускала с него горящих страстью глаз. Поддавшись их очарованию, Жоффрей подумал: «Самые прекрасные глаза в мире! Заплатить за такие тридцать пять тысяч пиастров, не так уж и дорого. Король не устоял перед их сиянием... Жестокий султан склонился перед их властью».

Он коснулся рукой ее лба, прикрывая глаза, словно боясь уступить их зову, затем медленно погладил волосы. Казалось, что дыхание времени создало новую оправу для ее сияющих зеленых глаз, которым бы позавидовали богини Олимпа.

Втайне он восхищался ее способностью сохранять свою прелесть при любых обстоятельствах. Она была одинаково прекрасна и в водовороте бури, и на ложе любви. Ибо ее красота была не из тех, что требует для своего совершенства искусства парфюмерии. Именно простотой она была обязана своему великолепию, рожденному удивительной жаждой жизни. Он не мог жить без нее. Даже мысль о том, что она находится в другой части корабля, была невыносимой.

Увидев Анжелику, дрожащей у его ног, граф де Пейрак был потрясен. Бог знает, почему он сразу не повесил «ее» протестантов. За свою полную

опасностей жизнь ему не раз пришлось убедиться, что слабость была всегда причиной неудач и горьких поражений. Лучше пожертвовать пальцем, чем потерять руку.

Анжелика боялась нарушить воцарившуюся тишину. Рука, ласково гладившая ее волосы, заронила в ней надежду, но женщина не пыталась подняться. Она не убедила его, и он, противясь ее чарам, может стать еще более подозрительным и неумолимым. Что делать? Ее душа блуждала в пустыне, где ужасная картина повешенных на реях рошельцев сменялась такой же, открывшейся тем ледяным утром в Нейльском лесу, около скалы Фей. Немые безжизненные тела, раскачивающиеся на ветру...

Когда она заговорила, голос ее прерывался от волнения:

— Жоффрей, не лишайте меня единственного, что у меня осталось... Сознания, что я нужна обездоленным детям. Ведь все произошло по моей вине. Я хотела спасти их от худшей участи. Их невинным душам грозила гибель. Неужели я увлекла их так далеко только для того, чтобы они увидели, как предают их отцов позорной казни? Какое потрясение для них! Не отказывайте им в надежде, Жоффрей! Я не смогу перенести их страданий. Помочь этим юным созданиям избежать роковой участи — вот цель моей жизни. И вы хотите лишить меня этого? Я все потеряла: богатство, титулы, честь, моих сыновей... Наконец, вас, вашу любовь. У меня ничего не осталось, кроме ребенка, над которым тяготеет проклятие.

Рыдание перехватило ее горло. Анжелика замолчала. Пальцы Жоффрея судорожно держали ее волосы, причиняя боль.

— Не думайте, что растрогаете меня слезами.

— Я знаю, — прошептала она. — Я такая неумелая.

«О, нет, наоборот, слишком искусная», — подумал он. Ему было невыносимо тяжело видеть ее в слезах. Он почувствовал, как его сердце разрывается от жалости к любимой.

— Поднимитесь... Невыносимо видеть вас такой униженной.

Анжелика больше не в силах была противиться и покорно поднялась. Он отвел обнимавшие его холодные, как лед, руки. Какое-то мгновение граф задержал их в своих руках. Оставив ее, он в раздумьях ходил по каюте. Анжелика наблюдала за ним.

Жоффрей, покоренный любовью к ней, с трудом сдерживался от искушения заключить ее в свои объятия, осыпать поцелуями... «Анжелика! Любовь моя!»

Он больше не мог видеть, как она трепещет перед ним.

— Присядьте, госпожа аббатиса, — сказал он вдруг, — и скажите, раз уж снова хотите поставить меня в безвыходное положение, какое решение

предлагаете вы? Не может ли случиться, что мой корабль, лагерь и побережье скоро станут ареной кровавых стычек между вашими вспыльчивыми друзьями, моими людьми, индейцами, трапперами, испанскими наемниками и всей фауной Даун-Иста?

Легкая ирония, сквозившая в его словах, принесла Анжелике необыкновенное облегчение. Она опустила в кресло и глубоко вздохнула.

— Не считайте партию выигранной, — сказал граф. — Я просто задал вам вопрос. Что мне делать с ними? Если бы они, по крайней мере, не искушали других своим поведением и дурным примером. Получив свободу, они дождутся момента, чтобы взять реванш. Я мог бы, конечно, избавиться от них тем же способом, что они готовили для нас: высадить их где-нибудь севернее на пустынном берегу. Это обрекло бы их на такую же верную смерть, как и повешение. Доставить же их в благодарность за их вероломство на острова я не могу, даже в угоду вам. Я потеряю уважение не только среди моих людей, но и в глазах всего Нового Света. Здесь не прощают глупости.

Опустив голову, Анжелика напряженно думала.

— Вы предполагали предложить им часть вашей земли для колонизации. Почему же теперь отказываетесь?

— Почему? Вложить оружие в руки тех, кто считает меня своим врагом? Какая может быть гарантия их лояльности по отношению ко мне?

— Участие в прибыли, которую вы предложите. Вы как-то говорили, что они могут здесь заработать гораздо больше, чем при любых торговых сделках на Антильских островах. Это правда?

— Да, это верно. Но пока здесь еще ничего нет. Надо все создавать. Построить порт, город, наладить торговлю...

— Уж не потому ли вы согласились взять их с собой? Ведь вам известно, что гугеноты незаменимы, когда речь идет об освоении новых земель.

— Не отрицаю. Но их необъяснимая враждебность заставила меня усомниться в их готовности к этому.

— Они должны быть уверены в успехе. Нелегко, конечно, с ними договориться, но они хорошие коммерсанты и к тому же умелые и мужественные люди. Разве то, что они, не имея ни оружия, ни золота, без достаточных знаний морского дела, сумели осуществить свой план и захватить «Голдсборо» не подтверждают этого?

Жофfrey де Пейрак расхохотался.

— Надо быть слишком великодушным, чтобы признать это.

— Но вы способны на это! — сказала она с пылом.

Он остановился около Анжелики и пристально посмотрел на нее. Восхищение и преданность, которые он прочел в ее глазах, не были притворными. Это был взгляд ее юности, когда она без оглядки отдавалась зову пламенной любви. Безусловно, для нее не существовало на земле другого мужчины, кроме него. И как он мог сомневаться в этом? Чувство неожиданной радости охватило его. Он почти не слышал, что она говорила:

— Вам могло показаться, Жоффрей, что я готова легко простить поступки, ранившие ваше сердце, и забыть их последствия, которые привели к смерти ваших верных друзей. Подобное вероломство по отношению к вам могло бы быть поводом для негодования. Но я все-таки буду продолжать бороться за то, чтобы восторжествовала жизнь. Мы стали жертвами недоразумения, и я чувствовала бы себя вдвойне виноватой, если бы не попыталась его рассеять.

— Что вы хотите этим сказать?

— Жоффрей, когда в Ла-Рошели я умоляла, не ведая, кто скрывается под маской Рескатора, взять на борт этих людей, над которыми нависла угроза неминуемого ареста, вы вначале отказались, но потом согласились. Значит, вам пришла в голову мысль попытаться сделать их колонистами? Я убеждена, что, принимая это решение, вы не только не желали причинить им зла, а наоборот, не забывая и свои интересы, давали этим изгнанникам возможность попытать удачу.

— Я не могу отрицать, что это близко к истине...

— Почему же вы сразу не посвятили их в свои намерения? Откровенный разговор рассеял бы невольное подозрение, которое вы им внушили. Никола Перро говорил мне, что не найдется на земле людей, с которыми вы не нашли бы общего языка.

— Несомненно, но эти рошельцы сразу внушили мне неприязнь, которая постепенно переросла во взаимную враждебность.

— Но из-за чего?

— Из-за вас, сударыня.

— Из-за меня?

— Конечно. Ваши слова объяснили мне сегодня причину сразу же возникшей между нами антипатии. Вы можете себе представить? — в волнении продолжал он. — Я увидел, что вы ведете себя среди них, как своя. Как же было не заподозрить, что среди гугенотов может находиться ваш возлюбленный или даже супруг? К тому же оказалось, что у вас есть дочь. Был ли ее отец тоже на борту? Я видел, с какой нежностью вы склонялись над раненым, судьба которого волновала вас до такой степени,

что у меня исчезли последние сомнения.

— Жофfrey, он был ранен, спасая мою жизнь!

— И тут вы еще заявляете, что хотите вступить с ним в брак! Я надеялся вернуть вас себе, но боялся снять маску, чувствуя, что пока ваша душа еще слишком далека от меня.

— Кто бы мог подумать! Что за проклятие тяготеет надо мной, которое заставляет враждовать мужчин?

— Красота Елены послужила причиной начала Троянской войны!

— О, Жофfrey, только не говорите, что я стала причиной стольких ужасных происшествий!

— Именно из-за женщин происходят невероятные бедствия! Недаром же говорят: «Ищите женщину!» Но они же приносят и самое большое счастье. Откровенно говоря, мне понятно желание Берне покончить с собой. И я прощаю его только потому, что торжествую победу, одержанную не столько томагавками, сколько вашей любовью ко мне. Пока я сомневался в результате вашего выбора, бессмысленно было взывать к моему милосердию... Завтра всех пассажиров перевезут на берег. Маниголь, Берне и другие в цепях и под стражей будут сопровождать нас. Я сообщу им, чего от них ожидаю. Если они согласятся, я заставлю их поклясться на Библии, что они не посмеют нарушить данное слово.

Он взял со стола шляпу.

— Вы удовлетворены, сударыня?

Она молчала. Ей трудно было еще поверить в свою победу. Поднявшись, она проводила его до двери и там неожиданно схватила за руку.

— А если они не согласятся? Если вам не удастся убедить их?

Он отвел глаза и пожал плечами.

— Им дадут индейца-проводника, лошадей, повозки и оружие, и пусть они катятся... ко всем чертям!..

Глава 8. Волшебные острова

Сквозь проплывавший над прозрачной водой туман до Анжелики, стоявшей на полуострове, доносились далекие крики с берега. Этот неведомый мир был избран Жоффреем де Пейраком местом для их новой жизни. И потому для Анжелики эта земля не казалась чужой.

Она поднялась на корму вместе с Онориной после того, как принесла измученным женщинам утешительную весть. Ей необходимо было побыть одной. Слишком много волнений выпало на ее долю. Постоянно угнетавший ее страх начал постепенно рассеиваться. Жоффрей только что расстался с ней, а она уже ожидала его возвращения. Анжелика хотела вновь услышать его голос. Прислушиваясь к всплескам воды под веслами приближающейся лодки, возможно, его лодки, она ждала, когда раздадутся его шаги.

Она сгорала от желания быть рядом с Жоффреем, любоваться им, внимать его речам. Разделять с ним радости и заботы, мечты и устремления. Неожиданно для себя она звонко рассмеялась.

«Влюблена! Влюблена! Я ужасно влюблена!»

Радость вновь обретенной любви переполняла ее сердце. Она снова ощутила его мужественную руку, ласкающую ее волосы, услышала приглушенный голос: «Присядьте, госпожа аббатиса...»

«Он не мог так быстро во всем согласиться со мной, если бы не любил меня. Он их помиловал! Он сделал мне этот королевский подарок. Ах, что за важность, пусть он властвует надо мной! Ведь я только женщина... и его жена!»

Соединявшие их узы брака позволили им найти друг друга. Граф де Пейрак не мог забыть о той, которая была его супругой. Он поспешил к ней на помощь в Канди, затем, когда Осман Фераджи предупредил его, отправился в Мекнес. Точно так же он появился и в Ла-Рошели, чтобы ей помочь.

Анжелика вздрогнула. Теперь она была уверена, что не случай привел графа де Пейрака к стенам Ла-Рошели. Он знал, что она находится в этом городе!

Кто же мог предупредить его? Она перебрала в уме все возможные пути и остановилась на наиболее вероятном — болтовня сэра Роша. Все новости шли через него в гавани Востока и Запада.

«Он всегда старался помочь мне, когда узнавал, что я в

затруднительном положении. Значит, он дорожит мною, а я доставляла ему только неприятности».

— Мама, ты дрожишь, как будто тебе снится дурной сон, — сказала укоризненно Онорина.

— Ты не можешь понять, — ответила Анжелика, — это так прекрасно! Онорина надула губки. Чувствуя смутные угрызения совести, Анжелика погладила ее длинные рыжие волосы. Девочка догадывалась, что когда отношения между Черным Человеком и ее матерью налаживались, ее благополучию приходил конец. Мать не уделяла ей внимания и с трудом мирилась с ее присутствием. Почему бы это?

— Ничего не бойся, — вполголоса сказала Анжелика. — Я не покину тебя. Твое маленькое сердце уже извело грозные бури. Я постараюсь помочь тебе избежать их в будущем... Онорина, я хочу кое-что тебе сказать, моя милая. Я люблю тебя. Мне кажется, что только ты пробудила во мне материнские чувства. Я хочу, чтобы ты это знала. Потому что ты с рождения была обездоленной.

Она говорила совсем тихо. Онорина не понимала ее, но тот ласковый тон, с каким мать обращалась к ней, успокаивал девочку.

Но счастье Анжелики нельзя было назвать полным. Ей не давали покоя упреки де Пейрака в плохом присмотре за его сыновьями и изменах, из которых самая тяжелая приписывалась ей напрасно. Когда-нибудь она наберется смелости и скажет мужу, что никогда не была любовницей короля! И уж, конечно, никогда не могла любить того, кто стал отцом Онорины.

Надо будет поговорить и о Флоримоне. Ведь это их родительский долг попытаться найти юношу, А если он заговорит с ней о Канторе? Это такое больное место! Почему он, Жоффрей, всегда предвидевший все, не знал, атакуя королевский флот, что его сын находится на одной из галер? Это была единственная военная операция, которую он проводил против короля Франции. Какой нелепый случай!.. А может быть, это было неспроста?

При мысли о Рескаторе ее не покидало ощущение, что ей вот-вот откроется что-то удивительно простое, что должно было бы быть для нее уже давно очевидным. Но ее попытки сосредоточиться были тщетны. Вдруг она взглянула наверх и оцепенела от охватившего ее страха. Прямо над ней разрасталось сияние, переливающееся всеми красками — от красного до фиолетового — ставшее, наконец, яркого, оранжевого цвета. Казалось, что этот рассеянный свет льется с небосвода. Но, когда Анжелика запрокинула голову, то увидела на небе гигантский оранжевый шар, похожий на фантастический гриб. От него исходил такой

невыносимый жар, что ей пришлось закрыть лицо. Онорина подняла руки вверх:

— Мама, смотри, солнце!

Анжелика едва не рассмеялась.

— Так это всегда только солнце...

Ей было чего испугаться: огромное красное солнце, хотя и стояло высоко в небе, было необычным. Его окружали разноцветные радуги.

Несмотря на палящий жар северного светила, Анжелика чувствовала, что замерзает под порывами холодного ветра. Она укрыла Онорину плащом и сказала:

— Уйдем отсюда! — но не двинулась с места, покоренная красотой открывающегося перед ней зрелища. Многоцветные завесы тумана то возникали, то таяли, словно падающие муслиновые вуали. Ей показалось, что она видит зеленое чудовище, которое, вытягиваясь, становилось огромным, выпуская повсюду длинные щупальца с огненными когтями.

И вдруг туман исчез, словно его и не было. Ледяное дыхание ветра сдуло его последние завитки. Чистый воздух зазвенел, как струна, чуть потускневшее солнце сияло в голубизне неба. То, что Анжелика приняла за зеленое чудовище, оказалось берегом, покрытым густым лесом с плешинами из красного песка.

Сверкающая лазурь неба прерывалась темными пятнами елей, высохших сосен, красноватым золотом кустарников, опаленных дыханием осени. А как будто и лето еще не начиналось! Везде: и в заливе, и дальше, в чистом, цвета лаванды море глазам открывались окаймленные розами зеленые острова.

После нескольких дней, проведенных в тумане, живая игра красок была подобна волшебным сновидениям. Анжелика, очарованная этим зрелищем, не заметила, как вернулась шляпка.

Жоффрея де Пейрака поразило восхищение, написанное на ее прекрасном лице. Когда женщина повернулась к нему, он сделал широкий жест рукой.

— Вы изъявили желание увидеть острова, сударыня? Вот они!

— Как же называется эта страна?

— Голдсборо!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
СТРАНА РАДУГ

Глава 1. Судьба рошельцев

— Мы уже в Америке? — спросил один из малышей.

— Честно говоря, я и сам не знаю, но как будто да, — ответил Маниголь.

— Но это не похоже на то, о чем писал пастор Рошфор.

— Но это еще красивее.

Отовсюду раздавались детские голоса, взрослые собрались на палубе молча.

— Мы высадимся на землю?

— Да!

— Наконец-то!

Все смотрели на расстилающийся перед ними лес, из-за легкого тумана трудно было определить расстояние до него. Между тем, погода была достаточно ясной, чтобы разглядеть землю и множество красных, коричневых и белых пирог, отчаливших от берега.

О близости моря напоминал неистовый шум прибоя в рифах и узком извилистом проходе, который вел в залив. Именно туда были обращены взгляды Маниголя, Берне и их товарищей, когда они поднялись из трюма наверх.

По направлению рифового барьера хлынула стена клокочущей воды, которая как бы еще раз убеждала пленников в невозможности бегства из так хорошо охраняемой западни. Тем не менее, они шли уверенной поступью.

Анжелика поняла, что гугеноты еще не знали, почему их расковали и зачем привели сюда. Рескатор продолжал мстить, держа их в страхе перед неминуемой смертью, и они невольно приняли за траурные приготовления ту заботу, которой окружили их двое молчаливых матросов. Им прислали все необходимое для бритья и принесли чистое белое, хотя и поношенную, но выстиранную и выглаженную одежду.

Когда протестанты появились на палубе, их вид мало чем отличался от прежнего. Но Анжелика с волнением заметила, что на них не было цепей, как и обещал Жоффрей. Сердце ее тянулось к нему, ибо она знала, почему он избавил отцов от унижения перед своими детьми. Он сделал это ради нее, чтобы она оценила его заботу! Она поискала его глазами. Граф появился как всегда внезапно, в том же красном плаще, который надел накануне. Красные и черные перья на его шляпе трепетали под ветром...

Через борт с ловкостью обезьян перепрыгивали индейцы. Они заполнили собой всю палубу. Их молчаливость и загадочный взгляд прищуренных глаз производил на пассажиров корабля гнетущее впечатление. Внезапно индейцы стали брать на руки самых маленьких детей и исчезать с ними за бортом. Испуганные, растерянные женщины подняли страшный крик.

— Эй, успокойтесь, кумушки — весело закричал де Юрвиль, приплывший на небольшом баркасе. — Вас слишком много, чтобы сразу погрузить всех. Могикане перевезут детей на своих пирогах. Совершенно не из-за чего волноваться. Это же не дикари!

Его жизнерадостность подействовала успокаивающе. Нормандец внимательно присматривался к женским лицам.

— А среди этих дам есть довольно милые мордашки.

— Ну-ну, спокойнее, мой друг, — сказал Жоффрей де Пейрак. — Не забывайте, что вы женаты на дочери нашего великого самагора и должны хранить ей верность, если не хотите получить стрелу в сердце.

Де Юрвиль объяснил, что уже пора садиться в шлюпки, и его руки готовы принять самую храбрую из дам.

Атмосфера тревожного ожидания рассеялась. Понимая, что путешествие закончилось, каждый захватил с собой убогий скарб, привезенный из Ла-Рошели.

Анжелике предложили занять место в большом баркасе. Туда же спустились пленники, а также пастор Боккар, Абигайль, мадам Маниголь с дочерьми, мадам Марсело с Бертиль, мадам Каррер и часть ее ребят.

Жоффрей де Пейрак обернулся к пастору.

— Господин пастор, эта уединенная бухта, укрытая от посторонних глаз, всегда была убежищем пиратов. Вам предстоит быть первыми людьми, искренне верующими в Бога, которые высадутся в этих местах и будут владеть ими. Поэтому я предлагаю вам ступить на берег первым и повести за собой вашу паству на новую землю.

Услышав такую неожиданную для него просьбу, старик поднялся. Крепко прижав к груди свое единственное богатство — Библию, он спрыгнул с баркаса и устремился, разбрызгивая воду, к берегу.

Он давно уже где-то потерял свою шляпу, и сейчас ветер развеивал его седые волосы. Выйдя на прибрежный песок, пастор поднял над головой священную книгу и запел гимн. Протестанты подхватили его хором.

Подплывавшие на пирогах индейцы передавали из рук в руки малышей. Дети в изумлении таращили глаза на происходящее. Со всех сторон, окружая кольцом прибывших, стали стекаться удивительные

краснокожие люди вместе с пестрой ватагой матросов, которых Жоффрей де Пейрак в шутку называл «фауной Даун-Иста». Могикане, мирные земледельцы, и раскрашенные, причудливо одетые воины со сверкающим оружием, женщины с грудными детьми в ярких заплечных сумках...

Первый порыв возбуждения прошел, и теперь протестанты в тревоге ожидали решения их судьбы. Беспощадные не только к врагам, но и к самим себе, они не строили иллюзий относительно уготованного им будущего. Здесь править должен был закон возмездия, и они не надеялись на милосердие человека, который уже показал свою способность к мгновенным решительным действиям. Их и без того удивляло, что они до сих пор еще живы.

Подошедшие индейцы сложили у ног Маниголя и его спутников связки маисовых початков, корзины с овощами и разными напитками в необычных сосудах, жареное мясо на кусках березовой коры.

— Первые шаги к согласию, предусмотренные великим самагором, — заметил граф де Пейрак. — Его пока нет, но он не заставит себя долго ждать.

Маниголь не выдержал напряженного ожидания.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он. — Пришло время объявить о вашем решении, сударь. Если нас ожидает смерть, то к чему разыгрывать комедию радушного приема?

— Посмотрите вокруг себя. Здесь все дышит жизнью, а не смертью, — сказал граф, показывая рукой в сторону роскошного ландшафта.

— Должен ли я понять это, как то, что вы готовы отменить вашу казнь?

— Я и в самом деле отменяю ее.

На бледных лицах измученных протестантов появился легкий румянец, но они еще сомневались, помня брошенные им безжалостные слова: «Око за око, зуб за зуб».

— Любопытно было бы узнать, что скрывается за вашим великодушием? — проворчал Марсело.

— Я не делаю из этого секрета и готов удовлетворить ваше любопытство. Ибо в любом случае, вы должны заплатить за кровь убитых вами людей, среди которых двое были самыми дорогими моими друзьями.

— И какой ценой?

Де Пейрак с преувеличенным вниманием следил за разлетающимся под ударами его сапог песком.

— Остаться здесь и построить порт, который станет более богатым, более обширным и знаменитым, чем Ла-Рошель.

— Это условие нашего спасения?

— Да... ибо в данном случае спасение людей послужит воплощению моей мечты.

— Вы превратите нас в своих рабов?

— Я дарю вам чудесную землю.

— Сначала скажите, куда мы попали? — спросил Маниголь.

Граф подробно рассказал им и закончил тем, что это часть одной из тринадцати английских колоний.

Рошельский арматор, Берне и Легаль удивленно переглянулись.

— То, что вы нам предлагаете, — подлинное безумие. Это скалистое побережье известно своей недоступностью, — сказал последний. — Оно представляет собой смертельную западню для кораблей. Цивилизованным людям невозможно жить здесь.

— Это соответствует действительности. Исключение составляет то место, по которому прошел «Голдсборо». То, что вам кажется труднодоступным проходом, всего лишь скалистый порог, судоходный при приливе, ведущий в надежное убежище.

— Я не отрицаю, что это чудесное укрытие для пиратов. Но рассказы мореплавателей не оставляют надежды на постройку порта. Голод, холод, самые мощные приливы в мире, бешеный ветер, засыпающий снегом все до самого моря...

— Так вот какую участь вы нам приготовили! — сказал Марсело. — У нас здесь ничего нет, и вы обрекаете нас с женами и детьми на голодную смерть?

Едва он закончил, как Жоффрей де Пейрак сделал резкое движение рукой, давая знак матросам, оставшимся в одной из лодок. Затем он устремился к красным скалам, подступающим к самому морю.

— Идите сюда!

Они нехотя последовали за ним. На мгновение гугенотам показалось, что Рескатор собирается расправиться с ними, но тут же успокоились, поняв, что этот дьявол в человеческом облике просто приглашает их на прогулку. Они присоединились к нему на берегу, куда уже причалила лодка. Матросы распутывали рыболовную сеть.

— Богохульник! — закричал Марсело. — Как вы смеете издеваться над Евангелием?

— Глупец! — ответил де Пейрак, приходя в хорошее расположение духа. — Не может быть двух способов достижения одного результата с помощью одинаковых средств.

Изобилие рыбы повергло протестантов в изумление. Гигантские

омары сине-стального цвета отчаянно барахтались среди осетров, палтусов...

— Вы каждый день можете быть с таким уловом. В определенную пору года целые косяки трески ищут убежище в многочисленных расщелинах у берега. А лососи поднимаются по рекам вверх, чтобы метать икру.

— Соленой и копченой рыбой можно снабжать заходящие в порт судна, — сказал молчавший до сих пор Берне.

Граф де Пейрак бросил на него проницательный взгляд и спокойно продолжал:

— Разумеется... Во всяком случае, вы убедились, что голод вам не грозит. Я уж не говорю об изобилии дичи, ягод, кленового сахара я превосходных индейских культурах, о которых вы сможете судить сами.

Глава 2. Лагерь Шамплена

Когда они вернулись назад, место высадки превратилось в пиршественный стол. Индейцы продолжали приносить блюда, корзины с ароматными фруктами, огромные тыквы и помидоры. От костров доносился запах свежей рыбы.

— А где же наши дети, — слышались голоса женщин, испуганных диким зрелищем торжественного танца индейцев.

— Мама! — раздался крик Онорины, неожиданно появившейся возле матери. — Пойди посмотри, какие креветки я наловила с господином Краули! — ее лукавая мордашка была вся в синих пятнах.

— Боже, неужели она пила чернила!

Но оказалось, что все остальные дети были так же разукрашены.

— Мы лакомились, — хором ответили ребяташки.

В ответ на вопрос о том, что они ели, дети произнесли английские слова.

— Если так пойдет и дальше, то через несколько дней они начнут говорить по-английски, — заключили родители.

— С этим голод вам не страшен, — граф показал на угощение, — а изобилие леса и мехов защитит вас от холода.

— Тем не менее, Шамплен потерпел неудачу, — сказал Маниголь.

— Действительно. Но знаете, почему? Он не знал о прибрежной полосе и испугался ста двадцати футов прилива в суровые зимы.

— А вам удалось ликвидировать это препятствие? — съязвил Марсело.

— Нет. Прилив всегда достигает ста двадцати футов, но только с другой стороны этого высокого мыса Голдсборо, где Шамплен разбил свой лагерь. Он расположился в окаянном месте, тогда как в получасе хорошей езды рысью он нашел бы это место, где мы сейчас находимся и где прилив достигает только сорока футов.

— Сорок футов — это еще слишком высокий прилив для порта!

— Неправда! Сорок футов — это высота прилива в Сен-Мало, процветающем бретонском порту.

— Где нет скалистых проливов, — заметил Берне.

— Конечно, но есть Ране с его наводнениями и илом.

— А здесь нет ничего похожего на ил, — сказал Маниголь, опуская руку в прозрачную воду.

— Наши условия гораздо более благоприятны, чем те, в которых наши предки решили строить неприступный порт на скале, ставшей потом Ла-Рошелю. Он защищен скалистой грядой, как и здесь, но ему вместе с тем угрожают заносы ила, который в скором будущем задушит порт. Кому же, как не вам, рошельцам, строить порт в местности, столь напоминающей вашу родину?

Анжелика обратила внимание, что протестанты столпились вокруг того, кого по-прежнему называли Рескатором. Но они так увлеклись, что забыли о своем щекотливом положении. Его вопрос вернул их к печальной действительности.

— Но ведь мы в ваших руках, — с горечью сказал Маниголь. — У нас нет выбора.

— О каком выборе может идти речь? — сказал Жоффрей де Пейрак, внимательно глядя на них. — Отправиться в Санто-Доминго? Что вы знаете об этом острове, до которого нельзя добраться, не заплатив дань карибским пиратам. И чем могли бы там заняться такие предприимчивые, деятельные и опытные в торговом деле люди, как вы? Рыбным промыслом? В жалких ручейках там водятся только пескари, а прибрежные воды кишат кровожадными акулами.

— Однако, у меня там есть торговые конторы и немалые деньги.

— Нет, это несерьезно. Ваши конторы, может быть, и не будут разграблены пиратами, но вам они принадлежать уже не могут, господин Маниголь. Уверены ли вы, что ваши дорогие, преданные и такие предусмотрительные компаньоны, как в Санто-Доминго, так и в Ла-Рошели, не поделили оставшуюся после вас добычу?

Маниголь смутился. Его собственные тайные подозрения подтвердились словами Рескатора, который продолжал:

— В этом вы и сами настолько убеждены, что одной из побудительных причин, толкнувших вас на захват моего корабля, была именно боязнь очутиться на островах без гроша в кармане, отвези я вас туда. Ваш разбойничий план сулил вам двойную выгоду. Уничтожив меня, вы уничтожили бы кредитора, и став владельцем прекрасного корабля, смогли бы держать в ежовых рукавицах несчастных эмигрантов.

Маниголь не оправдывался. Он только опустил голову и, скрестив руки на груди, погрузился в глубокую задумчивость.

— Так вы говорите, сударь, что мои опасения по поводу верности прежних компаньонов в Ла-Рошели и на островах подтвердились? Это только предположение или достоверность?

— Достоверность.

— А откуда же это вам известно?

— Мир не так уж велик, как это кажется на первый взгляд. Во время остановки у берегов Испании я встретил одного из величайших болтунов вселенной, — некоего Роша, которого я знаю еще по Леванту.

— Это имя мне кажется знакомым.

— Рош был служащим палаты в Ла-Рошели. Он рассказывал об этом городе и о том, как переходит власть и богатство протестантов в руки католиков, и в качестве примера приводил вас. Вы были уже тогда обречены, господин Маниголь.

Маниголь, казалось, не слушал его. Глубоко вздохнув, он сокрушенно произнес:

— Почему было не сказать нам раньше о том, что вы знали. Может быть, все обошлось бы и без кровопролития.

— Напротив. Я думаю, вы еще больше бы ожесточились в желании ограбить меня, чтобы взять «реванш» у ваших друзей.

— Зато вы хорошо распорядились нашими!

— Мы квиты! А теперь постарайтесь понять следующее: за исключением разведения сахарного тростника и табака, вы могли бы там заниматься разве что работоторговлей. Со своей стороны, я бы никогда не оказал поддержку торговцу рабами. Здесь же у вас нет необходимости в этом грязном промысле.

— Но в Санто-Доминго можно заняться виноделием, и таковы были наши намерения, — сказал один из рошельцев.

— Виноград не может плодоносить в Санто-Доминго. Испанцы пробовали его выращивать, но безуспешно.

— Однако, пастор Рошфор написал в своей книге... Граф де Пейрак покачал головой.

— В своих трудах он выдает за результаты наблюдений собственные мечты о земном рае. Это значит, что его рассказы содержат явные заблуждения.

— Ба! — воскликнул пастор Боккар. — Но это же совпадает с моим мнением! Я никогда не был согласен с этим одержимым Рошфором.

— Подождите! У одержимых есть свои положительные качества. Они вырывают людей из вековой косности и заставляют их двигаться вперед.

Подошел один из мавров и подал графу де Пейраку диковинный сосуд с загадочным напитком, принесенным индейцами, который тот, не задумываясь залпом осушил. Вдали послышалось лошадиное ржание. Двое всадников, увлекая за собой потоки гальки со склона, спустились на песок. Граф направился к ним.

Гонцы сообщили, что великий самагор Массава скоро прибудет, чтобы ускорить выгрузку подарков, которые уже понемногу складывались на берегу. Среди подарков были новенькие мушкеты, холодное оружие и разная хозяйственная утварь.

Габриэль Берне не смог удержаться и заглянул в открытый ящик. Жоффрей де Пейрак следил за выражением его лица.

— Шеффолдская оружейная мастерская, — сказал он, — самая лучшая.

— Да, я знаю, — согласился Берне. И впервые за много дней его лицо оживилось. Он забыл, что разговаривает с ненавистным соперником, — Не слишком ли большая роскошь для дикарей? Они могли бы довольствоваться и меньшим...

— Индейцы очень требовательны к качеству оружия и орудий труда. Обмануть их — значит потерять преимущество в торговле. Эти подарки, которые вы видите здесь, обеспечат нам мир на территории, более обширной, чем все французское королевство! Но их можно обменять на меха или продать за золото и драгоценные камни.

Берне с задумчивым видом вернулся к своим друзьям. Они по-прежнему держались обособленной молчаливой группой. То, что им, прежде таким обездоленным, прямо в руки свалились обширные богатые земли, ошеломило их. Гугеноты непрестанно озирались вокруг на море, скалы, холмы, покрытые гигантскими деревьями. Заложив руки за пояс, Рескатор наблюдал за ними. Легкая усмешка играла на его губах, но Анжелика теперь знала, что скрывается за этим обманчивым обликом, и сердце ее таяло от восхищения.

Вдруг он сказал вполголоса, даже не обернувшись к ней:

— Не смотрите на меня так, милая дама. Вы парализуете мои мысли. Я не могу сейчас отвлекаться...

Затем он обратился к Маниголю:

— Ваш ответ?

Арматор провел рукой по лбу.

— Вы действительно считаете возможным здесь жить? Все такое чуждое нам... Да и вообще, созданы ли мы для этой страны?

— Почему бы нет? Кто сказал, что человек должен жить, дышать, добывать свой хлеб только в определенном месте, как улитка на скале?

Пастор Боккар крепко прижал к груди Библию.

— Я понимаю, — тяжело дыша, сказал он. — Я понимаю, что вы хотите сказать, сударь. Если человек не способен повсюду заниматься созидательным трудом, какая от него польза?

Маниголь поднял мощные руки, произнося:

— Не сбивайте нас с толку! Но ведь нас всего-то пятнадцать человек, а дел непочатый край.

— Вы плохо считаете, господин Маниголь. А ваши женщины и дети? У вас бесстрашное потомство, господа из Ла-Рошели, у вас мужественные женщины. Вас пятьдесят человек, вы уже целый народ!

От приготовленных на огне блюд шел чудесный, возбуждающий аппетит запах. Протестантов стали приглашать к трапезе. Индейцы с непроницаемым видом держались обособленно, тогда как их веселые жены суетились, трогали одежду белых женщин, прерывая свою болтовню громкими восклицаниями. Индианки прикладывали руку к животу каждой женщины, а затем отводили ее в сторону и с вопросительным видом поднимали руки.

— Они спрашивают, сколько у вас детей и какого возраста, — пояснил Никола Перро.

Лесенка из одиннадцати ступеней, изображавшая потомство Каррер, имела невероятный успех. Вокруг мадам Каррер поднялся настоящий пляс с хлопаньем в ладоши и восторженными криками. Но разговор о детях вновь напомнил женщинам о предмете их постоянной заботы:

— Где же наши ребята?

Удалось найти только нескольких малышей. Вскоре Никола Перро пришел с новостями.

— Это Краули повел их в лагерь Шамплена.

— Что за Краули? Где этот лагерь Шамплена?

Столько важных событий произошло в этот день, который будет назван в летописи Шэна историческим, что уход детей остался незамеченным.

Анжелика снова галопом неслась на лошади под тенистыми шатрами деревьев по узкой, покрытой сухим мхом тропинке вдоль берега, оцетинившегося скалами, на который море обрушивалось с яростью бешеного зверя.

Трапперы взялись сопровождать встревоженных матерей. Для тех, кто не умел ездить верхом, нашлись тележки и носилки. В последний момент к ним присоединилось несколько мужчин.

— Вы думали, что я отпущу вас с бородатými распутниками? — кричал адвокат Каррер на свою жену. — И потому, что эти чумазые воздали вам такие почести по поводу одиннадцати детей, к которым и я имею некоторое отношение? Вы вообразили, что отныне можете делать все по-своему? Я буду вас сопровождать!

Путешествие, затянувшееся из-за переправы через речку и узкой тропы, продолжалось меньше часа. Это была скорее прогулка, предпринятая для того, чтобы размять ноги.

Показались полуразвалившиеся жилища. Они располагались по опушке леса, занимая обширную прогалину, спускавшуюся по пологому склону к песчаному берегу. Дети гонялись друг за другом среди развалин и в хижинах.

— Мама! — закричала Онорина, подкатившись мячиком к Анжелике. — Я нашла наш дом. Иди посмотри, какой он красивый. Вокруг него розы. И господин Краули отдал его нам... нам одним.

— И нам тоже! — сердито закричали Лорье и другие дети.

— Тихо! Тихо! Маленькие койоты! — вмешался забавный человек, стоявший у входа, словно хозяин, встречающий почетных посетителей. Он держал в руке большую меховую шапку, выставив на всеобщее обозрение свою огненно-рыжую шевелюру. На его необычно выбритом лице пламенели спускавшиеся по скулам наподобие какой-то щетинистой маски бакенбарды. Он изъяснился на смеси английского и французского, сопровождая свою речь, подобно индейцам, жестами так, что понять его было трудно.

— Ребенок прав. Меня зовут Джордж Краули... Посмотрите на мои дикие розы.

Но увидеть их не удалось: поднялся густой туман и вокруг заискрились мириады мельчайших капелек.

— Ох, этот туман! — простонала мадам Каррер. — я никогда не смогу к нему привыкнуть. Дети, где вы?

— Мы тут!.. — раздались голоса малышей-невидимок.

Шотландец что-то говорил по-английски, жестами приглашая прибывших последовать за ним. Чтобы не обидеть его, всем пришлось отправиться за ним.

— О, туман, — сказал он с пренебрежением. — Никакой туман... Он пришел, он ушел. Зимой это самый сильный туман на весь свет.

Его слова подтвердились, когда под порывами ветра туман рассеялся. Анжелика остановилась перед крытым соломой деревянным домом, окруженным благоухающими розами.

— Вот и мой дом, — объявила Онорина и с радостным криком дважды обежала его вокруг.

Внутри дома пылал очаг. Две его комнаты были обставлены грубо сколоченной мебелью. Поэтому невольное удивление вызывал находящийся здесь стол черного дерева на витых ножках, достойный быть

украшением любого салона.

— Подарок графа де Пейрака, — с гордостью сказал шотландец. Он показал также на стекла в окнах — неслыханную роскошь по сравнению с другими хижинами, где их заменял рыбий пузырь, пропускавший совсем мало света. — Прежде я и этим был доволен.

...Это «прежде» имело давнее происхождение. Краули был помощником капитана на корабле, который разбился о непроходимые рифы побережья. Считая себя полновластным хозяином этих мест, он стрелами встречал пиратов, пытавшихся найти убежище в бухте Голдсборо. Индейцы не оказывали ему вооруженной поддержки.

Жоффрей де Пейрак, подружившийся с вождем могикан во время своего пребывания в Бостоне, узнал о неприступной Голдсборо и царивших там жестоких нравах. Он вступил в переговоры с Краули и тот охотно согласился на его предложение сбывать заготовленные меха, так как давно искал такую возможность.

Граф де Пейрак платил ему за меха скобяными товарами и различными безделушками. Это позволило Краули стать торговцем, что было равно богу для этих мест. Обо всем этом он рассказал собравшимся вокруг него дамам. Он еще не знал, как отнестись к ним, но, будучи от природы словоохотливым, искренне радовался, оказавшись в такой компании. Приятно было снова увидеть женщин с белой кожей и светлыми глазами. У него была жена-индианка со множеством карапузов. Они-то и угощали дам смородиной, земляникой и другими ягодами в то время, как Краули продолжал рассказывать историю края.

— Господин де Юрвиль, — говорил он, — «горячая голова», приехал в Америку после какой-то темной истории с дуэлью. Славный мальчик, он покорила дочь вождя абенаков. Это он возглавил флот, защищая подступы к бухте Голдсборо в отсутствие господина де Пейрака. Испанец? Дон Хуан Фернандес и его солдаты? Это остатки мексиканской экспедиции, которая исчезла в непроходимых лесах Миссисипи, большинство погибло, а те, кто уцелел, добрались до Даун-Ист полуживыми, похожими на ходячие скелеты. А память о прошлом у них отбило окончательно.

— У дона Фернандеса ужасный вид, — заметила Анжелика. — Он все время скалит зубы.

Улыбнувшись, Краули покачал головой. Он объяснил, что испанец гримасничает из-за нервного тика, оставшегося после пыток, которым его подвергли ирокезы.

Когда господин де Пейрак готовился к новому путешествию в Европу, он предложил испанцам вернуться на родину, но они отказались. В

большинстве своем эти искатели приключений прожили всю жизнь в Америке и не знали другого ремесла, кроме поиска сказочных городов и истребления индейцев. Но, за исключением кровавых дел, они добродушны.

Анжелика по достоинству оценила юмор рассказчика. Затем Краули сказал, что пора вставать, если все уже согрелось, он хочет показать дамам свои владения.

— Тут еще есть четыре или пять хижин, пригодных для жилья.

Онорина удержала Анжелику за платье.

— Мне очень нравится господин Краули. У него волосы такого же цвета, как у меня, и он вез меня на своей лошади.

— Да, он очень славный. Это просто счастье для нас найти сразу такой красивый дом.

Онорину что-то очень беспокоило. Наконец она решилась, и задала матери мучивший ее вопрос.

— Может быть, это мой отец? — начала она с надеждой.

— Нет, это не он, — ответила Анжелика.

— Ах, какая ты злая, — едва слышно прошептала Онорина.

Они вышли из дома, и Анжелика стала показывать девочке розы, чтобы отвлечь ее от грустных мыслей.

— Мы ведь приехали на другой берег моря? — она вновь взялась за свое.

— Да.

— Тогда где же мой отец? Ты говорила, что я найду его на другом берегу моря вместе с моими братьями.

Анжелика не могла вспомнить, говорила ли она нечто подобное, но спорить с фантазеркой Онориной было делом нелегким.

— Северине повезло, — продолжала девочка, топая ножкой. — У нее есть отец и братья, а у меня нет никого.

— Не будь завистливой. Это нехорошо. У Северины есть отец и братья, но нет матери. А у тебя есть...

Видимо, это обстоятельство успокоило девочку. Поколебавшись, она тряхнула головой и помчалась к друзьям.

— Эта хижина вполне приличная, — сказал Краули, с силой ударяя ногой по бревнам открытого всем ветрам строения. — Располагайтесь!

Эти дома в течение многих лет могли устоять перед любой непогодой, благодаря мастерству тех, кто их построил. Однако рошельские буржуа осматривали эти руины в полной растерянности, ибо они вызывали у них представление о болезнях, отчаянии, смерти заброшенных на край света

людей. Наблюдавший за ними шотландец не мог понять, чем они недовольны.

— Если мы сейчас возьмемся, то к ночи будет, готово три — четыре жилища.

— И правда, где мы будем спать? — заволновались эмигранты.

— Если нельзя расположиться тут, — объяснил Никола Перро, — то придется возвратиться на борт корабля, форт уже битком набит.

— Нет, никогда! — воскликнули они хором.

Жалкие жилища сразу показались роскошными дворцами. Краули сказал, что может снабдить гугенотов досками, инструментом, гвоздями... Он с охотой взялся помочь им и послал туземцев нарезать соломы для крыш. Работа закипела.

Волны тумана то накатывались на море, то переваливались через прогалину, переливаясь всеми цветами радуги... Но любоваться этим зрелищем было некогда, ибо все старались сделать как можно больше до наступления темноты. А пастор Боккар, вполголоса распевая псалмы, так орудовал молотком, словно всю жизнь этим только и занимался.

По тропинке непрерывно двигались индейцы, приносящие яйца, рыбу, крабов, дроф и королевских индеек. Дон Краули с прилегавшим к нему «магазином» стал центром поселка.

Наконец один дом, а за ним еще два были закончены. Когда разожгли огонь в очаге, тяга оказалась превосходной. Анжелика взялась стряпать: наполнила котел водой, поставила его на огонь и бросила туда омара. Затем позвала на помощь трех девочек, которые должны были ощипать индеек.

Из обтесанных бревен было сбито некое подобие кроватей, где бородачи расстелили тяжелые меха.

— Вы будете хорошо спать этой ночью, маленькие бледные рыбки, выброшенные из моря, и вы, прекрасные белые чайки, преодолевшие океан.

— Люди, люди, посмотрите сюда! — закричала вдруг Анжелика, показывая на очаг.

Не желавший погибать омар приподнял крышку. Раздался дружный хохот. Дети подняли визг. Они падали навзничь, сшибая друг друга с ног, и катались по земле, захлебываясь от смеха.

— Они опьянели! — с ужасом воскликнула мадам Маниголь. — Чем их опоили?

Женщины ринулись пробовать остатки содержимого в кубках, из которых пили дети. Нет, маленькие путешественники были в восторге от

ягод, воды из источника, пляшущего огня в очаге...

— Их опьянила земля, — с умилением сказал пастор, — вновь обретенная земля. Как бы она ни выглядела и где бы ни находилась, как же не восхищаться ею после долгих дней трудного плавания!

Яркая радуга над прибрежными скалами отразилась в море, играя всеми своими красками.

— Смотрите, дети мои, смотрите, нас встречает божественное знамение Нового Света! — пастор простер руки к небу, и слезы покатались по его лицу.

Глава 3. Нападение «койотов»

Вечером в лагере Шамплена появился в сопровождении испанских солдат граф де Пейрак. Он приехал верхом и пригнал с собой еще шесть лошадей для протестантов.

— Лошади здесь большая редкость, — предупредил он. — Обращайтесь с ними очень бережно.

Сидя в седле, граф с удовлетворением отметил порядок, царивший в хижинах. Всюду над крышами вился дымок очагов. По его знаку индейцы, следовавшие за ним, поставили на землю и открыли несколько тяжелых ящичков. В них оказалось тщательно уложенное оружие.

— Здесь мушкеты для всех: и для мужчин и для женщин. Тех, кто не умеет обращаться с ними, надо будет обучить завтра же на рассвете.

Подошедший Маниголь с недоверчивым видом взял в руки мушкет.

— Это для нас?

— Я же сказал! Вы получите еще сабли и кинжалы, а для лучших стрелков здесь есть шесть пистолетов. Пока я не могу дать вам большего.

— Как прикажете это понимать? Еще утром мы были в цепях, на волосок от смерти, а сегодня вы вооружаете нас до зубов, — в голосе Маниголя звучало удивление подобной непоследовательностью. — То, что вы так быстро решили сделать нас своими союзниками, оскорбительно. Мы находимся здесь против нашей воли и до сих пор не дали ответа на ваши принудительные предложения.

— Получено известие, что шайка «койотов» — туземцев из враждебного нам племени ирокезов направляется сюда, чтобы завладеть нашими скальпами!

— Нашими скальпами?! — повторили стоявшие рядом, невольно хватаясь за голову.

— Подобные неприятности происходят здесь время от времени. Никто из живущих в лесах белых не может чувствовать себя в полной безопасности от нападения одного из бродячих племен.

— Чудесно! — съязвил Маниголь. — Вы хвастались прелестью и богатствами своих владений, которые так великодушно пожаловали нам, но забыли сказать при этом, что в любой момент нас могут уничтожить индейцы.

— Кто вас уверил, господа, что на земле есть такое место, где человек может не бояться за свою жизнь? Земного рая не существует!

Единственное, в чем волен человек, так это в возможности выбора где и как ему жить, бороться и умереть.

Сказав это, он исчез в темноте. Подошедший Краули напомнил мужчинам, что надо воспользоваться последними отблесками дня, чтобы организовать защиту и расставить часовых.

— Это действительно серьезно?

— Все может произойти. Лучше подготовиться и быть настороже, чем оказаться со стрелой в спине.

— Я думал, что он шутит, — сказал Маниголь, задумчиво поглядывая на лежащее у ног оружие.

Пастор Боккар стоял неподвижно с закрытыми глазами, словно пораженный громом. Внимание Анжелики было приковано к затихающему вдали топоту копыт. Вечернюю тишину нарушали лишь легкое дуновение ветерка и тяжелые вздохи моря...

Ночная мгла окутывала неведомую землю, полную тайн и опасностей. Те, кто должен был бодрствовать этой ночью, прислушиваясь к малейшему шуму, были поражены царившим покоем. Постепенно рассеялись одолевавшие людей сомнения и тревоги. Неподвижные силуэты протестантов вырисовывались рядом с закутанными в меха трапперами, сидевшими у огня. Лесные жители своими красочными рассказами посвящали их в тайны окружающего сурового мира. Рошельцы чувствовали, как этот мир властно вытесняет из их сознания прошлое.

...Утро не принесло никаких происшествий, и это вызвало некоторое разочарование. Анжелика спросила, может ли она воспользоваться одной из лошадей, чтобы съездить в Голдсборо.

Влюбленную женщину мучило, что Жоффрей по-прежнему не оказывал ей внимания. Приехав вчера вечером, он даже не попытался ее увидеть.

Порой граф обращался с Анжеликой, как со своей женой, а то вдруг переставал замечать, предоставляя ей полную свободу действий. Была ли это вынужденная манера поведения, пока окружающие не знали о связывающих их узах? Возможно. Анжелика начинала терять терпение. Разлука с Жоффреем бы да для нее невыносимой.

Краули предупредил, чтобы она остерегалась «койотов».

В ответ женщина только пожала плечами. Подумаешь, «койоты»! Может, это выдумка Жоффрея, чтобы удержать ее вдали от себя?

— Хозяин запретил кому бы то ни было удаляться от лагеря Шамплена, — добавил шотландец.

Ей необходимо поехать в Голдсборо, упрямо настаивала она. Когда

Анжелика была уже в седле, раздался крик Онорины, требующей взять ее с собой.

— Ох, Онорина, бедная моя крошка, не могла бы ты хоть один день провести без меня?

Но все же ей пришлось усадить девочку впереди себя» и они двинулись в путь. Стук копыт почти не был слышен на дороге, покрытой мягкой сухой травой. Уходящее лето дышало восхитительным ароматом теплого хлеба и лесных орехов. Из-под листьев выглядывали тяжелые гроздья ягод.

Анжелика с наслаждением любовалась красотой этой земли. Она и не заметила, что лошадь направилась по другой тропинке, ведущей на вершину холма. Внезапно они оказались в открытом поле.

Впереди расстилались маисовые посадки. На деревянной вышке, укрытый зелеными листьями, сидел на корточках застывший, словно статуя, индеец с длинным шестом, которым он отгонял прожорливых птиц.

Справа виднелась деревня, над ее вигвамами клубились сгустки дыма. Немного поодаль хлебные поля чередовались с грядками тыкв и какого-то неизвестного растения с блестящими листьями. Повсюду выглядывали ярко-желтые головки подсолнухов. Лошадь Анжелики продолжала подниматься по дороге, очевидно, хорошо знакомой ей, и вскоре лес закрыл этот мирный деревенский пейзаж.

Достигнув вершины холма, всадница остановилась. Раскинувшаяся у ног Анжелики панорама вызвала невольное восхищение. Среди мшистых утесов и густых зарослей леса сверкали зеркала сине-белой мозаики многочисленных водоемов в оправе обрывистых скал, с которых устремились вниз водопады. У нее перехватило дыхание при виде этой величественной и безмятежной красоты земли, которая отныне должна была стать их родиной.

Онорина зашевелилась и протянула ручку.

— Там...

Послышалось хлопанье крыльев, какая-то птица с хриплым карканьем пролетела мимо них. Но Онорина по-прежнему показывала куда-то вперед. Очевидно, ее интересовала не птица, а нечто другое. Присмотревшись к хаотичному нагромождению скал, Анжелика заметила индейцев, идущих вереницей вдоль ручья. Расстояние и ветви деревьев не позволяли рассмотреть их, но было ясно, что это не мирные земледельцы. За плечами мужчин виднелись луки и стрелы.

— Может быть, это охотники? — ее голос дрожал. Она старалась не поддаваться панике, но тут вспомнила о «койотах». Спрятавшись за

деревьями, всадница стала наблюдать за ними.

Индейцы осторожно скользили вдоль ручья. Красные и синие перья на их уборах развевались среди листьев, словно разноцветные змеи. Их было очень много!

Они направлялись к морю. В туманной дали Анжелика различила на фоне залива очертания форта Голдсборо. Дорога, ведущая из Голдсборо в лагерь Шамплена, была как на ладони.

«Если индейцы идут туда, мы окажемся отрезанными от форта и не сможем помочь друг другу. Какое счастье, что Жоффрей раздал оружие!..»

Едва она подумала о нем, как увидела всадника, скачущего по дороге из форта. Инстинкт подсказал ей, что это был он. Черный развевающийся плащ, плюмаж на широкополой шляпе... Граф де Пейрак! Один!

Анжелика с трудом сдержала крик. Сверху ей хорошо было видно, как индейцы, достигая прибрежной тропы, собирались в группы. Через несколько минут граф, несущийся во весь опор, столкнется с ними. Как предупредить его об опасности? Анжелика закричала изо всех сил. Но ее голос потонул в безграничном пространстве. Вдруг она увидела, как он с силой натянул поводья, и лошадь встала на дыбы. Всадник соскочил с нее и бросился на небольшой скалистый холм, возвышающийся над деревьями, чтобы оценить обстановку. Внезапно его лошадь вновь поднялась на дыбы и тут же рухнула на землю. Анжелика сообразила, что животное поразила стрела, предназначавшаяся ее мужу. Теперь не было сомнений, что это «койоты». Жоффрей успел вовремя освободиться от стремени и укрыться за скалами. Над группой людей появился белый дымок, а затем послышался и звук выстрела. Граф стрелял, и каждая его пуля находила свою жертву. Но у него не могло быть достаточно припасов, чтобы долго сопротивляться окружающим его врагам.

Онорина протянула руку в сторону боя.

— Там...

— Да, там, — повторила Анжелика в отчаянии от своей беспомощности.

Звук выстрелов напоминал щелканье разбиваемого ореха. В Голдсборо не смогут их услышать — слишком далеко. Она хотела броситься на помощь Жоффрею, но густые ветви преграждали ей путь, да и оружия не было. Вернувшись на знакомую тропинку, всадница галопом пустилась вниз. У лошади словно выросли крылья. Пролетев мимо плантаций, она успела крикнуть неподвижно сидевшему сторожу:

— «Койоты! Койоты!»

Подобно урагану ворвалась Анжелика в лагерь Шамплена.

— «Койоты» напали на моего мужа по дороге в Голдсборо. Он укрылся в скалах, но у него скоро кончатся припасы. Скорее собирайтесь!

— Напали на кого? — спросил Маниголь, сомневаясь в том, что услышал.

— На мо... на графа де Пейрака!

— А где он? — спросил подбежавший Краули.

— Примерно в миле отсюда.

Передав Онорину в чьи-то протянутые руки, Анжелика приказала:

— Дайте мне пистолет, быстро!

— Дать пистолет леди? — воскликнул шокированный шотландец.

Женщина вырвала у него из рук оружие:

— Порох! Пули! Живо!

Не тратя времени на разговоры, Краули схватил мушкет и вскочил в седло. Анжелика помчалась вслед за ним по берегу. Вскоре донеслись выстрелы и клич ирокезов. Краули обернулся и, ободряюще улыбнувшись, крикнул:

— Он еще стреляет! Мы успеем вовремя!

На одном из поворотов кучка индейцев преградила им дорогу. От неожиданности они не успели приготовить свои луки. Всадники прорвались сквозь вражеский заслон, оглушая индейцев слева и справа ударами прикладов.

— Остановимся! — распорядился Краули немного спустя. — Вон там подбегают другие... Надо укрыться за деревьями.

Едва они успели спрятаться за могучими стволами, как вокруг них запели стрелы, вонзаясь в твердую кору дерева. Анжелика и Краули стреляли по очереди.

Индейцы взобрались на деревья, чтобы отсюда без риска для жизни наблюдать за дорогой. Но выстрелы Краули настигали их и там.

Анжелика хотела пробиваться дальше, но шотландец отговорил ее. Ведь их было только двое. Вдруг до них донесся топот копыт, приближающийся со стороны лагеря Шамплена. Показалось шестеро вооруженных всадников. Это были Маниголь, Легаль, Берне, пастор Боккар и двое трапперов.

— Проезжайте дальше, господа, — закричал им Краули, — и спешите на помощь господину де Пейраку. Я буду прикрывать вас от нападения с тыла.

Маленький отряд промчался, как вихрь. Анжелика прищипорила лошадь и присоединилась к нему. Вскоре индейцы вновь преградили им путь, но не выдержав яростного напора белых, бросились врассыпную. В

тех, кто с поднятыми томагавками продолжал оказывать сопротивление, стреляли из пистолетов в упор.

Наконец Анжелика с облегчением узнала место, где сражался ее муж. Теперь всадникам пришлось спешиться и спрятаться в укрытии. Их появление привело в замешательство атакующих. Попав под перекрестный огонь графа де Пейрака, протестантов и Краули, ирокезы заметно растерялись.

— Я проложу дорогу, — бросил Маниголь Легалю, — а ты прорвешься в Голдсборо, поднимешь тревогу и приведешь сюда подкрепление.

Легаль вскочил в седло и, выбрав момент, когда тропа была свободна, помчался во весь опор. Пролетевшая над ухом стрела сбила с его головы колпак.

— Проскочил! — крикнул Маниголь. — Они не смогут его догнать. Теперь осталось ждать де Юрвиля с его людьми.

«Койоты» понимали, что им угрожает. С луками и томагавками они не могли противостоять огнестрельному оружию белых. Засада не удалась, и теперь надо было отступать. Индейцы стали ползком пробираться к лесу, чтобы там собраться в назначенном месте у ручья. Оттуда они достигнут реки, где были спрятаны пироги.

Но появление подкрепления белых из Голдсборо превратило отступление ирокезов в беспорядочное бегство. Здесь их ждали предупрежденные Анжеликой жители деревни, которые осыпали «койотов» градом стрел. Оставшиеся в живых были вынуждены скрыться в лесу, расположенном в противоположной от реки стороне. Их дальнейшая судьба уже никого не волновала.

Анжелика направилась к возвышенности, не обращая внимания на отливающие медью тела убитых «койотов», напоминающих своими плюмажами мертвых птиц.

Граф де Пейрак не появлялся. Наконец Анжелика увидела его, склонившегося над раненой лошадью. Он пришел исполнить последний долг — избавить бедное животное от мучений.

— Вы живы! — воскликнула Анжелика. — О! Я так боялась. Я видела, как вы мчались им навстречу. И вдруг остановились. Почему?

— Я обнаружил «койотов» по запаху. Они покрывают свое тело жиром, и ветер донес до меня его малоприятный «аромат». Я поднялся на этот холм, чтобы посмотреть, не отрезан ли мне путь к отступлению. Вот тогда они и поразили моего коня. Но как вы попали сюда, да еще принимали участие в перестрелке?

— Я стояла на холме. Когда вы оказались в засаде, я вернулась в лагерь за помощью, и она подоспела вовремя.

— А что вы потеряли на этом холме, позвольте узнать?

— Я направлялась в Голдсборо и сбилась с пути.

Жоффрей де Пейрак скрестил руки на груди.

— Когда, наконец, — в его голосе слышалось с трудом сдерживаемое раздражение, — вы начнете соблюдать мои распоряжения и установленный мной порядок? Я категорически запретил выходить из лагеря! Большого безрассудства вы не могли проявить!

— А разве вы сами не поступили точно так же?

— Это верно, и я мог дорого заплатить за неосторожность, но отделался только потерей любимого коня. А что заставило вас покинуть лагерь?

Ее признание было чистосердечным.

— Я больше не могла переносить ваше отсутствие. Я поехала вам навстречу...

Лицо де Пейрака смягчилось. Он слегка улыбнулся.

— И я, — сказал он. Жоффрей склонился к лицу любимой и нежно прошептал. — Мы оба немного сошли с ума. Вы не находите?

— Пейрак, вы не ранены? — раздался голос де Юрвиля.

Граф вышел из-за скалы и спустился к собравшимся внизу протестантам.

— Благодарю вас, господа, за помощь, — обратился он к ним. — Нападение этих бандитов ограничилось бы простой перестрелкой, если бы я не отправился так неосмотрительно без сопровождения. Пусть это послужит хорошим уроком всем. Надеюсь, никто из вас не был ранен?

— Нет, вот только он пострадал, — сказал Легаль, показывая свой продырявленный колпак.

Маниголь не знал, как вести себя в столь стремительно развивающихся событиях.

— Не стоит благодарить, — сказал он с досадой. — Все наши поступки совершенно не поддаются логике.

— Вы думаете? — ответил де Пейрак, глядя ему в глаза. — Напротив, я нахожу, что все крои сходящее здесь полностью соответствует логике Даун-Иста. Позавчера вы жаждали моей смерти. Вчера я хотел вас повесить, но уже вечером вооружил, чтобы вы могли защитить себя и свои семьи, сегодня утром вы спасли мне жизнь. Что может быть логичнее?

Он пошарил в своем патронташе и показал на ладони два блестящих шарика.

— Взгляните, у меня оставалось только две нули.

После полудня все обитатели лагеря, получившие приглашения присутствовать на встрече с великим саагором Массавой, направились в Голдсборо.

Вооруженные мужчины шли, охраняя с обеих сторон женщин и детей. Проходя мимо места, где произошла схватка с «койотами», они остановились. Пролитая кровь уже потемнела. Над трупами кружились хищные птицы. Какое-то время гугеноты стояли молча.

— Такова здесь будет жизнь, — произнес наконец Берне то, о чем подумали все.

Но на их лицах не было ни печали, ни страха. Такова будет их новая жизнь.

Граф де Пейрак ожидал гостей у форта. Он привел их туда, где они впервые почувствовали под ногами землю. У него был озабоченный вид. Учтиво приветствуя дам, граф словно размышлял о чем-то, несколько раз взглянул в сторону залива.

— Господа, сегодняшняя схватка с «койотами» заставила меня задуматься о вашей судьбе. Опасности, которые окружают вас, кажутся мне слишком угрожающими. И я решил отвезти вас на Антильские острова.

Маниголь подскочил, как ужаленный.

— Ни за что! — прорычал он.

— Благодарю вас, сударь! — сказал граф, поклонившись. — Вы дали мне ответ, который я ждал от вас. Отгоняю мысль о признательности храбрым «койотам», чье нападение заставило вас осознать, насколько стала важна для вас эта земля. Итак, вы остаетесь?!

Маниголь понял, какую ловушку ему подставили, и постарался скрыть свое раздражение.

— Ну, что ж, хорошо, мы остаемся, — пробурчал он. — Но не думайте, что мы будем подчиняться вашим капризам. Мы останемся, и никакие трудности нас не испугают.

Молодая вдова булочника выступила вперед со смущенным видом.

— Я думаю об одной вещи, монсеньор. Если бы мне дали настоящую муку и помогли построить земляную или каменную печь, я могла бы выпекать столько хлеба, сколько потребуется. Я работала вместе с мужем в пекарне, и мои дети умеют делать бриоши и сдобу.

— А я, — воскликнула Бертиль, — могла бы помогать отцу в изготовлении бумаги. Он научил меня секретам выделки, потому что я —

его единственная наследница.

— Ты сошла с ума, мое бедное дитя! — чуть не плача вскричал Марсело. — Кому нужна бумага в этой пустыне!

— Вот в этом вы ошибаетесь, — сказал граф. — После лошади, бумага является самым важным для человека, который не может без нее существовать. Он испытывает настоящие мучения, если не может выразить свои мысли. В листе бумаги мы находим свое отражение, как женщина в зеркале... Кстати, уважаемые дамы, я приготовил для вас необходимые аксессуары, без которых новая жизнь была бы невыносима... Мануэль, Джованни!

Матросы принесли ящик, который осторожно выгрузили из баркаса. Когда, они его открыли, там оказались переложённые пучками сухой травы зеркала всевозможной формы и размеров. Жоффрей де Пейрак начал раздавать их женщинам и девушкам.

— Путешествие окончилось, сударыни. И если оно было тревожным и порой мучительным, я хотел бы, чтобы о нем вам напоминали только эти безделушки. Посмотрите на себя! Полюбуйтесь!

— Я боюсь, — сказала мадам Маниголь, ощупывая чепчик и пытаясь заправить под него волосы, — мне кажется, что у меня голова, как у пугала.

— Да что вы, мама, нет! Вы действительно очень красивы! — хором вскричали дочери, тронутые смущением матери.

— Останемся, папа, — просила Бертиль, играя с зеркалом в серебряной оправе и любуясь своим отражением.

Глава 4. Великий самагор Массавы

Великий самагор Массавы, появившийся на белом коне, принял, как знак особого внимания в честь своего прибытия, блеск зеркал, которыми размахивали белолицые женщины в странных нарядах. Это напомнило вождю о его величии и вызвало чувство удовлетворения. Он спускался по тропинке, заставляя коня идти размеренным шагом, окруженный воинами личной охраны и индейцами съехавшимися отовсюду на торжество. Казалось, что великий самагор находится в середине гигантского букета из перьев. Шествие сопровождалось ритмичным боем барабанов и ритуальным танцем. Сойдя с коня, он направился к ожидавшим его людям размеренной поступью.

Это был старик высокого роста с медно-красным лицом в бесчисленных морщинах. Его выбритую, выкрашенную в синий цвет голову увенчивал роскошный головной убор из разноцветных перьев с двумя скрещивающимися длинными пушистыми хвостами с серыми и черными полосами. Его обнаженный торс, руки в браслетах и ноги были так искусно покрыты татуировкой, что казалось, будто на него наброшена тонкая синяя сетка, Многочисленные ожерелья из жемчуга и разноцветных кабошонов свисали до бедер. Такие же украшения охватывали запястья и лодыжки. Короткая набедренная повязка и плащ были сплетены из простого суда, но чернее узоры на белом фоне придавали им великолепный вид. В уши были продеты ярко-красные диковинные подвески из надутых рыбьих пузырей.

Граф де Пейрак подошел к великому самагору, и они обменялись ритуальными приветствиями. Несколько минут они разговаривали, затем вождь направился к протестантам, но теперь в его руках был длинный жезл, украшенный двумя белыми крыльями чайки с золотой чашечкой на конце, откуда поднималась легкая струйка дыма. Он остановился перед пастором Боккаром, на которого указал де Пейрак.

— Господин пастор, — сказал граф, — великий самагор Массавы предлагает вам то, что индейцы называют трубкой мира. Это просто длинная трубка с табаком, ибо курение из одной трубки является у них символом дружбы.

— Но ведь я никогда не курил, — боязливо ответил старик.

— Попробуйте! Отказ будет принят, как проявление враждебности.

Пастор поднес трубку к губам, стараясь скрыть отвращение.

Выпустив, в свою очередь, несколько густых клубов дыма, великий самагор передал ее стройному подростку с большими черными глазами, который всюду следовал за ним.

Никола Перро показал, что пастор и Маниголь должны занять место на ковре слева от самагора. Вождь сохранял полную невозмутимость. Казалось, его ничто в мире не интересовало. Только складки на окаменевшем лице едва неуловимо двигались.

Одну руку самагор небрежно опустил на ларец с жемчугом и драгоценными камнями, поднесенный ему в дар де Пейраком, а другой поглаживал топорик с простой рукояткой из дикой вишни, сделанный, однако, из драгоценной яшмы и увенчанный большим изумрудом.

Иногда взгляд великого Массавы, падавший на боевого белого коня, смягчался, но стоило его раскосым глазам, подобно лезвию бритвы, вонзиться в присутствующих на церемоний, дрожь пробегала по их телам.

Необъяснимое оцепенение не оставляло Анжелику даже после того, как вождь отвернулся, явно скрывая скуку за выражением снисходительного равнодушия.

Двое индейцев в живописных одеждах застыли позади него. Никола Перро представил их, когда подошел переводить слова самагора. Обращаясь к протестантам, он изложил суть дела.

— Великий вождь Массавы прибыл, чтобы осмотреть земли в окрестностях Нового Амстердама, то есть Нью-Йорка. Здесь проходит граница его владений, и он редко является сюда, но встреча с господином де Пейраком после его возвращения из Европы была давно предусмотрена... Это хорошо, что вы примете участие в его делах, когда будете жить здесь. Эти двое, которых вы видите — местные вожди Какоу и Мюлофва. Им подчиняются рыбаки и могикане, земледельцы и воины, живущие в глубине страны.

Великий самагор заговорил только после того, как вознес молитву небу и солнцу. В его голосе временами проскальзывала затаенная угроза.

— Не было еще, чтобы великий вождь могущественных и грозных вождей приходил к бледнолицым обсуждать мир или войну между ними... Но я не забываю, что свое могущество разделяю с этим, пришедшим с другой стороны моря, сеньором, ибо он никогда не поднимал руку и оружие против моих братьев... Я дал ему возможность сделать мои земли процветающими так, как это принято у бледнолицых, хотя управляют ими мои братья и по нашим обычаям. Я согласен принять его друзей, потому что он никогда меня не обманывает.

Эти разглагольствования длились долго. Анжелика обратила

внимание, что граф слушал его очень сосредоточенно, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Она начинала понимать, что великого самагора беспокоит, как будут складываться взаимоотношения в его отсутствие между эмигрантами и туземцами прибрежной зоны.

— Не забудут ли они данные тобой обещания и не заразят ли всех окружающих жаждой наживы и разрушения, той ненасытной жаждой, которая живет в сердцах бледнолицых?.. Когда ты будешь далеко...

«О чем он говорит?» — спросила себя Анжелика.

Временами она ощущала на себе огненный взгляд великого самагора, но посторонний наблюдатель не мог бы сказать, что тот уделяет особое внимание этой женщине.

«Я должна чувствовать к нему симпатию, — подумала она. — Если вождь обнаружит мой страх или подозрительность, я наживу себе страшного врага. Это гордый человек, он пришел с дарами к людям, закаленным огнем и железом, которые высадились на его берег... И в нем нет ненависти и жажды крови, если только его не заставят почувствовать их».

Сидящий у ног Массавы черноглазый паренек поднялся и, взяв протянутый вождем топорик из яшмы, резким движением вонзил его в красный песок. Это было сигналом к началу другой церемонии. Все поднялись и подошли к воде. Массава несколько раз оросил холодной водой свою голову, а затем опущенным в тыкву с морской водой пучком соломы щедро обрызгал стоявших вокруг него подданных, повторяя приветствие:

— Живите в мире и дружбе!

Затем все расселись и приступили к пиршеству.

Глава 5. Жоффрей де Пейрак влюблен

Жоффрея де Пейрака не покидали мысли о самагоре Массаве. Прошедший день принес графу наряду с величайшим удовлетворением и серьезные беспокойства. Особенно ненадежными показались ему нити, удерживающие Массаву от выступления против бледнолицых. Самагор никогда не сможет понять, что колонисты, с которыми он связан соглашением, не свободны в своих действиях и что, не признанные своими далекими правительствами, они могут быть вынуждены вести себя предательски по отношению к туземцам.

К счастью, здесь, на окраине в Даун-Исте, французский дворянин мог еще действовать по своему усмотрению. Массаву знал цену его слова. Он не без умысла вручил топор войны усыновленному им юному испанцу, потерявшему своих родителей в бою. Поручив ему закопать топор, топор символический, вождь вновь подтвердил свою волю к миру. Наконец великий самагор удалился, удовлетворенный подарками. Дневной шум уступил место безмятежному покою. Исчезли люди, и окружающий пейзаж обрел свою первозданность.

Граф де Пейрак, погруженный в раздумья, брел по берегу. Он взбирался на красные скалы, иногда останавливаясь и окидывая взглядом залив и окружающие его холмы.

В стране Массавы белые селились охотнее, чем в других местах, но испанцев там не было. Здесь жили большей частью англичане и голландцы, которые потеряли Новый Амстердам, но быстро привыкли к его новому названию — Нью-Йорк.

На этой земле обосновались немцы, шведы и многочисленные трудолюбивые финны. Де Пейрак был одним из немногих французов, решивших остановить свой выбор на этой стране. Английское влияние даже такого центра, как Бостон, здесь почти не ощущалось. Принятый поначалу с подозрением, он завоевал всеобщее уважение своей безукоризненной честностью в торговых делах и быстро нашел надежных друзей. Когда граф занимался подводными поисками в Карибском море, он часто навещался в Бостон, где царил совершенно иная атмосфера, которая особенно привлекала его.

Но острова Карибского моря не были удобным местом для процветающего предприятия. При всей волшебной красоте островов игра не стоила свеч. Богатства рождались здесь по милости фортуны и

находились под постоянной угрозой враждовавших пиратов и флибустьеров. Платить дань каждому из них, как считал де Пейрак, — слишком большое и дорогое удовольствие. Рожденная испанцами золотая лихорадка служила поводом для постоянных войн. Конфликт с испанцами заставил графа отказаться от мысли отдать сына на воспитание к иезуитам в Каракас.

Обосноваться в Мэне ему посоветовал седовласый квакер, преподаватель математики в одном из колледжей.

— Этот рай вам понравится. Он труднодоступен, отдален, но так богат, что заслуживает внимания. Я не сомневаюсь, что вы остановите на нем свой выбор. Его огромные богатства скрыты девственной природой. На мой взгляд, это единственное место, где можно обойтись без привычных законов и где не чувствуешь себя связанным множеством мелочных и жалких правил... Это край для мужественных людей.

Он описал ему старого Массаву, один из сыновей которого учился у него.

Прежде чем начать колонизацию побережья, Жоффрей де Пейрак решил укрепиться в глубине страны. Нет смысла начинать осваивать какую-нибудь территорию, если нет уверенности в щедрости подземных недр. Потребность в звонкой монете держала колонистов в зависимости от находящихся в четырех тысячах лье отсюда Англии и Франции. Никола Перро рассказал де Пейраку о залежах сереброносного свинца в верховьях Миссисипи. Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, Жоффрей де Пейрак поднял голову.

Его взгляду, в течение нескольких минут бесцельно следившему за игрой темно-синих волн, вернулось ощущение реального мира и с губ сорвалось «Анжелика!» Все его беспокойство вмиг рассеялось, как дым, и вера в свои силы вернулась.

Как замороженный он повторял имя Анжелика, и ему казалось, что природа ликует вместе с ним и никакие властители мира не в силах отнять у него радость любить и быть любимым.

Он смеялся от счастья: она была здесь и озаряла все вокруг своим присутствием. Она любила его, и больше нечего было бояться. Он снова видел ее чудесные глаза, когда она говорила в страстном порыве:

«Вы способны на самое великое...»

Тогда он торжествовал не меньше, чем молодой рыцарь, получивший на турнире перчатку от своей дамы сердца. Тщеславие? Нет, конечно. Скорее возрождение угасшего было в его сердце чувства.

Анжелика вернулась к нему в пору, когда его подстерегало

разочарование человека много пережившего, но не потерявшего при этом ни ясности ума, ни трезвости взглядов. Как часто ему приходилось встречать среди радостей жизни смерть, разорение, растроченные впустую таланты, глумление над правдой и справедливостью, неудавшиеся судьбы... И тогда горечь наполняла его сердце, и яд цинизма пропитывал слова, и смерть могла торжествовать близкую победу...

«Я люблю жизнь», — повторяла она.

Он снова видел ее бледное от страсти лицо, дивные глаза, шелковистые волосы...

«Как ты прекрасна! Как ты прекрасна, душа моя! Твои уста — неиссякаемый источник наслаждения».

В образе возлюбленной воплотились все женщины мира. С кем он мог сравнить ее? Ею невозможно было пресытиться, ибо Анжелика обладала удивительной способностью перевоплощаться: открывая новые грани своей души, она манила его своей загадочностью и воспламеняла чувственность.

Тогда, на Крите, после известий о ее изменах он и думать не мог о любви, но стоило увидеть зеленоглазую пленницу, как его вновь поглотила волна нежности и желания.

Когда спустя пять лет он, уже смирившись с тем, что навсегда потерял жену, так неожиданно нашел ее вновь, мысль о том, что какой-то Берне может попытаться отнять у него Анжелику, вызывала у Жоффрея приступ неистовой ревности.

Он старался подавить свое безумное влечение к этой женщине, оскорбляя и унижая ее, но не мог заставить себя не думать о ее теле, губах, глазах... Именно жажда обладания лишила его обычного хладнокровия. Граф де Пейрак окончательно потерял голову... Вот так!

Снимая перед Анжеликой шляпу и низко кланяясь, он боялся, что она почувствует свою победу. Да, он полностью был в ее власти!

Он не мог не признать, что сломить ее сдержанность было непросто. Анжелика не принадлежала к числу болтливых женщин, готовых посвящать всех и вся в свои душевные переживания. Несчастья обострили ее врожденную гордость. Кому она могла открыть свою душу, зная, что бесполезно искать сочувствия в сердцах других. Анжелика только опускала, не говоря ни слова, свои длинные ресницы, словно пряталась от враждебного мира. Но куда? В свои воспоминания или страдания?

Эта необыкновенная женщина посрамила его признанную многими прорицателями способность читать чужие мысли, которую он сам развивал и оттачивал с помощью восточной мудрости. Может быть, это было

потому, что он слишком любил Анжелику? Или мечты о ней подавляли эту способность? Вот почему граф с таким нетерпением ждал вердикта Массавы, необычайно прозорливого, как все существа, живущие в единении с природой, доведшие за долгую жизнь свою интуицию до ясновидения.

Де Пейрак позаботился, чтобы на берегу Анжелика стояла в первом ряду среди протестантов. Вождь был невозмутим, но Жоффрей знал по собственному опыту, что от его взгляда не ускользает ничего.

После торжественной церемонии они сидели вдвоем на холме перед фортом, откуда открывался вид на море. Великий самагор прибыл издалека, чтобы побеседовать с тем, кого называл «Человек, который слушает вселенную». Мужчины говорили о разном: об испанцах на Юге, о бостонских квакерах, об английском короле, об изобилии лосей в этом году...

Надо было дать Массаве время, чтобы выговориться. Жоффрей де Пейрак отвечал с достоинством и спокойно выжидал, когда старик делал длинные паузы. Наконец самагор коснулся волнующей его темы:

— Почему женщина с огненными волосами держится среди белых с холодными душами? — и, на мгновение задумавшись, добавил: — Она не принадлежит им. Почему она находится среди них?

Де Пейрак молчал. Самагор сделал несколько глубоких затяжек из трубки. Казалось, он задремал, но вдруг его глаза снова сверкнули.

— Эта женщина принадлежит тебе! Почему ты держишь ее в изгнании среди них? Почему подавляешь желание, которое горит в тебе?

— Души белых грубы и непроницаемы, как плохо выдубленная кожа, — ответил граф. — Я не обладаю твоим даром провидения и я сомневаюсь в этой женщине. Я не знаю, достойна ли она жить под моей крышей и разделять мое ложе.

Старый индеец покачал головой.

— Твоя осторожность делает тебе честь, мой друг. Она тем более ценна, что встречается очень редко. Однако я скажу тебе слова, которые жаждет услышать твое охваченное любовью сердце. Эта женщина может спать рядом с тобой. Она не ослабит твою силу и не помутит твой разум, потому что в ней самой есть и сила и огонь. Ее сердце из чистого золота, и в нем горит ласковое пламя, как в очаге, возле которого садится усталый воин.

— Великий вождь, я опасюсь, не ослепил ли тебя этот огонь? — смеясь, сказал Жоффрей. — Но твои слова предвосхитили мои ожидания, и я не знаю, не была ли нежность, звучавшая в них, результатом ее

коварства. Должен сказать тебе, что перед этой женщиной трепетали сильные мира сего.

— А разве я утверждал, что для врагов у нее нет когтей более острых, чем кинжал? — сказал с немного раздосадованным видом Массавы. — Но ты, ты сумел завоевать ее, и тебе нечего опасаться. Ты ее повелитель навсегда!

На лице самагора появилось подобие улыбки.

— Ее плоть подобна меду. Насладись же ею! «Спасибо, верный друг, — подумал Жоффрей. — Ты сделал главное — освободил мою грубую душу от отравлявших ее сомнений, оказав этим добрую услугу и своему народу. Ибо, пока жив, я буду заботиться о его защите. Если она будет рядом со мной, у меня прибавится сил, чтобы жить и действовать!

Как он прежде страдал, обвиняя ее в легкомыслии, жестокости и вероломстве! Кантор рассказывал, что мать никогда не говорила сыновьям об отце. Но позже он начинал смутно догадываться, что не желание забыть его, а особые причины вынуждали ее вести себя так.

Ночь любви на «Голдсборо» принесла, по крайней мере, одно утешение: если не душой, то телом они были созданы друг для друга. Страсть, которую Анжелика испытывала к нему, оказалась сильнее ее страха. И для него она навсегда останется единственной женщиной, которая даже замерзшая и дрожащая, как в ту страшную ночь, могла доставить ему любовные наслаждения, доводящие до исступления.

Ему дарили свои ласки самые изощренные жрицы любви. Но это было всего лишь очаровательной игрой. Когда же он держал в объятиях Анжелику, ему казалось, что он летит, весь пылая, к волшебному острову, где их ожидает рай.

Во власти ее нежной золотистой красоты было что-то колдовское. Впервые он испытал это пятнадцать лет назад, покоренный силой обаяния своей юной жены. Много лет спустя другая ночь среди бушующего моря, такая непохожая на прежние, снова сводит их, изгнанников, ставших почти чужими друг другу, и он, охваченный изумлением и восторгом, ласково шепчет:

«О, ты единственная!»

Будущее представлялось Жоффрею де Пейраку в ослепительном блеске. Он сделает все, чтобы Анжелика навсегда принадлежала ему, и тогда замкнется вечный треугольник: мужчина — женщина — любовь...

Ветер пытался сорвать с него плащ, а он, разгоряченный пламенем любви, уверенно шагал, с восхищением взирая на мир. То, что судьба у него отняла, теперь возвращается сторицей. Богатство, замки, титулы...

Чего все это стоит по сравнению со счастьем любить и быть любимым?!

Возвратившись в форт, он тут же оседлал коня. Анжелика была, конечно, в лагере Шамплена. Она все делала только по своему усмотрению, к этому ее приучили суровые годы одиночества.

Да, не так-то просто будет надеть на эту независимую женщину супружеское ярмо. Правда, старый Массава предрек: «Ты — ее повелитель!» И все же с Анжеликой надо всегда соблюдать осторожность. Граф с улыбкой пробежал глазами по утоптанной тропинке, исчезающей под покрывалом наступающей ночи в тени гигантских деревьев.

«Настоящая любовь завоевывается в трудной борьбе», — учил его старый наставник искусства любви. Как далеко был тот беззаботный двор, где ему так нравилось возрождать любовные состязания в традициях своей родины! Они никогда не приносили разочарований. Ему всегда хотелось быстро и безболезненно забыть испитое до дна наслаждение, чтобы ринуться в погоню за новым. «Где новая любовь прошла, для старой нет пути!» Но пришла Анжелика, и пословица обернулась ложью. Она навсегда оставалась для него неиссякаемым источником блаженства.

Недалеко от лагеря Шамплена граф де Пейрак встретил факельное шествие. Это был Краули, который со своими домочадцами направлялся ночевать в индейскую деревню.

— Я оставил свою хижину восхитительной леди, умеющей так ловко обращаться с пистолетом. Индейцы прозвали ее «Полуденный зной». Господин де Пейрак, простите меня. Я хочу поздравить вас! Говорят, что она — ваша возлюбленная.

— Нет, не возлюбленная, она моя жена!

— Вы женаты? — удивленно воскликнул шотландец. — Невероятно!.. Она? Она ваша жена? Но с каких пор?

— Уже пятнадцать лет, — ответил граф, пришпорив коня.

Глава 6. Ночь откровений

Приехав в лагерь, он спешил, оставил коня сопровождающему его матросу и незаметно пробрался к домику Краули. Пляшущий огонек светился в стеклах окошек. Он нагнулся, чтобы заглянуть в них, и был поражен открывшейся картиной.

Опустившись на колени, Анжелика купала в корыте Онорину. Тело ребенка, розовое от пламени свечи, распущенные по плечикам длинные блестящие волосы вызвали в памяти далекие образы тех маленьких лукавых созданий, которые населяют легенды и сказки. Рядом с ней Анжелика выглядела совсем безоружной. От ее коварной красоты осталось только милое очарование, и он понял, что дочь превратила ее в другую женщину, которую он с трудом узнавал. Обаятельная женщина! Ее движения были просты и естественны, а лицо светилось тихой радостью, когда она поливала водой маленькое тельце девочки.

Но разве Жоффрей хотел видеть ее озлобленной, ожесточенной крушением надежд, которое после королевских почестей в Версале привело ее, лишенную всего, к берегам почти дикой страны? Кому к лицу злоба? Красавице оставалось бы только оплакивать свои достоинства. Но жизнь чудом сохранила ее.

Волшебные узы соединяли мать и дочь, и никто не в силах был бы разорвать их. Девочка повернула лицо к окну, и ему показалось, что она улыбалась.

Жоффрей де Пейрак обошел деревянный домик и постучал в дверь.

Анжелика вымыла свои волосы, потом Онорине и всем детям, подвернувшимся ей под руку. Кожа некогда пухленькой Онорины была разъедена морской солью. Она очень похудела за время плавания.

— Господи, — сказала мадам Каррер, — еще немного и она погибла бы у нас на глазах.

К счастью, до земли обетованной все добрались целыми и невредимыми. В домике Краули, самом уютном, кроме Анжелики разместились также жена адвоката с младшими детьми, жена булочника с двумя мальчиками и трое детей Берне.

— А вот и Черный Человек, — сказала Онорина и добавила с сияющей улыбкой: — Я опять его люблю.

Анжелика не сразу поняла, о ком идет речь. Появление Жоффрея повергло ее в смущение, особенно, когда он, поздоровавшись со всеми,

подошел к ней и негромко сказал:

— Я искал вас, сударыня...

— Меня?

— Да, как это ни странно. Теперь, когда в вашем распоряжении целый континент, это стало нелегкой задачей.

Она рассмеялась, не глаза ее оставались грустными.

— Долго ли это продлится? Вы действительно желаете видеть меня рядом с собой?

— Почему вы сомневаетесь? Разве я уже не сказал вам об этом?

Анжелика отвернулась. Она вынула Онорину из корыта и завернула ее в покрывало.

— Я занимаю так мало места в вашей жизни, — тихо произнесла она. — Я всегда так мало значила для вас.

Я ничего не знала ни о вашем прошлом, ни о настоящем. Вы столько скрываете от меня! Может быть, я неправа?

— Нет. Я всегда был склонен к мистификациям. И вы, признайтесь, платили мне тем же. К счастью, великий самагор уверил меня, что вы — существо кристальной чистоты. Я только спрашиваю себя: не оказалось ли его ясновидение в плену той силы, перед которой отступили многие... Что вы думаете о вожде?

Анжелика отнесла Онорину и уложила в постель рядом с Лорье. Она заботливо укрыла девочку и подала ей шкатулку с игрушками. Материнская любовь — вечная, как мир.

— Великий самагор?.. Он внушает почтение, даже приводит в трепет... Но меня почему-то огорчил.

— Вы видите все!

— Монсеньор, — обратился к графу Мартьяль, — это правда, что леса вокруг лагеря принадлежат вам?

— Вместе с Массавой я имею право распоряжаться теми, где нет индейцев.

— Стало быть, вы богаче короля?

— Что такое богатство, дитя? Если оно заключается во владении землями, более обширными, нежели целое королевство, тогда да, я богат. Но у меня больше нет ни мраморной дворца, ни золотой посуды. У меня есть только несколько лошадей. И когда я уеду в глубь страны, крышей моего дома будет звездное небо, а стенами — могучие леса...

— Вы уезжаете? — прервала его Анжелика. — Куда? Зачем? Я даже не имею права узнать, собираетесь ли вы взять меня с собой?..

— Остановитесь, — сказал Жоффрей де Пейрак, восхищенный ее

искренностью. — Вы шокируете дам.

— Это неважно... Да и ничего предосудительного нет в том, что жена хочет последовать за мужем. Ибо я ваша жена и отныне не буду этого скрывать. С меня довольно этой комедии! И если вы бросите меня одну, я соберу свое собственное войско... и последую за вами. Я привыкла жить в лесу под открытым небом. Посмотрите на мои руки. Они уже забыли драгоценности, зато научились печь хлеб и стрелять из мушкета.

— Вот об этом мне говорили. Кажется, сегодня утром вы великолепно поохотились на «койотов». Ну-ка, покажите, на что вы способны, — сказал он скептически, вынимая из кобуры один из тяжелых пистолетов с серебряной рукоятью, что заставило Анжелику мгновенно вспыхнуть.

Женщина взяла пистолет и, вызывающе глянув на графа, проверила, заряжено ли оружие. Потом оттянула защелку, запирающую ствол.

— Шомпол у вас есть?

— А что вы собираетесь делать?

— Там может быть пыль, это повредит оружие.

— Мои пистолеты всегда в хорошем состоянии, сударыня, но ваша забота достойна настоящего стрелка.

Он расстегнул пояс и положил его на стол со всем, что в нем находилось: пистолетом, кинжалом, кожаными сумками с порохом и пулями.

Анжелика взяла шомпол и несколько раз протерла им ствол. Затем отвернулась от огня и пощелкала курком, проверяя в темноте искру. Когда пистолет был готов, Анжелика двумя пальцами покрутила пулю.

— Здесь не хватает затравочного пороха.

— Положите на его место эти турецкие запальники. Анжелика послушалась.

— Открой окно, Мартьяль.

Ночь была необычно ясной благодаря слегка смягченному туманом лунному свету.

— Вон там на дереве сидит какая-то птица, издающая отвратительные крики.

Жоффрей де Пейрак с любопытством наблюдал за ней.

«Выходит, это правда, что она воевала. С кем? С королем?»

Тонкая рука, сжимавшая рукоять тяжелого пистолета, заметно напряглась, поднимая его вверх. Прогредел выстрел. Скрипящий крик птицы мгновенно оборвался.

— Какая меткость! — восхищенно воскликнул Жоффрей де Пейрак. — И какая сила! — продолжал он, сжимая ее руку. — У вас стальные

мускулы! Я все больше убеждаюсь, что наш великий самагор ошибся в своем суждении.

Граф улыбался, и Анжелике показалось, что он даже немного гордится ею.

Дети кричали «ура» и собирались отправиться за ночной жертвой. Но прибежали соседи, напуганные выстрелом, и помешали им. Вид Анжелики, стоявшей с пистолетом в руке, окруженной облаком дыма, поверг гугенотов в изумление.

— Что случилось? Что здесь происходит? Индейцы? Пираты?

— Это была шутка, — успокоила она их.

— Нам только не хватало таких шуток, — слышалось недовольное ворчание.

— Сударыни, удовлетворены ли вы тем, как вас разместили? — спросил Жоффрей де Пейрак с учтивостью хозяина, принимающего знатных гостей.

Смущенные женщины ответили, что все в порядке. Они смотрели на него с восхищением. Но только одна Абигайль отважилась произнести слова, которые были у всех на уме:

— Примите нашу благодарность, монсеньор, за оказанную, несмотря на наши заблуждения, неслыханную милость. Гонения, которым мы подвергались, тоска по покинутым очагам, боязнь никогда не встретить протянутой для помощи руки ввергли нас в пучину растерянности и отчаяния. Но вы были столь великодушны, что поняли это и пощадили нас.

Граф слушал ее с ласковой улыбкой, Абигайль всегда обезоруживала его своей непосредственностью. Наблюдая за ними, Анжелика чувствовала уколы ревности. Де Пейрак низко склонился перед юной протестанткой.

— Вы слишком милосердны, милая девушка, принимая на себя вину за заблуждения, которые не одобряли. Я знаю, сударыня, что вы пытались отговорить ваших мужчин от их преступных планов и заранее предсказали им поражение. Как бы то ни было, но трезвость суждений — ваше несомненное достоинство. Постарайтесь же не изменять ему и действуйте более решительно, ибо теперь вы находитесь на земле, которая не терпит обмана.

Он не сомневался, что его совет будет оценен должным образом. Затем граф пожелал дамам спокойной ночи, и они удалились. Мадам Каррер устремилась за подругами, чтобы поделиться новостью, в точности которой она была еще не совсем уверена. Речь шла о предстоящей свадьбе...

— Я не думаю, что ваш совет придется по вкусу мужчинам! — сказала

задумчиво Анжелика.

— Безусловно, нет. И я от этого в восторге. Это моя особая месть. Вместо того, чтобы попасть в руки палача, они окажутся в железной хватке своих жен, а разве это, в конце концов, не более ужасно?

— Вы несправедливы, — смеясь, ответила она. Он обнял ее за талию, поднял и закружил.

— Смейтесь, смейтесь, моя маленькая мать аббатиса. У вас такой чудесный смех!

Анжелика чувствовала себя пушинкой в его могучих руках. У нее кружилась голова.

— Вы сошли с ума!

Дети были в восторге. Они никогда не видели подобного, представления, тем более перед сном.

— Мама! — закричала Онорина. — Это опять война?

— Война? Нет! Сохрани нас, Господь! А почему ты спрашиваешь об этом?

— Ты стреляла из большого пистолета.

— Я просто забавлялась.

— А война — это так занятно, — у девочки был явно разочарованный вид.

— Неужели тебе нравится слышать грохот орудий, видеть раненых и убитых?

— Да, нравится, — подтвердила Онорина. Анжелика смотрела на нее с удивлением, как любая мать, открывающая в своем ребенке нечто новое.

— Но мне кажется, что ты была очень опечалена, когда Неочищенный Каштан...

Похоже, девочка пыталась что-то вспомнить. Она нахмурилась и тяжело вздохнула.

— Да, Неочищенному Каштану стало скучно, когда его убили...

Но тут улыбка озарила ее лицо.

— Зато это так интересно, когда все кричат, бегают, падают... Вкусно пахнет дымом. Пистолеты — кляк, кляк! Ты ругаешься с господином Маниголем, и он делается весь красный... А ты меня везде ищешь, потом крепко обнимаешь. Ты так сильно меня любила, когда увидела, что солдаты не ранили меня. Ты ведь не хочешь, чтобы у меня отняли жизнь. Она у меня еще очень короткая, а у тебя длинная.

Анжелика не знала, стыдиться ей дочери или гордиться.

— Когда я вырасту, — продолжала Онорина, пользуясь тем, что наконец-то ее внимательно слушают, — я всегда буду на войне. У меня

будет лошадь, сабля и два пистолета. Как у тебя, — она повернулась к Жоффрею де Пейраку, — только у меня будут золотые пистолеты, и я стрелять буду лучше, чем... Еще лучше, чем ты, — закричала она, с вызовом посмотрев на мать.

— Но это ужасно... то, что она говорит, — прошептала Анжелика.

Граф улыбнулся, глядя на Анжелику и ее дочь: ему доставляло удовольствие находить в них различие. Трудно было поверить, что эта нежная и заботливая мать была соперницей фаворитки короля — мадам де Монтеспан, а потом неуловимой мятежницей, мчавшейся во главе своего войска с тяжелым пистолетом в руках...

Анжелика вопросительно посмотрела на мужа, словно желая узнать его мнение, и попыталась успокоиться.

— Она любит баталии... Несмотря ни на что — это благородное чувство. Мои предки не осудили бы ее...

Граф снял с пальца золотое кольцо с большим бриллиантом и протянул его Онорине. Девочка жадно схватила подарок.

— Это мне?

— Да, сударыня.

Анжелика не выдержала и вмешалась.

— Это слишком дорогая вещь. Нельзя дарить ребенку такую игрушку.

— Окружающая нас дикая природа заставляет иначе оценивать вещи. Маисовая лепешка и хороший костер дороже кольца, за которое в Версале готовы были продать душу.

Онорина с восторгом вертела кольцо, прикладывала ко лбу, надевала на большой палец и, наконец, зажала в кулачке.

— Почему ты дал его мне? — внезапно спросила она. — Потому что любишь меня?

— Да, сударыня.

— А почему ты меня любишь?

— Потому что я ваш отец.

При этом признании Онорина словно онемела. На ее личике можно было прочесть все чувства, охватившие ее — изумление, радость, невыносимое облегчение и безграничную нежность. Подняв головку, она с восхищением рассматривала загорелое, иссеченное шрамами лицо де Пейрака, которое казалось ей самым прекрасным из всех.

Вдруг она повернулась к Анжелике.

— Я же говорила, что найду его на другой стороне моря.

— Не кажется ли вам, что теперь можно было бы и заснуть? — спросил граф Онорину, стараясь подчеркнуть свое расположение к ней.

— Да, да, отец мой!

С удивительной покорностью она скользнула под одеяло, по-прежнему сжимая в руке кольцо, и почти тотчас же заснула с выражением блаженства на лице.

— Господи, — растерянно сказала Анжелика, — как вы догадались, что девочка мечтает встретиться с отцом?

— Мечты маленьких женских сердец мне хорошо известны, и я всегда стараюсь их осуществить, если это только в моей власти.

Анжелика переставила масляную лампу, чтобы свет не падал на спящих детей. Жоффрей де Г Пейрак подошел к очагу, а его жена встала рядом с ним, подбрасывая в огонь поленья.

— Как вы добры...

— Как вы прекрасны!

Анжелика подарила ему благодарную улыбку, но тут же со вздохом отвернулась.

— Как бы я хотела, чтобы вы хоть иногда смотрели на меня так, как на Абигайль. С дружелюбием, доверием, симпатией... Можно подумать, что вы каждую минуту ждете от меня какого-то предательства.

— Вы заставляете меня страдать, сударыня.

— Неужели вы способны страдать из-за женщины? — спросила она недоверчиво.

Молодая женщина присела у края очага. Граф придвинул табурет, сел рядом с ней, глядя на огонь. Анжелике хотелось снять с мужа сапоги, спросить, не хочет ли он есть или пить... Но она не посмела.

— Вы сотворены для жизни в одиночестве и полной свободе, — промолвила она горестно... — Когда-нибудь — в этом я теперь убеждена — вы оставили бы меня, сыновей, покинули бы Тулузу в поисках новых приключений. Ваша жажда познания мира неутолима.

— Вы бы первой изменили мне, моя дорогая. Наш порочный мир не оценил бы вашу супружескую верность, верность одной из красивейших женщин королевства. У вас нашлась бы тысяча способов испытать на других свою власть и обаяние.

— Неужели наша любовь была не настолько сильна, чтобы восторжествовать над пороками?

— Ей не хватило времени набрать силу.

— Это правда, — прошептала она. — Быть преданными супругами — тяжкий труд.

Со сложенными на коленях руками Анжелика, казалось, была полностью поглощена игрой огня, но нет, она вновь переживала те давние

ночные бодрствования, когда они подолгу беседовали, такие близкие друг другу. Сколько раз она мечтала о его возвращении! Даже в то время, когда глубоко скорбела, считая его погибшим. Анжелика устало улыбнулась.

— Тогда не должны ли мы радоваться жестокой разлуке, которая сохранила нашу любовь, не дав ей обратиться в ненависть, как это бывает у других?

Он протянул руку и нежно коснулся ее волос.

— Сегодня у вас очень усталый вид. Вам надо хорошенько отдохнуть, неутомная.

Его забота и ласковый голос придали ей сил.

— Нет, нет! Я чувствую себя прекрасно и могу выстроить еще несколько хижин, сесть в седло, и если нужно, следовать за вами... Меня угнетает другое. Вы собирались уехать я покинуть меня?

— Давайте договоримся, дорогая сударыня. Мне не хотелось бы чтобы вы строили воздушные замки. Я действительно богат, но все королевство храпит свое богатство в неприкосновенной первозданности. Мои дворцы — это всего лишь бревенчатые форты. Я не могу предложить вам ни блеска славы, ни пышных нарядов, ни драгоценностей, хотя они и бесполезны в этой стране... Ничего из того, чем можно угодить женщине.

— Вы можете угодить только любовью.

— Это разговоры.

— Разве я вам не доказала, что не боюсь суровой жизни? Наряды, драгоценности, слава... у меня этого было вдоволь, но ничто не радовало меня. Когда в сердце пустота, все вокруг отдает тленом. Для меня важно только одно — ваша любовь.

— Я, кажется, начинаю вам верить.

Жоффрей взял ее руку. В его широкой, крепкой ладони она была подобна хрупкой, дрожащей пленнице. Он представил, как ее украшали драгоценности, целовал король, как она с холодной решимостью сжимала оружие, наносила удары. Может быть, убивала... Сейчас она, как усталая птица, покоилась в его руке. На один из этих тонких пальцев он когда-то надел золотое обручальное кольцо. Это воспоминание заставило графа вздрогнуть.

Анжелика едва не вскочила, услышав неожиданный вопрос:

— Почему вы взбунтовались против короля Франции?

Она вырвала руку из его ладоней, и в ее глазах вспыхнули огоньки страха. Лицо де Пейрака выражало решимость узнать правду.

— Почему же? — повторил он почти сурово.

— Откуда вы можете знать об этом?

Резким движением он дал понять, что это не играет никакой роли.

— Я знаю. Говорите!

Она с трудом пересилила себя.

— Король хотел, чтобы я стала его любовницей. Он не примирился с моим отказом. Чтобы добиться своей цели, он не отступал ни перед чем. Он держал меня под охраной солдат в моем собственном замке, угрожал арестом и пострижением в монахини, если по истечении времени, данного мне на размышление, я не соглашусь ответить на его страсть.

— А вы так и не согласились.

— Нет.

— Почему?

Глаза Анжелики потемнели, как океан перед бурей.

— И об этом спрашиваете вы?! Когда же вы, наконец, согласитесь с тем, что я любила вас и ваша гибель повергла меня в отчаяние? Стать любовницей короля! Могла ли я предать вас, зная, что вы несправедливо осуждены? Забрав вас, меня лишили всего. Все развлечения, все придворные почести не могли заполнить мою жизнь без вас. Ах! Как я взывала к вам, моя бесценная любовь...

В порыве нахлынувших чувств она прижалась к его коленям. Сомнения и расспросы мужа причиняли ей душевные муки, но он был здесь, и это было главным.

Некоторое время они молчали, затем он поднял ее голову.

— Но вы почти готовы были согласиться?

— Да... ведь я была только слабой женщиной перед всемогущим королем... Я была беззащитна. Он мог во второй раз разрушить мою жизнь. И он это сделал. Я напрасно избрала себе союзниками знатных вельмож из Пуату, у которых были свои причины выступить против Людовика. В то время провинции уже потеряли свою былую мощь. Мы оказались разбитыми... Солдатня опустошила мои земли, сожгла замок. В одну из ночей они убили моего маленького сына, слуг, а меня...

Она остановилась в нерешительности. Как бы ей хотелось умолчать о своем позоре. Но из-за Онорины — своего незаконнорожденного ребенка, она должна была рассказать обо всем.

— Онорина была зачата в ту ночь, — сказала она безучастным голосом. — Я хочу, чтобы вы знали это в связи с тем благородным жестом, который вы сделали для нее. Вы понимаете, Жоффрей? Когда я смотрю на девочку, в моей памяти не воскресает, как вы, очевидно, думаете, образ любимого человека, а только предстает весь ужас той ночи злодеяний и насилия, годами неотступно преследующий меня и который я тщетно

пытаюсь забыть навсегда. Я не стараюсь пробудить в вас жалость ко мне. Это только унизило бы меня. Но я хочу разогнать призраков, витающих над нашей любовью, доказать невинность этого крохотного существа, вставшего между нами, и объяснить, почему я питаю к ней нежность. Как я могу не любить ее? Мои самые тяжелые проступки были совершены по отношению к ней. Я пыталась уничтожить ее еще до рождения. Едва ребенок родился, я оставила его, даже не взглянув. Но судьба вернула мне Онорину. Потребовалось время, чтобы я стала улыбаться ей и, наконец, полюбила свою дочь. Ведь я ненавидела ее еще до рождения. Вы сразу поняли, как тяжело девочке без отца. Любовь к ней не ослабит чувства, связывающего меня с вами. Я клянусь, что ничто не сможет заменить мою горячую любовь к вам.

Жоффрей де Пейрак резко поднялся. Анжелика почувствовала, что он словно отдаляется от нее. Да, она говорила сбивчиво, не выбирая слов, по эта исповедь была криком исстрадавшегося сердца.

Теперь он стоит, холодно взирая на нее. Трудно поверить, что этот человек только что ласково шептал ей «дорогая сударыня». Анжелике стало страшно. Неужели он вынудил ее произнести слова, которые не сможет простить? Перед ним она теряла самообладание и осторожность.

Этот мужчина всегда был для нее загадкой. С ним невозможно хитрить, ему нельзя лгать. Неуязвимый дуэлянт, он и в сердечных делах мгновенно парировал удары.

— А ваш брак с маркизом дю Плесси де Бельером?

Анжелика встала с вызывающим видом. В ее возбужденном состоянии каждый его удар воспринимался особенно болезненно. Пришел час откровений, и ей хотелось, чтобы и он испытал то, что она.

«Нет, я не отрекись от него. Ни от него, ни от сына, которого он мне подарил!»

Она настороженно посмотрела на мужа и произнесла:

— Я любила его.

Но как чувство, которое она испытала к Филиппу, было мало похоже на ее всепоглощающую страсть к первому супругу!

— Он был красив, я мечтала о нем еще девочкой, и вот он появился передо мной в океане скорби и невзгод. Но я не по любви выходила замуж. Я заставила его силой жениться на мне, отвратительным шантажом, вынудив согласиться на наш брак. Я готова была на все, лишь бы вернуть моим детям положение, принадлежащее им по праву. И только маркиз дю Плесси, главный маршал и друг короля, мог ввести меня в Версаль и дать возможность добиться для них почетных должностей и титулов... Все мои

поступки были продиктованы лихорадочным желанием спасти наших мальчиков, избавив от угрожавшей им печальной участи. И я увидела их придворными пажами, принятыми королем. Тогда мне было уже все нипочем, даже ненависть Филиппа.

В следивших за ней черных глазах де Пейрака вспыхнул огонек иронии.

— Маршал дю Плесси мог вас ненавидеть?

Анжелика смотрела на него невидящим взглядом.

— Он так ненавидел меня, что его ненависть постепенно переросла в любовь... Бедный Филипп!

Могла ли она забыть, как маркиз без единого упрека пошел на верную смерть, раздираемый любовью к ней и королю. Несчастному снесло голову пушечным ядром. Нет, она не отречется от него. Если Жоффрей не может этого понять, тем хуже для него.

Анжелика в изнеможении закрыла глаза. Но в ту минуту, когда она ожидала новых язвительных вопросов, на ее плечо легла его рука.

— Ну, что вы за женщина? Честолюбивая, воинственная, несговорчивая и вместе с тем такая добрая, такая слабая...

— Вы же умеете читать чужие мысли, что вас так удивляет?

— Ваше сердце остается для меня тайной. Может быть, потому что оно имеет слишком большую власть над моим? Анжелика, душа моя, что же все-таки нас разделяет: гордость, ревность, чрезмерная любовь или излишняя требовательность?

Он покачал головой, как бы отвечая самому себе.

— Нет, я не отступлюсь, только ради вас я проявляю такую требовательность.

— Но вы уже все знаете обо мне.

— Еще нет.

— Вы знаете теперь мои горести, мои слабости. Лишенная вашего тепла, я пыталась найти хоть немного нежности и дружелюбия, чтобы согреться. Такие отношения между мужчиной и женщиной называют обычно любовью. Но чаще я платила одиночеством за свое право на жизнь. Именно это вы хотели услышать?

— Нет, есть еще одно обстоятельство. Скоро я узнаю... Когда придет караван из Бостона.

Он крепко прижал к себе Анжелику.

— Это обстоятельство столь необычно, что рассеет мои последние подозрения...

Над ней склонилось его родное лицо с затаенной печалью в глазах.

— Жофfrey... — только и смогла она прошептать.

Она чувствовала, что должна сказать ему что-то, убедить его, что все преграды между ними рухнули, ибо они вновь нашли друг друга, когда до ее сознания дошли, наконец, сильные удары в дверь и плач проснувшегося ребенка.

Жофfrey де Пейрак выругался сквозь зубы.

— Черт побери, неужели мир настолько мал, что нам не найти места, чтобы спокойно побеседовать?

Он пошел открывать дверь. На пороге стояла Ребекка Маниголь, растерянная и задыхающаяся, словно бежала несколько лье.

— Госпожа Анжелика... — ее умоляющий голос прерывался от волнения, — идите скорее... Дженни... она... у нас будет ребенок...

Глава 7. «Познакомьтесь с моей женой!»

На рассвете Дженни разрешилась мальчиком. Для всех, кто находился в этот момент у ее хижины, казалось, что родился самый необыкновенный ребенок на свете. И это был мальчик!

...Поздним вечером Анжелика отвела Дженни в жилище Краули, а спящих детей осторожно перенесла в другое место. Мадам Маниголь, столь решительная в гостиных Ла-Рошели, потеряла все свое хладнокровие перед событием, которое она представляла себе только в соответствующей обстановке.

— Зачем мы оказались здесь, — жаловалась она. — Здесь нет ни грелок, чтобы согреть ее постель, ни сиделки, чтобы оказать помощь бедному ребенку...

— Королевские драгуны спят сейчас, не сняв сапог, в ваших постелях на простынях с кружевами, — оборвала ее Анжелика. — Вы это знаете не хуже меня. Надо радоваться тому, что ребенок родился не в тюрьме среди нищеты и грязи, а на свободе в окружении друзей.

Трепещущая Дженни не отпускала Анжелику, и ей пришлось остаться, чтобы хоть немного успокоить молодую женщину.

Среди ночи появилась старая индианка-акушерка, которая принесла лекарственные травы. Де Пейрак посылал за ней в ближайшую деревню.

Младенец появился на свет без осложнений, с первыми лучами восходящего солнца. Его звонкий крик словно приветствовал эту сверкающую тысячами огней зарю, окружившую полуразрушенные дома дымкой золотистого сияния.

Анжелика еще держала младенца, которого запеленала по-индейски невозмутимая сиделка, когда граф де Пейрак велел доложить о своем желании выразить почтение молодой матери. Он вошел вслед за слугами, поставившими на ее кровать две шкатулки с жемчугом и полотняными простынями. Граф протянул Дженни футляр, где лежало кольцо со сверкающим сапфиром.

— Вы преподнесли этой земле самый прекрасный подарок, какой только может быть, сударыня. Здесь, где мы находимся, подобные вещи имеют символический смысл. Для вашего сына, родившегося в нужде, они будут знаком его будущего богатства. Пусть этот сапфир станет добрым предзнаменованием для новорожденного и его родителей.

— Монсеньор... чем мы заслужили? — стоящий рядом отец заметно

волновался. — Такой великолепный камень!..

— Сохраните его на память об этом торжественном дне. Я уверен, что ваша жена будет охотно носить это кольцо. Как назвали милое дитя?

Родители переглянулись. В Ла-Рошели этот вопрос обсуждался бы долго, и имя мальчику дали бы только после горячих споров. Они обратились к Маниголю, но тот был не в состоянии вспомнить ни единого имени.

— Выберите его сами, дети мои. Тем более, что здесь ни к чему наши обычаи, которым на родине мы придавали такое большое значение. Теперь ваша очередь...

Молодые супруги не согласились с ним. Наоборот, они полностью полагались на родительский авторитет. Нельзя же наугад выбрать имя такому замечательному ребенку.

— Госпожа Анжелика, помогите нам, — неожиданно обратилась к молодой женщине Дженни. — Я хочу, чтобы именно вы дали имя нашему сыну. Это принесет ему счастье. Я очень вас прошу!

Анжелика перевела взгляд на младенца, которого держала на руках. Он был светловолосый и круглолицый, и, должно быть, с голубыми глазами. Мальчик будет похож на ее ребенка, светлого, румяного. Она нежно прикоснулась к маленькой пушистой головке.

— Назовите его Шарль-Анри. Мне доставит радость, если он будет носить это имя.

Она нагнулась, чтобы передать ребенка в руки матери, и попыталась улыбнуться.

— Если он будет похож на того Шарля-Анри, которого я носила под сердцем, вы станете счастливой матерью, Дженни, — сказала она совсем тихо, — он был ангельски хорошеньким.

Анжелика обняла молодую мать и вышла из дома. Лучи яркого солнца ударили ей прямо в глаза, и ей показалось, что вокруг шумит огромная толпа. Анжелика зажмурилась и закрыла лицо руками. Только теперь она почувствовала, насколько измучена.

Чья-то крепкая рука поддержала женщину.

— Идемте, — раздался повелительный голос ее мужа.

Она сделала несколько шагов. Усталость немного прошла. То, что она приняла за толпу, оказалось группой протестантов, к которым присоединились матросы с «Голдсборо», несколько индейцев, Краули, де Юрвиль и солдаты-испанцы в черных доспехах. Их привела сюда чудесная весть о рождении белого ребенка.

— Слушайте меня! — обратился к людям граф де Пейрак. — Вы все

пришли, чтобы приветствовать появление на свет нового человека. Подобное событие всегда заставляет забыть о бренности жизни. Это хрупкое создание принесло умиротворение вашим душам. Вот почему мне кажется благоприятной эта минута для того, чтобы обратиться к вам, на чьих плечах лежит ответственность за судьбу и этого новорожденного. Пришло время прекратить распри. Мы никогда не должны забывать, что у всех нас общая судьба. Все мы изгнанники. Я был когда-то повелителем Тулузы и Аквитании. Мои владения были необъятны! Мои богатства — неисчислимы! Зависть короля Франции, которого страшило могущество провинции, сделала из меня скитальца, человека без имени, без прав, без родины... Меня осудили под вымышленным предлогом, приговорили к смерти, но мне удалось бежать. Я потерял власть, все свои земли, замки, меня навсегда разлучили с моими близкими. С любимой женщиной, моей супругой, подарившей мне сыновей...

Он оборвал свою речь, обвел внимательным взглядом разношерстную толпу, слушавшую его, затаив дыхание, и глаза его радостно сверкнули.

— Но у меня осталась жизнь и непреодолимое стремление быть полезным этому миру. К тому же, счастливая судьба вернула мне женщину, которую я люблю.

Он поднял руку Анжелики.

— Вот она... Вот та, с которой я сочетался браком пятнадцать лет назад в кафедральном соборе Тулузы. Перед вами графиня де Пейрак де Моран де Ирристрию, моя жена!

Анжелика была почти так же ошеломлена, как и все присутствующие. Она бросила на мужа растерянный взгляд, на который он ответил ободряющей улыбкой. Довольный произведенным впечатлением граф заставил ее выступить вперед, представляя так, как он сделал бы это в самом изысканном обществе.

— Господа, это моя жена... Графиня де Пейрак!

Первым пришел в себя жизнерадостный нормандец и подбросил свою шляпу в воздух, восклицая:

— Да здравствует графиня де Пейрак!

Это послужило сигналом для всеобщего ликования. Счастливых супругов встречали приветствиями и дружескими улыбками.

Анжелика улыбалась. Ее рука дрожала в руке графа де Пейрака, как тогда, когда он вел новобрачную, окруженную почестями, по усыпанной розами дороге.

Глава 8. Берне мучают угрызения совести

На протяжении всего дня мэтр Берне пытался подойти к Анжелике, чтобы поговорить. Но она старательно избегала его. Наконец Габриэлю удалось застать ее одну вечером у источника. Анжелику это ужасно раздосадовало. Он так отвратительно вел себя во время путешествия, что молодая женщина побаивалась его. Трудно сказать, до какой крайности могли довести его неудачи.

Но Берне начал объясняться очень спокойно, и его первые слова заставили Анжелику забыть о ее опасениях.

— Я искал вас, сударыня, чтобы выразить свое сожаление. Неведение, в котором вы меня держали относительно связывающих вас с господином де Пейраком уз, было причиной моих заблуждений. Потому что, несмотря на... — он поколебался и с усилием произнес, — мою любовь к вам, я никогда не попытался бы разорвать священный союз. К тому же мне невыносимо было видеть вас увлеченной другим. Теперь-то я знаю, что все мысли о недостойном вашем поведении — плод моей фантазии. И это меня радует.

Произнеся эти слова, он снова тяжело вздохнул и опустил голову. Анжелика не чувствовала к нему ненависти. Она, конечно, не забыла, что он хотел убить ее мужа, но его тоже можно было понять. К тому же сейчас она была счастлива, а он глубоко страдал.

— Благодарю вас, мэтр Берне, я тоже во многом виновата. Я не могла быть откровенной с вами и рассказать, в каком трудном положении я оказалась. После пятнадцатилетней разлуки, когда я уже давно считалась вдовой, случаю было угодно свести меня с тем, кто был моим супругом и... мы не узнали друг друга. Знатный вельможа, каким сохранился он в моей памяти, превратился в морского пирата, а я была вашей служанкой. Это вы отыскиали мою девочку в лесу, и вы же вырвали меня из тюрьмы. Такое не забывается! У моего супруга создалось обманчивое впечатление, что я принадлежу нам. Это и послужило причиной непонимания между нами. Теперь все горести позади, и мы смогли признаться в своей любви.

Лицо Берне исказилось от душевных мук. Он еще не совсем излечился от своей страсти. Молодая женщина невольно чувствовала волнение, когда он бросил на нее полный тоски взгляд.

Мэтр очень изменился после Ла-Рошели. Его дородность уступила место грубоватой мощи, в которой угадывалось крестьянское

происхождение.

Она подумала, что подобные могучие плечи созданы не для того, чтобы корпеть над счетами в полутьме торговой лавки, им более пристало нести груз опасностей, таящихся в просторах Нового Света. Габриэль Берне найдет здесь свою судьбу, но он пока этого не знал и поэтому мучился.

— Мое сердце обливается кровью, — сказал он приглушенным голосом. — Я бы никогда не подумал, что можно так страдать из-за любви, я все потерял, у меня больше ничего не осталось...

— С вами останется Абигаиль. Рошелец посмотрел на нее с недоумением.

— Абигаиль?

— Да, Абигаиль — ваш неизменный друг. Она уже давно тайно вас любит. Возможно, девушка полюбила вас, когда вы были уже женаты. Она провела годы под сенью вашего дома, страдая от безнадежной любви.

Это открытие поразило Берне.

— Но это невозможно! Мы просто были друзьями. Я привык, что она всегда рядом. Абигаиль преданно ухаживала за моей больной женой, а потом искренне оплакивала ее вместе со мной... Я никогда даже подумать не мог...

— Женитесь на Абигаиль, мэтр Берне. Вам нужна именно такая жена: красивая, добрая, набожная. Неужели вы никогда не замечали, какие прекрасные у нее волосы? Когда Абигаиль их распускает, они падают почти до колен.

Берне неожиданно вскипел:

— За кого вы меня принимаете? За потерявшего игрушку ребенка, которому достаточно дать другую, чтобы он успокоился? Допустим, Абигаиль любит меня, но это не значит, что мои чувства могут меняться так же легко, как погода при ветре. Я не флюгер! Это вам присуща несносная склонность слишком легко относиться к жизни. Теперь и для вас пришла пора забыть свою независимость, возможно, и не столь желанную, и приложить все усилия к тому, чтобы отказаться от строптивости во имя незамысловатых обязанностей супруги.

— Да, мэтр, — ответила Анжелика покорно, как в Ла-Рошели, когда он отдавал ей свои распоряжения.

Берне вздрогнул, вспомнив, очевидно, их новое положение, и пробормотал извинения. Затем пристально посмотрел на Анжелику. Он хотел навеки запечатлеть в памяти образ женщины, которая озарила, словно падающая звезда, его жизнь. Гугенот понимал, что она выполнила

свой долг перед ними, и теперь их дороги должны разойтись. Лицо Берне вновь обрело спокойное выражение.

— Прощайте, сударыня, и простите.

Он поспешно удалился, и Анжелика услышала, как он спрашивал кого-то у входа в лагерь, где можно найти Абигайль.

Молодая женщина погрузилась в раздумье. Безусловно, Абигайль будет счастлива. Став ее супругом, Берне перестанет думать об Анжелике, а нежная душа его юной жены будет спасительным лекарством для его уязвленного самолюбия.

— Вы беседовали с вашим другом Берне? — раздался за спиной голос Жоффрея. На слове «друг» он сделал особое ударение.

— Он перестал быть моим другом с тех пор, как осмелился угрожать вам.

— Однако утрата такого пылкого поклонника наводит вас на грустные размышления.

— Господи, какая глупость! — сказала Анжелика, рассмеявшись. — Я никогда не смогу поверить в вашу ревность, поскольку не вижу никаких для этого оснований. Я пыталась убедить мэтра Берне, что его уже который год любит одна достойная девушка. К сожалению, он из тех мужчин, что проходят мимо своего счастья только потому, что видят в женщине лишь опасную западню.

— И ваша встреча должна была помочь ему изменить свою точку зрения? — спросил де Пейрак с иронией. — В это трудно поверить, судя по тому состоянию, до которого вы его довели.

— Вы как всегда преувеличиваете, — сказала Анжелика, притворяясь рассерженной.

— Но направленный на меня пистолет убедительно показал, до какого предела вы доводите тех, кто имел несчастье увлечься вами.

Он обнял ее.

— Госпожа беглянка! Я благодарен Небу за то, что вы: стали моей женой. Мне можно удержать вас при себе, по крайней мере, на законных основаниях. Итак, вы отправили его к Абигайль?

— Да, она сможет привязать его к себе. Она так мила...

— Это и я успел заметить.

Анжелика почувствовала укол ревности.

— Я прекрасно знаю, что вы обратили на нее внимание... с первого взгляда на «Голдсборо».

— Ревность? Наконец-то, — сказал с удовольствием граф.

— Вы оказали ей такое расположение, какого я не достаивалась. Вы

соглашались с ней во всем, тогда как ко мне относились с недоверием.

— Увы, мне и сейчас еще не все ясно. Я еще полностью не уверен в вас.

— А когда же это произойдет? — грустно спросила она.

— Осталось разрешить только один вопрос.

— Какой?

— Я скоро объясню... Не будьте такой удрученной, моя властительница. Я вовсе не хочу привести вас в отчаяние. Я в силах устоять и перед грозными бурями, и перед самыми обольстительными прелестницами. Но нетрудно понять, что такая женщина, как Абигаиль, может служить превосходным утешением. Я сразу заметил, что она влюблена в Берне, и именно поэтому нуждалась в поддержке и утешении. Девушка думала, что его минуты сочтены и испытывала адские муки. А он не видел никого, кроме вас. Обстоятельство неприятное и для меня тоже. Можно сказать, что нас с ней сблизило общее несчастье. Абигаиль выглядела, как дева-мученица, сгоравшая на жертвенном огне, она была единственной среди этих отвратительных праведников, смотревших на меня с признательностью.

— Я очень люблю Абигаиль, — сказала Анжелика решительным током, — но не могу вынести, когда вы говорите о ней с такой нежностью.

— Разве у вас не такая же благородная душа, как у нее?

— Нет, когда речь идет о вас!

Они шли по опушке лесу к извивающейся вдоль берега дороге. Из-за березовой рот и доносилось ржание лошадей.

— Когда же мы отправимся в намеченную вами экспедицию в глубь страны?

— Должен ли я расценивать наш вопрос, как желание поскорее расстаться с бывшими друзьями?

— Я спешу остаться с вами наедине, — промолвила Анжелика, одарив мужа тем влюбленным взглядом, который волновал его всегда.

Жофрей нежно поцеловал ее глаза.

— Я бы уже давно посвятил вас в свои планы, если бы вы не заслужили небольшого наказания за те мучения, которые доставили мне. Мы двинемся в путь через две недели. Мне необходимо подготовить новых колонистов к зиме. Она здесь очень суровая. Рошельцам предстоит выдержать за свое существование схватку с природой и людьми.

— Похоже, вас радуют будущие трудности?

— В какой-то степени. Я ведь не святой со всепрощающей душой, моя дорогая, чтобы забыть так скоро все зло, которое они мне причинили. Но,

по правде говоря, единственное, что имеет для меня значение, это то, что им удастся выполнить порученное дело. И я в успехе не сомневаюсь, ибо их предприимчивость не позволит им отказаться от заманчивых перспектив.

— Вы поставили им очень жесткие условия.

— Довольно... Протестанты признали себя побежденными. Они понимают, что теперешняя их участь лучше. По сравнению с тем, что им пришлось бы болтаться на веревке.

— Почему? — неожиданно спросила Анжелика. — Почему вы не повесили их сразу же после их поражения?

Прежде чем ответить, Жоффрей де Пейрак осмотрелся по сторонам. Ее удивляла его чрезмерная осторожность. Точно так же он вел себя в море на мостике «Голдсборо» — «Человек, который слушает вселенную!»

Наконец он заговорил:

— Почему я их тотчас не повесил? Надо думать потому, что я не поддаюсь минутным настроениям. Всякое серьезное дело требует учета возможных препятствий. С вашими рошельцами пришлось повременить. Все мои планы были под угрозой. Я не мог отправиться в глубь страны, не оставив на побережье общину колонистов, как предполагалось. Этот порт, пусть даже в таком зачаточном виде, необходим для того, чтобы я мог развернуться. Было бы просто глупо привезти сюда эмигрантов и при этом не иметь возможности уйти в экспедицию к истокам Миссисипи, Повесив вожаков общины, я остался бы с женщинами и детьми, а потому вынужден был бы предпринять путешествие в Европу за другими колонистами, которые могли оказаться хуже этих. Я также воздал должное, по вашей просьбе, их храбрости и находчивости. Одним словом, на весы были положены вынужденные обстоятельства, которые, однако, не перевешивали необходимости преподать урок мятежникам.

Анжелика слушала, кусая губы.

— А я-то думала, что вы пощадили их потому, что я просила вас об этом!

Граф разразился смехом.

— Подождите, пока я закончу свою речь, прежде чем принимать такой обиженный вид. Вы остаетесь женщиной, несмотря на всю приобретенную мудрость.

Он поцеловал ее в губы и отпустил только после того, как она перестала сопротивляться и ответила на его поцелуй.

— Позвольте мне, однако, добавить, что в глубине души я побаивался, как воспримет госпожа Анжелика этот акт правосудия. Итак, я колебался...

я ждал.

— Чего же?

— Что судьба решит сама, и чаша весов перевесит в ту или иную сторону. Что вы придете, наконец!

Анжелика снова попыталась освободиться от его объятий.

— Подумать только, — возмущенно воскликнула она, — как я в страхе дрожала у ваших дверей! Я верила, что вы могли бы убить меня за этот поступок. А вы, оказывается, ждали!

В глазах графа сверкали лукавые искорки. Ему доставляло большое удовольствие видеть ее разгневанной.

— Я колебался, это верно. Но я был убежден, что именно от вашего решения будет зависеть их судьба. Не понимаю, почему вы негодуете?

— Я не знаю... у меня такое чувство, будто вы продолжаете меня разыгрывать!

— Никакого притворства с моей стороны, мой ангел. Я только дал судьбе время вынести свое решение. Вы могли бы и не приходить с просьбой об их помиловании.

— И вы бы их повесили?

— Я думал об этом и решил отложить приговор до рассвета.

Лицо графа стало серьезным. Он с такой силой привлек Анжелику к себе, что их щеки соприкоснулись, и она с трепетом ощутила тепло его кожи.

— Но ты пришла... теперь все хорошо.

Ночная мгла ползла с моря, сливаясь с тенью вековых деревьев. На тропинке появился индеец с двумя лошадьми.

— Вы будете меня сопровождать, сударыня?

— А куда мы направимся?

— В мою вотчину. Деревянный домик в конце залива. В этот вечер моя жена принадлежит только мне...

Глава 9. Счастье

Их лошади неторопливо бежали вдоль берега.

— Куда вы меня увлекаете? — спросила Анжелика.

— Я же сказал, что у меня есть маленький замок, где можно безмятежно предаваться любви... как на берегу Гаронны.

Анжелике сразу вспомнилась та тихая ночь в далекой Аквитании, когда он привез ее в замок неподалеку от Тулузы, чтобы обучить волшебной науке любви...

Дикие порывы ночного ветра били всадникам в лицо, а когда они подъехали к сооружению, названному Жоффреем «замком», шум моря настолько усилился, что заглушал их голоса. Однако внутри деревянного форта было поистине роскошное убранство. Здесь хранились драгоценности, произведения искусства, сложные инструменты. Стены до самого потолка были увешаны всевозможным оружием. Аромат благовонного масла смешивался с аппетитным запахом дичи и прочих, стоявших на столе яств, окруженных грудями фруктов. Венчали угощение золотистые початки жареной кукурузы.

Жоффрей де Пейрак, наполнив бокалы рябиновым вином, отпустил слуг и внимательно окинул взглядом стол. Стоя у окна, Анжелика не спускала с мужа глаз.

«Он всегда останется настоящим сеньором», — подумала она. Он обладал благородными манерами, так восхищавшими ее в Филиппе: способностью сопротивляться силам природы, которая стремилась вернуть человека в первобытное состояние, заставляя пренебрегать такими достоинствами, как учтивость, чувство прекрасного... Как Филипп бросил вы зов вой не в золотых доспехах и кружевных манжетах, так и Жоффрей встречал все невзгоды с неизменным изяществом.

Анжелика ничего не ведала о его трудных дорогах, не догадывалась, что и ему приходилось нелегко. Резке очерченные в зыбком свете свечи шраму на лице, непринужденная походка, стоившая ему невероятных усилий, утраченный, увы: навеки, голос были тому свидетельствами. Он казался выкованным из стали, готовым к новой жизни с ее победами и поражениями надеждами и, может быть, разочарованиями, кто знает?..

Сердце Анжелики щемило от жалости и нежности к нему. Ей хотелось всегда быть рядом с ним, ухаживать за его ранами. Разве она не была его женой? В их разлуке виновата только судьба... Нуждается ли он теперь в ее

заботе, прожив долгие годы без нее?

— Нравится ли вам моя обитель?

Анжелика повернулась к узкой бойнице, через которую доносился грохот волн. Она долго думала и наконец ответила:

— Малютка Гаронна была спокойней этого гневного океана. Под луной она сверкала, как тонкая серебряная нить. Едва заметный бриз приносил благоухание, а этот ужасный ветер пытается погасить свет.

— Но и молоденькая новобрачная с берегов Гаронны была наивной и уж, конечно, безобидней той, которую я привел сегодня вечером в свое логово на краю света.

— А ее супруг менее грозный, чем тот, которого она встретила сегодня.

Они беззаботно смеялись, не сводя глаз друг с друга. Анжелика закрыла деревянный ставень, и комната сразу приобрела таинственную интимность.

— Как странно, у меня такое ощущение, что за нее испытания мне воздается сторицей. Я считала, что покинула навсегда землю своих предков. Могу ли я сказать, что окружающие леса напоминают мне Нейльский лес? Да, но только многократно увеличенный, еще более красивый и густой. По-моему, это касается и всего остального. Все здесь необъятное, великолепное. Жизнь, будущее... наша любовь.

Последние слова женщина произнесла так тихо, с боязнью, что он, похоже, их не расслышал. Однако граф тут же продолжил ее мысль:

— Я вспоминаю, что моя небольшая резиденция у Гаронны была заполнена безделушками, но бьюсь об заклад, что сегодня все эти украшения больше подходят вашему воинственному настроению.

Жоффрей заметил, с каким восхищением Анжелика рассматривала коллекцию оружия. Она хотела сказать, что ее интересуют другие, более подходящие женщине вещи, но вовремя остановилась, уловив в его глазах лукавые огоньки.

Приглашая жену к столу, граф спросил:

— Я могу надеяться, что вы отдадите должное приготовленным для вас лакомствам? Хотя они, конечно, уступают тем, которые подавали при дворе короля.

Анжелика покачала головой.

— Я изголодалась совсем по-другому...

— Почему же?

Она с волнением ощутила, как его руки легли ей на плечи.

— Смею ли я надеяться, — прошептал он, — что вас заинтересовали

меха на этом просторном ложе? Они действительно роскошны, и я выбирал их, мечтая о том, как вы будете в них прекрасны...

— Вы мечтали обо мне?

— Увы!

— Почему «увы»? Неужели я вас так разочаровала?

Вся дрожа, она обняла его плечи. Вместе с восхитительной лихорадкой желания пробудилось искусство любви, которому он когда-то обучал свою юную жену... Ах, только бы снова обрести счастье в его объятиях, и она докажет свою благодарность за его страстные ласки, как никакая другая женщина на свете.

Жоффрей с восхищением увидел, как расширяются глаза Анжелики, превращаясь в два бездонных колодца. Когда он опускал ее на ложе, прекрасные руки страстно сплелись на его мужественной шее.

Она сама нашла его губы.

Бесконечная ночь... Ночь нежной любви, страстных поцелуев, пламенных объятий...

В объятиях того, кого она любила и столько ждала, восхищенная Анжелика вновь превратилась в загадочную Венеру ночей любви, которая доводила до изнеможения любовников, заставляя их потом страдать. В шуме бури исчезали воспоминания...

— Если бы ты остался со мной... — вздыхала она.

И она знала, что если бы он остался тогда с ней, в ее жизни никогда бы не было никого, кроме него, и он сам никогда не смог бы ей изменить. Ибо никому не суждено было узнать то бесконечное счастье, какое они испытали, отдаваясь друг другу.

Сладостная истома разливалась по усталому телу Анжелики. Она верила, что ее жизнь течет по другому руслу, где ночи будут приносить не одиночество, а часы опьянения любовью и нежностью.

Она будет спать с ним рядом каждую ночь в безмятежном покое, при всех удачах и неудачах. А их дни будут заполнены открытиями и победами.

...Анжелика сладко потянулась в серебристо-белых мехах. Лампы были погашены. Слабый свет проникал из-за деревянного ставня. Жоффрей уже встал и успел одеться. Он пристально смотрел на нее своим загадочным взглядом.

Но Анжелика больше не опасалась его подозрений. Она ласково улыбнулась ему.

— Вы уже встали?

— Самое время. Индеец, прискакавший утром галопом, сообщил о

приближении каравана из Бостона. Если я смог оторваться от наслаждения этого ложа, то уж, поверьте, не потому, что вы тому виной. Ваши способности оказались поистине неисчерпаемы.

— Вы недовольны мной?

— Гм-м, вы загнали меня в тупик. Не буду утверждать, что ваши усилия этой ночью не пробудили во мне былую ревность. Я тщетно пытаюсь вспомнить, действительно ли я сам довел вас до такого совершенства в любви? Словом, признаем, что всем этим вы обязаны своему учителю и что ему не подобает чувствовать себя неудовлетворенным.

Он склонился над Анжеликой, любуясь ее беспорядочно разбросанными в мехах волосами.

— И она рядится в бедную набожную служанку! И она обводит вокруг пальца гордых гугенотов и заставляет их попасть впросак! А часто вы так шутите, богиня?

— Гораздо реже, чем вы. Я никогда не умела по-настоящему хитрить, разве что при угрозе смертельной опасности. Жоффрей, я никогда не разыгрывала перед вами комедий, ни прежде, ни теперь, я всегда сражалась с вами с открытым забралом.

— Тогда вы самое удивительное творение, самый драгоценный камень, переливающийся всеми цветами радуги...

— Я всегда любила вас больше всех.

— Я сам начинаю убеждаться в этом. А вы считаете, что наше сражение, принявшее такой приятный оборот, уже закончено?

— Надеюсь, что да, — в ее голосе появилось беспокойство.

С задумчивым видом он покачал головой.

— Есть еще некоторые ваши поступки в прошлом, которые остаются для меня тайной.

— Какие же? Я вам все объясню.

— Не стоит. Я не доверяю объяснениям. Я хочу увидеть вашу искренность.

И отвечая улыбкой на ее встревоженный взгляд, добавил:

— Вставайте, дорогая. Нам надо ехать навстречу каравану.

Глава 10. Последний сюрприз

Всадники остановились в пустынном месте, где сквозь туман, словно эхо, слышалось множество голосов. Анжелика осмотрелась вокруг.

— Я ничего не вижу. Что это?

Ничего не ответив, Жоффрей де Пейрак соскочил на землю. Вид у него был немного рассеянный. Увидев его замешательство, она была немного уязвлена тем, что муж не хочет поделиться с ней своими опасениями.

Граф подошел к ней и протянул руки, помогая спрыгнуть с лошади. Улыбка его была полна невыразимой нежности, но взгляд оставался суровым.

— Что с вами?

— Ничего, душа моя, — ответил он, прижимая ее к себе и увлекая в сторону деревьев.

— Разве я не говорил, что этот день самый прекрасный в нашей жизни?

Анжелика заметила, что он был взволнован. Его беспокойство передалось ей. Ее счастье было еще таким хрупким, что она трепетала при мысли о каком-нибудь непредвиденном обстоятельстве, которое снова похитит Жоффрея у нее.

— Когда погода ясная, жизнь кажется более легкой, — сказала она громко, словно пытаясь освободиться от чьих-то чар. — Но когда эту землю окутывает туман, все покрывается тайной. Возможно, из-за этого люди так привязываются к этой стране. Живешь в плену ожидания чего-то очень хорошего.

— А я и привел вас сюда только потому, что приготовил действительно приятный для вас сюрприз.

— После того, что я нашла вас, вряд ли меня можно чем-нибудь обрадовать.

По мере того, как они продвигались вперед, шум моря, в который вплетались человеческие голоса, становился все громче.

Вскоре они подошли к нагромождению скал. Теперь голоса людей звучали совсем близко, но определить, сколько их и откуда они доносятся, было невозможно.

По-прежнему никого не было видно, и это вызывало тревогу. Наконец, Анжелике удалось разглядеть в море черные точки — головы отважных

пловцов.

— Это дети туземцев, они заняты своей любимой игрой.

Игра заключалась в умении пристроиться на пенном гребне самой высокой волны, ринувшись вместе с ней в черное отверстие грота, где она разбивалась. Искусство пловца определялось той ловкостью, с которой он взбирался по каменной стеке, ускользая от грозного удара волны. Затем он появлялся на вершине и бросался вновь в воду, чтобы начать все сначала.

Анжелика в каком-то оцепенении следила за отважными детьми, лихорадочно пытаясь вспомнить, где могла видеть подобное зрелище. Она повернулась к мужу и хотела было поделиться своими сомнениями, но прозвеневший в этот миг ликующий детский голос из грота развеял мрак, окутавший ее память.

...Все это было как во сне, но не ее, а Флоримона. Анжелике послышался голос сына, сказавшего вечером в замке де Плюсси, когда над ними нависла смертельная угроза: «Я видел во сне отца и брата. Кантор летел на гребне громадной белой волны и звал меня. Он сейчас в стране, где много радуг...»

Глаза Анжелики широко раскрылись от изумления. Видение Флоримона воплотилось перед ней в жизни. Сквозь листву проглядывали многочисленные радуги, внизу вздымались белые волны...

— Что с вами? — с беспокойством спросил граф.

— Я не знаю, что со мной происходит, — Анжелика сильно побледнела. — Я уже видела эту картину. Вернее, не я видела... Но как это можно увидеть в действительности, — прошептала она, обращаясь к себе. — У детей бывает дар провидения.

Она не смела произнести имя Флоримона. Исчезнувшие сыновья послужили поводом самых горьких упреков ее мужа.

— Но, что же все-таки с вами? — повторил граф, нахмутив брови.

Она попыталась улыбнуться.

— Теперь уже ничего. Меня посетило какое-то странное видение. Я все объясню вам позже. Караван уже близко?

— Поднимемся на этот холмик, и мы их увидим. Я слышу топот лошадей, но узкая тропинка не позволяет им двигаться быстрее.

С небольшой возвышенности, куда они взошли, уже можно было различить между деревьями приближающийся многочисленный отряд. Колеса повозок скрипели по каменистой дороге. Среди листвы покачивались разноцветные перья. Что это — уборы индейцев-носильщиков? Нет, они украшали шляпы двух всадников, скачущих впереди отряда. Одновременно с их появлением на опушке леса

послышались звуки музыки. Жоффрей де Пейрак протянул руку.

— Вы видите их?

— Да.

Она прикрыла глаза рукой, чтобы лучше рассмотреть приближающихся всадников.

— По-моему, это совсем молодые люди. Один из них держит гитару...

— Слова замерли у нее на губах. Рука бессильно упала. На какое-то мгновение она почувствовала, как силы ее покидают. Она умирала, но видела... Она ясно видела их... этих юных всадников. И если первый не вызывал сомнений в своей реальности, то второй — паж с гитарой мог быть только призраком...

Они приближались. Мираж начал рассеиваться. С каждым мгновением их черты становились все более явственными. Это был Флоримон, с его сияющей улыбкой. Флоримон!

Он спрыгнул с лошади и воскликнул:

— Матушка!

С протянутыми руками Флоримон бежал к холму. Анжелика хотела броситься к нему, но земля уходила из-под ее ног... Она упала на колени и прижала к груди сына, склонившего свою темноволосую голову ей на плечо.

— Ах, матушка, наконец-то! Я послушался тебя, я бежал, чтобы найти отца и попросить у него помощи. И он прибыл вовремя, раз ты здесь. Солдаты не сделали тебе ничего плохого? Королю не удалось бросить тебя в тюрьму, я счастлив, так счастлив, матушка!

Анжелика изо всех сил прижимала его к себе.

— Я знала, сын мой, — шептала она внезапно охрипшим голосом, — всегда знала, что найду тебя. А ты нашел эту Страну Радуг, пригрезившуюся тебе?

— Да... и я их нашел здесь: отца и брата. Мама, посмотри... Это же Кантор!

Другой юноша стоял в нескольких шагах от них. В глубине души он завидовал Флоримону, не стеснявшемуся своих чувств. Как долго он, Кантор, не видел мать? Узнает ли ее в этой растерявшейся женщине, неистово прижимающей к себе Флоримона?

Но вот она позвала его, раскрыв свои объятия и неудержимая сила бросила сына к ней. Теперь он уже нашел приют в материнских руках. Кантор узнал аромат ее волос, пробудивший столько воспоминаний.

— О, дорогая мама!

— Дети мои! Но это невозможно... Ведь Кантор не может быть здесь!

Он погиб на Средиземном море!

Флоримон звонко рассмеялся.

— Значит, ты не знаешь, что отец напал на флотилию герцога де Вивона только потому, что Кантор был на борту одной из галер? Он знал об этом и решил забрать его с собой.

— Он знал об этом...

Это были первые слова, дошедшие до сознания Анжелики с того волнующего момента, когда она узнала в двух всадниках дорогие черты так долго оплакиваемых сыновей.

— Он знал об этом, — повторила она.

Итак, все это было не сном. Прошли годы, а оба сына были живы и здоровы.

Когда она полностью пришла в себя, первое, что почувствовала Анжелика, была ярость. Она поднялась, и прежде, чем Жоффрей догадался о ее намерении, ударила его по щеке.

— Вы все знали! — кричала она, обезумев от досады и боли. — И не могли мне сказать! Вы заставили меня рыдать от отчаяния, вы наслаждались моими слезами и страданиями! Вы чудовище! Вы ненавидите меня! Вы ничего мне не сказали ни в Ла-Рошели, ни во время морского пути... Ни той ночью, ни даже этой ночью. Ах! Как я любила такого жестокого человека. Я больше не хочу вас видеть.

Графу еле удалось удержать ее.

— Оставьте меня, — закричала Анжелика, пытаясь вырваться, — я никогда вам этого не прощу! Теперь-то я знаю, что вы не любите меня... Вы никогда не любили меня! Пустите!

— Куда же вы хотите бежать, сумасшедшая?

— Подальше от вас... навсегда.

Силы ее иссякли в неравной борьбе. Опасаясь, как бы Анжелика не вырвалась и не совершила какой-нибудь безрассудный поступок, де Пейрак крепко держал ее. Анжелика почувствовала, что теряет сознание.

— О, мои сыновья, — успела только простонать она.

— Уф! Наконец-то! И напугали же вы меня!

Анжелика пришла в себя. Она лежала на ложе из листьев в индейской хижине, куда ее в глубоком обмороке принес муж. Первым побуждением женщины было оттолкнуть того, кто склонился над ней.

— Нет, я не люблю вас больше, господин де Пейрак, вы сделали мне слишком много зла.

Ему удалось сдержать улыбку и, поймав ее руку, он произнес слова, которые она еще никогда не слышала от него:

— Прости меня.

Анжелика бросила беглый взгляд на его благородное лицо со следами тяжелых испытаний. Она почувствовала, что слезы подступают к горлу, и гордо подняла голову. Нет, она не простит! Он позволил себе играть ее материнскими чувствами. Его бесчувственность дошла до того, что он посмел мучить ее упреками в равнодушии к детям в то время, как сам прекрасно знал, что они находятся в Америке. Это он спровоцировал «смерть» Кантора, не думая о слезах, которые прольет она, узнав об исчезновении сына.

Это только подтверждало ее подозрения, что он никогда не питал к ней искренней любви. Она хотела подняться, чтобы уйти, но слабость не позволила освободиться от удерживающих ее рук Жоффрея.

— Прости меня, — повторил он совсем тихо.

Чтобы не видеть этот умоляющий взгляд, она уткнулась лицом в его плечо.

— Вы знали и не захотели мне ничего сказать. Даже этой ночью вы ничего не сказали... даже этой ночью...

— Этой ночью? О, душа моя! Ты полностью захватила меня. Этой ночью ты отдавалась мне вся до конца, и я не хотел, чтобы между нами был еще кто-то. Довольно я делил тебя со всей вселенной. Поверь, дорогая, я был суровым и порой несправедливым, но я не обращался бы с тобой так, если бы не любил тебя. Ты оказалась единственной женщиной, заставившей меня страдать. Мысль о твоих изменах долгое время жгла мое сердце раскаленным металлом. Сомнения отравили мои воспоминания... Ты представлялась мне легкомысленной, бессердечной, равнодушной к судьбе своих детей. После нашей встречи я разрывался между моими сомнениями и непреодолимым влечением к тебе, хотел узнать, какой ты стала, ибо подозревал в притворстве. Я вновь нашел свою жену, но не был уверен, что обрел мать моих сыновей... Я хотел узнать то... что увидел своими глазами при неожиданной встрече с детьми.

— Мне показалось, что я умираю, — пожаловалась она. — Ах, я действительно чуть не умерла из-за вашего коварства.

— Испуг, который я испытал, увидев тебя в таком потрясении, был заслуженным наказанием за мое недостойное поведение. Но кто мог подумать, что ты так их любишь?

— Вы не имели права сомневаться в этом, я их воспитала, я отдавала им последний кусок хлеба, я про...

Она на полуслове прервала фразу «...продавала себя из-за них». Но эти произнесенные слова вызвали еще большее ее раздражение.

— Я сделала им зло только в тот день, когда, стремясь сохранить верность вам, отвергла домогательства короля, и теперь очень сожалею об этом. Я навлекла на себя неопишемые несчастья из-за человека, который даже не питал ко мне уважения, который пренебрегал мной и отрекся от меня... Который не заслуживает того, чтобы женщина хранила ему верность до самой смерти! Вы! Женщины настолько вас избаловали, что вы вообразили себе, будто можете безнаказанно играть с их сердцами.

— Тем не менее, — сказал де Пейрак, показывая на свою щеку, — вы дали мне пощечину, сударыня.

В глубине души Анжелика смутилась при напоминании о ее поступке. Но она ничуть не собиралась в этом раскаиваться.

— А я об этом и не жалею. Хоть один раз, господин де Пейрак, вы получили должное за ваши розыгрыши дурного тона и... — она посмотрела ему прямо в лицо, — ...за ваши измены тоже.

Граф принял этот удар с обычным хладнокровием, только в глубине его глаз вспыхнул озорной огонек.

— Ну что ж, мы квиты?

— Не спешите, сударь, — сказала Анжелика, чувствуя, как к ней возвращаются силы.

Да, его измены! Все женщины, которыми он заполнял свое существование в то время, как на нее обрушилось столько невзгод... и его равнодушие к участи той, кто была матерью его детей... Жоффрей отвел ее голову назад и очень осторожно вытер мокрые от слез щеки.

— Прости меня, — сказал он в третий раз.

И Анжелике пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы отвернуться от склонившихся к ней губ.

— Нет, — ответила она глухо.

Но граф прекрасно понимал, что пока он держит жену в объятиях, у него есть верное средство, чтобы покорить ее. Его руки преграждали ей путь к бегству, охраняли, убаюкивали, ласкали... Кто из женщин не мечтает этом плене, имя которому — любовь!

Придет вечер и скрепит их примирение. Вечером она снова будет в его объятиях. Все их вечера...

Ночью она сможет одним движением разжечь их страсть. А днем будет греться в лучах его любви.

— Как я малодушна, — вздохнула она.

— Bravo! Вашей властной натуре и красоте как раз не хватало малодушия. Будьте малодушной, будьте слабой, моя дорогая. Это так вам к лицу!

— Я должна была бы вас ненавидеть...

— Не лишайте себя такой возможности, любовь моя, при условии, что вы и впредь будете любить меня. Не считаете ли вы, дорогая, что нам пора уже присоединиться к нашим юношам и порадовать сердечным согласием их родителей? Им есть о чем вам рассказать.

Анжелика шла неуверенно, как после тяжелой болезни. Невероятное видение не исчезало: Флоримон и Кантор стояли в любимой позе, как в детстве, прислонившись друг к Другу, — и ждали их. Это был самый прекрасный день в ее жизни.

Флоримон считал, что в его похождениях не было ничего особенного. Он уехал со своим близким другом Натаниэлем, не предполагая, что через несколько часов их семьи погибнут в кровавом побоище. После непродолжительных странствий они устроились юнгами в одном из британских портов. Навязчивая идея Флоримона отправиться в Америку на поиски отца нашла подтверждение, когда после высадки в Чарлстоне он встретился, наконец, с коммерсантами, знакомыми с графом де Пейраком, который заказал у них в Бостоне корабль для плавания в северных морях. Когда отец начал исследовать берега Мэна, один из друзей доставил к нему его старшего сына.

Рассказ Кантора был еще короче. Он уехал на поиски отца в море, и в один из первых дней плавания тот появился на великолепном корабле, приняв в объятия Кантора.

Флоримон и Кантор, умолявшие графа отправиться на поиски матери, ничуть не были удивлены, когда увидели, что он вернулся вместе с ней.

Глава 11. «Ты принадлежишь нам»

— А куда делся аббат? — вдруг спросил Флоримон.

— Какой аббат?

— Аббат из Ледингъера.

Анжелика смешалась. Как объяснить этому восторженному юноше, что его любимого наставника уже нет в живых: его повесили. Она была в нерешительности, но Флоримон, очевидно, и сам понял, в чем дело. Оживление погасло на его лице, и он отвернулся.

— Очень жаль, — вздохнул юноша, — я с радостью повидался бы с ним.

Флоримон сел на валун возле Кантора, задумчиво перебирающего струны гитары. Анжелика пристроилась рядом с сыновьями.

Братья, хорошо знавшие эти места, рассказывали матери об этом удивительном крае с его живописными бухточками, уютными долинами, где колонисты найдут вдоволь дичи и рыбы.

Вдоль моря тянулись песчаные пляжи. Онорина бегала по песку, собирала ракушки, раскладывала их на коленях Анжелики.

— Отец сказал мне, что Шарль-Анри погиб, — продолжал Флоримон. — Его убили драгуны короля?

Анжелика молча кивнула.

— И аббата тоже?

Не услышав ответа, молодой человек, встал и обнажил шпагу.

— Матушка, — взволнованно начал он, — я клянусь отомстить за них обоих, клянусь уничтожить солдат короля, которые попадутся мне под руку! Я никогда не прощу убийства малютки Шарля-Анри.

— Нет, Флоримон, не надо. Никогда не давай таких клятв, не произноси таких слов! Отвечать на несправедливость ненавистью? На злодеяние — кровавой мстью? Куда это тебя приведет? К несправедливости, к злодеяниям, и все начнется сначала.

— Так может говорить только женщина, — бросил Флоримон, весь дрожа от возмущения и горя.

Он наивно думал, что в жизни все само собой улаживается: если ты беден, то достаточно твоего желания, чтобы стать богатым, если ты вызвал чью-то зависть и тебе угрожает яд, надо сохранить хладнокровие, чтобы избавиться от смерти. И вот теперь впервые в жизни он столкнулся с непоправимым — со смертью Шарля-Анри.

— Он действительно умер? — спросил он нерешительно, надеясь в душе на чудо.

— Я сама похоронила его...

— Значит, я никогда больше не увижу моего брата, — его голос изменился. — А я так хотел... Я ждал его... Я подготовил для него так много интересного... Для чего же я все это делал?

Его тонкая шея вздрагивала от сдавленных рыданий.

— Ах, — порывисто воскликнул он, — почему ты помешала мне увезти его с собой, когда еще было время? Почему я не вернулся, чтобы убить тех негодяев?

Он несколько раз взмахнул шпагой, словно поражая невидимых врагов.

— Бог не должен был допустить этого! Я не буду больше ему молиться.

— Не богохульствуй, Флоримон, — строго сказала мать. — Твое возмущение бесплодно. Надо смотреть в будущее. Ты не задумывался над тем, какое чудо, что мы сейчас все вместе? Я тоже десятки раз встречалась со смертью и, казалось, не должна была находиться здесь.

Он вздрогнул и пристально посмотрел на нее блестящими черными глазами, полными юношеского огня.

— Это немислимо, ты не можешь умереть! Флоримон опустился перед ней на колени, обнял за талию и прижался лбом к ее плечу.

— Матушка, дорогая, ты будешь жить вечно...

Анжелика улыбнулась, чувствуя щемящую нежность к этому великану, оставшемуся в душе ребенком, нуждающимся в ее совете, участии и утешении матери. Она погладила его лоб, пышные черные кудри.

— Ты знаешь, что родившегося прошлой ночью ребенка назвали Шарль-Анри? Может быть, вместе с ним к нам вернулась душа твоего несчастного брата? И ты сможешь со временем научить его и других всему, что ты знаешь.

— Хорошо.

Флоримон задумался, нахмутив брови.

— Я знаю уже достаточно много. По-моему, вся эта детвора, которую вы привезли сюда, умеет только, запинаясь, читать Библию, и их надо учить по-настоящему! Я готов побиться об заклад, что они не могут отличить кварц от полевого шпата и даже не представляют себе, что такое настоящая охота. Не правда ли, Кантор?

Не дождавшись ответа от увлеченного музыкой брата, он начал

рассказывать, как их приобщали к условиям дикой жизни. Они с Кантором уже умели на лету сбивать стрелы, пущенные их товарищами, были искусны в зимней охоте, рыбной ловле с гарпуном. Этому научил их сам отец. Пронзив насквозь рыбу, бросаешься в ледяную воду, чтобы вытащить добычу на берег. И чувствуешь себя прекрасно!

Отличные пловцы, они не боялись отправиться на легкой пироге по самым бурным потокам, не желая уступать грозных водопадов лососям.

— А я-то представляла себе, как вы, все в чернилах, высунув языки, учитесь в Гарвардском колледже, — поддразнила их Анжелика.

Флоримон вздохнул.

— И этим тоже приходится заниматься. Значительную часть года они проводили за партами знаменитого учебного заведения. Америка возлагала большие надежды на образование. Так что Флоримону нужно было быть первым в математике и естественных науках. Но он чувствовал полноту жизни только в лесу, и отец согласился взять его в экспедицию. Возможно, они дойдут до зеленых Аппалачских гор, где охотятся на черных медведей, а может быть, и еще дальше, до страны Великих Озер, где берет начало Отец Вод...

— Но говорят, что в Мэне тоже много озер?

— Вот невидаль?! Мы называем их прудами...

— Мне начинает казаться, ты на пути к тому, чтобы стать траппером, как Краули или Перро.

— Это моя мечта, но как трапперы они для меня недостижимы. Отец твердит нам, что наше время требует больше знаний, чем прежде, чтобы успешнее проникать в тайны природы.

— И Кантор разделяет твои наклонности?

— Конечно... Потому что он гораздо сильнее в «игре на волне», хотя, надо признать, что он начал увлекаться ею гораздо раньше меня. И, как моряк, он лучше меня, потому что раньше начал плавать. Я научился на корабле только сдирать кожу с пальцев об узлы каната, а он умеет определять пройденный путь с помощью секстанта, Полярной звезды и солнца.

Очевидно, мысли настолько опережали его речь, что он замолчал.

Кантор по-прежнему играл, улыбкой подтверждая слова брата. Непосредственность старшего сына не исчезла за годы разлуки. Флоримон и в детстве был с матерью на «ты». Не просто складывались отношения с Кантором. Анжелика рассталась с совсем маленьким, но уже тогда скрытным ребенком, прожившим столько лет без женской ласки.

— А ты. Кантор, помнишь что-нибудь из своего детства?

Он смущенно опустил голову и провел пальцем по орунам гитары.

— Мне вспоминается Барба. Почему она не приехала?

Усилием воли Анжелике удалось не выдать себя. На этот раз у нее не хватило мужества сказать правду.

— Барба оставила меня. У меня уже не было маленьких детей, требующих ухода. Она вернулась в свою деревню... она... она вышла замуж.

— Тем лучше, — сказал Флоримон. — Впрочем, сейчас она считала бы нас по-прежнему малышами, а мы ведь уже давно выросли.

Кантор, набравшись смелости, посмотрел на мать широко раскрытыми зелеными глазами и спросил:

— Матушка, вы окончательно решили всегда и во всем слушаться моего отца?

Вопрос удивил ее и она не смогла этого скрыть.

— Конечно, ваш отец — мой муж, и я должна подчиняться всем его требованиям.

— Я спрашиваю потому, что сегодня утром вы не выразили покорности ему. Мой отец — человек сильной воли, и он не потерпит сопротивления. Вот мы, Флоримон и я, боимся, что все это плохо кончится, и вы снова покинете нас.

Услышав этот упрек, Анжелика покраснела от смущения. Овладев собой, она решила, что лучше будет сказать детям всю правду.

— Но ваш отец вообразил, что я не люблю вас, что никогда вас не любила! Как я могла не выйти из себя? Вместо того, чтобы успокоить мое материнское сердце, он скрывал от меня, что вы живы. Неожиданная радость чуть не свела меня с ума. Я хотела отомстить ему за то, что он заставил меня страдать, хотя уже давно мог успокоить одним словом. Но не бойтесь ничего! Мы с вашим отцом теперь знаем то, что соединило нас навсегда и что нельзя разрушить мимолетными ссорами.

— Значит, вы все-таки любите его?

— Люблю ли я его? Это единственный человек, покоровший мое сердце, ему я готова отдать свою жизнь. Долгие годы я считала его мертвым. Я должна была сама бороться, чтобы жить и дать возможность жить вам, дети. Но я никогда не переставала скорбеть о нем и оплакивать его. Верите вы мне?

Они молча склонили головы, прощая ее. Родители не всегда бывают благоразумны. Но главное в том, что они любят друг друга и не намерены разлучаться.

— Значит, — настаивал Кантор, — вы не покинете нас?

Анжелика притворилась возмущенной.

— Но мне кажется, что вы что-то путаете, мои дорогие мальчики. Ведь это вы по собственной воле покинули меня, даже не попрощавшись и не думая о том, сколько слез я пролила, считая вас погибшими.

Они смотрели на нее с искренним удивлением.

— Представь себе, Кантор, что я испытала, когда мне сообщили, что ты утонул на Средиземном море со всем двором господина де Вивона.

— Вы плакали? — спросил он с восхищением. — И много?..

— Пока не заболела. Долгое время и искала тебя, мой ангел. Мне повсюду слышались звуки твоей гитары.

Кантор смягчился и вдруг стал похож на маленького мальчика из отеля дю Ботрен.

— Если бы я знал, — с сожалением проговорил он, — я бы в письме сообщил вам, что живу вместе с отцом. Но я просто не думал об этом, — признался он, — и к тому же, я в то время еще не умел писать.

— Оставим прошлое, мой дорогой! Теперь мы все встретились, и все хорошо. Все так прекрасно!

— И вы останетесь с нами? Вы будете посвящать свое время нам? Вы не будете заниматься другими, как раньше?

— Что ты хочешь сказать?

— У нас тут была перебранка с одним мальчиком... Как его зовут, Флоримон? Да... да Мартьяль Берне. Так он утверждал, что знает вас лучше, чем мы, что вы очень долго жили с ними и заменяли им мать. Но это неправда? Он совершенно посторонний вам. Вы не имеете права любить его так же, как и нас. Только мы — ваши сыновья!

Ревность детей привела Анжелику в восторг.

— Неужели мне суждено вечно жить среди ревнивцев, которые не могут мне простить ни малейшего недостатка? — спросила она, тронув Кантора за подбородок. — Во что я превращусь под такой суровой охраной? Но ничего не поделаешь, придется подчиниться судьбе.

Юноши рассмеялись от всей души. Мать казалась им самой прекрасной из женщин, самой обаятельной, самой обольстительной, когда тайны любви начинали волновать их воображение. Сердца сыновей переполняла наивная гордость, когда они узнали, что эта женщина — их мать, только их!

— Теперь ты принадлежишь нам, — сказал Флоримон, прижимая ее к своей груди.

Она обняла его с такой же нежностью.

— Да, я принадлежу вам, мои любимые.

— А как же я? — спросила Онорина, стоявшая рядом и внимательно следившая за ними.

— Ты?.. Но я уже давно принадлежу тебе, плутовка. Ты поработила меня!

Эти слова очень понравились девочке. Смеясь, она прыгала и кувыркалась от радости. Рассеялось томившее ее беспокойство. Вдруг Онорина упала навзничь на песок и, заложив руки за голову, спросила:

— А завтра будет какой-нибудь сюрприз?

— Сюрприз? Ты что, хочешь, чтобы каждый день были сюрпризы? Ведь у тебя теперь есть отец, братья... Чего же ты еще хочешь?

— Не знаю... А нельзя ли сделать маленькую войну?

Она задала этот вопрос с таким непосредственным видом, будто речь шла о куске сладкого пирога. Все покатались со смеху.

— Какая она забавная, эта малышка! — воскликнул Флоримон. — Я рад, что у меня такая сестра.

— Матушка, хотите я спою что-нибудь? — предложил Кантор.

Анжелика вглядывалась в лица своих детей. Они были живы и здоровы. Они любили жизнь, которую она им дала, и совсем не опасались ее. Ликование наполнило ее сердце, как благодарственный молебен.

— Хорошо, спой, сынок. Самая пора, Мне кажется, что сейчас самое время петь!

ЭПИЛОГ

Экспедиция отправилась в путь в последнюю неделю октября. К нанятым индейцам и испанским солдатам, на которых была возложена охрана каравана, присоединилось несколько матросов и трапперов. В трех повозках везли продукты, инструменты, меха и оружие.

Жоффрей де Пейрак и Никола Перро возглавили экспедицию и обоз тронулся, покидая окрестности Голдсборо. Небольшую остановку сделали в лагере Шамплена, затем продолжили путь в глубь леса.

За одну ночь осень вступила в свои права.

Воины в черных кирасах на белых и гнедых лошадях, бородачи с мушкетами, наконец, дворянин, похожий на конкистадора, казались сошедшими с одного из дворцовых гобеленов. Играющий на гитаре паж невольно подчинил своему ритму шаги, утопающие в зеленом мхе тропинки. Онорина сидела вместе со своим любимцем Флоримоном.

После того, как они преодолели брод, Анжелика получила весточку от мужа и, обогнав обоз, присоединилась к нему.

— Я хочу, чтобы вы были рядом со мной, — сказал граф.

Лицо Анжелики, окаймленное черным капюшоном, с изумрудными глазами и золотистыми волосами поражало своей загадочной красотой. Она всегда любила лес, и лес благоволил к ней.

— Я говорила, что обязана Нейлю? А здесь все величественнее, ярче.

Жоффрей де Пейрак пришпорил лошадь, поднимаясь на холм, и она последовала за ним.

— С этой высоты мы можем в последний раз полюбоваться морем...

Перед залитыми солнцем необъятными просторами моря полоса прибрежного песка казалась в легком тумане тонким розовым полумесяцем.

Немного дальше лагерь Шамплена напоминал о своем существовании непрерывным покачиванием деревьев. Он был подобен небольшому пятнышку в плотной ткани пейзажа. Едва различимые человеческие фигуры казались затерянными между двумя беспредельными стихиями — морем и лесом.

Тем не менее, это была жизнь, единственная связь с остальным миром.

Полюбовавшись величественным зрелищем, всадники свернули налево в лес. Занавес из деревьев опустился за ними, море исчезло. Их сопровождал только пышный эскорт вековых великанов в убранстве из

красных, оранжевых и золотых листьев.

Между ветвями сверкнуло сине-зеленое озеро. Склонившись к воде, утолял жажду лось. Его рога были похожи на темные крылья. Птицы наполняли своим пением лес. За хрупкими стволами берез, за мощной колоннадой дубов шла чередой своя жизнь...

Жоффрей де Пейрак взглянул на Анжелику, как будто еще в чем сомневаясь.

— Вас ничто не пугает? Вы ни о чем не жалеете?

— Пугает? Единственное, что меня может пугать, это то, что вы меня разлюбите. Сожаление?.. Да, я сожалею о долгих годах, прожитых без вас.

Он протянул руку и нежно привлек ее к себе.

— Мы постараемся быть вдвойне счастливы! Эта девственная страна, возможно, будет менее жестока к нам, чем пресыщенный Старый Свет. Природа благожелательна к влюбленным. Одиночество и опасность соединяют их, тогда как человеческая зависть старается их разлучить. Мы будем идти вперед, преодолеем все испытания... и всегда будем любить друг друга. Не правда ли, сударыня?

Жоффрей крепко прижал ее к себе. Губы Анжелики пытались ответить на поцелуи, которыми он осыпал ее лицо, ласково шепча:

— Моя героиня... моя амазонка... моя воительница... мое сердце... моя жена... моя душа...

Он нашел ту, что была ему необходима в жизни, так же, как и его собственное сердце. Он не представлял себе жену вне себя — чужую, даже враждебную. Она была в душе его единственным другом, живущим его помыслами и надеждами.

Он нашел тайну любви!

Прильнув друг к другу, супруги наслаждались мгновением безоблачного счастья, превративших их, простых путешественников, в паломников Любви.

— Ты для меня все, — сказал он.

Его ласковый голос переполнял Анжелику невыразимым счастьем. Сегодня она могла сказать, что несмотря на все испытания, добилась своей цели — найти его, быть в его объятиях, владеть его сердцем...

Жизнь открывалась их любви!